

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

КАРИНА ДЕМИНА

О БЕДНОЙ СИРОТКЕ
ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Королевский университет магии

Annotation

Маргарита знала, что в этой жизни ничего не достается даром. И если уж выпал шанс изменить свою жизнь к лучшему, то надо держаться за него и руками, и ногами, и новообретенным даром. А то, что окружающие насчет этого дара и самой Маргариты имеют собственные планы, так это исключительно их проблемы.

- [Карина Демина](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Эпилог](#)
-

Карина Демина

О бедной сиротке замолвите слово

© К. Демина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Девочка спешила навстречу любви.

Она не шла – летела, и босые ноги едва касались влажной крыши. Та еще блестела после недавнего дождя. Скоро взойдет солнце, и вода испарится, а с ней и остаточный след, который и без того был почти неуловим.

– Я знала, – она смотрела снизу вверх, и глаза ее сияли. – Я знала, что это – настоящее чувство.

– Конечно.

– Ты любишь меня... только меня...

Он коснулся пальцами ее лица.

Теплое.

Волосы мягкие и так знакомо пахнут травами. Лепесток ромашки запутался в кудрях, и темные круги под глазами ее не портят.

Почти.

– Я... так страдала.

– Прости.

– Ничего, – она вытерла несуществующую слезинку.

Притворщица.

Именно тогда он и решился.

– Ты хочешь, чтобы мы были вместе? Навсегда? – он прошептал это в розовое ушко, и то вспыхнуло, покраснело. – Тогда ты должна кое-что для меня сделать. Сумеешь?

Она кивнула.

И эта ее готовность сделать действительно все, что угодно, взбесила куда сильнее, чем признания. Она ведь и вправду сделает.

Все, что он ни попросит...

А он не будет просить много. Он возьмет ее за руку, теплая ладошка с крошечной меткой старого шрама. Пальчики тонкие, хрупкие. Ноготки... она так и не избавилась от привычки грызть их. Он потрогал эти ноготки и погладил шрам, прощаясь.

– Идем.

Она покорно шагнула на край крыши.

Солнце уже показалось, а значит, стоило поторопиться.

– Видишь, – он провел рукой в воздухе, позволяя иллюзии раскрыться, – нас ждут. Сегодня мы поженимся, а завтра расскажем обо

всем.

Он точно знал, что она видит.

Дорожку средь клиновидных маррантов. Узкие и высокие, с серебристыми листьями, которые марранты не сбрасывали и зимой, они напоминали диковинные пирамиды. Сиял белизной девичий кумарис, прозванный невестинным цветом. И редкие желтые пятна лютиков лишь подчеркивали искристую эту белизну. Мох наползал на камни...

Храм.

– Это...

– Здесь не спросят о дозволении родителей, – он поцеловал ее пальцы. – И никто никогда не скажет, что наш брак незаконен. Понимаешь?

Она кивнула, не сводя взгляда с нагромождения валунов, среди которых то тут, то там виднелись статуи. В отличие от храма их время не тронуло.

– Ты же понимаешь, что иначе нам не позволят...

– Д-да... – она обернулась. – А ты... ты уверен?

– Конечно.

Его начала раздражать эта нерешительность.

– Но если ты не готова... я не могу держать портал вечно.

И она решилась.

Один шаг.

Всего один шаг, и иллюзия задрожала, осыпалась ворохом разноцветных искр. Она только и успела, что коротко вскрикнуть. Звук удара был... неприятным. Почему-то он представлял это иначе, но... он выглянул, убеждаясь, что все прошло именно так, как должно.

Девушка лежала, распластавшись на каменных плитах. Ее изломанная фигурка с высоты седьмого этажа гляделась ненастоящей, кукольной. Ручки-ножки, кружевное платье, волосы светлым ореолом... даже в чем-то красиво, правда, он понимал, что эта красота – тоже иллюзия.

Стоило поспешить, а то мало ли...

Шлюха свое заслужила, но что-то подсказывало, что законники с такой постановкой не согласятся.

Глава 1

– Ну ты и с-стервь, – сказал Вадик, потирая ушибленное колено.

– А то! – Я пнула его по голени, уже без особого раздражения, но так, для острастки, добавив: – В следующий раз вообще яйца оторву...

Я вывернулась из теплых Вадиковых объятий.

Тоже мне... если мы пару раз прогулялись по парку, то теперь, значит, руки распускать можно? Я вытерла губы, раздраженно подумав, что день определенно не задался.

Сначала у мамашки приключился внеочередной приступ глобального чувства вины передо мной, которое она выплескивала в слезах и причитаниях. А значит, и думать нечего, к вечеру дозу найдет. И хорошо, если чего легенького, что только мозги отключит.

Надеюсь, хоть дружков своих на хату не потянет.

А с другой стороны, Танька всегда была не против поменаться на ночь.

Из дому я убегала, рывкнув, чтоб мамашка и не думала ширяться, потому что... просто потому, – ей мои аргументы до одного места.

Сбегала так быстро, что не разминулась с Софкой с первого этажа. Да и немудрено, в Софке два центнера весу, которые дорогу перекрывали надежней, чем холестериновая пробка сосуд. Характер у Софки соответствующий весу. Наши ее вообще ведьмой полагали, а потому относились уважительно, чем окончательно разбаловали.

– В мое время, Маргарита, – Софкино лицо было гипертонически красно, три подбородка надежно скрывали больную – а у такого человека здоровых органов однозначно немного – щитовидку от мира, – девушки не носились сломя голову.

– Так когда это было, баба Софа...

Она терпеть не могла, когда ей намекали на возраст, краснея еще больше. Круглый рот ее раскрывался, извергая слова, которые почему-то моего сознания не достигали. Может, потому, что это сознание давно научилось отсекалать несущественную информацию.

– ...Наплачешься ты еще, – донеслось в спину.

Куда уж больше-то?

На автобус я опоздала.

И до института пришлось нестись галопом. Срезать вот решила через узкую кишку Завязьего переулка, слепую, как аппендикс. А тут Вадик с его обнимашками, резво перешедшими в поползновения весьма определенной

направленности.

Еще и поцелуй слюнявые.

От слюней чужих меня мутило, а холодные Вадиковы лапы под кофтой лишь добавляли остроты ощущениям.

– Марго... ну чего ты? – он меня догнал и пошел рядом, огромный, нескладный и, честно говоря, не особо симпатичный. Наши-то дуры млели, правда, не от неземной Вадиковой красоты, а от осознания, что у этого гоблина собственная хата имеется и машина, и вообще кошелек у него пухнет от бабла.

Предки у него козырные.

Ага.

Предки, может, и козырные, и на сыночка единственного не жалеют тратиться, только сомневаюсь, что обрадуются они нищей невестке. А Вадичек пусть в грудь свою стучит, аки горилла в бубен, но без предковых благословений и дня не проживет.

Какого я с ним связалась?

Сама не понимаю. Никак помутнение нашло...

– Найди себе кого, – сказала я, пошевелив пальцами. Кажется, левая кроссовка готова была развалиться. В этом состоянии готовности они пребывали уже третий месяц, и я очень надеялась дотянуть до ноября. А там на зимние перейду... если хватит, на что купить.

– Марго, ты чего, обиделась, что ли?

Вадик засопел и поскреб небритый подбородок. Он наивно полагал, что щетина делает его более мужественным.

– Нет.

– А чего?

– Ничего, – я потерла шею. – Просто... не получится у нас ничего.

В Вадиковых полупрозрачных глазах застыла обида.

– Марго...

– Послушай, – сегодня я была зла, и злость требовала жертв. – Ты хороший парень, только... тебе подружка нужна. На месяцок-другой... третий, если выйдет. Чтоб не напряжно и без обязательств. А со мной так не получится. Или ты согласен и дальше за ручку держаться?

Вадик промычал что-то нечленораздельное. С речью у него вообще проблемы наблюдались, как и со способностью рассуждать, логикой и вообще мыслительными процессами. Именно поэтому и учился Вадик в нашей богом забытой ветеринарке, а не в столичном меде.

– Ты жжешь...

– Жгу, Вадюша, еще как жгу. – Я перекинула рюкзак на левое плечо. –

Мне жизнь строить надо... учиться. Профессию получать... работа опять же... и если уж влезать в отношения, то в такие, которые на всю жизнь.

– Шиза...

– Сам ты шиза, – я глянула на часы.

Так и есть, на пару опоздала безбожно, а первой у нас – Козлоногова стоит, у которой мало что память отменная, так и патологическая нелюбовь ко мне. Справедливости ради, Козлоногова всех студенток терпеть не могла, но меня выделяла как-то особенно – а зимой экзамен.

И придется туго.

На стипендию точно рассчитывать не стоит, хоть бы вообще не отчислили.

– Марго... – Вадик плелся сзади. – А Марго... ну ты чего такая загруженная, а? Расслабься...

Я закатила глаза. Как вот объяснить человеку, что сложно расслабиться, когда ты спишь по пять часов в сутки. Вечером еще клиенты – ничего сложного, Серафиму когти подрезать, он этого жуть как не любит, вот хозяева и не справляются. В Фимушке пятнадцать кило живого веса, что и для мейн-куна несколько многовато.

Уколы для Плюшки.

Промыть и закапать в глаза Аскольду, который, невзирая на малые размеры, отличался на редкость поганым характером. И проверить старика Фитца...

Потом созвониться с Танькой, договориться о подмене. В клинике вроде тихо, и если так, то получится поработать. Днем в читалку можно, а еще листовки и...

Я задумалась и не заметила, как Вадик отстал. Но в какой-то момент... Танька говорила, что у меня чутье, не знаю, может, и так, ведь что-то да заставило меня обернуться. Вадик стоял у стены.

Прижимаясь к стене.

Лицо его побелело. У губ появился характерный синеватый ободок. Глаза полуприкрыты. Дыхание поверхностное, неровное. Я слышала, как судорожно бьется ослабевшее сердце, готовое вот-вот запнуться, остановиться...

Проклятье!

И ведь меня же обвинят. А я ни в чем не виновата, от отказа не умирают, как и от пинка в колено, но... не с моим везением!

Какая-то часть меня билась в истерике, но тело само шагнуло к Вадиду. Руки легли на плечи, толкнули и удержали, не позволив просто свалиться на землю. Я опустила его, вяло удивляясь, откуда вообще силы

взялись: Вадик выше меня на голову и весит изрядно. Он качок, и значит, с сердцем должен порядок быть, а оно слабое-слабое.

И уже на земле я положила руки ему на грудь, приказав:

– Работай, чтоб тебя...

Надавила.

Я не знаю, что произошло, быть может, и самым невезучим положена капля удачи, но треклятое сердце трепыхнулось и застучало ровнее... ровно... и вообще нормально. Вадик задышал.

И открыл глаза.

– Марго, ты передумала? Поцелуй меня...

– Да пошел ты... – я икнула.

И кажется, готова была расплакаться, вот только слез не было.

Давно уже не было. А потому я вытерла сухие глаза рукавом и сказала:

– Кардиологу покажись, дубина.

На вторую пару я успела, и треклятая Козлоногова, естественно, не упустила случая спросить, где это нас носило. Ответить бы ей в рифму, да... сессия, будь она неладна.

...А его я узнала сразу. И еще удивилась, что он не изменился совсем. Тринадцать лет прошло, а он не изменился. От мамки моей тень осталась, страшная, выблекшая, с путаными волосами и глазами запавшими, а этот...

По-прежнему в костюме.

Синем.

Галстук с зеленой искрой и булавкой.

Белая рубашка.

Легкий плащ.

Кейс.

Стрижка.

И маникюр, кажется... нет, маникюр, надо полагать, из его новой жизни, в которую он ушел, не оглянувшись на нас с мамой.

– Маргарита? – а тон-то такой...

– Я за нее, – я скрестила руки. Надеюсь, дражайший папочка не думает, что я сейчас кинусь ему на шею, соплями от счастья захлебываясь.

– Ты выросла.

– Да неужели... какая странность.

– Сарказм тебе не к лицу. Идем.

– Куда?

Ответа меня не удостоили. Папочка повернулся спиной и направился к темной машине, припаркованной в месте, для парковки не

предназначенном. Я пожала плечами и направилась в противоположную сторону, если поторопиться, то успею на свой двадцать третий.

– Маргарита! – его окрик спугнул воробьев. – Маргарита, немедленно остановись!

Еще чего...

– Маргарита!

Я обернулась и спросила:

– Чего тебе?

Папочка выглядел злым. Нет, не просто злым, он был в ярости. Лицо побелело, а на щеках проступили алые пятна. Этак insult хватит, а мне оно надо? Мне одного болезного за день выше крыши.

– Ты как себя ведешь?

– Слушай, – я поправила сползающий рюкзак, в котором, помимо книг, уместилась почти свежая булка и бутылка йогурта. – Если ты пришел нотации читать, то опоздал маленько... лет этак на тринадцать.

Была надежда, что папочка смутится. Или скажет, что сожалеет... или не скажет, но хотя бы вид сделает, однако он лишь бровью дернул.

– Маргарита, ты обязана отправиться со мной.

– Нет. – Булку я съем чуть попозже... Серафимка живет возле парка, вот и... у Аскольда мне предложат чаю, и этого хватит на вечер. – Говорю ж, опоздал. Мне уже пять лет как восемнадцать исполнилось, а потому ничего и никому из вас я не обязана.

Папочка поморщился и щелкнул пальцами.

Все-таки раньше лицо у него было другим... более приветливым, что ли? И когда на маму смотрел, он улыбался... и...

Я открыла глаза.

Пахло кофе.

Корицей. Туалетной водой, но неназойливо. Кожей еще – и... мы ехали. Куда?

– Какого черта? – я открыла глаза.

– Маргарита, ты ведешь себя неподобающим образом.

Вот хрень...

Я потеряла глаза. Как он это провернул? Кино какое-то... дрянное кино, где героине пихают в рот хлороформовый платочек. Нет, папаша стоял далековато. Баллончик? Усыпляющий газ? Я бы заметила, и... не вяжутся подобные фокусы с пафосной папиной фигурой.

Вот сидит.

Смотрит перед собой.

Точеный профиль, жесткий подбородок. Височки пострижены по

линеечке... мудака.

– Я понимаю твое удивление, но все же тебе следует лучше контролировать свои эмоции. Полагаю, это сказывается дурная кровь твоей матери.

– Ага, а твоя, значит, хорошая... – Я потеряла виски. Голова слегка ныла, но и только. И во рту никакого химического привкуса. А он вообще должен быть? – Машину останови.

Папаша меня проигнорировал.

– Слушай, не знаю, что тебе вдруг от меня понадобилось, но давай ты опять забудешь о моем существовании, а? – Что-то происходящее мне нравилось все меньше. Воображение рисовало картины одну другой бредовой.

От неизвестного дедушки, который не нашел ничего маразматичней, как завещать мне несправедливо нажитые миллионы в обход папаше с новой его семьей, до тихой клиники, где меня разберут на органы.

– Это было бы правильно, – папаша поморщился. – Но к огромному нашему сожалению...

Нашему? Это он о себе во множественном числе говорит?

– ...инициированный необученный маг представляет потенциальную опасность для общества.

– Что?

– Твой дар проснулся, – отец поморщился, будто само это признание далось ему с немалым трудом. – Что накладывает на род определенные обязательства.

Бредит?

Шизофрения, она такая... не разбирает богатых и бедных, справедливая, стало быть...

– Я полагал, что гены твоей матери...

Магия существует.

Для избранных. Это в принципе не удивляло. Я уже успела понять, что в мире этом все люди делятся на избранных и прочих, к числу которых я себя и причисляла до недавнего времени.

Ан нет, оказывается, я маг.

Из древнего и славного рода, честь которого отныне я обязана холить, лелеять и всячески об оной заботиться, ибо само мое существование ставит наличие этой самой чести под вопрос. Нет, в формулировках папенька был обтекаем, но я давно уже научилась слышать не только слова.

Мне не будут рады.

Мягко говоря.

Но и бросить меня папенька не может, и отнюдь не потому, что совесть не позволяет. Совесть как раз молчит. Она у него воспитанная, зараза. А вот какой-то там Совет при королевском Анклаве сильно не одобрит, если вдруг где-то там объявится живой маг, не способный контролировать силу. Оно и правильно, этой самой силой, которую я в себе не ощущала совершенно, многое можно натворить. А главное, что поскольку количество одаренных не так и велико, то вычислить мою принадлежность к папенькиному семейству будет просто.

Вычислить и спросить, как так получилось?..

– Ты должна помнить, что...

Я прикрыла глаза, мысленно закрываясь от папенькиного бубнежа. И как мне быть? Требовать, чтобы меня вернули?

Требовать могу, но что-то мне подсказывало, что требования эти услышаны не будут.

Сбежать?

Вариант, но...

Сбежать я успею, а воспользоваться шансом... если я и вправду маг, а магов не так много, следовательно, их ценят. И, научившись пользоваться собственной магией – бредовенько звучит, однако, – я получу неплохую возможность устроиться в жизни.

Целитель, полагаю, профессия не хуже ветеринара.

Да и целитель-ветеринар – люди меня несказанно раздражали – тоже вполне себе неплохо.

Выучусь.

Вернусь домой.

Маменька, правда... а с другой стороны, мое присутствие ей не мешало ширяться, отсутствие же она замечала редко. Поторговаться, чтобы за ней присмотрели? Или...

Машина остановилась.

– Надеюсь на твое благоразумие, Маргарита, – произнес отец таким тоном, что я осознала: лучше бы мне это благоразумие проявить.

Глава 2

А жили маги неплохо. Не знаю, все или же только те, которые происходили из древних и славных родов.

Структурированная зелень парка, разделенного сетью желтых дорожек.

Газоны.

Кусты неестественно аккуратных форм. Каменные вазы, цветы и бабочки. Темная гладь пруда где-то вдалеке. И огромная махина дома. Сложенный из темно-бурого камня, он гляделся этакою незыблемой громадиной, которую не всяким штурмом возьмешь.

Четыре этажа.

Никаких тебе излишеств в виде колонн и портиков. Яркая медь водостоков. Четырехскатная крыша с парой труб и флюгерами...

Уродливые статуи.

И узкие окна, забранные решетками.

Дубовая дверь и щит над ней – надо полагать, герб папенькиного славного рода, а на нем зверь неведомый с орлиной головой, львиными лапами и змеиным хвостом.

Лапы когтисты.

Хвост чешуйчат. А из орлиной головы выходит пара острых рогов.

Минут через десять я убедилась, что изнутри дом так же мрачен, как и снаружи. Дневной свет в окна почти не проникал, и местные коридоры утопали в сумраке, который обитателям дома был привычен, как, полагаю, и скрипящие полы, сквозняки и прочие прелести древних строений.

Когда-нибудь я куплю себе квартиру.

Она будет небольшой и светлой, в новом доме, чтобы не осталось в стенах и тени чужих воспоминаний. Я повешу на окна полупрозрачный тюль – исключительно для красоты.

– ...И ты полагаешь хорошей идеей притащить ее сюда? – Женщина в светлом брючном костюме не скрывала своего недовольства.

– Это мой долг, Амелия.

Вот, значит, какова она, новая папенькина любовь. Хотя, может, я и предвзята, но любовью здесь и не пахнет.

А она хороша.

Высокая. Статная. Светловолосая, причем или натуральная блондинка, или – слишком уж яркий платиновый оттенок у нее – стилист хорош. Лицо

узкое. Скулы высокие. Нос точеный. Губы вот великоваты, но это не портит женщину.

Длинная шея.

Нить жемчуга. И такая же – на руке, что нервно терзает салфетку. Но сдается, что с куда большим удовольствием наманикюренные эти пальчики вцепились бы мне в горло.

– Твой долг? – она вскочила и прошла по комнате, взмахнула рукой, и шелковый рукав скользнул по безделушкам на полке. – Твой долг состоит в том, чтобы позаботиться о дочерях...

– Она тоже моя дочь.

– Мило, что ты вспомнил, – я развалилась в кресле, не делая попытки соответствовать месту и компании.

– Боги, – трепетные пальцы прижались к вискам, и на мизинчике блеснуло золотое колечко. – Слухи пойдут... что станет с нашей репутацией... девочки... Мелисса...

Ага, то есть у меня имеется не только очаровательная мачеха, но и пара сестриц. Я поерзала, пытаюсь отрешиться от нехороших ассоциаций.

Золушки в себе не ощущала.

– ...Ее брак...

– О браке пока речи не идет, – отец поднялся. – Маргарита остается. Позже мы решим, что с ней делать.

А вот это мне совсем не нравится.

В каком смысле, решат? Мне казалось, что все более-менее ясно: меня обучат и пинком выпроводят в прекрасное светлое будущее, разорвав тем самым всякие связи.

– Мне пора. Позаботься о ней.

Интересно, его по голове не били? Оставить незаконнорожденную дочь на попечение законной супруги? Или он надеется, что Амелия мне яду плеснет, тем самым раз и навсегда решив проблему?

Она открыла рот.

И закрыла.

И молчала долго. Я тоже с разговорами не спешила, но, поставив на колени рюкзак, откопала булочку. Помялась? Ничего страшного. Йогурт тоже пришелся весьма кстати.

– Твой наряд отвратителен.

– Ага, – я шумно отхлебнула из бутылки.

– И манеры...

– А то...

Интересно, она просто пар выпускает или и вправду надеется выбить

меня из колеи?

– Необходимость... заниматься тобой не доставит мне ни малейшего удовольствия. – Амелия разглядывала меня, не скрывая раздражения.

Но...

Было что-то еще, помимо гнева.

И обиды.

Страх? Страх острый, как железная стружка, и привкус оставляет металлический. И главное, что как ни скрывай его, а все одно выберется, выдаст.

– Я не напрашивалась, – говорить с набитым ртом не слишком удобно, но...

Я же дикая.

И дурно воспитанная. И вообще дочь наркоманки, которая всенепременно пойдет проторенной дорогой и если еще не стала шалавой, то всенепременно станет.

Знаю.

Проходили.

Амелия поморщилась и, взяв со столика фарфоровый колокольчик, потрясла им. Минуты не прошло, как в комнате появилась квадратная тетка самого мрачного вида, и дело было отнюдь не в черном платье ее, которое и белый фартук не оживлял, но в выражении лица.

Поджатые губы.

Прищуренные глаза.

И плохо скрытая ненависть, причем отнюдь не к Амелии.

– Софра, – наманикюренный пальчик указал на меня, – проводи Маргариту в... желтую спальню.

Задумчивый взгляд.

Постукивание по столу.

– Озаботься ее гардеробом... что-то простое и более подходящее для юной девицы, нежели это...

Чем ей мои джинсы не угодили? Слегка потертые, но ведь чистые. А кроссовки... какие были на распродаже, такие и взяла. Меня саму розовый цвет и стразики выбешивают, но не признаваться же в этом.

– И покормите ее.

Что ж, если голодом морить не станут, уже хорошо.

Поселили меня на третьем этаже, в самом дальнем уголке дома, что и понятно. Комнатушка была угловой, тесной и довольно-таки мрачноватой. Желтая?

Вероятно, когда-то обои и вправду были желты, но давно... ныне цвет их, уныло-серый, вполне гармонировал с болотным оттенком занавесей.

Кровать.

Комод.

Шкаф на резных ножках и при короне.

Столик.

Крохотная ванная комната, но с ванной и горячей водой, что само по себе несколько примиряло с обстоятельствами. Узкое окно, в которое и кошка не пролезет. А главное, тяжелая дубовая дверь. Ее заботливая Софра заперла на ключ, не иначе, от беспокойства, что я с непривычки заблужусь в этом чудесном доме. Я подергала дверь, убеждаясь, что заперта она надежно, сунула палец в замочную скважину и хмыкнула: защита от дураков.

Позже.

Мало ли, вдруг да Софра или еще кто наблюдают за бедною сироткой? Пусть видят, что та тиха, мила и растерянна... подавлена даже. И вообще...

Я подергала дверцы шкафа. Внутри было пусто и пыльно, как и в комод. Похоже, здесь если и убирались, то в прошлом столетии. Ладно, мне не привыкать, сама порядок наведу.

Если сочту нужным.

Все же не давала мне покоя та папенькина фраза. Чудилось в ней что-то этакое, недоброе, а чутью своему я привыкла доверять. А значит... значит, вечером прогуляемся, послушаем, о чем говорят, пока же...

Софра отсутствовала недолго.

Явилась с парой платьев столь унылого вида, что становилось ясно: подбирала она их долго, тщательно и согласно невысказанному пожеланию хозяйки.

– Переоденься... – Платья кинули на кровать и, скривившись, добавили: – Не позорь род.

Платье на мне сидело... как на пугале и сидело. В груди тесновато, на талии болтается, и тонкий поясok лишь подчеркивает несуразность этого наряда.

Темная жесткая ткань.

Накрахмаленный воротничок. Кружевные манжеты. И два ряда пуговиц на лифе. Сомнительного пошиба красота, но я в принципе существо неприхотливое.

Длина до середины голени.

И с кроссовками моими смотрится оно слегка безумно, но, с другой стороны, неудобную одежду я еще могу потерпеть, а вот неудобная обувь –

это совсем иной коленкор. Туфли же, которые мне предоставили, мало того, что были сделаны из дубовой кожи, так еще и оказались на два размера меньше нужного.

Кормили здесь неплохо.

Стейк, правда, несколько остыл, салат явно был не первой свежести, но эти мелкие пакости аппетита мне не портили.

А дверь Софра по-прежнему запирала.

И возвращалась каждые полчаса, проверяя, на месте ли я. После проверки этак пятой она успокоилась и, видимо, пришла к выводу, что деваться мне некуда. Так-то оно так... теоретически. А практически дядя Леня, который кровным родственником не являлся, но представлял собой, выражаясь языком Софки, маргинальную язву на телесах приличного общества, мог бы мною гордиться. Замок я взломала быстро, благо был он несложным, хотя и несколько тугим, полагаю, от старости.

Ничего, смажем...

Вышла я из комнаты, когда за окном уже прилично стемнело, а Софра, забрав ужин – подали кашу, щедро сдобренную сухофруктами и сладкую до отвращения, – убралась и не вернулась. Я выждала с час, а то мало ли... вдруг мне молоко перед сном положено?

Молока не принесли.

И вообще крайне любезно забыли о моем существовании.

Я прислушалась к себе.

Время.

Определенно.

Дядя Леня, вор-рецидивист и в сущности человек широкой души, чего остальные не понимали, говорил, будто у меня чуйка такая, что, решишь я на карьеру, стала бы фартовой. Правда, тут же грозил тощим кулачком, приговаривая, что, мол, вздумаю дурить, мигом управу найдет.

Дурить я не думала.

Училась?

Я всему училась. То ли натура такая, то ли и вправду уже тогда чувствовала, что лишних знаний не бывает. Вот и пригодилось.

В коридоре было тихо.

Мертво.

Ощущение неприятное такое, как ночью по кладбищу гулять. Тусклый свет. Белесые стены. Зловещие фигуры в доспехах. Картины, от которых веяло недобрым, будто сам этот дом приглядывался ко мне, не слишком радуясь незваной гостье.

Поворот.

И лестница.

Мне надо вниз... и влево, туда, где застыла каменная статуя редкостного уродства.

– ...Никхарт, – голос Амелии звенел от напряжения, – быть может, ты скажешь мне, что именно собираешься делать с... ней.

Да, пожалуйста, я бы тоже не отказалась послушать. Информация – жизнь...

Я встала рядом с каменным уродцем, прячась в тени куцых его крыльев. И рукой оперлась на спину, которая, к моему удивлению, оказалась теплой. Мелькнула даже безумная мыслишка, что существо живо, но я мигом от нее избавилась.

Камень.

Гранит? Базальт? Не разбираюсь, главное, что этакая тварь со змеиным гибким телом, которое кое-как опиралось на кривоватые лапы, просто физически не способна существовать.

– Это тебя не касается, – папенькин голос холоден.

А главное, ощущение, что он совсем рядом стоит, говорит прямо в ухо. Что это? Звуковые фокусы старого дома? Или мое разыгравшееся воображение, которое привело меня именно к этой комнате?

– Почему же? Касается... у нас две дочери, судьба которых тебя, кажется, не волнует...

Странная она.

Если человека не волнует судьба одного ребенка, то с чего он вдруг станет беспокоиться о других? Я почесала каменную тварь за рогом.

– Молчишь? Снова молчишь? Боги, если бы я знала, что так будет... я дала бы тебе развод... – а теперь в голосе мне послышалась глухая тоска. – Стой. Куда ты собрался?

– Это тебя не касается.

Вот она, счастливая семейная жизнь во всей красе. Я мотнула головой, отгоняя непрощенные воспоминания, в которых мы гуляли по парку.

Мама.

Отец.

И я.

Листья золотые и алые, охапками. Качели. Небо навстречу. И мама хохочет, кружится, подкидывая листья, а они летят, накрывают меня с головой. Ощущение счастья и...

И это было ложью. Все. Парк. И то старенькое кафе, где мы останавливались, чтобы поесть мороженого, и кино, и моя первая линейка,

и даже тот букет гладиолусов, который принес отец. Они играли в любовь, а когда отцу надоела игра, он ушел.

А мы остались.

Я прижалась к зверю, который, кажется, стал теплее, и шепнула в оттопыренное ухо его:

– Никому нельзя верить.

Уши у зверя были коровьими, а вот пара острых, загнутых к затылку рогов вообще непонятно чьи. Впрочем, рога его не портили, как и гребень из птичьих перьев, мягких на ощупь. Камень не бывает мягким.

– Стой, – а вот теперь в голосе Амелии звякнуло железо. – Если ты сейчас уйдешь, то...

– Что, дорогая? – Насмешка.

Действительно, что?

На развод подаст? К маме съедет? Смешные взрослые угрозы...

Я точно старой девой останусь. Заведу себе с полдюжины кошек, буду их откармливать, выгуливать и гладить теплые шерстяные спины, жалуясь иногда на неустроенность, а как совсем неумоготу станет, вспомню этот вот разговорчик, оно и отпустит.

– Кажется, дорогой, ты забыл, что и мое слово в этой семье что-то да значит. Мне жаль, что я вынуждена прибегнуть к подобным мерам, но, если ты сейчас просто уйдешь, я воспользуюсь правом заморозить счета.

Я мысленно поаплодировала Амелии.

– Даже так?

А папенька, похоже, не удивился.

– Даже так, – произнесла она чуть тише. – Мне надоело, что ты полагаешь меня пустым местом... и не только меня, я бы стерпела, но девочки... ты их просто-напросто не замечаешь. Никого не замечаешь, кроме себя.

А то, папенька еще тот козел, редкостной породы. Странно, что она только сейчас очевидное заметила.

– Я знаю, что ты меня не любишь... никогда не любил... тебе нужны были деньги, а я, наивная, полагала, будто моей любви хватит на двоих.

От этой мелодрамы у меня челюсти сводит.

И не у одной меня. Я похлопала зверя по плечу, ободряя: ни одна трагедия не длится вечно. Сейчас поплывутся ядом, выяснят, кто в доме главный и что со мною делать, после чего разбегутся кто куда.

– И даже когда ты ушел... месяц после нашей свадьбы, и ты ушел... я не думала о разводе. Я надеялась, что ты поймешь, осознаешь... Я скрывала от отца, где ты...

Дура.

Влюбленные все, как я заметила, с головой не слишком дружат.

– Твой папаша меня терпеть не мог, – с толикой раздражения произнес папенька.

А я сделала вывод, что отец Амелии был разумным человеком. В отличие от доченьки.

– Наверное, просто понимал, что ты такое, – печально сказала Амелия. – К счастью, как бы то ни было, но его состоянием управляю я. И вашим тоже, точнее жалкими крохами, которые от него остались. Ты и твоя матушка никогда не задумывались, откуда берутся деньги. Вы только и способны, что тратить. Я не мешала, я полагала, что если стала частью семьи...

– Тебе оказали честь...

Как по мне, весьма сомнительного свойства.

– Так вот, если мы не договоримся, то сначала я заблокирую ваши счета. Затем подам на развод, и просьбу удовлетворят быстро... мой кузен...

– Избавь меня от своих родственников.

– Если ты избавишь от своих, – а тетенька-то, оказывается, железная. И зверь со мной согласился. Странное дело, но я ощущала его симпатию.

Воображение.

И нервы... нервных клеток я сегодня потратила изрядно, все-таки слишком много случилось, чтобы это прошло без последствий, и если истерика мне, надеюсь, не грозит, то...

В конце концов, почему статуя не может симпатизировать Амелии? Не к папеньке же ей проникаться.

– Развод мне дадут быстро. После него я потрачу все свои силы, чтобы уничтожить тебя. К слову, сил понадобится не так и много... Закладные, кредитные договора... Если я выставлю на погашение хотя бы половину того, что у меня есть, тебе придется продать не только это треклятое имение с родовым гербом вкупе, но и собственные почки.

Я кивнула, сделав пометку: трансплантация и здесь в ходу.

Чудесно.

– Амелия, ты опять делаешь из мухи слона.

– Да? То есть твоя незаконнорожденная дочь, само существование которой делает из меня посмешище, это мелочь? Или, полагаясь, никто не сопоставит ее и твое отсутствие... по семейным делам? Нет, дорогой, хватит! Я терпела... я слишком долго терпела, многое спуская вам с рук, и... и если не хочешь войны, просто ответь: что ты собираешься с ней

делать?

Да-да, я тоже послушаю и вернусь к себе, а то мало ли... нет, меня точно не ищут, мы со зверем это чуяли, но вот стоять в уголочке, вжимаясь в стену, то еще удовольствие. Да и сквозит в этом уголочке изрядно. Только... что-то сдается мне, папенька молчит вовсе не из упрямства, он же не самоубийца, злить женщину, в руках которой семейные финансы? Просто сам понятия не имеет, что со мной делать.

– Амелия, пойми, я не мог ее оставить... сеть сработала. Сигнал пошел и был зафиксирован. За ней в любом случае кого-то да отправили бы. Началось бы разбирательство, а выяснить, что она моя дочь, не сложно. Тогда это скрыть не выйдет.

– А теперь выйдет? Девчонка в моем доме...

За дверью стоит и слушает, не понимая, как у нее получается, потому что с виду дверь солидна, надежна и подслушать что-то крайне затруднительно.

Получается и получается.

Радоваться надо, а не вопросами задаваться.

– Может, к матушке ее отослать?

– А дальше?

– Не знаю! Я... я не ждал, что она окажется одаренной! – а вот теперь папенька злиться изволят. – Полукровка... шансы ничтожны... и лет ей сколько...

Много мне лет.

Двадцать с хвостом...

– Сама знаешь, дар проявляется рано, а тут... поздний прорыв...

Пауза.

В тишине я слышу собственное дыхание, и как-то неприятно – воздух горький, а глаза щиплет, не иначе, от пыли. Вот ведь, дом огромный, люди живут с виду приличные, а с уборкой явные проблемы.

– Хорошо, – Амелия произнесла это так, что становилось ясно: ничего хорошего она не видит. – Допустим, дар... воля Милосердной... что нам делать?

– Так матушка выучит, а нет, заблокируем.

– И потом?

– Замуж.

– За кого?

Замуж я не согласна! И дар мой, пусть я его не ощущала, но не позволю вот так взять и лишить меня его!

– Неважно, отыщу кого-нибудь... В конце концов, девчонка с даром,

детям его передаст, а в Фелиссии, сама знаешь, с одаренными проблема. Им и приданого не понадобится, – папенька оживился. – Если отписать Патрику, то... пара дней – и проблема решится.

Проблема, стало быть?

Ярость душила.

Хотелось шагнуть и высказать этой сволочи все, что я о нем думаю.

– А Служба контроля?

– Не имеет права вмешиваться в дела семейные. Потерпи, Амелия, несколько дней, и она уберется, все станет как прежде...

О да, и все будут счастливы. Кроме меня, оказавшейся у черта на куличках – и думать не хочу, где эта их Фелиссия находится, и, быть может, зверя. Он явно был недоволен.

Вот только недовольство его, кажется, ощущала лишь я.

– Никто ничего не узнает...

А вот это мы еще посмотрим.

Глава 3

В отведенные комнаты я возвращалась в состоянии глубокой задумчивости.

Замуж?

Не хотелось.

Как-то вот настораживала папенькина уверенность, что из этой Фелиссии, где бы она ни была, я не вернусь. Может, у них там женщин на поводках водят, не знаю. И дар блокировать... Чую, ничего хорошего за этим не стоит.

А значит...

Бежать?

Не вариант. Если один раз нашел, отыщет снова. Следовательно, необходимо искать альтернативу... и союзник нужен. Думай, Марго, думай... у тебя ведь только и есть что голова на плечах и сомнительное наследство, из-за которого ты влипла.

Ночь прошла беспокойно, и отнюдь не из-за розоватого оттенка луны, которая повисла на небе крупной бусиной. Незнакомые очертания созвездий добавляли сюрреализма.

А еще ощущение, что все происходящее происходит не со мной.

Сон это.

Больной такой сон. Подзатынувшийся, но если ущипнуть себя за руку...

Щипала.

Сон не проходил. А утро принесло головную боль и раннюю пробудку. Софра решительно сдернула с меня одеяло – к слову, несколько затхлое, верно, проветривали его давненько – и произнесла:

– Леди Амелия желает видеть тебя за завтраком.

Главное, чтобы не на завтрак.

Завтракали здесь с размахом.

Огромная комната со сводчатым потолком, с которого на пяти цепях свисала уродливейшего вида люстра. Мне она напомнила кусок слюды, слегка поточенный термитами.

Массивный стол.

Неподъемные стулья. Рыцарские щиты и стяги цвета венозной крови. В общем, куда как располагающая обстановка для дружеской беседы.

Омлет со шпинатом, который я терпеть не могла с детства, прекрасно в нее вписывался.

Как и Амелия.

Сегодня она выглядела старше, таких неопределенных «слегка за тридцать», где «слегка» может растягиваться на годы. Я видела морщинки в уголках глаз.

И скорбные носогубные складки.

Тени под глазами.

А сердечко у нее пошаливает. И с желудком нелады, определенно... она знает, и к врачам обращается, пьет что-то этакое, полезное, но проверенные зелья почти не помогают.

– Ешь, девочка, – тихо сказала Амелия, отодвинув тарелку. И поморщилась.

А ведь и не помогут.

Совсем скоро ноющие боли, которые возникают время от времени, будут беспокоить ее чаще, а потом и вовсе станут частью жизни.

Я отправила в рот кусок воздушного омлета.

Шпинат здесь готовить умели, да и я давно уже утратила прежнюю разборчивость. Само наличие завтрака – уже повод для радости.

– Ты слышала вчерашнюю беседу. – Амелия сложила накрахмаленную салфетку вдвое.

А она откуда знает?

Хотя... с моей стороны наивно было полагать, что меня оставят без присмотра.

Я молчала.

Амелия же разглядывала меня и...

– Я не спала всю ночь...

– Это вы зря.

– ...Думала. Сердце в очередной раз вошло в противоречие с разумом, но я не собираюсь повторять свою ошибку, – она прикрыла глаза и откинулась на спинку стула. – Но, чтобы решить, как поступить дальше, я должна понять, чего хочешь ты.

– А вам интересно?

– Не слишком... – честно призналась она. – Но... ты веришь в богов?

– Богов? У нас там один... и не слишком.

Где был этот Бог, когда я молила о помощи? Не за себя, за маму, вдруг потерявшуюся во всеобъемлющем своем горе. За отца, который должен был образумиться и возвратиться. За... да плевать, мне только и твердили, что испытания даны во благо и я должна смиренно нести свой крест.

Хрен им тертый, а не смиренность.

– Здесь верят в Милосердную. Она покровительствует женщинам. А супруг ее, Великий, – мужчинам. Сейчас многие говорят, что боги давно покинули этот мир, а потому молитвы наши лишены всякого смысла, как и сама идея поклонения высшим силам.

Чудесно, именно этого знания мне сейчас и не хватало для полного счастья.

– Не понимаешь? Когда-то я поступила... не слишком хорошо. За что и наказана. Богами. Высшей справедливостью. Самим миром... – она повертела пустой бокал. – Твое появление, полагаю, часть... моего пути...

– Если в монастырь хотите, то без меня, – на всякий случай предупредила я, добавив чуть тише: – В монастырь меня тянет еще меньше, чем замуж.

Как ни странно, Амелия улыбнулась, несколько кривовато, но все же.

– А чего бы тебе хотелось?

– Выучиться. Получить профессию, которая позволит прожить. И жить.

Наклон головы, а в глазах такая характерная желтизна, которая явно свидетельствует о проблемах с печенью.

– Как понимаю, людей с даром немного? – раз уж позволено, то стоит говорить. Что я теряю, в конце-то концов?

– Не так много, как хотелось бы... и да, услуги одаренных всегда в цене.

Хорошо...

– С одной стороны, дар у тебя проявился ярко, да и сейчас очевидно, что силой обладаешь ты немалой, – она смотрела на меня с прищуром. – С другой – позднее пробуждение и незнание реалий мира. Как правило, дар просыпается в подростковом возрасте. Тогда же и начинается обучение. Для среднего сословия существуют специальные классы, для белой кости более привычно домашнее обучение...

Пауза.

И кофе, который подают Амелии в высоком кофейнике.

Кофе черный, тягучий, и я невольно сглатываю: к кофе я пристрастилась еще на первом курсе, компенсируя кофеином недостаток сна. А запах...

Амелия молча протянула мне чашку, а когда я взяла, сказала:

– Здесь следует быть крайне аккуратной с напитками. За кофейной горечью многое можно скрыть. Нет, Маргарита, меня не стоит бояться. Я, как и ты, целитель... могла бы быть, если бы захотела. Но здесь не

принято, чтобы леди работали.

Произнесла она это с сожалением.

– Поэтому вы занялись финансами?

Кофе был крепок и горек.

Его варили с шоколадной крошкой и крупинкой красного перца.

– Пришлось... многое пришлось... казалось, что любовь как высшая цель стоит некоторых жертв. Но в какой-то момент жертв стало слишком много, – она постучала ноготком по столешнице. – Итак, если ты решишься учиться, тебе придется тяжело.

Можно подумать, мне когда-то легко было.

– Поэтому подумай, возможно, замужество...

– Нет.

– Почему-то мне так и казалось, – она кивнула, соглашаясь с собственными мыслями. – Но... ты должна принять решение сейчас. Вечером к нам совершенно случайно, полагаю, по делам, к нашим отношения не имеющим, заглянет свекровь. А леди Тайлин – удивительной силы зельевар... несколько капель «Белого сна», и ты с радостью исполнишь любой ее приказ. Нет, она не жестока, она заботится о своих внуках и, полагаю, пристроит тебя в приличные руки.

Как котенка.

Почти породистого, но без документов. К лотку приучен, ветпаспорт прилагается.

– Женщины с даром ценятся...

– Я уже поняла.

Нет уж, обойдусь без этакой... благотельницы, мать ее. А то, что от добрых старушек ни яблочка, ни пряников, ни прочей еды брать не следует, я еще в детстве усвоила.

– Так что вы предлагаете? – я поерзала.

Она бы не пригласила меня к завтраку, не завела бы этот разговор, не будь у нее реального предложения. И видит Бог, или боги, или этот треклятый мир, в который меня занесло, я его приму, ибо из двух зол, как говорится...

– Я оплачу поступление. И репетиторов, которые помогут тебе восполнить существующие пробелы в образовании. Более того, я открою на твое имя счет... скажем, на семь тысяч талеров.

Еще бы знать, сколько это...

– Немало, – усмехнулась Амелия. – Но и не много. На собственное жилье не хватит, но на пару лет спокойной жизни – вполне.

– А взамен?

Бесплатный сыр, он для организма крайне вреден.

– Ты подпишешь отказ от всех притязаний на имя и собственность рода.

Тю! И только-то?

Амелия подняла руки.

– Это не мелочи, девочка. Здесь бумаги заверяются магическим способом. Ты потеряешь всякое право взывать к роду, просить о его помощи...

– А сейчас могу?

– В теории... скажем, если ты обратишься в Совет с петицией, неважно с какой, главное, что ее примут к рассмотрению.

– И рассматривать станут пару-тройку лет? – Что такое бюрократия, я знала не понаслышке.

Амелия кивнула и уточнила:

– Иногда и десятилетий. Одаренные живут несколько дольше обычных людей, отсюда некоторая... медлительность... кроме того, существует негласное правило максимального невмешательства в дела семьи.

Понятно.

Я почесала руку, которая зудела, а значит, запасы нервного волокна подходили к концу. К вечеру, как пить дать, появятся красные пятна. Хорошо, что в сумочке где-то должен быть тюбик с кремом, а то в почесухе удовольствия мало, а местных мазей я уже боюсь.

– Однако, как только ты заверишь бумаги...

И удивительное дело – эти бумаги появились передо мной.

– ...ты окажешься вне рода. Ты не сможешь претендовать на титул и состояние даже в случае, если не останется иных наследников. Однако и род, будь то мой супруг или его мать, потеряют возможность воздействовать на тебя. Во всяком случае, прямо. Да и одно дело – использовать эликсир, скажем, в воспитательных целях... на благо рода...

Ага, по ходу, разные у нас с родом представления о благе.

– ...и совсем другое – на постороннего человека.

Нет, я понимала, что Амелия далеко не откровенна и все куда сложнее, чем она пытается представить, и, быть может, поторговавшись, я бы выбила себе условия получше, но...

Я пробежалась по строкам.

На первый взгляд все просто и очевидно... Я, Маргарита... чужой хвост имени, который я долго пытаюсь осмыслить, добровольно и осознавая последствия, отказываюсь от рода... прав... и так далее, и тому подобное...

Пустая строка, куда, как понимаю, надлежит вписать новую фамилию, вернее старую, но кто виноват, что в этом мире стало все шиворот-навыворот.

А вот еще один договор – на сей раз с некой компанией «Шантар Лик» об оплате моего обучения.

И еще один – о выплате мне компенсации за...

– Землетрясение случилось не так давно, пострадавших хватает. Это объяснит твою некоторую... инаковость, – спокойно произнесла Амелия. – Если ты не против.

Мне было, признаться, все равно.

– Подписывать кровью? – я заглянула в чашку, но кофе закончился, а добавки мне не предлагали.

– Приятно видеть, что ты так быстро ориентируешься в наших реалиях.

Амелия подвинула серебряный портсигар. То есть сперва мне эта коробочка показалась портсигаром, но внутри обнаружилось тонкое стальное перо с острым наконечником. Такое палец проткнет не хуже ланцета. Да уж... и не признаешься, что пошутила.

Я взяла перо.

Примерилась к пальцу.

– И все-таки зачем... ведь было бы проще... опохмелить и...

Амелия потерла виски.

– Я уже наказана. И я не хочу, чтобы пострадали и мои дети. Не волнуйся, боли не будет.

И вправду не было, а кровь впиталась в лист моментально. Вот тебе и магические технологии... В следующее мгновение я ощутила невероятную слабость.

Сердце застучало.

Быстро, и еще быстрее. Закружилась голова. И запахло горелым. Аромат был столь явный, горький, что я даже испугалась: а не я ли это горю...

– Тише, девочка, – Амелия подхватила меня и вынула перо из ослабевших пальцев. – Это скоро пройдет... надо потерпеть... дух рода не любит отпускать то, что принадлежит ему.

А перед моим внутренним взором предстала та самая каменная тварь. Она была живой и смотрела так... с упреком.

Я хотела сказать, что у меня нет выбора.

Что если разобраться, то этому роду я не слишком нужна... и что сожрут меня не задумываясь, а она, тварь, единственная, кто отнесся ко мне

с сочувствием, не поможет.

И она, кажется, поняла.

Вздохнула.

, потянувшись, коснулась моего лица широким носом. Онадохнула, и меня окутало белесое пламя. Странно, но жара я не испытывала.

– Спасибо, – сказала я твари, когда пламя впиталось в тело.

Именно тогда ко мне вернулась способность дышать.

И слушать.

Глава 4

Время.

Оно ощущалось созданием иначе, нежели людьми, огоньки душ которых вспыхивали и гасли... вспыхивали и гасли... такие обманчиво близкие.

Хрупкие.

Сладкие.

Время было твердым, как стекло. Пожалуй, что так. Или янтарь. В чужой памяти находилось изрядное количество воспоминаний, которые существо перебирало бережно. Это ложь, что оно было бездушно – напротив, к этому моменту оно сожрало достаточно душ, чтобы из остатков их слепить собственную.

Зачем?

Быть может, от скуки.

Камень холоден. Кругл. Мал. Он держит на себе целый замок, а внутри – еще один, полупустой, заселенный лишь призраками, которых сотворяло существо, разыгрывая сценки чужих жизней.

Вот толстая женщина в белом чепце прилипла к зеркалу. Она поворачивает его влево и вправо, наклоняет и отводит, надеясь, что измененное отражение сделает ее хоть немного красивей. У женщины крупные вывернутые губы и серьги в ушах.

Янтарные.

Когда это было? Его время неточно. Существо скользит в нем, перетекая из вчера в сегодня или еще дальше. Ему доступна и та материя, которую люди именуют будущим. И пожалуй, именно она подогревает интерес к игре.

Немного.

Существо позволило приблизить к себе новую фигурку, которая терпко пахла дымом иного мира. И запах будоражил, напоминая о времени, когда существо было свободно.

Оно могло перемещаться.

Искать и находить.

Смотреть.

Действовать... играть не только тенями, но и созданиями-во-плоти. Определенно, то время прочно увязывалось в понимании его со счастьем.

Поймали.

Лишили.

Заперли. Оставили эту подделку, пусть и бесконечную, и сложную настолько, насколько может быть сложно самосотворенное пространство, но... не то.

Не так.

Королевский маг очнулся, ощутив эхо раздражения.

– Что опять? – Этот человек, пожалуй, был даже где-то симпатичен. Он пришел сам и не испытывал страха. Он не молился камню, не лил на него тайком кровь, будь то куриная или человеческая, – люди смешны в своих суевериях. Он пытался говорить, и не его беда, что человеческий разум слишком слаб, чтобы вынести долгую беседу.

Существо откликалось.

Иногда.

К этому времени оно научилось беречь собственные игрушки, и, пожалуй, почему бы и нет, эхо аватара, сотворенного во времена свободы, откликнулось. Сила к силе и... да, эта кровь впитает ее, а дар...

Людям понравится.

– Что происходит? – маг выбрался из смятой постели. Он был взъерошен и нелеп. Мокрые волосы, вспотевшая шкура... опять кошмары снились? Существо давно уже не заглядывало в чужие сны.

Надо будет исправить.

Оно ласково коснулось сознания человека, обещая ему скорые перемены. Всем им не помешают перемены... и они уже начались.

Еще летом.

Мальчик случайно открыл запертую дверь. А отец его, связанный неосторожной клятвой – ему казалось, что она не повредит роду, – оказался в западне. Любовь – это мило, но возлюбленные бывают смертны. Его тюремщик тоже попал в силки, полагая себя свободным, а на деле...

Все складывалось.

– Не понимаю, – королевский маг достал из рукава платок, чтобы вытереть кровь. – Заговор? Нет?

Заговор...

Их маленькие смешные интриги питали разум, не позволяя ему угаснуть в заточении, поэтому заговорщикам, возникающим время от времени, существо было благодарно. Оно даже позволяло им оставаться – потом, после казни – в сотворенном им мире.

Правда, почему-то ответной благодарности души не испытывали.

Следовало признать, что в чем-то люди были сложнее, нежели ему

представлялось.

– Нет? Тогда не пойму... им угрожает? Не угрожает... – Эта привычка разговаривать с существом вслух появлялась рано или поздно у каждого королевского мага. Вероятно, причиной тому было одиночество, а может, желание убедить себя, что мысли для существа закрыты?

Прямой угрозы не существует.

Они сами.

Каждый раз сами...

И, существо захихикало, представляя, до чего они удивятся, поняв, в какую ловушку себя загнали. С другой стороны, наблюдать было не так интересно, как участвовать. И пусть даже ожидание – временной пласт будущего был уныло однозначен – подарило бы существу свободу, но...

Желаемого можно добиться разными путями.

И, укрепив связь с аватаром, существо дотянулось до хрупкой души, которая застыла на грани. Дотянулось. Задумалось на мгновение, любуясь разнообразием вариантов.

Уничтожить?

Задержать? Нет, то же самое, что уничтожить... а вот усложнить...

У них должен быть шанс. Тем любопытней будет отнять его. И существо наплатило связь силой. Душа крепкая, возьмет, сколько сможет.

– Ты понимаешь, что едва не убила ее? – какой неприятный голос, скрежещет, что гвоздем по стеклу.

– Можно подумать, вы бы огорчились...

– Пришлось бы многое объяснять.

Я лежу.

Определенно лежу.

Жестко.

А самое тело мягкое, по ощущениям – не тело даже, а кожаный мешок, заполненный киселем из мышечной ткани, в котором плавают остатки костей.

Так плохо мне никогда не было.

– Что ж, тогда нам повезло.

А уж мне-то... будет наука впредь, нехрен верить с полуслова. И надо бы подать знак, что жива, водички заодно уж попросить, чай, не откажут. А с другой стороны, разговорец наклеивается, чую, прелюбопытнейший. И не грех будет послушать.

Подслушать.

– Амелия, деточка, я понимаю, что ты нервничаешь, но это еще не

повод поступать неблагоприятно. В конце концов, у меня и вправду имеется на примете один достойный молодой человек, который...

– Хватит...

– Позаботился бы о Маргошеньке.

Вот бесит меня, когда имя мое перевирают, да еще с таким присюсюкиванием. Маргошенька... крошенька...

Хаврошенька.

Влезла в ухо коровье, надеясь красавицей писаную стать.

– Как вы позаботились о своем сыне?

– Дорогая, ты знала, что будут некоторые... побочные эффекты.

Стук.

И холодная ладонь на лбу.

Раздраженное:

– Полукровки всегда отличались поразительной живучестью...

Конечно, закономерно было бы предположить, что бабушка не обрадуется моему появлению, но вот откровенное такое сожаление по поводу того, что я все-таки жива осталась... Обидно, знаете ли.

Но обида отодвинула боль.

Ощущения возвращались. Болезненные довольно-таки ощущения – мышцы ныли, и тянуло, и крутило, и кажется, я начинаю понимать, что такое радикулит вкупе с артритом. Главное, не застонать, нечего привлекать к себе внимание.

– Ты создала нам большую проблему.

– Девочка не сможет претендовать...

– Оставь, Амелия, мы обе понимаем, что претендовать-то она не сможет, но говорить... Ты хотя бы додумалась взять с нее клятву молчания? Нет? О да, ты всегда была скорее эмоциональна, нежели разумна.

Надо будет запомнить – этак красиво обозвать кого-то истеричной дурой.

– А если она начнет задавать вопросы? Нет, не сейчас, позже, когда обживется, заметит некоторые несоответствия... она ведь была достаточно взрослой, когда мой сын... образумился.

– Не без вашей помощи.

– Дорогая, ты знала и, скажем так, приняла непосредственное участие, что будет учтено судом.

– Пугаете?

– Напоминаю. Мне-то терять уже нечего. А вот ты, дорогая, вполне можешь оказаться на скамье подсудимых. Какой позор, какой скандал... отвергнутая жена использовала несчастную мать, чтобы...

Нос зачесался.

Тайны, тайны... скелеты в шкафах. Лежали бы себе дальше, что ж их всех так поговорить тянет? Или был прав честный вор и мой единственный, пожалуй, друг, когда говорил, что любая тайна душу корежит и наружу просится, что свойство у секретов такое, чем дольше хранишь, тем сильнее тянет поделиться.

А с кем, как не с той, кто и без того в курсе?

И если так, то мне, можно сказать, повезло...

Повезло.

Зверь с темной шкурой был рядом. Я ощущала его присутствие остро, болезненно даже. Горячее его дыхание окутало коконом. Оно пахло сандаловыми палочками, которые у нас обожала Маришка, и еще свежим кофе.

Приятно.

И спасибо ему, наверное, что не убил. Ведь мог?

Мог.

И почему его не видят? Наверное, потому, что у них глаза открыты. А я с закрытыми лежу. С закрытыми глазами многое видится... иным?

Да, пожалуй, все именно так.

Зверь улыбался.

Он забрался мне на грудь, и оказалось, что не столь уж он огромен. И не тяжел, не тяжелее пухового облака... Пуховые подушки были у бабушки, маминой мамы, которая не одобряла папу, потому что нельзя связываться с женатым.

Она не ругалась, но лишь вздыхала.

И они с мамой, запершись на кухне, подолгу о чем-то говорили, а я же валялась на высокой скрипучей кровати, жевала кукурузные палочки и смотрела мультики.

Почему я вдруг вспомнила об этом сейчас?

У зверя ярко-зеленые глаза, будто из стекла бутылочного. И зрачков нет. Он смотрит на меня и в меня тоже... Бабушки не стало через четыре года после того, как отец ушел. Кажется, именно тогда мама окончательно сорвалась.

Депрессия.

И антидепрессанты, которые помогали, но ненадолго, а ей хотелось снова стать счастливой, и я была вечным напоминанием о предательстве и несложившейся жизни. Наверное, она слишком сильно любила, а потому сошла с ума.

Любить вообще опасно для здоровья.

– Не стоит меня пугать. Любое ментальное сканирование покажет, что моя вина не так уж велика.

– Что ты, деточка, какое сканирование... Я ведь так... напоминаю, что мы с тобой по-прежнему связаны. И деньги здесь...

– Вот в чем дело! – Амелия рассмеялась, только смех ее был каким-то... булькающим?

Будто она вот-вот захлебнется.

– В деньгах, конечно, в деньгах, всегда только в них... Вы не можете без денег.

– А кто может? – меланхолично отозвалась бабка, и я согласилась с ней: без денег сложно. А в зеленых глазах зверя мне привиделся упрек.

Я ведь не говорю о том, что ради денег убить готова, но...

Сложно.

И голодно.

И холодно порой, особенно когда по первому снегу в дырявых кроссовках бегаешь. А потом лечишься травками, поскольку на нормальные лекарства тебе не хватает.

Зверь вздохнул и, приподнявшись, стал топтаться, аккурат что кот... котов я люблю, и собак тоже, но собаки более прямолинейны, что ли? А вот коты всегда себе на уме. Даже когда их кормишь, они еду принимают с таким видом, будто тебе одолжение делают.

Зверь засмеялся и выпустил когти.

А мне не больно.

Совсем не больно... и да, кажется, я видела тонкие бледно-зеленые нити, которые то ли от когтей звериных потянулись, то ли, наоборот, к когтям.

– Конечно, если бы я пошла на развод, вы бы остались ни с чем. Я бы и приданое потребовала вернуть, а так... поддержать глупышку, уверить ее, что все будет хорошо, если... И муж вернется...

– Он ведь вернулся.

– Не он, не тот, кого я любила, тот был другим. Знаете, я даже не сразу поняла, как меня обманули. Да, он был рядом... и даже иногда заглядывал ко мне... но...

Цокот каблучков.

И скрежет, будто что-то тяжелое отодвинули. Запах духов, нежный, цветочный.

– Он перестал мечтать... и гореть... он забросил работу, а ведь подавал такие надежды.

– Случается.

– Его вообще перестало интересовать что-либо, и я в том числе. И девочки наши. Не удивлюсь, если окажется, что он и имен-то их не помнит... хотя это ложь, помнит. Он ведь стал таким... правильным. Тошнит...

– Это от нервов, дорогая.

Зверь заурчал, и голос его низкий отзывался во всем моем теле.

– В последнее время я все чаще думаю, а что было бы, если бы я решила на развод? Да, скандал, да... неприятно, но я была бы свободна и, возможно, нашла бы себе кого-то другого... не настолько равнодушного.

– Ах, дорогая, это все пустое, – а вот теперь старушка разозлилась. Я даже видела ее – объятую пламенем фигуру, от которой расползались жгуты болотно-зеленого колера. – Не забывай, у тебя есть о ком заботиться, и постарайся не наделать глупостей.

Она помолчала и добавила:

– Еще больших глупостей...

Зверь кивнул рогатой головой.

– Куда ты ее отправишь?

– Мальврик.

– Далековато, но... в целом неплохое заведение, с сильным целительским профилем... однако ты кое о чем забыла.

Стук коготков по дереву. И страх, совершенно иррациональный страх, заставляющий меня замереть, хотя и без того подвижностью не отличалась.

– Мальврик не принимает полукровок...

Так, а это что за дискриминация?

И...

И тогда получается, что... нет, она тоже подписала договор, первой, а значит, нарушить его не способна.

– А Ирхат – девиц...

Шовинисты хреновы.

Мое возмущение заставило зверя улыбнуться, и длинные усы его закачались, превратившись ненадолго в пару змей. Впрочем, меня это не испугало. Зверь не навредит, это я знала твердо, хотя понять не могла, откуда взялась эта непоколебимая уверенность в его... хорошести?

– Остается столица... – старушкина задумчивость нам со зверем не понравилась. – Королевский университет... заодно и на виду будет.

Это меня не обрадовало.

Глава 5

Спустя три дня я стояла перед приемной комиссией. Королевский университет прикладной и теоретической магии располагался не в самой столице, а в пригороде, что было весьма благоразумно. И, верно, для пущей надежности – студенты все же народ непредсказуемый – был отделен от города высоченной стеной.

– Положите руки на кристалл, – велела сухопарая женщина стервозного вида. Впрочем, мне почему-то казалось, что стервозность эта происходит единственно от усталости: надоело ей доказывать, что женщина тоже способна чего-то да достичь на поприще науки.

Я моргнула.

И подчинилась.

Кристалл был крупным, с человеческую голову, и больше напоминал оплавленный кусок стекла. Внутри этого куска то и дело вспыхивали искры, которые моментально гасли.

Небольшой зал.

Стены задернуты темными полотнищами. Высокие окна, напротив, открыты, но воздух все равно затхлый, с характерным таким запахом столовки. Пахнет здесь то ли борщом, то ли котлетами, то ли магией.

Длинные столы.

Трое магов и один секретарь, к слову, мужского пола и повышенной прилизанности. На меня он смотрел сверху вниз, всем видом своим демонстрируя, что только столь безответственная особа, как я, может отвлекать серьезных людей от серьезных же дел.

Прочие члены приемной комиссии, собранной, как понимаю, единственно ради моей скромной персоны, особого недовольства не проявляли. Толстяк в светлом мятом костюме задумчиво ковырял мизинцем в носу, причем взгляд его был направлен поверх моей головы, в угол комнаты, где в тиши и сумраке висел огромный портрет коронованного мужика. Взгляд толстяка был туманен, и, полагаю, мысли его бродили где-то за пределами аудитории.

Его коллега что-то черкал на листочке, то и дело вздрагивая и время от времени засовывая карандаш в правое ухо. И так замирал, застывал, делаясь похожим на хамелеона перед рывком.

Женщина, пожалуй, была самой адекватной из всех.

А может, просто ей поручили общаться со мной, раз того протокол

требует.

Кристалл нагревался. Сначала тепло было мягким, приятным даже, а искры внутри засветились, засутились – уже не искры, а мальки разноцветные, и кружение их – танец, и завораживает, поэтому я, моргнув, отвела взгляд.

– Средний уровень устойчивости к ментальному воздействию...

Защелкала печатная машинка, а выражение лица секретаря стало еще более недовольным.

– ...слабый к деструкции... активный целительский профиль... уровень... напиши пока базовый плюс, – велела женщина. – С высоким потенциалом роста.

Слушать было приятно.

– Теоретическая подготовка слабая. Рекомендую к зачислению на нулевой курс с последующим переходом на целительский факультет, – она поднялась. – Документы вам выдадут в ректорате.

Я удостоилась очередного презрительного взгляда.

Женщина же, помяв пальцами переносицу – а та была внушительна и клюваста, – продолжила:

– Настоятельно рекомендую не пропускать занятия, поскольку в случае вашей неуспеваемости мы имеем полное право отказать вам в зачислении, несмотря на оплату. – Фразу эту длинную, казенно-выверенную, она произнесла на одном дыхании. Видать, не впервой приходилось говорить.

И я кивнула.

Тихо произнесла:

– Спасибо, леди...

Секретарь скривился, а толстяк, вытащив из носа длинную полупрозрачную соплю, вытер ее о край стола и заметил:

– Леди тут не ходят... леди по домам сидят, деток нянчат.

Ну и дуры, что тут скажешь.

Сердце ухало.

Приняли.

Пусть на подготовительные курсы, но, положив руку на сердце, так даже лучше. Я не потяну учебу, ничего не зная ни о мире, ни о магии. А тут...

Я поежилась.

А тощий махнул рукой, мол, вас больше тут не держат, милочка. Можете быть свободны.

В коридоре пахло булочками и еще, пожалуй, прогорклым маслом.

Было тихо. Сумрачно и прохладно. Чем-то наш институт напоминает.

Интересно, как там Вадик? Сходил к врачу все-таки или по давней своей привычке забил на неприятное происшествие?

И на меня.

Может, напился в тесной компании, пожаловался народу, что я, тварь этакая, неблагодарная, сгинула, не сказав на прощанье ни словечка. Кто еще вспомнит? Танька, на которую теперь и моя смена ляжет? Пациенты мои, вернее, их хозяева, наверняка недобрым словом, ведь безответственно это – бросать их без предупреждения.

Мать...

Она, пожалуй, вспомнит обо мне, когда поймет, что жрать нечего. И то не факт...

Жильцы, занявшие бабкину квартиру, – им с маменькой будет проще дело иметь, чем со мной. Та-то давно не в том мире живет.

Я тряхнула головой.

Нет, не думать.

Это все стресс, который не мешало бы заесть, раз уж в кармане моих джинсов завелась мелочовка. И плевать, что кошель этот был брошен папулей, не иначе как в остром приступе родительской любви.

Ни слова не сказал.

Взглядом смерил.

Кошель швырнул. И гордо удалился... сволочь. Бабку я так и не увидела, полагаю, к счастью, ибо договоренность договоренностью, а не нравилась она мне. Заочно, так сказать. Амелия извиняться за свой фокус не стала и вообще сделала вид, что ничего такого особенного не произошло. Зато озаботилась моим гардеробом, что, как по мне, лучше всяких там прощений.

На Амелию я, странное дело, не злилась. У нее был свой интерес, у меня – свой, а как уж оно получилось, так никто не обещал, что легко будет.

Итого, у меня имелась вместительная сумка, кошелек с парой сотен местных талеров как в бумажном, так и в металлическом воплощении. Связка книг, по словам Амелии, совершенно необходимых мне, и острое желание чего-нибудь сожрать.

Принюхавшись, я двинулась по коридору.

А что... внушительно.

Серые стены. Портреты в золоченых рамах. Окна и тяжеленные шторы неопределенного цвета. Узорчатый свод. Изредка – статуи...

Со зверем я попрощалась.

Обняла и поцеловала в теплый нос, сказав:

– Если получится, то свидимся. А нет... спасибо за все...

Тепло, окутавшее ладони, было ответом.

– Надо же, – Амелия, единственная, кто вызвался проводить меня, действительно удивилась. – Он давно уже не отзывался.

– Кто?

– Хранитель рода. Что ж, значит, такова судьба...

Объяснять она не стала, а я не стала задавать вопросы. Признаться, меня куда больше беспокоило грядущее поступление.

Я вздохнула.

Вот и...

Столовая.

Студенческая. Не сказать, чтобы огромная, не сказать, чтобы нарядная. Все же местные жители явно тяготели к серости и камню. Единственным украшением стен можно было считать прожилки строительного раствора и темные пятна, попадавшие то тут, то там.

Столики.

И до боли знакомая длинная лента.

Раздача.

Касса. И печальная тетка, выщипывающая брови.

– Новенькая? – она отерла пинцет о рыжий фартук и провела мизинцем по остатку брови. – Куда?

– Целители... если подготовку пройду.

– А... из поздних?

– Вроде того...

– Чьих будешь? – ее любопытство было ленивым и незлым, а потому я пожала плечами и честно ответила:

– Похоже, что ничьих...

А кормили вполне сносно. За полторы монеты я получила миску супа-пюре, жаркое с гарниром из жареной моркови, сок и булочку.

– Ешь скорей, – посоветовала тетенька. – А то скоро понабегут...

И оказалась права. Я уже доедала суп, медленно, смакуя каждую ложку – все-таки вкус был довольно необычен, что-то ореховое и острое одновременно, когда раздался протяжный гудок. И столовая наполнилась людьми.

Что сказать...

А ничего, почему-то мне представлялось, что этот университет будет чем-то особенным, а на деле... те же люди.

Ни мантий.

Ни метел.

Ни волшебных палочек за поясом. Обычные студенты... суетливые, шумные, спорящие и пытающиеся одновременно протиснуться поближе к раздаче и доказать другим, что их здесь не стояло.

– Не занято, – то ли спросил, то ли поставил в известность патлатый парень в драных джинсах. А я уж, право слово, начала думать, что их в этом мире и вправду не носят.

Я пожала плечами.

Желания заводить знакомства у меня не было. Я вообще с людьми сходилась туго, медленно, а расходилась быстро и болезненно.

– Новенькая? – он ел быстро, широко расставив локти, будто опасаясь, что кто-то польстится на миску с супом и горку жареного мяса. – Куда?

– К целителям.

– И что, взяли?

– А не должны были? – в моей душе шевельнулись нехорошие подозрения. – Вообще-то на подготовительный пока, а потом... по результатам...

– А... – протянул парень, облизывая ложку. – Они полукровок не любят.

И, дернув длинным носом, добавил:

– Их нигде не любят.

Очаровательно.

А предупредить меня... с другой стороны, никто не обязан предупреждать. С третьей же... не любят? Плевать, лишь бы жить не мешали. Помнится, в прошлой моей группе меня тоже не больно-то жаловали. Пережила.

С четвертой...

– А с чего ты решил, что я...

– Полукровка? – парень пил компот, смачно прихлебывая. – Так... по потокам видно. Основные – явный аххари...

Знать бы еще, кто это такие. Или что это такое?

– ...А вот второго и третьего ранга нетипичны. Так только у полукровок бывает. Ты уже заселилась?

– А не видно? – я пнула сумку, стоявшую у стены. – Вот... пойду.

– Ага, – он задумался и, дернув себя за длинную прядку, сказал: – Провожу.

Сперва я думала отказаться: ни к чему мне новые знакомства, я еще со старыми не разобралась толком, но позже представила себя блуждающей по территории универа в поисках сначала ректората, потом общежития, и что-то подсказывало, что полукровок не любят не только студенты.

- Спасибо.
- Сочтемся.

Его звали Марек, и он был шайфру, а потому обладал абсолютным слухом, нюхом и зрением. Что это значило, я не слишком-то поняла, но на всякий случай кивнула, мол, всю жизнь мечтала познакомиться с живым шайфру.

А он рассмеялся.

И забрал сумку, оставив книги.

– Ты, главное, помни, что дар есть дар и целителей немного, особенно на периферии. Там любого примут, полукровка ты или вообще кварталон. В столице тебе точно ловить нечего, здесь все места белой костью заняты, они и нас-то не больно рады видеть, только обойтись не способны.

– Почему?

Марек вел меня по извилистой дорожке. По обе стороны ее протянулись чахлые кусты, среди острых и длинных, с мой палец, колючек которых виднелись белые невзрачные цветочки.

Зеленела травка.

Виднелись деревья разной степени неухоженности. Разрастался дикий виноград, укрывая стены благородного заведения, куда простому смертному попасть было непросто, глянцевой зеленой шубой.

Я не ошиблась, университет оказался просто-напросто огромен. Я насчитала не меньше дюжины строений, среди которых нашлось место и огромной оранжерее, и небольшому крытому стадиону.

– Потому что они способны лишь использовать, а мы, – Марек постучал пальцем по лбу, – думать, и видеть, и создавать новые базовые структуры. Не понимаешь?

– Не понимаю.

Мир этот был создан богами из остатков иных. Где уж и как добывали куски, не человекам о том задумываться, главное, слепленный наспех, соединенный нитями божественной силы, этот всепланетарный Франкенштейн ожил.

Четыре континента.

На одном – вечный холод.

На другом – жара такая, что не выдерживают и пустынные обитатели.

– Полюса силы, – Марек остановился у высокого, в пять этажей, длинного строения, облюбованного диким виноградом столь плотно, что, казалось, еще немного, и здание рухнет под тяжестью его. – Деструкции и конструкции, между которыми и создаются силовые нити.

Зачем ему это?

Найти непонятную девицу, слишком выделяющуюся среди местных, возиться с нею, рассказывать что-то... Не настолько я красива, чтобы это можно было счесть заигрыванием, но и в бескорыстие я давно уже не верила.

– Еще два заселены... – Марек подобрал веточку и начертил на земле два кривоватых пятна. – Тут мы... королевство занимает почти весь континент... разве что пяток независимых княжеств осталось, но и то их независимость весьма условна, а вот тархам сложнее – у них давний раскол на два клана.

– Зачем? – я не выдержала.

– Что? Тебе пригодится...

– Это да, – согласилась я, делая пометку поскорее ознакомиться и с географией мира, и с экономикой, и вообще с местной реальностью, которая не ограничивалась более стенами гостеприимного родового особняка. – Но тебе зачем?

– Интерес... ты ведь не из этого мира?

– И что?

– Да как тебе сказать... наш мир связан с исходными. И связи эти... используют. С некоторыми мы ведем торговлю, за другими наблюдаем, но... как бы объяснить. Это не афишируется, да... – Марек почесал веточкой светлую шевелюру. – Белая кость не слишком-то хочет делиться... редкостные консерваторы и ретрограды. Будь их воля, вообще закрыли бы врата.

То есть я ему интересна не сама по себе, а как источник информации?

– Мы же очень любопытны, – Марек оскалился, демонстрируя впечатляющего вида клыки. – Особенности расы... будете разбирать потом подробнее.

– Сделка? – я протянула руку. – Баш на баш?

– Это как?

– Ты рассказываешь о вашем мире, а я о своем.

В конце концов, информация – тоже товар. И стоит воспользоваться им, раз уж возможность появилась.

Марек улыбнулся еще шире.

– Идет! – он взял мою руку пальцами, и только теперь я обратила внимание на длинные темные когти.

А ведь я как-то морально не готова была, что в мире этом живут не только люди.

Точнее, кажется, я сама не в полной мере человек.

Глава 6

Как ни странно, заселение прошло без эксцессов.

В малой приемной мне выдали свиток и медную с виду бляху, которую надлежало прикрепить на одежду. А еще – тонкий ремешок, самостоятельно обвивший мое запястье.

– Это контроллер... – Марек продемонстрировал свой, на котором болталась белая бусина. – Во-первых, несет информацию о тебе, если вдруг окажешься за пределами универа – мало ли что в городе произойти может?

Я кивнула и подергала браслет, уж больно тонким ремешок выглядел.

– Не, – Марек рассмеялся. – Сама не снимешь, и не пытайся. Если его снять или хотя бы попытаться, то пойдет сигнал тревоги. Что? Одаренных не так и много... к тому же две трети их – белая кость...

Меня от обилия этой самой кости уже мутить начинает.

– Кроме того, он своего рода слабый щит и преобразователь. Тоже нужно, а то ведь одно время повадились поединки устраивать или пакости. От продуманных не защитит, само собой, но от всякой дури – вполне.

И на том спасибо.

В общежитии мой свиток приняли и выдали ключ.

Пятый этаж.

Лифта нет и, как понимаю, в ближайшем будущем не предвидится. Ничего, пешком ходить полезно, даже по узким крутым лестницам. Профилактика гиподинамии, так сказать...

Коридор.

Комнаты.

На дверях литые цифры солидного вида. Запах гари и еще, кажется, дым, который стелился по полу.

– Алхимики, – Марек помахал ладонью перед носом. – Опять что-то творят, но они вполне мирные. Тархи обладают отменным чутьем и чувством равновесия. В королевстве их изрядно. Большею частью те, кто не пожелал примкнуть ни к одному из кланов.

Ключ в замке поворачивался медленно, с протяжным скрипом.

– А... ничего, что ты здесь?

– В каком смысле? – Марек распахнул дверь и вошел первым, заметив: – Пыльненько...

А то, пыль лежала на полу. И собиралась клубами. Серым покрывалом затянула и стол, и стул, и подоконник. На стекле так вообще писать можно

было.

Да уж, кажется, если здесь когда и убирались, то не в этом столетии. Ладно, я не белоручка, как-нибудь порядок наведу.

– Ты парень, а общежитие...

– Я живу на третьем, – Марек сел на кровать и попрыгал. – А у вас парни и девушки отдельно учатся?

– Нет, но...

– Здесь никому нет дела до того, что ты делаешь, если делаешь это тихо и не вовлекаешь администрацию.

Что ж, пожалуй, подобный подход мне по душе.

– За бельем пойдешь? Если поторопимся, то успеем, а то Матильда обычно рано уходит и поздно приходит.

Успели не только за бельем. Марек возвращался нагруженным: ведро, тряпки и темная бутылка с чистящим средством, которого пожилая женщина нам отлила щедрой рукой.

Я еще успела подумать, что день, кажется, вышел очень даже неплохим.

Зря.

Пора бы уже усвоить, что если что-то вдруг складывается удачно, то судьба заготовила очередную пакость. Нынешняя была хороша. Высока... я и сама вышла не низкою, в папеньку, чтоб ему и на том свете икалось, как попадет, но этот... в блондинчике было метра два.

Плечи широки.

Бедра узки.

Джинсы тесны, дабы узкость подчеркнуть, а футболка без рукавов торс, стало быть, облегает, тоже не случайно. Цепь бы ему золотую для полноты образа. И перстенок с алым камнем.

– Маркуша очередную цацку нашел? – блондинчик заступил дорогу, а поскольку общаговский коридор был темен и узок, что прямая кишка, обойти этого красавца не представлялось возможным. – И что это у нас за птичка такая?

За блондинчиком, как и положено, виднелись еще двое.

Подпевалы, стало быть.

И по совместительству – лучшие, мать его, друзья, верные сподвижники... За Вадиком тоже приятели тягались, еще более безмозглые, чем он сам, способные лишь бухать, курить и генерировать тупые пошлые шуточки.

– Айзек, доброго тебе дня, – Марек поставил ведро на пол. – Вижу, ты снова в бодром здравии... несказанно за тебя рад.

Блодинчик нахмурился.

А парочка за его спиной – рыжий и брюнет, хоть ты группу создавай... им и петь не обязательно, с такой-то внешностью...

– Совсем страх потерял? – поинтересовался рыжий.

А брюнет, верно, не найдя подходящих слов – встреча была неожиданной, а словарный запас, видимо, небольшим, – выразительно бухнул кулаком по стене. Стена, что характерно, выдержала, только кусок штукатурки с потолка обвалился.

– Что вы... невозможно потерять того, чего не имеешь, – Марек отступил чуть влево, а рука его скользнула в карман драных джинсов. Сомневаюсь, что там он визитки держал. – И все-таки я бы действительно рекомендовал побереечь свое здоровье...

– Уймись, пиявка, – Айзек взмахом руки просто снес моего нового знакомого к стене. – Ты мне мало интересен... а это что за птичка?

– Воробей, – буркнула я.

– Полукровка... – он разглядывал меня с ленивым интересом, будто прикидывая, стоит ли такое ничтожество высочайшего внимания или все-таки обойдется. Я очень рассчитывала обойтись. – Чья будешь?

– Своя собственная.

– Это пока, – заржал рыженький. – Была собственной, станешь общей...

Говорливый он, однако.

– Помолчи, – Айзек поморщился. – А ты, девочка, не водись с пиявками. Для здоровья опасно.

И, развернувшись, он медленно удалился, прихватив с собой приятелей.

– И что это было? – я сама подняла ведро. – Марек?

Тот вздохнул и, раскрыв ладонь, потрогал мятый клочок бумаги, который тотчас засунул в задний карман.

– Айзек...

– Я уже поняла, что Айзек. Что он такое?

– Он... – Марек потер лицо и как-то вдруг сразу оказалось, что он куда старше, чем я думала. – Он белая кость...

Это я уже поняла, белая кость, голубая кровь и корона в зубах, с которой он на свет явился, дабы оный свет впечатлить собственным великолепием.

– ...Маркиз де Шаррах... племянник короля.

Ага, корона не только в зубах, стало быть. И кровь куда голубее, чем мне представлялось. Да уж, от таких мажоров надо держаться не просто

подальше, а так далеко, как это вообще возможно.

– Он учился в академии Ирхат...

Что-то там такое бабуля, не к ночи ее вспоминать, про нее говорила.

– ...Но потом что-то произошло, а что – никто не знает, и в прошлом году его перевели сюда, – Марек больше не делал попыток отобрать ведро. Он шел рядом, сгорбившись, втянув голову в плечи.

– Вам на радость...

– Женщинам он нравится.

– Не без взаимности, полагаю.

– Айзек помолвлен, – счел нужным предупредить мой приятель, любезно распахнув передо мной дверь. Хоть на что-то его да хватило. – Однако...

– Это ему не мешает.

И его друзьям.

Оставалось надеяться, что о встрече нашей Айзек забудет. Да и то, к чему ему в голове его царственной удерживать ненужную информацию? Я полукровка и, по местным меркам, сорт второй, если вообще не отходы... и да, Марек прав, столичная жизнь мне не нужна.

Она и в прошлом мне не слишком нужна была, а уж тут...

Провинция.

Тихий небольшой городок, где целитель – величина значимая, вне зависимости от его происхождения. Да и жилье там дешевле будет, и цены в принципе... и если так, то...

То думать стоит о ближайшем будущем, а не об отдаленном.

Марек стоял, прислонившись к стене, и задумчиво наблюдал за тем, как я мою пол. Не видел никогда, как это делают? Или полагал, что в моем мире имеется какой-то особо тайный способ?

– Не поделили что-то?

Он вздохнул.

И потрянул светлой гривой.

– У меня была девушка... – сказано это было с такой тоской, что мне захотелось дать Мареку по голове. Тряпкой. Терпеть не могу чужие трагедии. Мне своих хватает. – Айзек обратил на нее внимание, и она решила, что это истинная любовь...

– Дура.

– Если бы так, я бы отошел, но... две недели весны, а потом он нашел новую игрушку. Элайя была... раздавлена. Убита...

– Собственной глупостью.

Нет, а как еще назвать эту нелепую надежду, что некто королевской

крови возьмет и расторгнет помолвку на радость всей родне и потащит к алтарю неизвестную девицу?

Чушь.

– Я был рядом, но... не сумел удержать. Она покончила с собой, – Марек опустил голову.

– Вдвойне дура, – я отжала тряпку.

Ну а как это еще назвать?

– Ты не понимаешь...

– Не понимаю, – я протянула ведро. – Воду сходи поменяй, ладно? А что до твоей подружки, то... скажи, она не знала про помолвку? Или, может, этот ваш Айзек ей колечко обещал и любовь до гроба? Или... не знаю, силой в койку уложил?

Марек подхватил ведро и вышел, хлопнув напоследок дверью, и так, что с потолка побелка посыпалась. Надо же... магия есть, а побелки нормальной и здесь не придумали.

Я присела на кровать.

В общем, кажется, беспокоиться нет причин. Девицы вокруг блондинчика вьются сладким роем, норовя затянуть в тенета истинной любви. И надо лишь держаться в стороне от этого самого роя.

– Он сволочь! – Марек бухнул ведро, расплескав воду.

– Не спорю, – вытереть пыль – дело пары минут. А вот второй раз пол я мыла тщательно, то и дело останавливаясь. – У него это на роже написано, только... понимаешь, даже самая распоследняя сволочь не несет ответственности за поступки другого человека, то есть иногда несет... Если бы он твою подружку травил, прохода там не давал, унижал и тому подобное... то да, у нас и статья на это имеется, в Уголовном кодексе...

И надо бы в библиотеке местный прихватить, полистать на досуге, а то незнание законов от ответственности не освобождает, а вот знание – очень даже помочь способно.

И Гражданский тоже.

И Конституцию, если она имеется...

– Но если любовь эта была делом добровольным, о последствиях девушку предупредили, то... в чем он виноват?

– Ты тоже...

Марек стиснул кулаки.

– Не-а... скажи, этот ваш Айзек, он ведь не здесь обретается?

Что-то не ассоциировалось у меня местное общежитие с племянником короля.

– Здесь.

– Суровенько так, – вода в ведре была слегка серой, зато на полу проявился рисунок «под паркет». Чувствую, еще пара промывов, и окажется, что паркет тут и вправду наличествует. – За что его невзлюбили?

– В смысле?

– Я – понятно, мне жилье снимать причин нет, и здесь неплохо, а ему...

– А... – Марек подвинулся, позволив мне помыть у двери. – Во-первых, некоторые занятия начинаются рано или вообще проходят ночью. А во-вторых, здесь имеется общежитие повышенного уровня комфорта. Правда, стоит оно...

Так, по спросу, полагаю, и цена.

– Айзек снимает половину этажа. Малкольм и Раймонд постоянно при нем... – это Марек произнес с некоторым сожалением. Мстить, что ли, собрался?

Или не просто собрался, но и...

Нет, мне от этой войны стоит держаться подальше. Очень сильно подальше, поскольку у Марека семья есть, которая худо-бедно прикроет, а меня так сами боги велели крайней назначить.

– Послушай, – я распрямилась и потянулась. – Мне плевать на ваши с ним разборки, но я буду тебе благодарна, если не станешь меня в них втягивать. Воевать – воюйте, но подальше, ладно?

Глава 7

День за днем.

И еще один.

Второй, третий и десятый, который почти не отличался от двадцатого и тридцатого. Как ни странно, но я втянулась в местную размеренную жизнь.

Подъем.

Умывание. Завтрак. К слову, готовили в столовой вполне прилично.

Занятия.

Обед и снова занятия. И ужин, после которого я училась уже сама... не сказать, чтобы все было так уж сложно.

География.

Расоведение.

История – на редкость занудная вследствие повального миролюбия. Войны здесь случались крайне редко, и даже место вождя на соседнем континенте делили на суде старейшин, а не с оружием в руках... Так что особых сложностей не возникло.

Другое дело – магия... Здесь я не знала действительно многого, и это незнание ставило под угрозу мое светлое будущее, с мыслью о котором я уже сроднилась.

– Ты просто чересчур уперлась в теорию, – Марек заглядывал едва ли не каждый день, и если поначалу это повышенное внимание меня изрядно раздражало – не привыкла я к столь тесному общению, то постепенно я смирилась. – Все эти классы и подклассы нужны теоретикам, да и то условны. Каждые десять лет их пересматривают и вводят новую классификацию...

Ага.

А я со старой разобраться не в состоянии. Что за... не могли, чтобы как в кино: маг огня, земли или там воздуха. Нет, деструкторы и конструкторы... порядки, подразделы.

– Смотри, – Марек решительно захлопнул толстенный учебник. – Грубо говоря, есть два полюса силы...

Это я уже проходила.

Как и признаки наличия силовых линий, географические аномалии с силовыми лакунами или вообще зоны нулевого натяжения, но... карты картами, как атласы и справочник Люшала с константами для определения

плотности силового потока в зависимости от долготы. Я даже научилась пользоваться этими константами, все и вправду оказалось просто: достаточно подставить в уравнение и учесть пару переменных.

Моя способность это сделать, казалось, весьма удивила мастера Витгольца, высокого и мрачного аристократа, который вовсе не был рад свалившейся на него необходимости учить какую-то полукровку. Впрочем, за прошедший месяц он не то чтобы вовсе переменил свое мнение, скорее, стал относиться снисходительно.

– Ваше старание весьма похвально, – сказал он в прошлый раз, вручив мне десяток расчетных листов и еще пару справочников. – Попробуйте справиться с заданием первого курса...

Я пробовала.

И даже справлялась, пока не появился Марек.

– ...И соответственно силовых линий. Деструктивные, которые также именуются зоной хаоса, и конструктивные, позволяющие работать с материей... – Он забрался на стол, что меня дико раздражало, но стоило признать, что Марек не единожды помогал мне, буквально разжевывая некоторые моменты, казавшиеся авторам учебников очевидными. – Одаренность – это врожденная способность работать с тем или иным видом энергии, таким образом, маги, способные использовать деструктивную энергию...

– Деструкторы, – со вздохом сказала я, пытаясь применить это зазубренное еще в первую неделю моих занятий знание к задачке.

И как, простите, мне посчитать процент распределения одаренных согласно решетке Ламмермана?

– Именно... и существует теория, что именно потоки и их интенсивность и определяют способности магов. – Марек помахал карточкой перед носом. – Смотри, у тебя даны координаты этой долины, соответственно тебе надо сперва определить, какие потоки там проходят, их интенсивность, а затем сопоставить... используй коэффициент коррекции...

Математику я всегда любила.

Я в принципе больше тяготела к естественным наукам, которые были понятны и конкретны. А вот гуманитарные ставили меня, мягко говоря, в тупик. Ладно еще правила, но вот, прости господи, всякие там метания книжных душ казались мне не то что непонятными, – смешными.

Русичка называла меня зачерствевшей.

Плевать.

Главное, здесь никто не требует от меня литературно изложить подвиг

Сонечки Мармеладовой и лить чернильные слезы над трагической судьбой Наташи Ростовой... А посчитать – это я всегда с удовольствием.

Действительно просто.

Интенсивность.

Натяжение.

И сравнить... соотношение один к одному, и, следовательно, логично предположить, что конструкторов с деструкторами будет рождаться равное количество. После того как я поняла принцип, прочие задачи уже не казались мне неразрешимыми.

Справочники.

Линейки.

И жаль, что калькуляторов здесь нет, а со счетами я не больно-то в ладу.

Марек молчал... то ли о своем думал, то ли мною любовался. Надеюсь, что нет, поскольку приятель из него неплохой получился, как по мне, жаль будет потерять, если его данное гордое звание не устраивает, но к романам и романчикам я не готова.

– Что там у тебя еще? – он взял следующую тетрадку.

Травоведение.

И малый атлас анатомии, который был мало отличен от нашего земного, а потому особых усилий не требовал. Анатомию я знала прилично, все-таки изначально собиралась в медицинский поступать, благо вовремя образумилась.

– Прогуляемся? – Марек сложил мои тетради. – Или ты как?

Я никак...

Еще повторить бы классификацию заклинаний, а после... сложно все-таки за пару месяцев усвоить то, что прочие учат годами. Но настроена я была серьезно: сейчас конец июня, который в этом мире называли серпогоном. Новый учебный год начнется в сентябре, стало быть, в конце августа меня ждет комиссия, которая и определит, можно ли зачислять меня на первый курс или надо еще год потратить на подготовку.

Лишнего года у меня не было.

Но и права на нервный срыв тоже, а с учетом, что потоки эти мне уже по ночам снились, срыв был не за горами.

– Прогуляемся, – согласилась я и поднялась.

Университет почти обезлюдел, чему я лишь радовалась. Студенты разъехались по домам, остались либо те, кому, как я понимала, ехать было некуда, или же испытывавшие трудности с учебой.

Преподаватели.

И комендант общежития, вверенной территорией интересовавшийся слабо.

Пяток старшекурсников, у которых были какие-то свои, непостижимо далекие от моего понимания дела. Главное, что все эти люди по молчаливой договоренности не мешали друг другу жить.

Лето здесь было горячим.

И если в общежитии царила приятная прохлада, то на улице духота стояла конкретная. Трава порыжела, листья кустарников свернулись трубочками. Пахло пылью и еще чем-то на редкость неприятным, но как я ни пыталась установить источник воню, не смогла. Главное, что сумерки не приносили облегчения. Здесь по ночам становилось как-то особенно душно, а неприятный гнилостный запах, так раздражавший меня, проникал и в комнату, мешая спать.

– Тобой Айзек интересовался, – первым, как обычно, заговорил Марек.

– Что?

Вот уж неожиданная новость... в прошлую нашу прогулку, напрочь лишенную флера романтизма, мы говорили о местных расах и их особенностях. В позапрошлую – о мирах, в том числе и моем, еще раньше... В общем, об Айзеке не вспоминали с того самого первого дня.

– У меня в деканате знакомая работает... мамина родственница. – Марек поморщился, стало быть, родственница не только работает, но и приглядывает за милым мальчиком, обо всех мало-мальских проблемах рапортуя матушке.

Да уж, от такой заботы только повеситься.

– Она сказала, что Айзек заходил на прошлой неделе, спрашивал о новенькой... как успехи и вообще... откуда ты взялась.

– От верблюда, – я понимала, что злиться на Марека бессмысленно, поскольку он совершенно точно не виноват, что у кого-то там любопытство заиграло, но...

Проклятье!

Что этому коронованному мажору от меня надо? Настолько надо, что он в деканат не поленился заглянуть? Или...

– Марго, я просто хочу предупредить, что Айзек может казаться милым, если захочет... у них это вроде игры, кто больше девиц в постель уложит, – у Марека глаз дернулся.

Злится.

Все еще злится. Нет, не знаю, я на его месте тоже вряд ли стремилась бы ко всепрощению. Я в принципе идею всепрощения считаю еще той дурью, но...

– Я поняла.
– А за тебя, если что, и род не заступится...
– А за кого заступится?
– Как бы тебе сказать... его перевели не просто так, а пытаюсь замять скандал...

– Что, роман неудачный?
– Вроде того...

Ясно, соблазнил не ту девицу, за что и поплатился. Марек пнул камешек и тихо произнес:

– Его пытались заставить... возместить ущерб...
– Каким образом?

Что, плевру зарастить, если она имелась? Или мозгов красавице добавить?

– Не знаю, – вынужден был признаться Марек, останавливаясь у зарослей колючника, которые ночью гляделись особенно грозно. Белые ветви, почти лишенные листвы, и длинные же иглы. – Девушка серьезно пострадала и... вообще...

– Вообще, – на память я не жаловалась, да и знаний о мире за прошедшие недели прибавилось. – По-моему, в академии Ирхат учатся исключительно мужчины...

Что?

Сплетни сплетнями, но не надо уж совсем за рамки выходить, а то сейчас получится, что этот Айзек взглядом одним девиц бесчестит...

Про меня тоже многое болтали благодаря Софочке... интересно, что она придумала? Что я сбежала с любовником? Или утопилась? Скололась, как пропащая моя мамаша? А то и вовсе ушла в порнозвезды... хотя это вряд ли, до этого ее пуританская фантазия не додумается.

Домой бы все одно заглянуть.

Просто убедиться, что дом этот никуда не исчез.

– Ты его защищаешь? – Марек, как следовало ожидать, вспыхнул праведным гневом.

– Я указываю на логические нестыковки.

Я шагнула за кусты, которые хоть и щетинились колючками, на деле оказались не такой уж непреодолимой преградой. Табличек, запрещающих ходить по газонам, я не наблюдала, а что не запрещено...

О правилах, которые я на третий день вызубрила, просто на всякий случай, ибо в собственное везение не слишком верила, про газоны тоже ничего не говорилось.

Марек шел следом.

И молчал так выразительно.

– Я же просила, не втягивай меня в ваши разборки, – я уселась под деревом. Темный ствол его, слегка шершавый на ощупь, приятно пах кофе, причем натуральным. Ветви поднимались, держа сизо-серую массу листвы, которая переплеталась с кроной соседнего дерева, и еще одного... если посмотреть, то получится этакая рыхлая стена на подпорках.

– Айзек опасен.

– Учту.

– И он нацелился на тебя.

– Обломится, – я легла, заложив руки за голову. – У меня совершенно иные жизненные планы...

И ломать их из-за какого-то мажора я не собираюсь.

– У вас так принято?

Марек присел на темный корень.

– Нет.

– Тогда зачем ты это делаешь?

– Что делаю?

– Лежишь. Тут пыльно.

– И спокойно, – я прикрыла глаза, чувствуя, как отступает напряжение последних дней. Меня окутывали тепло и нега, и, если бы не бубнеж Марека, рассказывавшего, как нехорошо валяться на земле, потому что тут грязно и мошки ползают, я бы заснула.

Пусть ползают.

От мошек вреда куда меньше, чем от людей.

Тепло расплзлось по телу. И растворяло ноющую боль в мышцах... а что, физическая подготовка мне тоже полагалась...

И задачки больше не казались нудными.

И систематика как таковая... логично... конструкторы и деструкторы, а там, в зависимости от того, насколько выражен дар, уровни силы... я сама находилась на втором, но с хорошей перспективой роста.

Целители.

Созидатели, которые работают напрямую с мертвой материей и способны изменять ее свойства и саму структуру.

Специалисты по живой материи.

– Ты меня не слышишь, – теперь Марек, кажется, злился, и злость его была очень яркой. Темно-оранжевого цвета, она жила вокруг сердца, окутывая и его облаком, и еще легкие, и печень тоже...

– Мне хорошо, – ответила я, хотя разговаривать было лень. – Сгинь.

Он нахмурился.

И полыхнул еще сильнее. А и плевать... я закрыла глаза, позволяя силе течь сквозь меня. Силовые линии – это хорошо...

С деструкторами точно так же.

Специалисты по работе с материей, живой и неживой. Правда, как именно они работают, в учебнике не говорится, главное, что их крайне мало, еще меньше, чем конструкторов подобного порядка: какие-то биологические свойства, энергия разрушительна для организма, поэтому процесс обучения опасен.

Отдельные фразы всплывали и гасли, но я знала – теперь я точно все запомню.

И то, что было прочитано один раз.

И даже те сноски крохотными буквами, в которых так любит ковыряться мастер Гиннеша, еще одна моя наставница волей ректората.

Кажется, я все-таки заснула, а когда проснулась, то увидела, что и Марек придремал, прислонившись спиной к стволу. Он выглядел очень уставшим и продолжал злиться даже во сне.

Мне стало его жаль, и, протянув руку, я позвала злость.

Я вытянула ее до капли.

И скатала в шарик.

А шарик сдавила в ладони и велела ему рассыпаться. Я почему-то ни на мгновение не усомнилась, что сделать подобное в моих силах. И когда призрачный пепел вылетел сквозь пальцы, я вздохнула и сказала:

– Вставай...

Ночь на улице.

Глубокая.

А нам еще в общагу возвращаться, благо она на ночь не запиралась.

Глава 8

Королевский маг спал, и сны его были привычно тревожны.

Вязки.

Тяжелы.

Кажется, он снова умер, переживая подаренную иным смерть, и та была на диво реалистична. Сердце и то поверило, остановившись, правда, тот, кто делился памятью, вовсе не желал смерти единственного своего собеседника – пусть беседа шла вовсе не на словах – и подтолкнул его, истощенное.

– Опять ты... – дар речи вернулся к магу не скоро. Несколько минут он просто лежал, глядя в потолок, который за прошедшие годы успел изучить до каждой трещинки. – Когда-нибудь ты меня убьешь.

Когда-нибудь.

Непременно.

Может быть, скоро. Или нет. Люди воспринимают время одномерно, они как бусины на нити дней, не способные соскользнуть. Их даже жаль.

Немного.

– Я тебя не понимаю, – королевский маг с кряхтением перевалился на бок и, дотянувшись до халата, вытер шелковой тряпкой кровавый нос. – Что ты хочешь сказать?

Люди странны.

И не понимают.

Но так хорошо... игра идет. Идет игра. И дверь темницы заперта... люди составляют из слов узоры, называя их стихами. Когда-то он пытался проникнуть в суть, он перебирал эти слова, звонкие, как камни в железном кубке, менял их местами, создавал собственный узор.

Надоело.

– Заговор очередной? – его тюремщик и друг – второе понятие существо понимало плохо, но после долгих размышлений решило, что маги могут считаться друзьями, если они слушают, – шмыгнул носом. – Когда ж они успокоятся?

Никогда.

Это тоже часть игры.

– И кто на сей раз? Не ответишь? Ну да, конечно... так неинтересно, – маг с кряхтением сполз с кровати. Он хромал и постанывал, жалуясь на жизнь и собственное рыхлое тело, на кости, которые ныли, сырость,

дворец... И все это было частью древнего ритуала.

Наверное.

Иначе зачем они все его соблюдали.

Он добрался до раковины, открыл кран и просто стоял, смотрел на текущую воду. Зачерпнул горстью, отер лицо, лишь размазав кровь. Все-таки человеческое сознание слишком хрупко, хотя существо старалось действовать аккуратно.

Нынешний маг выгодно отличался от предшественников. Он желал говорить. И даже пытался что-то сделать, чтобы осознать суть своего пленника. Это забавляло. И существо позволило прикоснуться к собственной памяти, которая, как и время, была многослойна.

Человек в ней терялся.

Путался.

Не понимал, что произошедшие события имеют такое же право на существование, как и произошедшие, что они равноценны и ярки, как и прочие, созданные исключительно забавы ради. Будучи отрезано от внешнего мира, существо давно создало себе внутренний.

Людей это пугало.

– Думаешь, на сей раз получится? – маг вытер лицо и шмыгнул носом. Кровотечение остановилось, но и сон прошел. Сейчас он сядет в низкое кресло, вытянет голые ноги, и камин послушно создаст объемную и плотную иллюзию пламени.

Будет чай.

И разговор.

Монолог. Человек иногда станет задавать вопросы, пытаясь проникнуть в суть увиденного во сне, не понимая, что как таковой сути нет.

Есть картинка.

Есть событие.

А прочее – это так, человеческое сознание, которое норовит запихнуть все в жесткие рамки смысла. Однако и в этой беседе будет своя толика интереса. А еще...

Существо довольно заурчало.

В отличие от людей оно воспринимало время во всей его полноте. И будущее было таковым, что...

– Радуетесь... плохо...

Кому как.

– Клятва держит...

И она крепка. Раньше. Вначале. Существо пыталось избавиться от этого ошейника, само не понимая, как позволило накинуть его себе на шею.

– Вот скажи, чем тебе здесь плохо? Тихо, спокойно... кормят опять же... – маг махнул, пытаясь избавиться от нехорошего ощущения, что он упустил нечто крайне важное.

Докладная давно составлена и передана. И новая появится к утру... и не его дело заговоры раскрывать, на то есть специально обученные люди. А тварь... она порой радовалась совершенно необъяснимым вещам. Порой – будто исчезала, растворяясь в камне... уходила, хотя не могла уйти. И возвращалась, когда приводили очередную...

Еду.

Не стоило думать о тех, кому случилось попасть в подвал, как о людях...

Не получалось.

Жалости они не стоили, и совесть... совесть помолчит... совесть еще тогда согласилась заткнуться, когда он принял посох королевского мага – высокий титул, но кто бы знал, сколь обременительный. И в последнее время маг все чаще ловил себя на мысли, что пора бы поискать преемника, кого-нибудь молодого и увлеченного, готового рискнуть ради...

Ради чего-нибудь.

Или хотя бы наделенного многочисленной амбициозной родней, которая готова продать чужие силу и душу за королевскую милость. Таких всегда хватало... надо лишь отыскать подходящего паренька, побеседовать пару раз...

И не думать о дурном.

Договор следовало соблюдать.

Существо с последней мыслью согласилось. Договор оно чтит. И не собиралось нарушать, тем паче что сделать это было бы сложновато. Но вот из темницы можно было уйти по-разному...

Время показывало, что у него получится.

Возможно.

Разбудил меня стук в дверь.

Настойчивый такой.

– Чего надо? – терпеть не могу, когда меня будят, особенно столь наглым образом. Да за окном едва рассвет забрезжил, у меня еще час законного сна имеется, а тут кто-то нетерпеливый.

Мастер Витгольц.

Из всех моих преподавателей, в большинстве своем не скрывавших скептицизма, а то и откровенного презрения по отношению к особе столь малопонятной и соответственно малоприятной, мастер Витгольц был

похвально равнодушен.

– Недоброго вам утра, – я потеряла босой ступней ногу и с немалым трудом подавила зевок.

– Вы вчера вернулись поздно.

Мастер отстранил меня и вошел в комнату, огляделся. Вытащил из кармана черной куртки нечто, больше всего напоминающее детскую погремушку: пяток разноцветных шаров в связке.

– Это не запрещено, – я села на кровать.

Вопросы задавать бесполезно: не ответит. А вот посмотреть, что он делает, любопытно. Особенно если смотреть правильно. Переключение давалось мне с немалым трудом, не хватало опыта и привычки, а еще всякий раз я сомневалась, что вновь увижу магию...

Силовые потоки.

И остаточные следы магии, которые еще держались в комнате.

Погремушка переливалась всеми оттенками радуги, а вот комната была бледной. Там лиловый ошметок, будто ком ниток забыли... и в углу еще будто паутина.

Под кроватью.

– Не запрещено, – мастер поводил погремушкой и скривился. Потом протянул ее мне и произнес: – Руки.

Я молча вытянула руки, над которыми он колдовал особенно долго.

– Все-таки что случилось?

Вряд ли моя затянувшаяся прогулка могла стать причиной такого... расследования? Он определенно что-то искал, но вот что?

Мастер выругался и погремушку свою убрал.

Окинул меня придирчивым взглядом, от которого, надо полагать, не укрылись ни некоторая помятость, ни стоящие дыбом волосы, ни пижамка в красный горох. А что... зато мягенькая и обошлась в сущие гроши.

– Что вы вчера делали?

Я вздохнула.

– Училась. Потом гуляла...

– Зачем?

– Устала... книги и книги, голова болеть начинала, вот я и решила, что стоит пройтись.

– Сами?

– Марек предложил, – скрывать что-либо я не собиралась, поскольку, во-первых, ничего предосудительного не совершила, а во-вторых, полагаю, все мои перемещения легко установить, браслет я не снимала, а его возможности, скажем так, не до конца ясны.

– Он ваш партнер?
– Что? – этот вопрос, мягко говоря, удивил. – Нет... знакомый, возможно, приятель...

– Возможно?

Сколько скепсиса.

– Я еще не решила. Пока у нас взаимовыгодное сотрудничество. Он помогает мне с учебой. Я рассказываю о своем мире...

– Любопытно.

– Мы гуляли... говорили...

– О чем?

– Большей частью о силовых потоках и всяком таком... потом я нашла удобное место, чтобы полежать.

Удивленно приподнятая бровь. И взгляд на погремушку, и еще большее удивление: кажется, я не ошиблась и ложь эта штука определяет. В том числе ложь.

– И часто вы лежите на земле?

– Вообще-то нечасто, – вынуждена была признать я. – Но тут захотелось вдруг. Место было приятное... то есть не знаю, я просто легла и лежала... восстанавливалась?

А ведь похоже на то...

Силовой поток?

Магов они влекут, что сметана котов, только... почему тогда этот поток ощущался лишь мною? Марек тоже конструктор, он бы почувствовал, а он явно не понимал...

– Подробней, – велел мастер Витгольц, и я подчинилась.

Ощущения свои я описывала... вот как умела, так и описывала, говорила же, что с гуманитарными науками у меня сложные отношения. Он слушал внимательно, перебивать не пытался, а когда я закончила, произнес:

– Вот, значит, как... пробой, похоже...

– Чего пробой? – я поерзала. Любопытство... я себя считала не слишком любопытной, но тут вот было интересно.

– Вам, похоже, и историю университета поучить следует, – мастер убрал-таки свою погремушку. – Он построен на пустоши, искусственной, к слову. Нулевой потенциал позволяет безболезненно существовать большому количеству магов. Однако щиты, его поддерживающие, время от времени дают сбой. Вот и случилась протечка силы, которую вы ощутили... только этого не хватало.

Он вытер руки белоснежным платочком.

– Значит, вы уснули... а ваш... приятель? – он произнес это тоном, не

скрывающим насмешки.

– Понятия не имею, – вынуждена была признать я. – Но когда я очнулась, он тоже спал.

– Ясно.

– А все-таки что произошло... если это не тайна?

– Не тайна, – мастер Витгольц поморщился. – Одна из студенток покончила с собой... досадное происшествие, крайне досадное... вы ведь ничего не слышали?

– Не слышала. Не видела... я вообще из комнаты выхожу редко, да и...

Объяснять, что с местными, за исключением Марека, у меня отношения не заладились, было глупо, тем более что местные, если разобраться, не виноваты. Я сама держалась в стороне, понимая, что сил и времени на поддержание отношений с кем бы то ни было у меня не хватит.

Желания обзаводиться подругами тоже не было.

И вообще...

– Что ж, благодарю за содействие, – он коснулся было ручки, но не нажал. – Маргарита, вы производите впечатление благоразумной девушки. И я надеюсь, что если вдруг до вас дойдут слухи... какие бы то ни было слухи, пусть и самой нелепой природы, об этом происшествии, вы поделитесь ими.

– А надо?

Что-то не тянуло меня в разведку играть.

– Надо, – сказал мастер, и я вздохнула:

– Тогда поделюсь.

– Вот и замечательно... а туда больше не ходите. Избыток силы плохо влияет на развитие способностей мага.

Глава 9

Университет гудел.

И как-то вдруг оказалось, что людей в нем не так и мало... вот за столиком собралась пятерка старшекурсников, которые так старательно не обращали внимания на остальных, что становилось очевидно: наблюдают.

Толпа роптала.

Шепталась.

И отголоски шепота доносились до меня:

– ...Так его любила... говорила, что...

– ...А он поиграл и...

– Сволочь, это изначально было ясно...

– Сама дура...

Я ловила обрывки чужих разговоров, выстраивая историю чьей-то великой любви или, как по мне, не менее великой дурости.

– Слышала уже? – Марек плюхнулся на стул и подвинул мой поднос. – Ты ешь как не в себя.

– А тебе завидно?

Порцию я взяла двойную. А что, готовили здесь отлично, не чета нашей институтской столовой, а голод я испытывала почти постоянно. В умных книгах писали, что это нормально, естественное следствие спонтанного и ускоренного развития энергетической структуры тела, которая до сих пор спала и не развивалась, чтоб ее.

– Нет... – он задумчиво отщипнул крошку от моей булочки.

Что за манера... терпеть не могу, когда с едой играют, и тем более с моей.

– Руки убрал.

– Ты порой такая...

– Стерва? – я подвинула стакан с компотом поближе к себе, а то с Марека станется пробу снять.

– Вроде того... Лирана умерла, – он ковырнул в тарелке, к счастью, своей.

– Твоя знакомая?

– Учились вместе... она с Айзеком встречалась...

А вот это уже интересно.

Мастер что-то искал в моей комнате, и вряд ли любовную переписку с кем бы то ни было. И эта его просьба... студенты ревниво хранят свои

тайны, даже когда эти тайны здорово пахнут уголовщиной. Особенно когда пахнут...

Из-за банального самоубийства он бы не стал из кожи вон лезть.

А вот если самоубийство не первое... и обе – брошенные подружки... нет, тут все куда сложнее, чем мне представлялось.

– Расскажи, – попросила я, не сомневаясь, что Марек молчать не станет. – А то я как-то совсем выпала, и, сам понимаешь, не с моей нагрузкой тусоваться... А она и вправду сама?

– Сама... – Марек устремил задумчивый взгляд в окно. Не знаю, что он там разглядеть пытался: местные окна были узкими и серыми, то ли исконный это цвет, то ли приобретенный, не знаю, главное, что света они пропускали мало, поддерживая общую атмосферу мрачной заброшенности. – Она была очень эмоциональной девушкой...

Яркой. И красивой.

Ее все любили.

Особенно после смерти. Живого человека можно и не любить, а вот мертвого – уже как-то неприлично, что ли.

Она неплохо училась.

Подавала надежды. У Лираны отлично получалось ладить с неживой материей, а драгоценные камни она вообще чувствовала очень тонко. И пусть не здесь, не в столице, но провинциальные конторы артефактников ее бы с радостью приняли.

Она и не собиралась оставаться.

До недавнего времени.

Тихая домашняя девочка, уверенная, что счастье есть и в Приграничье. Там ведь семья и еще друг детства, за которого Лирана собиралась выйти замуж.

Пока не встретила Айзека.

Нет, она сдалась не сразу, храня верность избраннику... некоторое время, во всяком случае. Но... букеты хрустальных роз...

Коробки из лучшей кондитерской.

Прогулки под луной, однажды закономерно закончившиеся ночевкой в общежитии повышенного уровня комфортности.

Новенькие золотые серьги, естественно, не оставшиеся незамеченными. И счастье, которое, как Лирана верила, будет длиться вечно... А его хватило на две недели, после чего Айзек поднес в подарок браслет с крупными изумрудами, под который толкнул отрепетированную речь про нежные чувства и долг перед родиной.

Поцеловал бывшую уже подружку в лоб.

И удалился.

Надо полагать, в закат... в общем, все банально и просто. Лирана рыдала. Писала письма. Дважды пыталась пробраться в общежитие, откуда была выставлена к вящему удовольствию местных сплетниц. И, верно, убедившись, что любовь скончалась в муках, решила последовать за ней.

Нет, ну дурость чистой воды же!

И не представляю, что может заставить человека в здравом уме и твердой памяти добровольно сунуть голову в петлю, как это сделала Лирана.

Петлю, к слову, сделала из шелковой простыни.

Облачилась в белое платье.

Браслет надела.

Сделала прическу... у ног нашли букет засохших роз.

Не самоубийство, а представление какое-то. Я задумчиво прикусила вилку... интересно, а душещипательное письмо она не оставила? Хотя... нет, не сходится... ей бы тогда яд какой принять, медленного действия, чтобы наверняка спасти успели.

А так – красиво...

Он, осознав, что натворил, несется сломя голову, вызывает ко всем богам... видит бездыханное тело и волей Милосердной возвращает ему дыхание. А там целители.

Слезы.

Сопли.

Признания и реанимированная любовь. Точнее, ее подобие, поскольку шантажом любить не заставишь. Нет, будь тут яд, я бы не сомневалась, что девчонка это все придумала, чтобы вернуть Айзека... мажор или нет, но, вполне вероятно, побоялся бы причинить трепетной Лиране новую душевную травму.

А петля...

Петля все меняет. Повешение – слишком уж рискованный вариант... здесь и вправду умереть можно, а самоубийцы-шантажисты к такому не готовы. И значит, все-таки сама?

Тогда почему мне во все это не верится?

С другой стороны, какое мне, если разобраться, до всего этого дело? Вот именно, что никакого... Нет, слухи в исполнении Марека я донесу, ибо просьбы мастеров надобно уважать, а потом выкину эту историю из головы.

Лето здесь держало оборону.

Стало еще жарче, и в темных платяицах, приобретенных заботливой леди Амелией, ходить стало невозможно. Джинсы мои окончательно потеряли вид, а майка изначально покупалась в качестве нательной. Делать было нечего, и в какой-то из редких выходных я выбралась-таки в город.

Транспорт здесь имелся.

Огромная, неуклюжая с виду платформа медленно ползла по узкой дороге. На поворотах платформа угрожающе накренилась, и редким пассажирам приходилось цепляться за кожаные петли, закрепленные на столбах.

Стоило это сомнительное удовольствие два эре.

– Назад в седьмом часу пойдем, – сказал седоусый погонщик – водителем его назвать у меня язык не поворачивался. – Не опаздывайте.

Постараюсь.

Я поежилась.

На городской площади было... душно. Полупрозрачное марево колыхалось над каменными плитами, и даже гранитный памятник кому-то весьма героическому выглядел на редкость уныло.

Пыльная зелень.

Темные окна витрин. Сизые дома. Ни красок, ни людей, которые, предполагаю, благоразумно в такую жару сидели по домам. Я бы тоже где-нибудь посидела, но...

Тетради нужны. И запас местных перьев, что с успехом заменяли более привычные мне шариковые ручки, подошел к концу. Присмотреть белье, потому что подобранное леди Амелией было, без сомнений, целомудренно, но зверски неудобно. Еще платяице какое, а лучше шорты и пару-тройку маек, поскольку жара, как просветил Марек, здесь держится до середины желтолиста.

Я поправила рюкзачок и решительным шагом направилась в ближайший переулок. Опыт подсказывал, что чем ближе магазин к центру расположен, тем он дороже и пафосней. А мне бы чего попроще...

В узких улочках было немного прохладней, хотя духота все же царила изрядная. И я понимала тех, кто закрывал ставнями окна: уж лучше без света обойтись, чем такую жару терпеть.

Я шла.

И шла... и довольно-таки долго, не слишком торопилась, позволяя себе если не получить удовольствие от прогулки, то хотя бы оглядеться. Все же давно следовало выйти на разведку.

Пафосный центр и лавки. Белесое стекло и морозные узоры, которые откровенно манили зайти и глотнуть прохлады. Манекены в нарядах

вполне обыденных и горы косметики. И кажется, лавка артефактника, во всяком случае, медный ключ на вывеске был мне знаком по учебникам.

А вот и частный целительский кабинет под веткой серебристого папоротника.

Госпиталь, расположившийся в огромном каменном особняке. Перед ним – пяток машин на стоянке, среди которых я с немалым удивлением обнаружила вполне земной кабриолет. Надо же... и сердце сжалось болезненно. А я и не предполагала, что настолько эмоциональна. Разом вдруг накатила иррациональная тоска, а с ней и слезы, которые я поспешно вытерла рукавом.

Кабриолет стоял.

Блестел на солнышке... сияли хромом детали, алые лакированные крылья пускали блики. И растянувшийся в прыжке ягуар, показалось, вот-вот растечется по капоту серебряною каплей.

Я коснулась его.

И тут же отдернула руку.

Машина не моя, и вряд ли хозяин ее к этакому любопытству отнесется с пониманием. Да и... что дальше? Уткнуться в кожаную обивку и оросить ее слезами? Или тихо поскорбеть, в колесо вцепившись? Марго, надо себя в руки взять, ты взрослая адекватная девушка, а потому...

– Надо же, какая встреча! – по ступенькам бодро сбегал Айзек, которого я видеть была вот совсем не рада. – Маргарита? Кажется, тебя так зовут?

– Так, – я убрала руки за спину, пока блондинчику не пришло в голову обвинить меня в порче имущества, а то мало ли, вдруг у него полировка особо ценная.

– И что такая красавица здесь делает? Одна...

Красавица?

Он или извращенец, или бабник неисправимый... в коричневом платье со школьным белым воротничком, запыленная и пропотевшая, я была, мягко говоря, не слишком привлекательна.

И волосы отрастали неровно.

Прическа давно уже выглядела не стильной, а просто-напросто неаккуратной.

– Гуляю.

Спокойно.

Пока он ничего плохого мне не сделал. Хорошего тоже, но он и не обязан. Айзек подбросил на ладони ключи.

– Знакомая игрушка? – он небрежно похлопал по капоту.

– Из моего мира.

– Землянка, значит? У вас там маги редкость... – в голубых очах мелькнуло вполне искреннее любопытство. – Источники вымерли, вот и развития не получают. А ты, стало быть, исключение?

Я кивнула поддержания беседы ради.

– Бывает, – Айзек крутанул ключи на пальце и предложил: – Подвезти?

– Да нет... не стоит. Я, пожалуй, пойду.

– Боишься?

– Чего? – странный вопрос. Нет, мы на стоянке, конечно, одни, но... госпиталь место такое... да и браслет, если верить, не позволит причинить мне вред так, чтобы это не стало достоянием общественности.

– Не знаю... влюбиться до смерти! – и улыбается, холера ясная, так широко.

Зубы у него отличные.

А вот с глазами что-то не то, причем нутром чую, что не то, но что именно – понять не могу.

– Нет. Извини, но это не входит в мои планы.

– А что входит?

И с чего это мы такие любопытные? Или заняться больше нечем?

– У меня свои дела...

Я сделала шаг назад.

– погоди, – Айзек явно не был настроен отпускать меня. – И все-таки... мне действительно нечем заняться. А ты в городе ничего не знаешь... скажи, чего ищешь, и я тебя подвезу.

– Просто так?

В доброту мажоров я не верила еще после нашего выпускного, когда классная звезда Максимушка вдруг проникся ко мне симпатией, а на деле едва не опоил какой-то дрянью.

Потом сказали, что сама виновата.

Чего вообще от дочери наркоманки ждать.

Айзек склонил голову.

И все-таки что-то с ним было неладно, такое вот легкое ощущение неправильности, которое и поймать-то сложно.

– Можно и не просто так... будешь должна услугу.

– Какую?

– Без понятия. В рамках разумного.

– И кто их определит?

– Ты, – спокойно произнес он. – Так что? Ходить по жаре удовольствия немного, а у меня купол поставить можно...

Чутье предупреждало, что не стоит связываться с Айзеком. И не потому, что он опасен, скорее уж с ним опасно... как-то оно... не знаю.

– Хорошо. Но будешь лапы распускать, в нос дам...

Айзек расхохотался.

Глава 10

Местные магазины мало чем от наших отличались, разве что отсутствием платежных терминалов и какой-то общей ленивостью. Казалось, что и хозяевам, и продавцам было совершенно безразлично, совершу я покупку или уйду...

Пара свободных брюк по акции «два по цене одного».

Запас белья – нашлось и вполне приличного вида.

Майки.

Легкий лонгслив на случай, если вдруг все-таки похолодает. И несколько тонких платьев...

– Халат купи, – посоветовал Айзек, когда я вышла с очередными пакетами. – Для лабораторных пригодится. И косынку...

Он со мной не ходил, оставался в машине и ждал, поразив меня и неразговорчивостью, и вообще терпением, нехарактерным для мужчины.

– Заодно попроси набор для целительского практикума для начинающих. Сейчас лето, они по скидке быть должны, а к осени цены вздернут вдвое, – он крутил на пальце ключи. – Еще понадобится малый определитель трав. Запас мешков для хранения сырья...

И короб с пустыми склянками, которые предполагалось заполнять зельями собственного изготовления. В отдельной ячейке лежала стопка этикеток и три палочки сургуча.

Спиртовая горелка.

Хирургический набор, обошедшийся мне в сорок пять серебряных талеров, а это большая часть отцовских денег, которые я отдала скрепя сердце, решив, что лучше уж сейчас отдать сорок пять, чем потом девяносто...

И Айзеку стоило сказать спасибо.

Интересно, почему Марек ничего не сказал ни про халат, ни про рабочие тетради... не принял во внимание, что я здесь чужая и не в курсе некоторых нюансов?

– Спасибо, – я закинула последние пакеты в багажник машины. – До станции довезешь?

– До универа, – он багажник закрыл. – Только сначала перекусим, а то...

Он вдруг замолчал.

И неправильность стала ярче, ощутимей... и, кажется, побелел. А

сердце засбоило... Айзек стоял, упираясь обеими руками в багажник машины, дыша открытым ртом и...

– Присядь, – велела я.

А он упрямо мотнул головой. Конечно, герои не сдаются...

– Кого позвать?

Мне еще одного сердечника для полного счастья не хватало. Хотя, чувствую, все куда серьезней, потому что с сердцем местные эскулапы справились бы играючи.

– Никого, – он вымученно улыбнулся. – Все хорошо...

Ага, только его подзнабливает, кажется.

– Садись, – я открыла дверь с пассажирской стороны. – Я поведу.

– Сумеешь?

– Куда я денусь...

Нет, прав у меня не было, но дядя Леня учил, говорил, что права я при случае и получу, а если и нет, то главное не бумажка, а умения. Правда, полуразвалившийся «москвичок» дяди Лени не шел ни в какое сравнение с Айзековым «Ягуаром»...

Справляюсь.

И довезу этого болезного до больницы, а там пусть сами разбираются, болен он или симулянт несчастный. Хотя в глубине души я знала: болен. И очень серьезно. И злилась, потому что таких вот серьезных к нормальным людям отпускать нельзя. Вдруг очочурится, доказывай потом, что ты не при делах...

– В общагу вези, – Айзек растянулся на сиденье, насколько это было вообще возможно. Все-таки крупноватым он уродился.

– В больницу...

– Услуга...

– А если загнешься?

– Поверь, не сейчас, – он прикрыл глаза. – Это... пройдет... надо подождать, и пройдет... А ты давай прямо и до площади.

Я вставила ключ в замок зажигания и мысленно перекрестилась...

Машина вела себя идеально. И я всецело сосредоточилась на дороге. Не хватало еще куда-нибудь въехать и кого-нибудь сбить... Айзек молчал.

Живой был.

Сердце билось уже почти ровно. Да и в целом, я чувствовала, ему стало куда как легче. И все же в больницу бы ему...

Площадь.

И широкий проспект.

Городские окраины, серо-пыльные, расцвеченные редкими белыми

пятнами чужих простыней, которые и здесь сушили на балконах.

Дорога.

И поля, тоже какие-то желтоватые, пожженные солнцем. Далекая линия леса. И близкая – стены, отгораживавшей родной университет от внешнего мира. Подъехала я к боковым воротам, которые по случаю выходного дня были широко распахнуты. Машину припарковала здесь же, на университетской стоянке, и лишь тогда повернулась к Айзеку:

– Ты как?

Жить будет.

Порозовел и... в целом выглядел неплохо. Только глаза как-то блестели нехорошо.

– Отлично, – он сел и, прежде чем я успела пискнуть, сгрел меня в охапку. – Ну что, красавица, продолжим знакомство...

Я попыталась вырваться – бесполезно, сил у него было явно больше, чем мозгов. Держали меня мягко, но крепко. И ладно бы просто держали, но нет... тыкались мокрыми губами в щеки, в шею...

– Да отстань ты! – я ткнула кулаком под ребра, а эта скотина лишь заржала.

– Люблю упрямых... не волнуйся, киска, тебе будет хорошо...

– А тебе плохо, – я нащупала что-то тяжелое, чем и приложила Айзека по лбу.

Вот и пригодился малый ритуальный жезл, правда, не совсем чтобы по прямому назначению. Айзек зашипел и разжал-таки пламенные объятия.

– Ах ты... – он добавил пару слов покрепче, явно характеризующих мою личность и вольную манеру поведения.

Я же поспешно выбралась из машины, подхватив рюкзачок.

– Думаешь, кому-то ты здесь нужна? Пиявке своей? Он тебя высосет и забудет, как звали...

– А ты до смерти помнить будешь? Багажник открой...

На мгновение показалось, что Айзек не отдаст мои покупки. И не потому, что самому нужны, для него это так, мелочовка, упоминания не стоящая, а я почти всю наличку потратила... но нет, щелчок – и крышка багажника медленно поднялась.

Я достала пакеты.

И буркнула:

– Спасибо за помощь...

– Еще встретимся, котенок мой... – это обещание, произнесенное тоном весьма мрачным, не предвещало ничего хорошего.

И почему он Марека пиявкой называет?

Учеба шла своим чередом.

Остались позади общие науки, глубина постижения которых была сочтена достаточной, сменившись сугубо специализированными. И если с анатомией и основами физиологии у меня проблем не было, то вот все, что касалось магии, давалось с немалым трудом.

– Ваша проблема состоит в том, – мастер Витгольц, который ко мне не то чтобы симпатией проникся – это было бы все-таки несколько чересчур, – скорее перестал воспринимать как досадную помеху, щелкнул пальцами, – что вы до сих пор не воспринимаете магию как часть себя. Это издержки жизни в техногенном мире... вы сами выстраиваете блок. И если в критической ситуации инстинкты берут верх и блок исчезает, то теперь ваш разум запрещает вам обращаться к тому, что полагает априори опасным.

Я вздохнула.

И поерзала.

Нет, лежать на мягком мате было вполне удобно.

Небольшой зал для медитаций располагался в подвале. Здесь приятно пахло цветами. Журчала водяная стена, навевая покой, было прохладно и уютно. Только расслабиться у меня все равно не получалось.

Я чувствовала себя идиоткой.

Лежу.

Пытаюсь заглянуть внутрь себя, только вместо энергетических потоков воображение рисует этот самый «внутри» во всем его анатомическом великолепии. Вот скелет... позвонки и ребра, грудина с мечевидным отростком... ключицы и лопатки...

Мышцы.

Легкие и печень. Трубка пищевода... желчный пузырь и крохотная загогулина поджелудочной железы. И где среди них искать тот самый чудо-орган, производящий магию?

– Вставайте, – мастеру надоело наблюдать за моими бесплодными попытками. – Попробуем иначе, благо приемный день...

Принимали, как выяснилось, в местном госпитале, который по договору оказывал бесплатную помощь всем страждущим взамен на осознание оными страждущими факта, что помогать станут маги-недоучки. Рисковый, конечно, вариант, но, с другой стороны, не каждый способен заплатить дипломированному целителю, а здесь по-любому наставники проконтролируют, чтобы в процессе излечения не излечилось что-то не то.

Госпиталь располагался в отдельном трехэтажном особнячке, выкрашенном, уж не знаю почему, розовой краской. В результате вид

получился несколько гротескный, уж очень контрастировали общие строгие очертания особняка с зефирной мастью его.

А в остальном – местный стандарт.

Широкая лестница.

Статуи.

Пара горгулий с гербовым щитом. Колонны. Мрамор белый, мрамор черный. Полумрак и коридоры... Мастер в них ориентировался отлично, я же старалась не отстать, а потому по сторонам не глазела. Да и смотреть, признаться, было особо не на что.

Портреты.

Портреты и снова портреты. Надо полагать, особо отличившихся на ниве служения народу... ну и короне, тут без короны никак.

Мы поднялись на третий этаж. И мастер, распахнув дверь, велел:

– Проходи и жди. Обустраивайся.

Что ж, здесь матов не было. Пара стульев. Стол. Кушетка. Шкаф, на полках которого выстроились в ряд серые папки весьма характерного вида. И еще один, с десятком предметов непонятного назначения. Вот зачем здесь хрустальный шар? Явно не для гадания... а эта коробочка с кристаллами? Синие, зеленые... и еще мелкие красные, похожие на зерна граната.

Трогать я не стала, но любопытство, оно ведь никому не чуждо?

Еще одна коробочка с кольцами, кажется, каменными... и моток серебряной проволоки. И...

– Марго, знакомься, это мастер Варнелия...

Он буквально втянул в кабинет женщину, тонкую и хрупкую, всю какую-то столь воздушную, что, казалось, лишь темно-зеленый халат целителя вообще удерживает ее в этом мире, не позволяя взять и упорхнуть в страну фей. Узкое личико, огромные глаза с поволокой. Волосы серебристые волной на плечах... Целитель? Мастер?

Да ей бы в фотомодели... если здесь, конечно, имеется подобная профессия.

– А это наша девочка, – мастер Витгольц потер руки. – Я хочу, чтобы ты к ней присмотрелась.

Мастер Варнелия вздохнула, но все-таки посмотрела на меня и пожала плечами:

– Дар. Уровень средний с неплохим потенциалом роста... и внешних блоков я не вижу. погоди, – она сунула мне в руки моток той самой проволоки. – Закройте глаза... дышите ровно, расслабьтесь... видишь, все потоки работают, поэтому проблема внутри... а это не ко мне.

– Дорогая... – голос мастера стал ниже и мягче. – А возьми-ка ты ее к себе... ненадолго.

– С ума сошел? Она даже не студентка...

– Я не прошу допускать ее к лечению... просто небольшой эксперимент, чтобы девочка начала верить в себя. Ты сама говорила, что целителей мало, а с подобным потенциалом вообще единицы, и будет обидно, если ее не допустят к учебе.

Так, я вычленила из этого мурлыканья, предназначенного не мне, самое важное.

Меня могут не допустить.

Твою ж мать... нет, логически все понятно. Кому нужен целитель, не способный исцелять? И если теорию я могу прямо завтра изложить, то практика...

– Просто посмотри... позволь...

– Тедди...

Вот уж на кого мастер похож не был, так на плюшевого медвежонка.

– В правилах нет ничего про эксперименты... а я буду должен...

– Ты всегда мне должен, – со вздохом произнесла Варнелия.

И я поняла – согласится.

Она так и не научилась ему отказывать. Всем вокруг умеет, а ему вот нет... И он знает об этой ее слабости, а потому с просьбами обращается крайне редко. Ей даже обидно...

Я моргнула, пытаюсь справиться с расшалившейся фантазией. В конце концов, не о чужих романах думать надобно, а о перспективах собственного бытия, ибо, если вылечу из университета, ждет меня... надо, к слову, выяснить, что именно ждет.

Феечка тяжело вздохнула и сказала:

– Идемте...

Глава 11

Шли мы недалеко и недолго и пришли в типичный приемный покой. Во всяком случае, здесь находились кушетка, застеленная болотно-зеленой простыночкой, узкий стол с утварью неясного назначения и некое сооружение из палок и разноцветных стекол.

Пара ярких светильников.

И трое студентов с крайне серьезными лицами.

– Возьмите халат... а ты подожди в коридоре.

Халат, размера на три больший, чем нужно, отыскался во встроенном шкафу. Я торопливо застегнулась и подкатала рукава. Да... видок, подозреваю, у меня не слишком доверие внушает.

А с другой стороны...

Студенты смотрели...

Скептически?

Неодобрительно? Недоумевающе?

– Никрам, будь добр, завяжи Маргарите глаза. Нам не нужно, чтобы зрение ее отвлекало. Эльза, возьми ее за руку... просто держи, легкая дезориентация – это нормально. И все молчат, понятно? Кто раскроет рот, тот получит полную свободу от практики на остаток лета.

Глаза мне завязали на совесть.

И за руку взяли.

Пальцы Эльзы были холодны, а коготки, впившиеся в мою ладонь, явно говорили, что симпатии ко мне не испытывают.

Скрипнула дверь, и в комнате появился еще один человек.

– Усади Марго на стул... вот так, отлично... а теперь подойдите... ближе, не стесняйтесь...

Стул избавил меня от недружеских объятий Эльзы, но в то же время я ощутила себя... потерянной? Нет, разумом я понимала, что способна снять повязку в любой момент, что ничего-то страшного не происходит, однако вся суть моя требовала немедленно прекратить эксперимент.

И вообще...

– Марго, что скажешь об этом человеке? – вкрадчиво поинтересовалась мастер Варнелия, и феичного в ней не осталось ни на грамм... разве что где-то там, в неизведанных мирах, хищные феи обитают.

– А...

Признаваться, что сказать мне нечего, не хотелось. Будь мастер одна, я

бы так и поступила, не люблю лгать, но эти трое... их внимательные взгляды я чувствовала кожей.

И насмешку.

И плохо скрываемое чувство удовлетворения: правильно, они чести работать с мастером добивались долго, а меня просто взяли и за ручку привели...

– А можно, я его хотя бы за руку возьму?

– Его?

– Да, – я сглотнула и попыталась отрешиться от троицы студентов. Нет их... нет, и все... Если я каким-то непостижимым образом способна ощутить их ко мне отношение, то и с пациентом справлюсь. Должна. – Это мужчина... лет ему... так не скажу, но по физическому состоянию около пятидесяти.

Кто-то фыркнул, значит, не угадала... хотя возраст тела вполне может отличаться от календарного.

Я требовательно протянула руку, и на нее легла мягкая рыхлая ладонь.

– Есть ряд глобальных проблем, проистекающих исключительно от... – я вовремя прикусила язык: думать могу что угодно, но не все мысли стоит озвучивать именно в том виде, в котором они мне в голову забредают. Пациент все-таки... – От неправильного образа жизни... полагаю, он любит поесть и мало двигается. Вследствие возник некоторый избыток массы тела...

И это тело не слишком радовалось приобретению.

– Есть изменения в кровеносных сосудах... активное образование холестериновых бляшек... сужение просвета артерий, вследствие чего давление скачет... сердце работает неудовлетворительно...

Я видела его.

С закрытыми глазами.

Невозможно, но я его действительно видела, и это измученное тело, растянутую кожу и нарушенный кровоток в левой конечности, где вот-вот начнет образовываться трофическая язва. Пока это лишь крохотное пятнышко на коже, время от времени оно зудит, но и только...

Видела печень и желчный пузырь, проток которого вот-вот забьет камень... и почки не избежали... желудок поточен мелкими язвочками, поскольку еда, к которой пациент привык, не слишком-то полезна. И часто его мучают изжога, отрыжка. Иногда – ноющие боли, которые он привычно глушит стандартным желудочным настоем...

Если бы дал телу отдохнуть, оно бы само справилось.

Пожалуй, кроме той язвочки, которая еще пока совсем кроха, но,

кажется, некоторые клетки эпителия уже начали перерождаться и...

– Стоп, – голос мастера вернул меня в мир нормальных людей. – Чудесно... просто-таки чудесно... Эльза, пациент твой... диагностика...

Она говорила, а я трясущейся рукой вытерла пот со лба.

Надо же... все еще жарко... и, кажется, настолько жарко, что меня выкручивать можно.

Что это вообще было?

– Возьмите, – мастер протянула белое полотенце.

Мужчина.

Хотя бы здесь я угадала, да... правда, с виду ему около тридцати, но... тело рыхлое, с характерными складками на руках, и не только. Живот колышется при каждом движении. Кожные покровы бледны, над губой – бисерины пота... и на меня смотрит с откровенным ужасом.

– Идите, идите, – мастер взмахнула рукой. – Вам предстоит серьезная работа... право слово, не понимаю, как можно было так себя запустить. Маргарита, как вы себя чувствуете?

– Нормально, – почти не соврала я.

Пить хотелось.

Очень хотелось пить...

– Чудесно... в таком случае не буду больше задерживать. На сегодня вам хватит, а завтра жду вас в половине одиннадцатого. Постарайтесь не опаздывать.

– С-спасибо, – я поднялась, преодолевая слабость.

И до двери дошла.

Тугой оказалась. А коридор – упоительно прохладным, и там, прислонившись к стене, я просто встала и стояла, кажется, целую вечность.

– И как? – из полузабытья меня вывел мастер Витгольд.

– Сказали завтра приходить...

– Чудесно... просто чудесно, – он потер руки. – Что ж, могу поздравить. Что бы ни говорили остальные, вы поступите. Варнелии перечить не посмеют... и это радует, да... но расслабляться не стоит. Всего-то четверть часа, а вы опустошены. Следовательно, что?

– Что? – послушно повторила я вопрос, мечтая оказаться где-нибудь подальше и от госпиталя, и от мастера. В комнате бы своей... лечь и лежать, лежать... можно даже не раздеваться...

– Необходимо уделить особое внимание техникам восстановления и контроля... определенно... вот, выпейте, – он протянул крохотный флакон темно-зеленого цвета. – Не бойтесь, не отравитесь...

Я хмыкнула.

Травить меня было вроде бы как некому... и не за что...

– Ваше здоровье, – я отсалютовала флаконом и, выпив содержимое его одним глотком – оказалось оно на редкость ядреного вкуса, – добавила: – Спасибо...

– Не за что... – мастер вздохнул. – Но в любом случае вам придется непросто...

Это я уже поняла.

А с другой стороны, когда мне было просто, а?

И потянулись караваны дней.

Подъем.

И обязательная утренняя пробежка.

Завтрак.

Душ и час для самостоятельной работы...

Госпиталь.

Мастер Варнелия и бесконечная, казалось, череда пациентов... старшекурсники, старательно меня не замечающие, и все-таки я ощущала их неприязнь.

Плевать.

Мне было интересно... когда я решила стать врачом? Когда поняла, что мама уходит, а я не способна остановить ее? Или еще раньше, когда бабушка впервые пожаловалась на сердце? Или позже, когда я сидела в уголке, наблюдая за хмурой пожилой женщиной, которая только и могла, что давление измерить?

Перебирая склянки с лекарствами?

Вдыхая острый запах корвалола? Наблюдая, как перекатываются в пузырьке желтые таблетки валерианы? Сердечникам вредно волноваться, а не волноваться моя бабушка не умела. И не помогали ей ни корвалол, ни настойка боярышника, за которой меня регулярно отправляли в аптеку, ни прочие, как понимаю, копеечные лекарства – большего мы не могли себе позволить.

Или в больнице?

Больницы меня не пугали. Напротив, именно там, среди серо-зеленых стен, пропитанных характерной смесью запахов – лекарств и хлорки, – я чувствовала себя спокойно.

Здесь стены пахли травами.

И весь чердак был отдан травникам, которые, как я поняла, в этом мире заняли нишу фармацевтов. Меня провели по их владениям, показав и обширные затененные сушильные комнаты, и огромный шкаф-хранилище.

Дали подержать нарвалий рог, бледно-голубой и какой-то стеклянный, явно неорганической природы.

Ступки и измельчители.

Обсидиановые ножи и медные ложки, а еще каменные и стеклянные...

Сепаратор, похожий на огромного паука. И целый выводок кубов-концентраторов, в которых доходят зелья.

На чердаке работали те, чей дар оказался недостаточно выражен, чтобы стать целителем. И по взглядам, которыми обменялись старшекурсники, было очевидно, что мое место именно здесь.

Всего у мастера Варнелии было трое учеников.

Высокий пегий парень, носивший косы и браслеты с вязками камней. Он разговаривал мало, словно опасался, что однажды слова возьмут и иссякнут. Он двигался медленно, словно в полусне, и время от времени застывал, будто бы погруженный в мысли... наверняка о судьбе мира, не меньше.

Потомственный целитель.

И родители намеревались отправить его в Ирхат, но дар Тобиаса оказался не настолько ярко выражен, что нанесло его самолюбию почти смертельную рану. Именно потому он и пытался доказать всем, особенно мастеру Варнелии, раз уж она тут главная, сколь ошиблись экзаменаторы...

Эльзу ждало семейное дело.

И семья ее жила достаточно долго, чтобы занять подобающее место под солнцем. Ее дар был ярок, а самолюбие безгранично. К нему прилагалась святая уверенность, что мир создан исключительно для тех, чья кровь чиста... полукровок следовало бы выселить.

Куда?

Куда-нибудь подальше, чтобы существованием своим и видом мерзостным они не оскорбляли достойных граждан.

Это Эльза сказала не мне, но так, чтобы я услышала. И вправду надеялась оскорбить? Вывести из равновесия? Забавная домашняя девочка...

Мелисса...

Моя, если подумать, сестра... то есть биологически сестра, а по местным законам – посторонний человек с непосторонней глухой ненавистью. Мелисса скрывала ее, то ли опасаясь, что мастер не потерпит разборок в своем госпитале, то ли просто по привычке прятать более-менее человеческие эмоции, но я ощущала эту ненависть рыхлым черным облаком. Иногда оно было маленьким, с половину кулака, а порой разрасталось, окутывая всю хрупкую фигурку Мелиссы... и тогда ей

становилось тяжело дышать.

Я же наблюдала.

И училась.

Каждый день.

Каждый час...

Черная бляха, застывшая напротив сердца, – отсроченное проклятие, уже пустившее свои нити в организм. И они, подобно тончайшим червям, проросли в мышцы, в кости, причиняя пациенту боль, от которой не спасало и белое зелье.

И, лежа на кушетке, парень пытался не стонать...

А мастер Варнелия качала головой и легким прикосновением нейтрализовывала бляху. Она цепляла ее на крючок собственного дара и тянула, медленно... очень медленно... а я смотрела, чтобы в теле не оставалось нитей.

Почему-то видела их только я.

И те лиловые пузырьки, которые, будто шампанское, бурлили в крови молоденькой девушки. Пузырьки наполняли ее счастьем, и девочка смеялась, хватала мастера за руки и твердила, до чего же она счастлива... ведь она любит... любит самого чудесного человека во всех мирах.

И они скоро поженятся.

Да, да... всенепременно поженятся! Прямо сегодня. Ведь она заслуживает право быть счастливой и...

Ее родители вовсе не счастливы. Мать плачет. Отец хмур и то и дело сжимает кулаки... А мастер Варнелия пускает по крови девушки свет, и лиловые пузырьки гаснут. А с ними уходит и счастье...

– Приворот второго ранга. Тобиас, пиши заключение.

Он морщится, поскольку полагает себя выше подобной работы, для которой мастеру бы секретаря нанять. Только зачем секретарь, если есть студенты?

Оскольчатый перелом, и мальчишка, который не плачет. Ему и больно, и страшно, и в то же время он сам себе кажется невероятно взрослым, а потому стискивает зубы...

Укол силы, и рука немеет.

А осколки кости сползаются, чтобы склеиться друг с другом... Мастеру приходится брать в руки инструмент...

Нарушение работы сердечного ритма у младенца, и встревоженная мать, которая боится отпустить ребенка, и воркование мастера, уверяющего, что операция нужна, что без нее ребенок точно умрет...

Эльза, вынужденная разговаривать с этой женщиной простого

сословия и непонятного происхождения, а еще лишенной даже крупниц дара...

Ей бы при операции присутствовать, а то и самой провести. Там ведь ничего сложного, по сути... она подобные случаи изучала.

На бумаге.

И в анатомическом классе сердца вскрывала, пусть свиные, но человеческое ведь очень похоже. И разобралась бы, несомненно, но...

Ожог третьей степени.

Ожоги.

Пожар в Нижнем городе, и пострадавших много... Самых тяжелых оставили в городской больнице, а вот троицу молодых парней, ринувшихся разбирать завал, направили нам.

Они улыбаются.

И пытаются шутить. И не смотрят на собственные руки, местами обгоревшие дочерна... Работы хватает всем. И Тобиас утрачивает обычное свое спокойствие. Его движения по-прежнему скупы, но точны и быстры. Он обезболивает.

И снимает слой обгоревшей кожи.

И еще один... скальпель в его руках что кисть художника, и я душу зависть, зная, что так у меня никогда не получится...

Эльза преодолевает брезгливость. В ее семье не любят уродств, а ожоги – это уродство. Она осторожна и тщательна, она не только на скальпель полагается, но и на собственное чутье, выбирая остатки мертвой плоти.

Мелисса... ее мутит.

Она пусть и имеет целительский дар, но все же слишком мало работает, чтобы привыкнуть к такому. И всецело сосредоточивается на себе, в кои-то веки позабыв о моем присутствии. Ей это идет на пользу.

Точна.

Неспешна. И сильна... Ее сила – бледно-золотистое сияние, проникающее в кости, замедляющее распад плоти. И я вижу, как постепенно восстанавливается перелом, бледнеют темные сосуды, раскрываются, пропуская напоенную чужой силой кровь.

Мое дело – смотреть.

И говорить, если я вижу что-то не то... да, быть может, позже меня допустят к пациентам, курсе этак на третьем, когда я окончательно смирюсь с тем, что обладаю даром. А пока...

Беременная женщина, которая, смущаясь и розовея, шепчет, что с ним не все в порядке... она понимает, что беременные часто тревожатся по

пустякам, но она не такая... и, быть может, стоит посмотреть...

Я смотрю.

Это странно и, честно говоря, жутковато. Жизнь в жизни, соединенные пуповиной, сплетенные живительными потоками силы...

Он будет магом, ее сын, причем немалой силы. Вот только и маги не застрахованы от болезней. Ее опасения небеспочвенны, но говорю это не ей, а мастеру. И та кивает.

Женщина остается в госпитале.

Не сомневаюсь, что Варнелия ей поможет, а что нам не позволено присутствовать при операции – прочие недовольны, – это логично. Я вряд ли что-то пойму, а остальные...

Плевать.

Главное, чтобы обошлось...

Из госпиталя я возвращаюсь к обеду. Пара часов работы, но выматывают изрядно. Порой я настолько устаю, что едва доползаю до столовой. Ем... надо есть, и ем... часто – не ощущая вкуса еды, бывает, даже не слишком понимая, что именно ем.

Мастер Витгольц, который непостижимым образом вытеснил всех прочих – полагаю, не слишком они и сопротивлялись, – привычно хмур.

– Это ненормально, – он не выдержал недели через две, когда я просто-напросто уснула во время занятия. И ладно бы медитация, там сам бог велел отдыхать, но мы проходили основные принципы построения классических конструкций. Не сказать, чтобы сложно, и довольно-таки интересно, и я слушала... определенно слушала, вникала, а потом вдруг очнулась на полу. А мастер сидел на корточках и разглядывал меня... как студент лягушку, прикидывая, с чего препарацию начать.

– Простите.

– Как самочувствие? – он наклонился и сдвинул ладонями мою голову. – Смотри-ка на лампу...

– Глаза слезятся.

Лампа была яркой и желтой, самое оно для мотыльков. И мошкары. Той разноцветной, которая вьется перед глазами... и так вьется, и этак... целые водовороты... а еще мастер со своими...

– Дыши глубже... ровнее... вот так... давно это с тобой?

– Что? Бессонница?

– Устаешь давно?

– Давно, – мне хочется с ним соглашаться. И вообще мастер – чудеснейший человек. Со мною вот возится... у него наверняка своих дел множество, а он возится... и в госпиталь пристроил...

– Варнелии говорила?

– Нет.

Ощущения какие-то – розово-зефирные, что ли? А я так давно зефира не ела... я его люблю, и очень. Халву так себе, а вот зефир... пушистый и мягкий, как мамин плед, тот, который в прошлом году на мусорку вынесла. Я его берегла, как умела, даже мамаше не давала, когда она... а она все равно нашла и подожгла. Как же, воспоминания... у всех воспоминания, только под пледом этим я засыпала нормально, а...

– Как ты не заметила? – мастер сердится.

Зря.

Злость, она не то чтобы вовсе не правильна, скорее уж нерациональна. Да и вовсе эмоции – это лишнее... я точно знаю.

– Я к ней не слишком-то и приглядывалась... ты же не в качестве пациента ее привел.

А мастер Варнелия чувствует себя виноватой. Самую малость. Но это тоже глупо.

Я бы сказала, но лень...

– Ничего, пару дней отлежаться, и ограничивающие браслеты поносит, пока каналы окончательно не стабилизируются. Повезло, что не перегорела... я видела, что она устает, но никогда ведь не жалуется.

У мастера сила холодная.

Фисташковое мороженое... Вадик постоянно мороженое покупал, а я его не люблю, вот... не понимаю, и все. Но ела. Еда – это важно, а для удовольствия – зефир.

Обязательно куплю себе.

Пачку или две... или три даже, и съем.

– Маргарита, – меня легонько похлопали по щекам. Приподняли. Прижали к губам горлышко очередного флакона. – Ну же, будьте хорошей девочкой, сделайте глоток...

Это он зря. Я не хочу быть хорошей девочкой... хорошие девочки не умеют за себя постоять. Хорошие девочки влюбляются в неподходящих парней, верят им, рожают детей, а когда вдруг остаются одни, сходят с ума, не смирившись с предательством.

Я лучше буду плохой.

Плохих обидеть сложнее...

Но пью. От зелья тянет тухлой водой, да и кислое оно настолько, что зубы сводит. Зато почти сразу отступает туман, в котором я плавала. Пол обретает жесткость, а две склонившиеся надо мной фигуры – четкость. Мастер Витгольц подает руку, и я принимаю ее.

– Простите, – голос хриплый, надсаженный. – Я не понимаю, что произошло... я больше не буду спать...

– Спать вы как раз должны, желательно часов двадцать минимум... лучше больше, чтобы организм восстановился. Покажите руки... И в следующий раз, Маргарита, вы должны говорить, если чувствуете себя несколько... не так.

– Я чувствую себя не так с того момента, как здесь оказалась.

– Понимаю... сложности адаптации... ко всему, насколько я знаю, вы выросли в техногенном мире, что накладывает свой отпечаток.

– Ты этого не говорил! – мастер Варнелия топнула ножкой, и мне почудилось, что феечные крылья ее зазвенели от гнева.

– Мне казалось, это очевидно!

– Ты... ладно, потом поговорим.

Прозвучало это... как-то нехорошо, но мастер Витгольц не испугался.

– Помимо всего прочего, не так давно вы подверглись серьезному воздействию... – он молча уставился на меня, а я попыталась вспомнить, где и когда... На ум приходило лишь одно – тот договор на крови. Он ведь едва не стоил мне жизни и, значит, мог считаться серьезным воздействием?

Или нет?

– Я... – я облизала губы. – Я отказалась от рода... исключилась... не знаю, как это называется теперь.

По тому, какими взглядами обменялись мастера, я сделала вывод, что с воздействием угадала.

– И вы выжили? – мастер Варнелия положила ладонь на лоб.

– Как видите...

– Да уж, для покойницы девочка очень даже бодра.

– Оставь свои шуточки, Тедди... ты же понимаешь, что...

– Ее отпустили...

Кто?

Я его поблагодарю при случае... или... кажется, я знаю, это та рогатая химера, которая прониклась мне сочувствием.

– Но в любом случае вас еще надолго хватило. Как хочешь, Тедди, но я ее забираю... посидит под присмотром недельку-другую...

Нет! Нет у меня в запасе лишних недель, мне учиться надо, иначе...

– Не переживайте, с вашим поступлением я вопрос улажу.

От этого обещания стало немного легче.

Все-таки феям не перечат.

Глава 12

Первой, кого я увидела, открыв глаза, была Мелисса. Моя сестра устроилась на стуле у окна, не знаю, долго ли она сидела, надеюсь, прилично, ибо раздражала она меня своим видом.

Оскорбленная невинность.

Прямая спина. Вздернутый подбородок.

Профиль идеальный.

Следовало признать, что Мелиссе от родителей досталось все самое лучшее. Тонкие черты лица матери и отцовские стати. В сочетании со светлыми волосами платинового оттенка и голубыми очами эффект выходил убойным.

– Чего тебе надо? – поинтересовалась я.

Без особой нужды мы друг с другом не заговаривали. А нужда приключалась редко... я не сомневалась, что Мелисса прекрасно знает, кто я, и это знание, точнее, сам факт моего существования ее несказанно бесит.

Более того, именно сейчас я прекрасно понимала истоки ее ненависти.

Возраста мы были примерно одного. И что это значило? А то, что козлоподобный папенька мой бросил беременную супругу ради моей матушки... знакомый фокус.

И родственной любви не добавляет.

– Вижу, – холодно произнесла Мелисса, – тебе уже намного лучше.

– Ага, – я широко зевнула. – Можешь валить.

– Мастер Варнелия полагает, что тебе необходима компаньонка.

– Не та, которая меня придушить мечтает, – я села.

Голова слегка кружилась, слабость была, но и только.

– Я сдержусь, – пообещала Мелисса, впрочем, без особой уверенности. – Ты должна понимать, что нынешнее твое состояние...

Она искренне пыталась вести себя профессионально, но не ее вина, что получалось плохо.

– Угомонись, – я махнула рукой.

Сидеть получалось.

Стоять тоже.

Я осмотрелась: палата, стало быть... что ж, местные палаты мало от студенческих комнат отличались. Небольшая, не сказать, чтобы уютная, но жить можно. Кровать. Тумбочка. Шкаф и стол... стул опять же, ныне Мелиссой занятый.

– Я тебя ненавижу, – она первой не выдержала.

– Знаю, – я вытянула руки и всецело сосредоточилась на ощущениях. Мышцы немного ныли, как бывает после нагрузок, но обошлось без тремора, что хорошо.

– Я...

– Хотела бы, чтобы я сгнула где-нибудь? – я подняла левую ногу и, закрыв глаза, попыталась сохранить равновесие.

– Да!

– Обойдешься.

Пятнадцать секунд... не слишком хорошо, но и не плохо. Похоже, и вправду дело в некотором перенапряжении.

– Послушай, – не то чтобы мне было дело до эмоций Мелиссы. Сестринской любви я не испытывала, желания броситься на шею и поплакать всласть и подавно, но... мне здесь еще учиться. А Мелисса в универе уже три года как мается. Друзьями обзавелась. Знакомыми. И следовательно, способна изрядно осложнить мне жизнь, что будет совсем уж лишним. – Это ведь не я сюда пришла... меня сюда притащили, к слову, не слишком спрашивая, хочу ли я этого...

Молчит.

И к окну отвернулась, демонстрируя мне затылок и косу.

Я присела на кровать и с наслаждением потянулась.

– Но раз уж так вышло, то я не собираюсь упускать свой шанс... от вас мне ничего не надо, ни от мамы твоей...

Мелисса стиснула кулаки.

– Ни от папочки... козел он, а с козла, как известно, удои хреновые...

– Ты... как ты смеешь так...

– Ой, да ладно... слушай, расчески не найдется? Бесит, когда волосы дыбом торчат...

– Ты... – Мелисса вскочила. – Тварь неблагодарная! Да тебя... взяли в дом... а ты... взамен... ты...

– Расческа, – повторила я, пригладив торчащие кудри. Волосы у меня вились не сказать чтобы сильно, но порой это их свойство доставляло неудобства. – И щетка зубная с пастой. Или здесь имеются свои? А в остальном... о моем существовании не вспоминали двадцать с хвостом лет. И не вспомнили бы, если бы не дар.

Расческой она в меня швырнула, но я поймала и сказала:

– Спасибо... у меня, к слову, своя жизнь имелась. И планы... и вообще я привыкла сама...

Мелисса тяжело дышала. Ноздри точеного ее носика раздувались.

Губы побледнели... кулаки сжаты, того и гляди, бросится.

Нехорошо бросаться на больных.

– А что неблагодарная... так за что благодарить? Твоя мамочка меня едва не прикончила. Она ведь знала, чем обряд чреват. И может, рассчитывала, что я, дуручка этакая, скончаюсь... всем бы легче стало...

– Неправда!

– Ну конечно... не стало бы... объясняйся, с похоронами возись... да, тоже кое-какие издержки... но ладно... бабуля моя... то есть наша, конечно... кстати, ты ее не боишься?

– А надо?

– Не знаю... мне вот было бы стремновато чаи распивать с человеком, который тебе мозги перекроить способен, – расческа была частой, а потому в волосах застревала. Надо бы постричься, но... во что это встанет?

Кроме того, я не видела, чтобы местные девицы со стрижками ходили. Может, конечно, и не запрещено, но не принято.

А мне и без волос найдется чем людей позлить.

– Опоит, как папеньку, и замуж выдаст...

– За кого? – ошеломленно спросила Мелисса.

– А мне почем знать? Найдется за кого...

– Ты... ты говоришь... сама не понимаешь, что говоришь!

– Ой, да ладно тебе...

Отращивать косу не хотелось.

С длинными волосами возни много... мыть, сушить, чесать... да и расход шампуня выше, значит, никакой экономии...

– Можно подумать, ты не знаешь...

– Чего не знаю? – Мелисса выглядела несколько ошарашенной. А ведь... она и вправду может быть не в курсе. К чему посвящать дитяtko в неприглядные семейные тайны?

Сама-то она мало помнит, точнее, не может помнить, каким отец был... я и то уже не уверена, что это память, а не фантазия на тему чудесного папочки.

– Забудь.

Если сами не сказали, то и мне не резон. Вообще помалкивать стоило, но...

– погоди. – Мелисса отмерла и, схватив меня за руку, сдавила. – Договаривай... или я...

– Что? Побьешь меня ложкой?

– Скажу мастеру Варнелии, что ты – лживая тварь... она не любит клеветников...

– Угу, и верит всем на слово, – я высвободила руку и сказала: – Слушай, оно тебе надо? Не лезь в чужое дерьмо... и сделать ничего не сделаешь, и сама изгваздаешься...

Вот только советы мои нужны были Мелиссе примерно как диабетика шоколадный торт.

– Или ты...

Да уж, а надо было предвидеть, что длинный язык до добра не доводит.

– Садись, – велела я и сама присела. Все-таки слабость еще ощущалась здорово. – И послушай, что ты вообще помнишь из детства?

Она пожала плечами.

Задумалась.

И снова пожала плечами.

– Мы жили... и мама часто плакала... потому что... отец ушел... бабушка говорила, что он вернется... она с нами жила и... она многому меня научила...

Надеюсь, не тому, как правильно варить запрещенные – а теперь я знала, что зелья, влияющие на личность, запрещены, – эликсиры.

– Потом отец вернулся и...

– Семья воссоединилась и стала крепче, счастливей...

По тому, как скривилась Мелисса, я поняла, что со счастьем явные проблемы возникли. Но тут уж сами виноваты...

– А теперь подумай. Да, папаша мой бросил твою маму и сбежал к моей... – я потянула за прядку. Еще немного, и в хвост собирать можно. – И из того, что я помню, жили мы не сказать чтобы очень богато, но вполне счастливо. Он был другим... веселым... смеялись они много и часто... и строили планы... мы ездили на море и...

Я замолчала, вовремя сообразив, что мои счастливые детские воспоминания будут несколько лишними.

– А в один прекрасный день все изменилось.

Я закрыла глаза.

Время к обеду. Я вернулась из школы... кажется, мы собирались... в цирк? Или в кино? Или просто на прогулку? Главное, что пятница и впереди выходные, а значит, можно побездельничать.

Обед.

И мама, которая порхает по кухне, напевая что-то веселое... гиацинтовый аромат ее духов... то есть я знаю, что гиацинтовый, потому что папа так сказал. А я запомнила.

Мне слово понравилось.

Было в нем что-то невообразимо чудесное.

На маме сиреневое платье с пышной юбкой. Помню тонкий белый пояс. И волосы, уложенные аккуратными локонами... браслет на запястье, с колокольчиками... его папа сделал.

– Ешь хорошо, – мама пытается быть строгой, но ее переполняет счастье, а потому строгости не хватает. И она в порыве чувств целует меня в макушку.

Он открыл дверь своим ключом.

Не стал переобуваться, и это показалось странным, потому что отец всегда снимал туфли в коридоре. У него имелись тапочки, большие, разношенные, клетчатые. Он иногда терял один, и я искала.

И это тоже было игрой.

– Я вынужден сообщить крайне неприятную новость...

Он стал чужим.

Этот мужчина в сером костюме.

Отец ненавидел костюмы и даже на мою линейку приходил в свободных брюках и свитере, утверждая, что эта одежда делает его свободным. А тут вдруг... белая рубашка. Галстук и аккуратный узел... запонки с камнями. Перстень на мизинце.

Меня очаровал черный камень, в котором будто тонули искры...

– Маргарита, иди к себе, – велел он.

И я не посмела перечить. Этому человеку невозможно было возражать, во всяком случае, у хорошей девочки Маргариты не хватило смелости на такое, и она ушла в свою комнату.

Она слышала резкий голос отца, но не могла разобрать слов.

И мамины всхлипы.

Короткий крик... и хлопнувшую дверь... и только тогда посмела выйти. Мама сидела на полу. Она была бледной и погасшей и казалась совершенно больной. На меня лишь взглянула, сказав:

– Не надо было ему туда ходить... не надо... это все они виноваты, я знаю...

Правда, не объяснила, кто и в чем, но... какая разница?

– И что? – Мелисса хмурилась. И злилась.

И кажется, готова была вцепиться мне в волосы. Я бы и сама кого-нибудь с удовольствием прибила бы, но... больным драться не положено.

– Ничего... просто когда человек сволочь, то это, как правило, как-то да проявляется. Не бывает такого, чтобы десять лет он был ангелом, а

потом раз – и в скотину превратился. Мы ведь нормально жили... даже хорошо... ни ссор, ни конфликтов. Я не помню, чтобы он когда-то на маму голос повысил, да и она... Бабушка моя, которая нормальная бабушка, говорила, что мама от любви разум потеряла.

Плакать давно уже не хотелось.

Вся эта история произошла будто и не со мной даже. То есть так легче, если думать, что не со мной.

– А потом в один день он вдруг изменился.

– И ты думаешь, что его опоили?

– Я почти уверена, – я скрестила ноги по-турецки. – Твоя мамочка и твоя бабуля слишком уж разболтались... думаю, папочка явился потребовать развода. И думаю, что не в первый раз... и твоя мать дала бы... но вот бабуле развод их был невыгоден. Деньги-то ваши... в смысле твоей матери. Вот и придумала... альтернативный вариант.

– Невозможно... – вот только убежденности в голосе Мелиссы не было. – Это... это ведь... незаконно! И вообще... ты... ты лжешь.

– Ага... если тебе так легче думать. Но... – я почесала кончик носа. – Поговори с матерью. Думаю, тебе она врать не станет...

Мелисса разжала кулаки.

– Что, вот так подойти и спросить: «Мама, не ты ли папу опоила?»

– Как вариант, – я потянулась, с каждой минутой есть хотелось все сильнее. – Но я бы рекомендовала иначе: подходишь, делаешь большие глаза и говоришь, мол, я все знаю! Как вы могли и...

Глава 13

Мастер Варнелия руку убрала и отступила от двери, потянув за собой Теодора, который, как и большинство мужчин, был, конечно, надежен, но напрочь обделен чувством такта. Ей пришлось прижать палец к губам, чтобы он, не приведите боги, не сказал что-нибудь лишнее.

– Да хватит уже! – Тедди посмотрел с укоризной. – Тоже мне... только не говори, что ты в это дело полезешь...

Варнелия дернула плечиком.

Нет, история, если подумать, не слишком красивая и местами совершенно незаконная, но она целитель, а не страж порядка... и как целителя ее скорее беспокоит нынешнее состояние пациента.

Пациентов.

Она взяла Тедди под руку, и тот мученически вздохнул.

– Думаешь, это правда? – Варнелия умела быть милой и даже научилась показывать, насколько безразлична ей тема разговора, вот только в отличие от прочих Витгольц слишком хорошо ее изучил.

– Не лезь, а? – взмолился он. – Если там хотя бы часть правда, то старуха всех похоронит, но не позволит случиться скандалу.

Варнелия вздохнула.

И взмахнула ресницами. И они задрожали, мелко и часто...

– Нелли, ну пожалуйста...

– Мне просто интересно... она ведь не лгала, ты знаешь.

– Это еще не значит, что все было именно так. – Витгольц всегда отличался поразительным упрямством. – Девочка сочинила историю и в нее поверила... хотя... я все не мог понять, кого она мне напоминает... мы учились вместе. Не сказать, чтобы приятелями были, все-таки он – белая кость, а я так... ошибка природы...

Варнелия погладила друга по плечу.

Столько времени прошло, а он еще носит со старыми обидами.

– Но по сравнению с остальными он не был засранцем, никогда не пакостил специально. Как-то даже помог... просто так... в целом довольно сильный маг. Конструктор. Дар выражен ярко... у него отлично получалось работать с неживой материей, особенно с камнями. Как никто другой ощущал структуру их, потоки... ему прочили карьеру артефактора.

Они вышли в сад.

Пыльные деревья, жухлая трава... магия и та не способна была

вдохнуть жизнь в это творение рук человеческих. И мастер Варнелия с горечью коснулась резного листа...

Ее сил не хватит на всех.

А воду могли бы и подвести, зная, насколько жаркое лето... и надо будет написать очередное прошение, потому как без прошений здесь ничего не делается... и пригрозить... чем?

Например, уходом в королевский госпиталь.

В конце концов, ей сад нужен для восстановления душевных сил, и нормальный, а не это...

– Его даже приглашали в «Манс и сыновья», – Тедди приподнял тяжелую ветвь падуба, чьи листья мелко дрожали, выказывая обиду на солнце, сухость и людей, заглядывавших сюда так редко.

– Не сложилось?

– Вроде того... его матушка была против... как же, потомок такого знатного рода... родственник короля, и будет трудиться в мастерской, как простой смертный?

Витгольц фыркнул и подал руку, помогая перебраться через нагромождение камней, а потом снял пиджак и бросил на траву, проворчав:

– Хотя бы на землю не садись...

Ему до сих пор было непонятно это ее стремление коснуться живого, но, пусть и не понимая, он не пытался ее изменить. И за это Варнелия была ему благодарна.

– Она нашла подходящую невесту, весьма состоятельную, единственную дочь Бельго Хопштейна. Конечно, род не такой древний, зато за отцом – миллионы, если не миллиарды... Свадьба состоялась, а потом Берт просто исчез...

Он присел рядом, облюбовав плоский широкий камень, вершина которого уходила глубоко в землю. И камень этот чем-то напоминал Варнелии сточенный зуб, последний, оставшийся у мира...

– Я не то чтобы за ним следил, все же не моего полета птица, но... слухи – дело такое... поговаривали, будто он развестись хотел, свое дело открыл. А потом я вдруг его в городе встретил. И даже не узнал сперва... весь такой... заледеневший. Мне кивнул и мимо проплыл с супругой под ручку... да...

Тедди скрестил ноги и сгорбился, застыл, задумавшись. Заговорил он через несколько минут:

– Знаешь, он ведь действительно увлечен был делом, а потом вдруг... так что вполне возможно, что и права девочка, только... если так... сколько от него, прошлого, осталось? Если вообще осталось?

Вот это, говоря по правде, и было интересно.

Воздействие было долгим, если не сказать – сверхдолгим. Варнелии и читать-то не доводилось про подобные эксперименты... а вот взяться, попробовать очистить, восстановить личность, если, конечно, она в принципе подлежит восстановлению, но... теоретически.

Исключительно теоретически...

Для начала неплохо было бы получить образцы, скажем, волос. По волосам многое можно выяснить. К примеру, узнать, какой дрянью его опоили... вариантов не так много, и...

– Скажи, – она провела пальчиком по ладони Тедди. – Тебе ведь пришло приглашение на бал Ирисов?

Он закатил глаза.

– Пара волосков... мне всего-то пара волосков нужна... интересно же! Тедди вздохнул.

Парой волосков дело точно не ограничится.

Браслеты на меня надела мастер Варнелия лично. Тонкие. Звонкие. И легкие. Они защелкнулись беззвучно, отрезая от меня мою магию, но никаких особых ощущений я не испытала.

– Недельку поносишь, а там посмотрим, – мастер заглянула в глаза, заставила рот открыть и смотрела долго, будто зубы пересчитывала.

Измерила пульс.

И кровь взяла, наполнив ею пробирку.

В общем-то ничего нового.

– Может, домой отпустите? – в госпитале было неплохо, однако не покидало ощущение пустоты.

Заняться здесь было совершенно нечем.

Учеба?

Нельзя переутомляться.

Помощь в госпитале? Пациентам не положено, и вообще, мне действительно нельзя переутомляться.

Прогулки... сутки не погуляешь. А лежать, разглядывая потолок, я не умела. Точнее, пробовала, но в голову начинали лезть всякие мысли не самого приятного толка... вспоминался вдруг дом.

И мама.

И соседи... и однокурсники мои... работа... пациенты, которые давно уже нашли другую медсестру. Небось она не забывает о визитах и вообще вся замечательная... она найдет подход к Аристократу, славившемуся дурным своим нравом. И будет чесать за ухом ласковую Шоколадку. Она

будет делать уколы аккуратно и чистить уши так, что... никто обо мне не вспомнит. А если вдруг, то с неудовольствием, мол, ушла и не попрощалась...

Почему вдруг это стало важным?

И когда стало?

Не знаю.

– Отдыхай, – мастер была непреклонна. – Завтра отпущу при условии, что не станешь усердствовать в учебе... никуда она от тебя не денется.

Она ушла.

А я осталась. Села на подоконник, благо здешние были достаточно широки, прижалась лбом к стеклу... Тоска... Мелисса больше не показывается, а хоть какое-то да развлечение было, и Марек не заходит, тоже мне, приятель. Нет, я понимаю, что он вовсе не обязан, что... у нас с ним взаимовыгодное сотрудничество, и только, но мог бы приличия ради и навестить.

Он, если подумать, давно уже потерялся, пожалуй, после той смерти, о которой я забыла, как и о самом Мареке. Как-то вот в моей жизни снова не хватило места для других.

Окна выходили в сад.

Он, начинаясь за госпиталем, тянулся узкой полосой вдоль стены и был, признаться, несколько заброшен. За последние дни я успела изучить его изрядно, отчасти надеясь найти то самое, особое место, которое позволило мне быстро восстановиться в прошлый раз. Но сад был на редкость равнодушен.

Сумрачен.

И... все равно заняться нечем, а там всяко интересней, чем в госпитале.

Здесь не пахло ни травой, ни цветами. Огромные деревья с бархатистой корой, весьма ценной в качестве лекарственного сырья. Их кроны смыкались плотно, защищая сад от злых солнечных лучей. И под щитом этим расползлся тяжелый влажный плющ. Плети его свисали с ветвей, достигали земли, чтобы вновь вскарабкаться, но уже по хлыстам кустарника.

В пыльной траве посверкивал огнецвет. То тут, то там виднелись белые россыпи звездчатки, растения по сути своей на редкость бесполезного...

Я, оглядевшись – мало ли, вдруг да по деревьям лазить не принято, – уцепилась за низкую толстую ветвь дуба. Плющ выдерживает, и меня выдержит.

Лазить по деревьям я умела с детства, еще отец...

А может, все-таки сообщить куда надо?

Пусть проведут дознание.

Установят... что-нибудь да установят... накажут виновных, а потом... что потом? Вернут папаше сознание? Сомневаюсь... я пока знаю не слишком много, но подозреваю, что зелья эти сродни наркотику. Не так-то просто с них соскочить. А он пил годами... и вообще сомнительно, что от прежней личности что-то да осталось, а если и осталось, то...

Прозреет.

Осознает, ринется спасать маму и обнаружит... то, что обнаружит... А она? В наркотических снах своих она вполне себе счастлива. И сумеет ли отказаться от них? Ради меня не сумела, а ради него?

Обидно...

И бессмысленно напрочь. Это расследование, если случится оно, ничего-то не изменит. Не исчезнут обиды, и годы прожитые не сотрешь, а значит, всем будет по меньшей мере неудобно.

Неприятно.

И вообще... может, маменька от таких переживаний остатки разума утратит, а я... что я буду делать, обзаведшись внезапно любящими родителями? Нет уж... пусть это глубоко эгоистично с моей стороны, но... свою жизнь они прожили.

Теперь моя очередь.

Я забралась довольно высоко и, устроившись в развилке ветвей, прикрыла глаза. Уснуть и упасть я не боялась, опыт имелся.

Было почти прохладно.

И приятно пахло сосновой смолой, еще, кажется, огуречным рассолом. И этот аромат, пусть несколько странный, умиротворял...

– Ты... ты не можешь вот так со мной! – девичий звонкий голос прервал мои вялые мечтания о светлом будущем.

– Почему?

Айзек, чтоб ему... не мог найти для расставания другого места? Нет бы повести девушку в ресторан, чтобы свечи, розы, музыка, вино и проникновенная речь... он ведь не раз произносил их.

Или оскомину набил?

– Я тебя люблю!

Убежденности, прозвучавшей в этом голосе, я позавидовала.

– Эрика, мы это уже выясняли, – Айзек говорил спокойно. – Я ведь не обещал тебе любви и жениться не обещал...

– Но ты должен!

Вот дура...

Я перевернулась и, свесившись вниз, попыталась разглядеть эту красавицу. А ведь и вправду красавица. Тонкая, звонкая, с гривой медно-рыжих волос.

И грива выглядит ухоженной...

– Я ради тебя Олафа бросила!

– Ты его бросила не ради меня, а ради себя, – Айзек присел на корень и прислонился спиной к стволу. – И помнится, не слишком по этому поводу переживала.

Красавица в зеленом легком платье упала на колени и протянула руки... Актриса.

– Нам ведь было так хорошо... ты и я... мы созданы друг для друга.

– Исключительно в твоём воображении.

– Но что скажут мои родители...

Всхлип.

И заломленные руки. И ощущение фальши, которое не позволяло поверить в эту трагедию.

– Послушай, – Айзек закатил очи вверх и встретился со мной взглядом. Вздрыгнул. Я улыбнулась и дружелюбно помахала рукой. Угрызений совести я не испытывала: в конце концов, это он сюда приперся, нарушил дрему и покой, столь исключительно мне полезные. – Я ведь говорил тебе, что связан обязательствами, так?

Рыжая кивнула, и как показалось, неохотно.

– И говорил, что не способен испытывать глубокие эмоции...

А это что-то новенькое.

– Я... я подумала, что смогу... разбудить в тебе...

Ага, спасти несчастного, обойденного чудом любви. Растопить поцелуем ледяное сердце и разбудить бурю страсти... Моя сменщица обожала любовные романы, и порой, когда становилось совсем уж тоскливо, я перелистывала яркие томики.

Они были веселыми в своей нелепости.

– Попытка не удалась.

– Это потому, что ты не старался, – рыженькая топнула ногой. – Айзек, дай нам шанс... вот увидишь, со мной тебе будет лучше, чем с этой ледяной выдрой... Это она, я уверена! Она что-то с тобой сделала!

Новая идея всецело завладела ее разумом.

– Идем, – она вцепилась в его руку и дернула, но Айзек не пошевелился. – Идем же! Госпиталь рядом, и мастер проверит...

– Сегодня меня уже проверяли. И вчера. И позавчера... и за день до того. Что? Эрика, я же говорил, что на особом положении, поэтому

проверяют каждый день. Я чист. И я действительно тебя не люблю. И никогда не любил. Ты симпатичная девочка, с тобой приятно было провести время. Как и тебе со мной. Скажи, чего ты хочешь, и прекрати эту истерику.

– Сволочь!

– Еще какая, – вполне миролюбиво согласился Айзек. – А еще тварь, скотина и так далее... Эрика, зайка моя, хватит уже, я действительно устал. Любви у тебя нет, ни ко мне, ни к Олафу. Ты ищешь партию получше, и это я могу понять. Как и похвальное стремление обзавестись полезными знакомствами. Поэтому советую остыть и подумать... Ты можешь, конечно, и дальше истерить, но добьешься лишь того, что станешь неудобной персоной и вряд ли кто рискнет с тобой связаться.

А рыженькая губку прикусила.

И вид у нее... вот теперь ей отчаянно хотелось надавать Айзеку пощечин. Или еще что похуже сделать...

– А можем разойтись миром и остаться друзьями. Иметь меня в друзьях очень полезно для будущей карьеры. Ты ведь умная девочка, ты не собираешься выскочить замуж и осесть в каком-нибудь богами забытом имении, играя в баронессу. Ты способна на большее... стать подмастерьем, а там и мастером... получить работу, независимость...

Даже я с ветки свесилась, чтобы расслышать получше. Умеет же уговаривать, засранец этакий. Рыженькая похлопывала ладошкой по своей руке, но перечить не пыталась.

И думала.

Определенно думала... просчитывала варианты. Полагаю, на изначальном, в котором она счастливо выходила замуж за племянника короля и показывала фиги всем завистникам, Эрика поставила жирный крест, а вот тот, который озвучивался теперь, нашел в ее душе отклик.

– Знаешь, а меня ведь предупреждали, что ты засранец редкостный, – вздохнула она. – Ну ладно... с тебя помощь. Только, чур, реальная, а не это словоплетство...

Айзек рассмеялся.

– Вот теперь я тебя узнаю... и чего хочешь?

– Место в приличной фирме... сам знаешь, у меня последний год, а предложений... – Эрика поморщилась. – Без протекции в столице...

– Будет тебе протекция... и заказ... У тебя браслеты получают удивительной красоты... я как раз матушке подарок подыскиваю. Возьмешься?

– С клеймом или без?

– А право есть?

Эрика дернула плечиком и презрительно заметила:

– За кого ты меня принимаешь! Конечно, есть... и в резюме оставлю.

– Договорились...

– Свойства? Металл... лучше возьми лунное серебро... сейчас все помешались на золоте и платине, но как по мне...

– На твой выбор. А свойства...

Дальнейший разговор был малоинтересен, все-таки я пока не так уж хорошо понимала, чем первый уровень защиты отличается от второго и как настроить потоки, если... Сверху я видела две макушки, и со стороны они казались вполне милой парочкой.

Поссорились.

Помирились... с кем не бывает.

А потом рыженькая ушла, и Айзек предложил:

– Спускайся.

– Зачем? – памятуя о последней нашей встрече, спускаться я не хотела. Вообще приближаться к этому типу не хотела.

– Поговорим.

– И так неплохо говорится, – я обняла ветку и прижалась к ней щекой. – И вообще я спать собиралась, а тут вы со своей любовью...

– На дереве?

– У всех свои привычки... Так зачем девушку обидел? Мне показалось, она вполне вменяема. Надоела?

– Не только, – Айзек пересел так, чтобы видеть меня. – Две недели – это незначительное увлечение, а вот если дольше, ею займется служба безопасности...

– А так не занималась?

Слабо верится.

– Не настолько плотно, – он усмехнулся, демонстрируя ровные белые зубы. – Да и не в ней проблема... слухи поползут... одно дело, когда девочка – незначительный эпизод в череде прочих, и совсем другое, если вдруг кому-то покажется, что я уделяю ей слишком уж много внимания. Моя невеста может действительно расстроиться.

– А сейчас, значит, не расстраивается?

– Мы относимся с пониманием к слабостям друг друга...

Ага, высокие отношения, которых мне никогда не понять. Айзек же похлопал по земле и повторил:

– Слезай.

– Это еще зачем? – слезать мне совершенно не хотелось. Более того,

подумалось, что надо было в госпитале оставаться. А что, там тихо, спокойно... нет, потянуло на свободу. И что, если этот типчик, привыкший ко вседозволенности, решит, что ему самое время новую подругу искать?

И тест-драйв на травке провести?

– Да ладно, не трону... ты забавная.

– Чем это?

Спускаться я все же не стала. Обещания обещаниями, но здравый смысл настоятельно рекомендовал держаться подальше или, в данном конкретном случае, повыше.

– Обычно девочки, наоборот, стремятся познакомиться поближе... а ты бегаешь... друзья не нужны?

– А ты всех друзей через постель вербуешь?

– Злая...

– Добрым выжить тяжелее...

– Не без того... вижу, браслетики нацепили. Что случилось?

Он не пытался изображать сочувствие, а ленивое любопытство Айзека выглядело достаточно спокойно и безопасно, именно потому я ответила:

– Что-то не то с каналами... мастер говорит, что нужно время, чтобы они раскрылись и стабилизировались, а пока опасно...

Он кивнул и почесал запястье. А потом сказал:

– Ну... если ты не против, я пойду, что ли...

– Иди.

И вправду ушел. А я до самого вечера на дереве просидела, почему-то слезать не хотелось совершенно, а разговор, которому я была свидетельницей, не выходил из головы.

На следующее утро я удостоилась подзатыльника – рука у мастера Варнелии оказалась не по-феевски тяжелой – и короткой отповеди:

– Еще раз сбежать вздумаешь, выгоню.

– Простите, – я потупилась, понимая, что изобразить должное раскаяние не сумею. – Я просто... там хорошо было... в саду, вот и потеряла счет времени. Больше не повторится.

– Уж постарайся, – мастер странным образом потеплела и, взмахнув рукой, сказала: – А теперь иди. На вечерний осмотр чтобы явилась, и никакой магии, слышишь? Даже не пытайся пробовать...

Ага, можно подумать, тут я только и делаю, что магичу без присмотра. Я вообще не уверена, что способна на что-то, кроме диагностики.

Глава 14

В комнате было пыльно и пусто. Само собой, не нашлось ни записок с пожеланиями скорейшего выздоровления, ни открыток. Тетради стопкой. Учебники – другой... Я завалилась на кровать и открыла позабытую «Контурную диагностику». Может, конечно, магичить и нельзя, но вот пару глав прочитать не повредит.

Следующие несколько дней прошли обычно.

Я много читала, еще больше – гуляла, стараясь на всякий случай держаться подальше от людей. Вот и получилось, что именно я нашла Эрику...

С утра случился дождь. Вернее, он начался еще ночью, и я сквозь сон слышала, как тарабанят капли по жестяному подоконнику. К рассвету дождь поредел, превратившись в этакую мерзковатую и холодную морось. Даже не верилось, что еще недавно я страдала от жары.

Холод и сырость проникли в комнату.

Пропитали и постель, и одежду. Страницы книг и те будто бы разбухли. Выползть из-под одеяла не хотелось совершенно. В столовую я добиралась бегом, перепрыгивая через лужи, и все равно умудрилась промокнуть. Тетушка Норва, с которой я успела свести короткое знакомство, лишь покачала головой.

– Ты бы одежду прикупила, девонька, а то сезон начинается... – сказала она жалостливо.

Сезон, стало быть... нет, теоретически я учила что-то такое про местный климат и даже зачет сдать удосужилась. Но одно дело – читать, что три четверти года здесь влажность повышена и порой уровень осадков достигает пятисот миллиметров в месяц, и совсем другое – ощутить эту вот влажность на собственной шкуре.

– Спасибо.

Куртенка у меня имеется, но вот подсказывает чутье, что одной ее не хватит. Следовательно, придется-таки в банк заглянуть, тронуть счет...

Перспектива близкого расставания с некоторой, пока еще неизвестной суммой денег наполнила мое сердце печалью, которую был не способен скрасить и кусок шоколадного пирога.

В столовой было привычно малоллюдно.

И тепло.

Я сидела долго и потому, оказавшись на улице, удивилась: дождь

прекратился. Выглянуло солнце, плеснув света в лужи, словно пообещав избавить от них... подумаешь, дождь.

Случается.

Зато трава отмылась. И оказалась она не просто зеленой, а того глубокого насыщенного оттенка, который бывает у дорогого малахита. Я даже потрогала, а вдруг она и вправду окаменела? Но нет, трава была влажной и мягкой, острые стебельки царапали ладонь.

Свежесть.

И тепло.

И от мрачного моего настроения не осталось и следа. Я решительно ступила на газон. Кроссовки промокнули? Плевать, высушу. Мне хотелось и петь, и танцевать, и кружиться... наверное, это не было нормально, и слабый голос разума нашептывал, что со всем этим надо бы показаться целителю, но...

Потом.

Позже.

Обязательно и всенепременно. А сейчас я стянула обувь и носки. Трава приятно щекотала ступни, и кажется, я рассмеялась... а потом побежала.

Так бегают в детстве, не из желания скорее добраться до цели, но ради самого бега, упоительного движения. Быстро и еще быстрее. Хватая воздух ртом, захлебываясь им и не останавливаясь, пока есть силы. Они иссякли как-то и вдруг, и я упала на траву... лежала.

Долго?

Не знаю, главное, что лежать было так же хорошо, как и бегать. И вообще, давно уже я не ощущала себя настолько безоглядно счастливой. А потому понятия не имею, как я оказалась у пруда. До этого я и не подозревала, что на территории университета пруд имеется.

Он был.

Круглый и неглубокий с виду, слегка заросший ряской и кубышками, желтые цветы которых лежали на воде. Черная, она дразнила глянцевым блеском стрекоз. Цеплялась корнями за черную жижу прибрежной земли ива. И перекрученный ствол ее изгибался, вытягивался над водой, и зеленая грива касалась зеркальной поверхности.

Красиво.

И тихо. И меня отпустило именно там, на берегу. Я сидела, грызла травинку и наблюдала за стрекозами. А когда встала, то увидела что-то белое... большое такое и белое... и цвет показался совершенно чуждым замечательному этому месту.

Пожалуй, именно тогда я поняла, что произошло что-то нехорошее.

Не было ни холодка по позвоночнику, ни дурного предчувствия, просто осознание – случилась беда.

Уже потом я разглядела, что белое – это то ли платье, то ли рубашка ночная. Намокшая, полупрозрачная, она облепила тело. И Эрика выглядела до откровенного неприлично.

Она лежала лицом вниз.

И... рыжие волосы... мокрые, слипшиеся и утратившие тот особый медный оттенок... да и мало ли рыжеволосых в округе? Я знала лишь одну...

Надо было кричать.

Звать на помощь.

А я подошла. Ноги проваливались – берег после дождя окончательно размыло, и темная жижа хлюпала под ногами, но я все равно шла. И коснулась руки в надежде услышать хоть каплю жизни.

Ничего.

Рука была холодной и скользкой.

Почему-то бросились в глаза скрюченные пальцы, будто она пыталась схватиться за что-то, но... ноготь обломан...

Я перевернула ее и отерла лицо от грязи.

Широко раскрытые глаза. Гримаса ужаса. Рот раззявлен и забит волосами... и она больше не была красивой, эта девушка.

И не была живой.

Я пыталась. Я позабыла про то, что не могу пользоваться магией, что... я просто звала, звала... и в какой-то момент тело ее дернулось, вытянулось и забило в агонии. Она закашлялась, выплевывая поток воды и грязи, а потом, поднявшись, попыталась дотянуться до меня. В по-прежнему неживом, хотя ожившем лице не было ничего человеческого... и тогда, кажется, я испугалась.

По-настоящему.

Тонкие пальцы вцепились в руку.

И это было больно. Кажется, кости затрещали, а из горла Эрики донеслось сипение, и губы шевелились, шевелились... Она медленно подтягивала меня к себе, к воде, которая по-прежнему блестела и с удовольствием приняла бы в ласковые объятия свои еще одну жертву.

Я пыталась вырваться.

Отцепить пальцы.

И упиралась... и все равно ехала – берег был рыхлым и скользким. И все могло бы закончиться иначе, если бы...

Вспышка.

И свежий запах грозы... и кажется, стрекозы поднялись гудящим роем. Их стало вдруг слишком много сразу... или они существовали лишь в моей голове? Крик застрял в горле, а лицо мертвой Эрики оказалось перед моим. И губы сложились в улыбке.

И я услышала хриплое:

– Ай... зек...

Айзек.

Хренов Айзек... он-то здесь каким боком? Я успела это подумать, прежде чем самым бестолковым образом лишиться чувств.

Сознание ушло.

А вернулось уже в госпитале: эти серо-зеленые, словно пылью припорошенные стены ни с чем не спутаешь. Я лежала... просто лежала и глядела в потолок. Сил не было совсем. Собственное тело ощущалось как пустой сосуд, в котором по недоразумению задержалась душа.

Тело помнило, как дышать.

Но и только.

Я моргнула.

И снова... и потом пришла боль. Кости крутило, кожа горела. Мышцы, кажется, свело судорогой, и так, что еще немного – и кости треснут... При столбняке подобное бывает, я читала – мышечные спазмы настолько сильны, что кости ломаются.

А у меня столбняк?

От мертвеца заразилась?

Мертвое не способно двигаться... это неправильно, что оно... или она... мертвые лежат себе спокойно, в воде ли, на прозекторском столе, в гробу... Главное, им все равно, что происходит с телом. А эта... эта взяла и схватила меня.

Заразила своей... мертвостью?

– Вижу, вы очнулись, – голос мастера Варнелии донесся словно бы издалека.

А я очнулась?

Наверное, хотя сейчас моя уверенность в чем бы то ни было изрядно пошатнулась. Мертвые не оживают, но я видела, и... и боль отступала.

Возвращалась.

Волнами.

– Куда надевали браслеты? – мастер подошла. Я слышала, как скрипит пол под ее весом, и еще подумала, что скрипеть он не должен, поскольку феи – существа волшебные, воздушные, а откуда в воздушных созданиях вес?

Еще одна неправильность здешнего мира.

Браслеты же...

Не помню.

Утром были, а потом... может, утопленница забрала? Вдруг ей для полного упокоения только их и не хватало? Я бы отдала, надо было лишь попросить, а она драться полезла. Стало вдруг так обидно, что я заплакала. Я не плакала целую вечность и сейчас не собиралась, не при людях... слезы – это слабость, а я не имею права быть слабой.

– Ничего, – мастер оказалась рядом, и холодная ладонь ее легла на лоб. – Это ваш страх уходит. Слетели, стало быть, не справились с потоком, но они вам больше и не нужны.

Почему?

Потому что я перестала быть магом? Эрика забрала не только браслеты, но и силу мою? Я не хочу так... я больше не буду... я ведь делала все, как говорили, чтобы стать целителем, хорошим целителем, устроиться в мире... А этот мир, получается, отталкивает меня, как прежний, если...

– Тише, – от холодной руки исходил жар, который разливался по телу, унимая боль. – Ваши каналы не только полностью раскрылись, но и стабилизировались. А значит, опасности больше нет. Но вам нужно уделить особое внимание контролю. Вы вновь себя исчерпали. Знаете, что бывает, когда маг полностью отдает весь свой резерв, но при этом не останавливается?

Нет.

Откуда мне?

Я и про существование магов узнала недавно... и не скажу, чтобы это знание сильно меня обрадовало.

– Он начинает вкладывать в контуры собственную жизненную силу, – в голосе мастера мне послышалось эхо грусти. – Ее много... но она в отличие от резерва не восстанавливается. А исчерпав себя, маг уходит за грань... Из вас получится хороший целитель, Маргарита, но... мертвое останется мертвым, даже если влить в него всю силу первозданного источника.

– Я...

Воображение нарисовало страшную картину.

Исчерпав резерв, я напоила Эрику собственной силой... хорошо, не кровью, но... исчерпала, постарела и теперь лежу столетнею развалиной, которая...

– Я вас напугала? Это хорошо... целителю следует проявлять разумную осмотрительность. Мой наставник был замечательным

человеком – умным, и добрым, и веселым, и действительно мастером. Дар свыше, такому не научишь... Но он слишком сопереживал пациентам, всегда тратился до конца, а однажды случилось землетрясение... и пожар... Целителей всегда было немного, но в этот раз выставили всех, даже студентов-первогодков, надо было лишь поддерживать жизнь... Он спас многих, куда больше, чем мог себе позволить...

– Умер?

Ко мне вернулась способность говорить.

– Не сразу... это похоже на истощение... магия уходит, появляется слабость... она подступает волнами. Приступ за приступом, а между ними иллюзия, что все хорошо... нормально... амулеты и артефакты задерживают развитие болезни, но... страдает не только магия и тело, но и разум... У всех проявляется по-разному. У кого-то случаются вспышки агрессии, кто-то, напротив, делается беспомощен и плаксив, забывчив... Это угасание порой длится годами, а то и десятилетиями, и тело живет дольше всего. Это страшно, Маргарита, видеть, как молодой и сильный человек становится... существом, иначе и не скажешь. Поэтому в следующий раз, прежде чем что-то делать, постарайтесь думать.

Жар ушел.

Холод тоже. И боль унес с собой. Мастер сняла спазм и сделала еще что-то, отчего тело мое обрело невероятную легкость, я будто утопала в пуху... И это было хорошо.

Замечательно.

Я сама не заметила, как уснула, и сон был спокоен.

Глава 15

Мастер Варнелия покачала головой и, проведя ладонью над телом, вздохнула. Если ее догадка верна... Она и надеялась, что верна, и опасалась этого.

Молчать.

Подобный дар что шило в мешке, его не удержишь, но девочке повезло хотя бы в том, что она не связана родовыми узами. Кажется, еще немного, и мастер поверит в высшую справедливость. Она улыбнулась, представив себе лицо старухи, когда та узнает...

Обязательно узнает.

И попробует вернуть беглянку, но...

Нет, не о том думать надобно. Она укрыла девочку и вышла из палаты. Тихо щелкнул замок, запирая дверь, и развернулась завеса сторожевого заклатья. Может статься, конечно, что предосторожность излишняя, но... мастеру так спокойней.

Теодор нашелся внизу.

Сидел, подперев рукою щеку, и пялился в остывший чай. И снова головная боль мучит, но ведь не признается, упрямец этакий... Мастер вздохнула и погладила его по плечу.

– Как ты?

– А она как?

– Жить будет, и, полагаю, со временем очень даже неплохо. Что выяснил? Сиди смирно, лечить буду... сиди, я сказала, – она дернула за жесткую прядку, и Тедди, вздохнув, подчинился.

Его боль была красной и колючей и не желала отступать.

А вот и причина.

И эта причина ей совсем не нравится, и мастер латает истончившуюся стенку сосуда, понимая, что латка эта, как и предыдущие, продержится недолго.

– Тебе отдыхать надо...

– Когда? – Теодор потерся щекой о ее ладонь. – Выходи за меня замуж.

– Всего-то двадцать лет прошло, и ты созрел для предложения.

– Я бы и раньше, но... кем я был? И кем была ты... А теперь все иначе.

– И теперь все по-прежнему, но ты не увливай. Ты должен отдохнуть. Я не хочу становиться потенциальной вдовой.

– Значит, согласна?

– Согласна подумать, – мастер Варнелия села рядом и забрала чашку с чаем. – Тебе вредно, сейчас настой укрепляющий заварю...

– Только не снотворный!

– Поспать тебе тоже не мешало бы.

– Позже... обещаю... приду и позволю запереть себя в какой-нибудь... – он махнул рукой. – Ну ты поняла, да? Тогда и учи, и лечи, и вообще...

Серьезное обещание с учетом того, что Тедди терпеть не мог лечиться, полагая, что самой природой ему дано крепкое здоровье и вообще больных магов не бывает.

Какое распространенное заблуждение.

– Что с девочкой?

Укрепляющий сбор пах мятой, которая слегка сглаживала горечь трав. Мастер сыпанула в чайник пару сушеных ягод зимноцвета: пусть уж и аромат появится мягкий. Тедди никогда не любил горьковатого вкуса, которым обладало большинство настоев.

Капля силы.

И благодарный кивок.

– Это похоже на самоубийство, – произнес наконец Витгольц.

– Похоже?

– Похоже... очень похоже... я нашел ее следы, и только...

– Дождь...

– Был, – Тедди кивнул. – И изрядно помог, но ее следы остались – не все, однако если поискать... Правда, с другой стороны, тот, кто затеял эту игру, скажем так, знал, что следы будут искать, а потому наверняка потрудился, чтобы не оставить лишних. Я одного понять не могу, как он заставил ее в воду залезть... Тело чистое, ты же сама его видела, ты...

– Я посмотрю снова, – она провела по жестким волосам. – Сейчас... а ты отдохни, ладно?

– Вызовут...

– Утром... все утром, – мастер Варнелия погладила его по плечу. – В конце концов, сейчас ты сделал все, что мог. Поэтому отдохни...

Мне снилась Эрика.

Она танцевала на берегу озера, и танец этот был отвратителен. Эрика вихляла бедрами, оттопыривала зад и хохотала. В конце концов она задрала подол белой своей рубахи и трубным голосом велела:

– Иди ко мне...

Я сделала фигу.

Кошмар? Снились и позабористей.

Очнулась я, как ни странно, вполне отдохнувшей. И, увидев у постели мастера Витгольца, нисколько не удивилась.

– Допрашивать станете? – я пригладила вздыбленные волосы.

– Стану, – сказал мастер как-то... обреченно, что ли? Будто не ждал он от этого допроса ничего нового, как и ничего хорошего.

Я подтянула одеяло, а то... двусмысленно как-то... Нет, вряд ли я представляю интерес в этом плане, изрядным извращенцем быть нужно, чтобы вспылать страстью к мятой девице с опухшим после сна лицом. И запашок изо рта еще тот... и вообще...

– Как ты там оказалась?

– Не знаю, – честно сказала я и, поерзав, добавила: – Все было... странно.

На его месте я бы в такую историю не поверила.

Вышла.

И потеряла память на пару часов, а потом вдруг очнулась возле труп...

– Я ее не трогала! – на всякий случай добавила я, завершив рассказ. – Точнее, трогала... мне показалось, что она еще не совсем мертва, то есть мертва, но... не знаю, сейчас я понимаю, что не должна была ничего делать... на помощь позвать, и только, а там вдруг... как нашло оно.

Я сдавила голову ладонями.

– Она ожила... ненадолго, да... но вы ведь видели, да? Это вы пришли... вы меня спасли...

Мастер Витголец потер подбородок и признался:

– Я.

– И... она вправду ожила?

– Относительно, – он пододвинул стул поближе. – Видите ли, Маргарита, сделать мертвое живым не под силу никому, некроманты и те лишь создают иллюзию жизненных процессов. Хотя, конечно, вы удивили...

– Я не снимала браслеты сама!

– Не снимали, – он был подозрительно доброжелателен. – У вас не получилось бы... Но подозреваю, что смерть девушки спровоцировала нарушение защитного контура, а вкупе с дождем... Вода – идеальный проводник энергии. Случился прорыв, в который вы и попали. Отсюда и ваши... ощущения. Браслеты просто-напросто не справились с потоком и перегорели. Что до остального, то...

Мастер Витголец побарабанил пальцами по собственному колену.

– Что она вам сказала?

– Я...

Промолчать?

Солгать, что не помню? Нет, что-то – должно быть, здравый смысл – подсказывает мне, что лгать мастеру Витгольцу – не самая лучшая идея. И он, кивнув, будто и вправду прочел мои мысли, сказал:

– Не стоит, Маргарита... вам оно надо? Вы в этом деле, похоже, случайный человек...

– Айзек...

– В каком смысле?

– Она сказала: «Айзек». А в каком смысле... понятия не имею. Может, думала о нем...

– Любопытно... – мастер прикрыл глаза. – Снова, стало быть... Айзек, Айзек...

– Она не сама, – сочла нужным сказать я и, подтянув одеяло – все-таки не привыкла я подобные беседы в неглиже вести, – добавила: – Да и он... вряд ли... они мирно разошлись и... даже не знаю... у нее были планы на будущее, и вполне конкретные. Айзек собирался помочь...

– Даже так?

Пересказывать чужие интимные беседы, конечно, нехорошо, но, во-первых, никто не просил меня хранить тайну, а во-вторых, сдается мне, Айзек в эту историю влип по уши, а потому не самое лучшее время для мелких секретов. Тем более вряд ли мастера волнует моральный облик отдельно взятого мажора.

– Знаете... – мастер поднялся. – У вас удивительный талант оказываться в нужном – или в ненужном? Тут уж как посмотреть – месте. Я должен буду запротоколировать нашу с вами беседу. Полагаю, вы не откажетесь подписать протокол кровью?

Я кивнула.

Вот... вряд ли это обычная практика, хотя... подозреваю, перспективы открывает немалые.

Из госпиталя меня отпустили через сутки, и подозреваю, держали исключительно из-за дел, напрямую со здоровьем моим не связанных.

Еще одна беседа, на которой, помимо мастера, присутствовал безымянный господин вида столь откровенно невыразительного, что я сразу заподозрила его в принадлежности к некой государственной структуре, ссориться с которой было по меньшей мере неразумно.

Я вновь говорила.

Мастер слушал.

Кристалл в его руках наливался темно-лиловым цветом. Господин молчал и разглядывал меня, не скрывая вялого интереса. Завершилось все ритуальным прокалыванием пальца. Кровь мою кристалл поглотил, моментально сменив окрас на бледно-золотой.

И господин произнес:

– Очень хорошо... надеюсь, вы понимаете, сколь важно обеспечить защиту свидетеля...

Ага... следовательно, я прохожу свидетелем.

– А вам... – господин уставился на меня столь пристально, что стало даже как-то слегка неловко. Почему-то возникло ощущение, что он не отказался бы от куда более подробного осмотра, скажем, в рот бы заглянул, зубы сосчитал. – Настоятельно не рекомендую покидать пределы университета.

– Мне в город надо, – буркнула я.

В любом ином случае я бы промолчала, потому что, во-первых, не в моем положении наживать себе даже не врагов – недоброжелателей, а во-вторых, меньше говоришь – целее будешь, но это вот внимание раздражало.

Выбивало из колеи.

Не понимаю... смотрит? Пусть себе смотрит, и раньше вон смотрели... И пощупать дамся, хотя тут смотря где щупать станет...

– И что же вам понадобилось в городе?

А тон такой ласковый-ласковый...

– Куртка... у вас тут сезон дождей начинается, а у меня одежды подходящей нет.

– Куртка... – задумчиво произнес господин. – Если проблема в куртке, то не переживайте, одежду вам доставят.

И развернулся к выходу.

– Эй, – а что, сам виноват, что не представился. – У меня, между прочим, средства ограничены!

А то знаю я... доставят куртку по цене десяти шуб, а потом что?

– О стоимости не переживайте. Считайте, мы заботимся о свидетеле...

Ага, настолько ценном, что такой клад только закопать. И вот как-то не понравилась мне эта мысль. Совершенно не понравилась...

– Надеюсь, – господин открыл дверь, – вы понимаете, что нашу беседу, как и то, чему вы стали свидетелем, обсуждать не стоит...

А то, я вообще понятливой уродилась. Да и обсуждать здесь нечего...

Не угадала.

Марек отыскал меня в столовой.

– Привет, – он плюхнулся рядом и подвинул мой поднос. – Давно не

виделись. Соскучилась?

– А то, – мрачно сказала я. – Давно...

– Не злись, пришлось срочно уехать. Конечно, стоило записку оставить, но... спешил.

– Да ладно...

В конце концов, мы друг другу никто, так, чуть больше, чем случайные знакомые, и несоизмеримо меньше, чем друзья. Друзей у меня нет, не было и, полагаю, не будет, хотя понимание сего факта не отзывалось в душе моей скорбью.

– Сестра заболела, – вздохнул Марек. – Точнее, она давно болеет. Просто иногда ей становится хуже. И тогда...

Он махнул рукой.

А я кивнула.

Что тут еще скажешь? Знаю я таких... затяжная болезнь с ее обострениями и ремиссиями, которые порой затягиваются надолго, и тогда даже начинает казаться, что болезни как таковой вовсе нет. Иллюзию здоровья, как правило, разрушает очередной приступ.

– Сейчас все почти нормально. Спасибо, что спросила, – Марек обиженно засопел. А я пожала плечами: ждать от меня сочувствия не стоит. Не умею я. – А ты что делала?

– Училась.

– Ага... и как оно?

– Нормально.

На некоторое время воцарилось молчание. Марек ковырялся вилкой в каше, я раздумывала над тем, куда отправиться: в библиотеку или в свою комнату, где меня ждал недописанный конспект по основам рунологии. А еще на послезавтра надо подготовить две главы из учебника по академическому построению малых словоформ.

– Ага... – Марек поерзал и поинтересовался: – Говорят, это ты Эрику нашла?

Интересно, кто говорит и вообще откуда это известно? Хотя сплетни – дело такое, никто не знает, как именно они рождаются, главное, что, появившись однажды, они выходят в люди и уже там обрастают самыми удивительными подробностями.

– Я.

– И... как ты?

Марек заботливо коснулся руки.

– Нормально. Кошмары не мучают. Совесть тоже, – я поднялась. Продолжать бессмысленный этот разговор не было ни малейшего

желания. – Мне пора...

– погоди, – Марек догнал меня. – Не злись, пожалуйста, просто... я очень о тебе волнуюсь.

– Не стоит...

– Мне сказали, что ты ездила с Айзеком в город...

– Случайная встреча.

И почему я вообще должна оправдываться и что-то объяснять? Но Марек уже подхватил меня под руку и потянул за собой.

– Он опасен, Маргарита, очень опасен. Я кое-что узнал... – он оглянулся, будто подозревая, что нас подслушивают. Нет, в свете недавней беседы с безликим господином вполне могло статься, что и подслушивают, и отслеживают, и вообще... но вряд ли Марек, крутя головой, обнаружит эту самую подслушку. Сомневаюсь, что местное ведомство опустится до такой банальщины, как шпион в кустах.

– Идем, – но Марек то ли в здравый смысл не верил, то ли пребывал в похвальном заблуждении, что чем уединенней место, тем меньше шансов, что кто-то услышит лишнее. Он тянул меня в глубь парка и выглядел настолько взбудораженным, что появилось желание немедленно позвать на помощь.

Мало ли...

– Сядь, – Марек толкнул меня к замшелому камню, выглядывавшему из земли. Сам же, заложив руки за спину, ходил кругами. – Моя сестра... так уж получилось, что она... деструктор. Среди нас деструкторы рождаются крайне редко, а уж с сильным даром, как у нее... В Ирхат дорога ей была закрыта, туда не принимают девушек, но знакомый отца предложил ей обучение по индивидуальному плану.

Ага, значит, так тоже можно?

Мне почему-то о таком варианте никто не сказал. Не потому ли, что знакомые моего отца вряд ли догадывались о существовании у него еще одной дочери?

– Она появлялась в академии на тренировки. Их полигон адаптирован для деструкторов и сдавать зачеты. Там и встретила Айзека...

– Как понимаю, это было до того, как она заболела?

Марек тряхнул головой, вцепился в волосы руками.

– Она влюбилась в него. Она только и говорила о том, какой он замечательный, и вообще... Ее пытались образумить, но она ведь взрослая, самостоятельная и лучше знает, что ей от жизни надо. А мы так... мешаемся лишь.

Я присела у камня.

Трава была мягкой, гладкой и ластилась к ладоням. Шелестела листва, будто деревья переговаривались. Тоже сплетничали? Обо мне? Марек? Или Айзеке с его подружками, их, полагаю, деревья перевидали изрядно. Или им, великанам, вовсе не было дела до каких-то там людей. У них небось собственные беды... Скажем, древоточцы, или корневая гниль, или вот жуки-листогрызы...

– У них случился роман, то есть она полагала, что это любовь, и навсегда, что Айзек разорвет помолвку и... А он воспользовался моментом.

Что ж, где-то я его понимала.

Если девица не против, то почему бы и нет? А уж за чужие фантазии человек не в ответе.

– И когда Мариша ему надоела, он... он заявил, что ничего не обещал.

– А он что-то обещал?

– Неважно! – Марек сжал кулаки. Лицо его побелело, а на щеках вспыхнули алые пятна. Похоже, не стоило задавать опасных вопросов. – Он не имел права. Он должен был... он... воспользовался ею, а потом выкинул...

– И она заболела?

– Нет... – с большой неохотой признал Марек. А я подумала, что разговаривать о короедах куда интересней... или о листогрызах. О бабочках еще... В детстве я мечтала коллекцию собрать, пока не поняла, что для этого бабочек придется убивать. – Все немного сложнее... Он утверждал, что это был несчастный случай.

Тяжелый лист упал на колени.

Подарок? Темно-красная глянцевая поверхность, будто лист из пластика отлит, и золото жилок.

– На полигоне они оказались вдвоем... ночью... что они там делали?

– А спросить?

– Мариша утратила память... и частично – личность, она знает, что любит Айзека, что... Если бы он проявил хоть немного сочувствия... Мои родители умоляли его хоть иногда навещать Маришу, но нет, он заявил, что она сама во всем виновата, что он видеть ее не желает.

Марек раздраженно пнул дерево.

– Их нашли на этом полигоне... Поступил сигнал о выбросе энергии – неконтролируемом. Вызвали дежурных, и пока пришли... Мариша истекала кровью, а Айзек просто сидел и смотрел. Он ничего не сделал! Ничего, чтобы ей... Она выгорела, понимаешь? Лишилась сил, а он...

Дерево укоризненно покачало ветвями.

Ему не нравилось, когда его пинали. И вообще люди представлялись

дереву излишне эмоциональными созданиями. В конце концов, со всеми случаются неприятности.

И молния в ствол попасть может, и медведки корни подгрызут, и трещина в коре пропустит гниль, которая медленно убивает, но разве ж это повод вести себя столь откровенно неподобающим образом?

Дерево шелестело.

И шелест его почти заглушил тихий голос Марека:

– Он отказался давать объяснения, и мы хотели подать в суд. Мои родители не так богаты, чтобы мы могли тратиться на целителей, а ей нужны хорошие целители, но адвокат, которого они наняли, отсоветовал. Он устроил встречу с отцом Айзека и...

Жизнь – дерьмо.

Я поняла это рано и успела смириться, даже как-то приспособиться, главное, что больше не испытывала иллюзий по поводу того, что мир, меня окружающий, прекрасен и только и ждет, как бы облагодетельствовать. А вот Мареку сложнее. Милый домашний мальчик, вдруг столкнувшийся с чем-то, что находится за пределами его понимания.

– Они отказались от суда. Марише оплатили лечение в Королевской клинике, но...

– Не помогло?

– То, что от нее осталось, это не Мариша. Она сидит и смотрит в окно, только сидит и смотрит... целый день... смотрит, смотрит... Когда дни хорошие, она говорит. Об Айзеке, только об Айзеке. Спрашивает, где он... Мама лжет, что в магазин вышел и скоро вернется. Иногда это помогает, а иногда она помнит, что Айзек ее бросил, и приходит в ярость. Если дни плохие, случаются судороги, и... и когда меня вызвали, она напала на мать. Воткнула заколку ей в горло...

Марек выдохнул и закрыл лицо руками.

– Говорят, что дальше будет хуже, что ее надо отдать в... отделение для душевнонестабильных, что... она все равно никого не узнает. Деструкция личности... дар ее разрушает. Сил не осталось, он все равно... И Айзек... он хотя бы извиниться мог! Или спросить о ней! Но нет, ему плевать! Из Ирхата вышвырнули, так его устроили сюда. Конечно, с такими родителями... сделали все, чтобы скандала избежать. Только ему тот выброс тоже не прошел даром... Ты не думала, что... уже трое умерли, и вряд ли это случайность.

Еще какая неслучайность.

Но Мареку об этом знать не положено.

– Я много думал... Понимаешь, Айзек ведь тоже деструктор, и дар у

него яркий, как и положено – кровь сказалась. И дефект выявить сложно, но убийство в природе деструкторов. Разрушение – часть их натуры. Правила, запреты сдерживают ее, но... если вдруг он тоже безумен? Мариша не способна справиться с приступами ярости, а вот Айзек...

Все это звучало на редкость логично, вот только логика эта была мне не по вкусу. И не потому, что Айзек стал вдруг симпатичен, скорее, я в своем взгляде на мир с его нюансами понимала: племянник короля убийцей быть не может.

Никак.

Нет, Марго, не стоит этим голову забивать.

Глава 16

Одежду доставили в пятницу.

Я возвращалась с занятий в компании мастера Витгольца, который то ли охранял меня от неведомого супостата, то ли присматривал, чтобы в очередное дерьмо не вляпалась, но довел до двери. А когда я, оную дверь открыв, издала сдавленный писк, решительным рывком отбросил меня к стене.

Заглянул.

Хмыкнул и поинтересовался:

– Чего это вы, Маргарита?

Действительно, чего это я... Я, между прочим, комнату в порядке оставляла, без всяких там пакетов, которые громоздились на полу, стояли на кровати и на стол покусились, впрочем, несерьезно, не посмев подвинуть массивные тома учебников.

– Не ожидала, знаете ли, – я потеряла шею.

И от стены отлипла.

А что, силенок у мастера изрядно – еще немного, и в госпиталь пришлось бы возвращаться, лечить ушибы и потенциальные трещины в ребрах. Но впредь наука будет: язык надо за зубами держать.

– Сами же просили...

– Я куртку просила, – я все же в комнату заглянула и повела носом. Пахло... ванилью и шоколадом и еще, кажется, карамелью... в целом кондитерской. – А это что?

Я вытащила из ближайшего пакета нечто розовое и воздушное, усыпанное мелкими стразами, которые в тусклом свете сверкали весьма нагло.

Мастер хмыкнул и отвернулся.

Похоже, рекомое нечто являлось весьма интимной частью гардероба... ага, в том же пакете трусики обнаружились, если так можно назвать пару ниток, тоже стразами украшенных.

Я решительно сунула шелковое это великолепие обратно в пакет, а пакет протянула мастеру:

– Вернете...

– Куда?

– А мне откуда знать? Тому товарищу, который покупал.

Во втором обнаружились туфли на каблуке-карандаше... ага, и брючки

имеются, клетчатые и шерстяные, правда, длиной чуть ниже колена, но все хлеб... Брючки оставим. Свитерок и вовсе неплох, мягонький, даром что ядовито-розового цвета и с бусинками в придачу. Бусинки срежу, а цвет... случилось мне и более ядреные расцветки нашивать.

Главное, тепло.

Еще один пакет с бельем... тоже мастеру.

– Маргарита! – одернул он. – Не забывайтесь.

– Я не забываюсь, я куртку ищу...

Пирожные.

– Хотите? – я протянула коробку мастеру и на всякий случай уточнила: – А то вдруг отравленные...

– Меня вам, значит, не жаль?

Я пожала плечами: что-то мнится мне, что опытного мага отравить не так и просто. Хотя... вспоминая папеньку... нет, лучше не вспоминать. Мелисса и та любезно сгинула, поэтому будем есть эклеры с кофейным кремом и радоваться жизни.

Куртка тоже нашлась.

Коротенькая такая, едва прикрывающая грудь, зато с бахромой и крупными костяными пуговицами. Примерив это великолепие, я вздохнула: гулять в нем можно, например, от общежития до машины, а от машины до ресторана. И то если над тобой зонт держат...

– Может, я все-таки сама съезжу, а то как-то... недопоняли мы друг друга.

Курточка на груди не сходилась. И вроде бы размер у меня не сказать чтобы выдающийся, но... то ли рассчитана на плоскогрудых, то ли вовсе не положено такую красоту дизайнерскую застегивать.

– Вероятнее всего, – мастер задумчиво жевал пирожное, – произошла банальнейшая накладка. Вы же не думали, что санор Альгер сам пойдет по магазинам... Он отдал поручение секретарю, а та... одежда модная и дорогая...

– И нелепая... – пробурчала я.

Ладно... старая куртка еще есть, вот и пригодилась. Глядишь, месяцок-другой выдержит, а там как-нибудь да разрешится.

– Что вам надо?

– Что-нибудь удобное, крепкое и подходящее для здешнего климата, – в здравый смысл мастера я верила куда больше, чем в доброе отношение санора... как там его...

И что такое санор?

Похоже, надо еще и в учебник социологии заглянуть.

– Размер...
– У кастеляна. Вам же форму будут выдавать, – мастер вытер пальцы о рукав. – А одежду оставьте... глядишь, и пригодится.
Ага... напялю розовый балахон и пойду домогаться Айзека...
ТЬфу...

А утром снова дождь зарядил.
И шел весь день.
И сырость, пробравшаяся в комнату, оживила плесень, желтые и зеленые пятна ее расцвели на стенах, а у меня появилось острое желание удавиться.

Или, как вариант, удавить кого-нибудь...
Например мастера Ульграф, которую прислали, чтобы оценить мою готовность к зачислению на первый курс. Она появилась в классе без предупреждения, вплыла, что твоя каравелла, и была столь же крутобока, сколь и заносчива.

Лиловый бархат платья.
Тройная нить жемчуга.
Перстни на полных пальчиках и белые волосы, уложенные высокой башней. Напудренное личико. Кармин губ и перламутровые тени. Резкий запах духов, в которых доминировала гардения. Мастера Витгольца дама удостоила кивком, мне же достался взгляд, преисполненный... надо же, и презрения, и отвращения, и недоумения. Она явно не понимала, как оказалась здесь и для чего.

– Продолжайте... – небрежный жест.
– Мастер Ульграф, – мой наставник поклонился. – Что привело вас...
– Слухи, любезнейший, слухи... Поговаривают, что у вас появилась крайне интересная девочка... Вот, захотелось взглянуть... В конце концов, через две недели мы будем решать, стоит ли возиться с нею...

Медовый голос.
И тон нейтральный, но не покидает ощущение, что, будь воля этой дамы, меня мигом выставили бы за ворота. Я поежилась.

– Так что продолжайте... не обращайтесь на меня внимания... я просто смотрю...

Я вздохнула.
И закрыла глаза.
Именно что... смотрит, и не она одна, полагаю, смотреть будет. И мне ведь не впервой сталкиваться с людьми, которым я не нравлюсь, просто так, без причины не нравлюсь.

Переживу.

Расслабиться и забыть... только забыть о даме не получалось. Она то вздыхала, то двигала стул, и как-то так, что ножки его издавали резкий, неприятный звук, то... Я стиснула зубы.

Терпение, и еще раз терпение.

Она нарочно пытается вывести меня из себя, только непонятно зачем... или понятно? Если дама действительно имеет отношение к университету и экзаменам...

Я в очередной раз сбилась.

Я и так магию свою почти не ощущаю, а тут еще эта... И недоформированное заклятье погибло в ладони, уколов пальцы теплом.

– Вижу, – скрипучий голос вызвал острое желание швырнуть в тетеньку чем-нибудь таким, – что не зря пришла. Сколько вы занимаетесь? Пару месяцев, а прогресса нет... и, полагаю, не будет...

– Мастер...

– Молчите, любезнейший, ваше отношение мне известно и заставляет задуматься, права ли я была, позволив вам остаться в этих стенах...

Дама патетично обвела рукой упомянутые стены.

Чтоб тебе...

– Я буду ставить вопрос перед попечительским советом. Мы не можем закрыть глаза на нарушения столь явные. И если вы думаете, что мастер Варнелия вам поможет...

– Не имею обыкновения прятаться за женскими юбками, – сквозь зубы произнес Витгольц, и тонкое перышко в его пальцах с треском разломилось пополам.

– ...вынуждена вас разочаровать, мастер в скором времени покинет это место... ей сделали одно крайне заманчивое предложение...

Чтоб тебе облысеть в три дня, кошка драная.

Дама подобрала юбки.

– Вам же настоятельно рекомендую хорошенько подумать и принять верное решение, – взгляд ее блеклых глаз остановился на мне. – Не стоит рисковать карьерой ради... непонятно кого.

Удалялась она медленно, величественно, что, впрочем, не избавило от детского желания плюнуть в эту бархатом затянутую спину.

От плевок я удержалась.

А мастер, когда за дамой закрылась дверь, выругался. Затеяливо так, с фантазией. И потер ладонью лоб, пробормотав:

– Ее нам только не хватало...

– Кто это вообще? – как ни странно, страха не было, зато появились

здоровая злость и желание доказать всему миру и, в частности, конкретно этой вот дамочке, что она не права.

– Это мастер Фиона Ульграф, фрейлина ее величества, председатель попечительского совета, и не только нашего, мать жениха Лили и добрая подруга вашей бабушки.

Ага...

Тогда понятно, откуда такая горячая любовь.

Ладно, фрейлине и ее величеству я нагадить пока не успела, разве что оное величество недолюбливает Айзека и втайне мечтает от него избавиться. Надо будет посмотреть, что тут с вопросами наследства, а то вдруг этот мажор следующее величество?

Но подруга бабушки, полагаю, заклятая, и сочувствующая, и если не знающая точно, что та опоила сыночка, то всяко догадывающаяся. Интересно, какие у дамочки на меня планы? Ведь имеются, этикие особы даже поход в туалет планируют.

С мастером тоже понятно.

Варнелия небось замуж не вышла по причине большой любви, только полюбила личность совершенно неподходящую, что не добавило симпатий... Да уж, весело...

– И что мы будем делать? – спросила я, надеясь, что голос мой звучит в должной мере беззаботно.

– Учиться, а там... – мастер усмехнулся и сказал: – Думаю, она ошибается... меньше всего Лили хочет работать во дворце. Просто мастер Ульграф очень тяжело воспринимает отказы. Да и не стоит забывать, что вы весьма ценный свидетель.

Ага...

Что ж... хоть какая-то польза от этого.

– Идите, Маргарита и не берите в голову.

Лили он нашел в саду, что было вполне ожидаемо. Она гладила трехлопастные листочки клевера, и красные головки того покачивались. Гудели шмели. Одурающе пах безвременник, который пора было собирать. Хороший повод убраться из госпиталя...

– Нашла и тебя? – Витгольц присел рядом с пышным кустиком и, подняв ножницы, осторожно срезал веточку, усыпанную белыми цветами.

Варнелия вздохнула и пожаловалась:

– Иногда с людьми тяжело... представляешь, она сказала, что собирается дать объявление о скорой свадьбе. Мол, королевскому целителю негоже быть незамужней, – Лили фыркнула и добавила: – И ведь на самом

деле она верит, что облагодетельствовала меня. Она столько сил потратила, добиваясь этого места... А я, такая неблагодарная... Боги, я не знаю, как еще ей объяснить!

– Никак.

Запах безвременника стал навязчивым.

И тяжелым.

Щелкали ножницы, и корзинка наполнялась.

– Осторожно, – Лили нахмурилась. – Чуть выше от стебля. Оставляй как минимум почку, а лучше две, чтобы...

– Я помню...

– Ты слишком неуклюжий. Отдай!

Витгольц протянул ножницы и сказал:

– Полагаю, скоро она несколько... переменит свое мнение.

– В каком смысле? – Варнелия ловко обстригала куст, складывая хрупкие веточки в корзинку.

– Маргарита что-то ей пожелала... не знаю, что именно, но я ощутил слабый направленный всплеск...

– Тедди!

– Что?

– А если...

– Если бы достойная мастер Ульграф рухнула бы на пол, я бы тебя позвал. Но она жива, бодра и по-прежнему полна яда, значит, ничего смертельного. А остальное... ей не мешает немного встряхнуться.

– Ты не исправим...

– А ты хочешь меня исправить?

Лили вздохнула и махнула рукой. А потом спросила:

– Ты кому-нибудь говорил?

– Нет.

– И...

– Тем более... боюсь, девочку тогда точно закроют, а с ее характером принуждение не сработает, и всем будет плохо. Нет, пусть все идет своим чередом. Ты же найдешь теплое местечко безработному магу?

– Найду.

– А если меня сошлют...

– Уедем вместе.

– И ты все-таки выйдешь за меня?

– Я подумаю, – Варнелия встала. – Ты, главное, ни во что серьезное не вляпайся.

Совет несколько запоздал.

Вляпались они все, потому что покойная Эрика Милье, по документам девица, по факту — давно уж нет, находилась под ментальным воздействием. Остатки его не позволили выяснить, что именно внушили ей и кто это сделал, но сам факт...

Витгольц потер глаза.

Дар королевской крови и...

Совпадение?

Или очередной заговор?

Глава 17

А спустя неделю меня вызвали к ректору.

Высокая честь? Или... отчисление?

Гадать бесполезно.

А вот поспешить следует. Сдается мне, что и в этом мире высокое начальство не любит ждать.

Ректорский кабинет располагался в центральном строении, которое от прочих отличалось особой пафосностью. Здесь тебе и колонны, и статуи, и мраморные полы, правда, сегодня не особо чистые. Вновь шел дождь, и дорожки развезло, а потому редкие посетители, которым случалось забрести в университет, оставляли цепочки черных следов.

Вот махонькие, детские будто бы, идут вдоль стены. И ощущение, что кто бы их ни оставил, он пытался скрыться... А вот крупные, вытянутые и наглые с виду, они пересекают холл, огибая мраморную чашу неработающего фонтана, и прямо направляются к ковровой дорожке.

Дамские...

И еще...

И я одернула себя: не в следопыта играть пришла. Стряхнув воду с волос, которые стали виться мелким бесом, я поднялась на второй этаж. Теперь направо, и вот она, массивная двустворчатая дверь с медною табличкой.

Я постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

– А... вас ждут, – взгляд секретаря ныне был полон любопытства и жадного ожидания, что не предвещало ничего хорошего.

Что ж, раз ждут, то...

– Добрый день, – я постаралась, чтобы голос мой звучал спокойно. Нельзя подавать виду, что ты нервничаешь, чиновники страх, как акулы кровь, чуют.

– Заходите, – ректор, мужчина неопределенных лет и несколько мятого вида, махнул рукой. – Маргарита, как понимаю?

– Да...

А вот его имя-отчество я уточнить забыла. Непростительная небрежность.

– И как вы это сделали? – в руках ректор держал фарфоровую чашечку с узеньким донцем и серебряную ложечку.

– Простите, но что именно?

– Это! – визгливый окрик заставил меня подскочить.

Надо же... мастер Ульграф... я ее сразу и не заметила.

Из-за платья, не иначе... Темно-красное и бархатное, оно удивительным образом гармонировало с обивкой кресел в кабинете. И кажется, этот нюанс не укрылся от зоркого ока почтенной дамы, не добавив ей настроения.

– Не понимаю...

Я действительно не понимала.

– Это! – она поднялась, довольно резво для своих лет, и сняла высокую прическу.

Парик.

Твою мать... нельзя же так пугать! Этак и инфаркт получить недолго, несмотря на юный возраст. А что, болезни молодеют, и вообще...

Мастер Ульграф была лысой.

Совершенно.

Брови и те, как я поняла, рисовали... и хорошо рисовали, поначалу не поймешь даже.

– Что с вами?

– Она еще издевается! – мне показалось, что мастер с трудом сдерживает желание швырнуть в меня париком.

– Что вы, как можно...

– Маргарита, – ректор меланхолично помешивал чай ложечкой и, казалось, был мыслями далек от всего, происходившего в кабинете. – Мастер очень огорчена. Вы ее прокляли?

– Что, простите? Точнее, простите, но нет... я не могу, не умею... и вообще, я ведь конструктор, а проклятия – это раздел деструкции...

Ректор прикрыл глаза и кивнул.

– И даже если бы теоретически я попробовала, то... – я сглотнула. – Разве хватило бы у меня сил и умений, чтобы обойти вашу защиту...

– Откуда ты вообще о ней знаешь? – мастер нервно коснулась жемчужной подвески.

Я пожала плечами:

– Полагаю, что ваше положение обязывает заботиться о себе...

Надеюсь, прозвучало в достаточной мере солидно.

– Как ты это сделала?

Мастера словами не проймешь. В один шаг она преодолела расстояние между нами и вцепилась мне в подбородок. Пальцы с острыми когтями сдавили щеки, и рот мой некрасиво приоткрылся.

– Как?..

– Мастер Ульграф... – ректор отставил чашечку. – Мне кажется, вы переходите всякие рамки... К слову, если верить браслету, то девочка действительно не прибегала к воздействию выше пятого уровня... точечные всплески, и только...

– Плевать на браслеты!

– Мастер, не забываетесь...

– А ты, Фредерик, молчи... распоясались здесь... ничего, теперь я займусь вашей богадельней...

Ректор щелкнул пальцами, и мастер замолчала. Она открывала и закрывала рот, но не в силах была произнести ни слова.

И кажется, это только больше ее разозлило.

– Ты всегда была чересчур эмоциональна, Фиона... – ректор покачал головой и будто ненароком коснулся ладони мастера.

Очи закатились.

И та осела бы на пол, если бы ректор не подхватил ее. Он оттащил ее к креслу, а после этого повернулся ко мне и велел:

– Идите-ка в госпиталь и постарайтесь найти себе занятие до вечера.

– Меня не отчислят?

– Сложно отчислить того, кто, по сути, еще не зачислен.

Ага... значит, меня просто-напросто не зачислят.

– Не стоит думать о дурном, – ректор вновь поднял чашку. – Идите, Маргарита. И оставьте взрослые игры взрослым. Только, умоляю, постарайтесь в ближайшее время не попадаться мастеру Ульграф на глаза... она довольно злопамятна.

Он позволил себе допить чай: когда еще получится просто посидеть в тишине. Секретаря, сунувшего было свой любопытный нос, ректор отправил прочь взмахом руки.

Сплетник...

И ведь толковым мальчиком казался, но прошла пара лет, а толку... Да, бумаги он составляет неплохо и подписи подделывает достаточно умело, чтобы избавить Фредерика от опасности утонуть в море циркуляров. И не наглеет, беря скромные подарки от тех, кому срочно понадобилось изложить свое дело, но... куда подевался талантливый, хотя и обделенный силой деструктор?

И работа его научная так и осталась недописанной. Выгнать бы в люди, вытряхнуть из костюмчика этого серо-стального, галстук стянуть розовый, по последней моде. Запонки тоже прочь, виделось в том какое-то ненужное эстетство...

И пинком на кафедру.

Часов дать с две сотни – для начала, еще кураторство и общественную работу, которую тут все любят со страшной силой. И глядишь, проснется в мальчишке прежнее... или не проснется уже? Главное, кто будет с бумагами возиться, пока Тилли в человека превращается?

То-то и оно... и совестно, и...

Чай был хорош. В меру крепок, слегка сладковат ненавязчивою такой сладостью, которая ощущалась лишь кончиком языка. И ректор прикрыл глаза, всецело сосредоточившись на ощущениях. Вот эти нотки вяленой травы. И кажется, легкая горчинка, вписавшаяся в букет весьма гармонично. Не солгали, и вправду интересный сорт.

Пускай остается в коллекции.

Надо полагать, с ним самим что-то этакое приключилось, если стали интересны не исследования – когда он в последний раз в лабораторию-то заглядывал? – а чаи во всем их многообразии. Ректор повернулся к стенке: за дубовой панелью, украшенной рисунком, скрывались полки, а на полках – склянки с чаями. Этикетки он подписывал собственноручно.

ТЬфу, гадость какая... А ведь предупреждали, что место портит человека, не верил, рвался карьеру делать. И сделал. И дальше-то что?

Он поставил чашечку – коллекционный фарфор – на край стола, потер руки и позволил Фионе проснуться. Она, благо, сразу сообразила, что произошло.

– Как был засранцем, так и остался...

– Для тебя, дорогая... исключительно для тебя, – Фредерик позволил опереться на стол. – Для остальных я уже давно господин ректор.

– Это ненадолго, – она надела парик, воспользовавшись вместо зеркала серебряным подносом. – Сегодня же ты заявишь об отставке...

– С чего бы?

– Иначе я добьюсь твоего увольнения... Или ты забыл, с кем имеешь дело? – она убрала со щеки невидимую пылинку.

– Разве мне позволено будет? – Фредерик слегка склонил голову.

Время никого не щадит, но к некоторым оно особенно сурово. И пусть внешне Фиона все так же хороша... нет, почти все так же хороша, стоит быть честными с собой, однако характер... некогда ее заносчивость казалась очаровательной.

Очарование исчезло.

– Но позволь спросить, на каком основании?

– Ты не справляешься...

– С чем? Университет работает. Мы принимаем студентов, мы

выпускаем магов. Факультеты заполнены. Лаборатории функционируют, исследования ведутся. Мы планируем начать строительство нового корпуса, и финансирование, заметь, позволяет это сделать без... внешней поддержки.

Фиона поджала губы.

И голову задрала.

Еще немного, и парик свалится. Или нет? Фред слышал, что их смазывают особым клеем, от которого, правда, у многих бывает раздражение. Может, это зуд делает ее такой непримиримой?

– Эта девчонка...

– Ничего тебе не сделала... во всяком случае, любое расследование покажет, что твои обвинения, мягко говоря, нелепы. И вообще, дорогая, почему из всех именно она? Ты ведь во дворце большую часть времени проводишь, а он еще тот гадючник – и местных тварей куда больше, и знаний, и возможностей.

Поджатые губы.

И гневный взгляд.

– Или ты вышвырнешь ее отсюда...

– Или?

– Я уже сказала...

– Не подумав, Фиона, не подумав. Допускаю, что твоя заклятая подруга очень хочет вновь прибрать сиротку к рукам, однако предупреди, что к девочке не только она присматривается. И на твоём месте я бы отступил... если, конечно, хотел бы сохранить место фрейлины, а то ведь поговаривают, что ее величество жаловалась, будто ее окружают одни старухи. Глядишь, его величество и прислушается, заменит кого...

– Ты мне угрожаешь? – а теперь Фиона удивилась. У нее никогда не получалось изображать удивление.

Гнев.

Или вот презрение.

Или еще отвращение... да, отвращение получалось особенно ярко, а вот удивление выглядело неестественным.

– Я тебе говорю, что ты несколько переоцениваешь свои силы. Ты всего-навсего председатель попечительского совета, который изрядно всем надоел. Конечно, явных причин инициировать твою смену не было, но... думаю, если поставить вопрос на голосование, результат будет очевиден.

– Ты не посмеешь!

– Да и вообще, если разобраться, попечительский совет занимается финансированием, и только... а здесь у нас все в порядке. Девочка учится

на свои средства, а потому вы даже выдачу стипендии оспорить не можете... ее просто нет.

Фредерик сцепил руки.

– Ты заигралась, Фиона... ты так твердо верила в собственную силу, что постепенно убедила себя, что всеильна, но это фикция, иллюзия. И с меня станется ее разрушить. Не заставляй меня это делать.

Утро началось с сюрприза.

Роскошный букет роз и знакомый рыжий тип бесплатным приложением к цветам. Тип подпирал стену, которая, к счастью, была достаточно крепка, чтобы выдержать такое безобразие. Ибо тип при ближайшем рассмотрении оказался широкоплеч, массивен и весьма неплохо сложен.

В анатомичке ему цены бы не было.

– Прекрасные цветы для прекрасной девушки, – молвил он хрипловатым голосом, протягивая букет.

– Ангина?

Принимать розы я не спешила, а то мало ли...

– Что? – тип моргнул.

Кстати, веснушки его не портили, хотя, судя по бледности их, рыжий действительно пытался избавиться от такого недостатка, несовместимого с аристократическою мордашкой.

– Хрипишь, – говорю. – Горло побаливает? Тогда тебе в госпиталь... полоскать надо, а то мало ли...

Он неуверенно хохотнул:

– А у тебя чувство юмора имеется.

– Еще две ноги, две руки и голова.

А в ней – голос разума, говоривший, что возник этот Ромео недоделанный неспроста. И как-то вот... не нравилась мне такая активность. То местная тайная полиция, то... дамочка эта с явным намерением избавиться от моей скромной особы, то этот, с розами... Розы одуряюще пахли.

– Цветы возьми, – он протянул букет и на колено бухнулся.

Цветы я взяла.

И в комнату отнесла. А что, такой красоты мне пока не дарили, надо пользоваться моментом.

Рыжий не исчез.

Но, протянув руку, представился:

– Малкольм.

– Маргарита, – ответила я, не сомневаясь, что он уже в курсе. А руку проигнорировала, целовать он собрался, пожимать ли, мне едино. Я вообще на завтрак опаздываю...

Интересно, он по собственной инициативе явился или Айзек послал?

– Знаю, – он улыбнулся еще шире. – Я тебя давно заметил, но... не решался подойти.

Ага, он вообще по жизни скромняжка и неженка, а что наглый, так исключительно ввиду обстоятельств... ну и из-за отсутствия понимающей трепетной девы рядом.

Проходили.

– Ты такая суровая...

– Ага.

Я попыталась протиснуться мимо Малкольма, но была остановлена.

– Не спеши.

– У меня по расписанию завтрак.

– Так, может, вместе позавтракаем? – и бровями пошевелил. Он что, всерьез полагает, что это сексуально? Еще бы подмигнул, намекая на что-то этакое...

– А давай, – меня разбирал смех.

Нет... или местные девицы слишком уж неизбалованны, или Малкольм этот важная шишка, о чем все знают, а потому закрывают глаза на такие мелкие недостатки, как легкая дурковатость. Иначе и не скажешь... Он подхватил меня под ручку и, наклонившись к самому уху, засопел. Надо полагать, сопение это должно было показать всю глубину страсти, но вместо этого получалось тепло и щекотно...

– Лишь только увидев тебя, я понял, что мы созданы друг для друга... ты была так холодна...

– Как айсберг в океане.

– Что?

– Айсберг. Большой и холодный...

– Аха... – опытного ловеласа айсбергом не остановить, сопение усилилось, надеюсь, слюнявить ухо он не станет, этого я точно не вынесу. И вообще, нет у меня привычки лобзаться с первым встречным. – Поверь, детка, тебя ждет удивительный день...

А то... Варнелия пообещала пустить меня в мертвецкую.

И не просто пустить. Самостоятельное вскрытие... нет, не полностью, конечно, самостоятельное, но в общем и целом... и вообще, главное – сделать первый шаг.

И не опозориться.

Рыжий что-то лепетал про луну и звезды на небосводе, мою несравненную красоту и легкость нрава... Тут он, конечно, несколько поторопился, но не разочаровывать же человека с ходу. А главное, интересно, что он умудрялся и идти, и ухо мое терзать местной поэзией, и второй рукой размахивать...

В столовой Малкольм очнулся.

Моргнул.

Покрутил головой и спросил:

– А мы здесь зачем?

– Завтракать, – я сунула рыжему поднос. – Или у тебя другие идеи есть?

Идеи у него имелись, по глазам вижу, но не для столовой же... и вообще, пусть воплощает их не с моим участием.

– Здесь? – уточнил он, заслоняясь подносом.

– А где?

– У меня в покоях будет удобней...

Кому-то, возможно, и удобней, но не мне. То есть он действительно полагал, что я настолько одурела от счастья, что рысью бросилась в его покои? Нет, общежитие повышенной комфортности тут рядышком, но... не может же человек настолько наивным быть?

Или может?

В голубых глазах плескалась обида. Еще немного, и расплечется.

– Кашу бери, – велела я, направившись к раздаче.

– Кашу?

– Овсянку. Молочную. Она очень полезна для желудка...

– Ненавижу овсянку, – Малкольм с трудом удержался, чтобы не потыкать в желтоватую горку каши. Это он зря, готовили здесь весьма прилично, а что кто-то к другому привык, так это его проблемы.

– Тогда не бери, – разрешила я.

Его желудок – его проблемы.

Каша.

Компот и булочка... или от булочки стоит воздержаться? Все-таки вскрытие... одно дело – со стороны наблюдать, и другое – самой проводить. Как бы не опозориться. Варнелия тогда меня точно больше к мертвецкой не допустит и будет права. Нет, булочку я на потом возьму. Будет настроение – съем после, а нет...

Ела я быстро, а Малкольм ковырял свою овсянку с разнесчастным видом. Пара девиц, еще недавно упорно игнорировавших меня как личность, теперь пялились с немалым любопытством. Хорошо, что Марека

нет, а то опять устроит...

– Слушай, – я допила компот и подобрела. – А у тебя дел никаких нет?

– Есть, – оживился Малкольм.

Компот он лишь понюхал.

– Так занимайся.

– Я занимаюсь, – и опять эта псевдосексуальная хрипотца, и взгляд томный в придачу, только левый глаз как-то невольно дернулся, несколько подпортив впечатление. – Ты мое самое важное дело...

– Всей жизни...

То есть этот недоумок намерен сопровождать меня? Или... надеюсь, это не та самая охрана, которая была обещана мне как свидетелю? То есть не мне обещана, но... поздновато приставили, и доверия она не внушает совершенно.

Нет уж, вероятно, и вправду Айзек поручил приятелю присмотреться ко мне и выяснить настроение.

Зачем?

А кто их, мажоров, знает.

– Ясно, – я отнесла грязную посуду и, сунув булочку в сумку, сказала: – Как знаешь...

Что интересно, мастер Варнелия моему сопровождению если и удивилась, то виду не подала. Бровку приподняла так, выражая интерес, и только. Махнула в сторону шкафа, велев:

– Переодевайтесь, и жду вас внизу.

Халат и для Малкольма нашелся. Рыжий, к слову, замолчал наконец. То ли запас стихов иссяк, то ли сообразил, что у меня к ним иммунитет. Одевался он споро, вопросов не задавал, чем, признаюсь, поразил. И спускался первым, ручку подав, а то мало ли, вдруг столь трепетное создание, как я, навернется ненароком, так и не добравшись до мертвецкой.

И дверь распахнул прелюбезнейше, разве что не поклонился.

Пахло здесь... характерно так пахло. Льдом, формалином и мертвой плотью. Узкая комната, темный шкаф вдоль стены. И знакомого вида дверцы, подсказывающие, что содержимое этого шкафа не для всех. Секционные столы. И столики с инструментами. Стеллажи с запасом банок. Темная бутылка с консервирующим раствором.

Шкафчик, где хранились перчатки и шапочки.

– Ваш номер – третий, – мастер Варнелия присела на стульчик в углу. – Постарайтесь аккуратно...

Я сглотнула.

Вся моя бодрость куда-то исчезла, а под ложечкой неприятно засосало.

Господи, куда я лезу... я ведь когда-то решила, что люди – не мое, что с животными проще, и, в конце концов, в этом мире, полагаю, тоже ветеринары нужны, но...

Я не сумею.

Не смогу.

Успокоиться. И сделать шаг. Третий номер... на дверцах цифры... первый ряд... открыть и выкатить. Стальные ножки падают с грохотом, и этот звук отрезвляет.

С чего это я вдруг так распереживалась? Он ведь мертв, и что бы я ни сделала, хуже не станет... определенно не станет... а если вдруг... мастер Варнелия здесь.

Она не торопит.

Молчит.

А Малкольм помогает развернуть каталку. И маску надвигает. Правильно, а я про маску забыла. От вони она вряд ли защитит, но в остальном технику безопасности соблюдать надо. Перчатки липнут к коже, и ощущение не самое приятное, руки будто чужие. Приходится несколько раз сжать кулак и подвигать пальцами, чтобы привыкнуть к ним.

Справляюсь.

И докажу... я не позволю взять и отчислить себя просто потому, что кому-то не по нраву мое здесь пребывание.

Мы вместе разворачиваем каталку, и Малкольм весьма сноровисто раздвигает лапы светильников. А ему явно приходилось работать здесь, и значит, я просчиталась: не настолько он примитивен, как хочет казаться. Свет вот грамотно поставил. И сделал шаг в сторону, позволяя мне самой снять простыню.

В глазах его почудилась... насмешка?

Не дождется.

Я сделала глубокий вдох и выдох и решительно взялась за край, моля, чтобы тело под ней не было...

Молодым.

Или женским, или детским... Нет, никто бы не позволил мне вскрывать ребенка, разумом я это понимала, но сердце, подстегнутое выбросом адреналина, стучало как сумасшедшее.

Мужчина.

Немолодой.

Какое недовольное выражение лица. И вроде бы понимаю, что довольным ему быть не с чего, все-таки мертвец, но... он и при жизни не отличался легкостью нрава. Морщины говорят за себя.

Он часто хмурился.

И эти вот носогубные складки... и на лбу тоже... лысоват, но лысину, судя по всему, привык скрывать. Кожа шелушится, а такое бывает от клея. Я, повинувшись порыву, коснулась пальцами лба. И глаза закрыла... перчатки мешали. Я уже научилась чувствовать живых, а мертвое воспринималось иначе. Я видела все, но... будто сквозь туман.

Крупная печень, слишком крупная, с характерными весьма изменениями. Камни в желчном. Сузившиеся протоки... поджелудочная почти не работала, и, надо полагать, при жизни он страдал приступами панкреатита.

Сердце заплыло жирком.

Но не оно убило... нет... стенки сосудов стали хрупкими, как стекло. И вот один лопнул, и не первое кровоизлияние. Пожалуй, если бы ему вовремя помогли, шанс имелся, но...

– Смерть от кровоизлияния в мозг, – я убрала руку, испытывая огромное желание ее вымыть.

– Вот так сразу? – Малкольм удивленно приподнял бровь. – Проверять не станем?

– Станем, – вздохнула я. Способности способностями, а умения оттачивать надо. Хотя... будем честны, оттачивать пока нечего, но я не сдамся.

Как ни странно, вскрытие прошло куда лучше, чем я ожидала. Отчасти в том имелась немалая заслуга Малкольма, который оказался идеальным ассистентом. Он помогал ненавязчиво, не пытаясь показать собственное превосходство, но просто подавая нужный инструмент и редко, крайне редко, позволяя вмешаться словами...

– Не бойся, – сказал он, когда я замерла, не решаясь сделать первый надрез. И добавил то, что я уже говорила себе: – Хуже ему уже не сделаешь.

И я решилась.

Я не знаю, как долго мы были внизу – по ощущениям, целую вечность, – но, выбравшись наружу, я просто села на лавочку и закрыла глаза.

– В первый раз всегда тяжело, – он присел рядом.

– Кто ты такой?

Глаз я не открывала.

Тепло.

И хорошо. Солнышко светит, ветерок гуляет... лужи небось просохли, а вот земля вряд ли успела. И в сад не сунешься, там под тонким травяным

ковром водяные ямы прячутся, целиком не заглотят, но ноги промочу.

– Малкольм.

– Это я уже слышала.

Двигаться не хотелось. Сидеть и сидеть... и еще немного есть, но голод был приглушенный, далекий, будто и не голод даже, но эхо его слабое.

– Ты Малкольм... приятель Айзека... такой же состоятельный обалдуй, в голове которого девки, цацки и собственная нев... невероятная крутость.

– Ага...

– Я так сперва решила, только... ты, уж извини, из образа вышел.

– Когда?

– Сейчас...

Малкольм вздохнул и попросил:

– Никому не говори, ладно?

– Не буду.

Тем паче приятельниц, чтобы почесать языком, у меня нет. Мастер, думаю, в курсе маленьких странностей рыжего, а остальным они мало интересны.

– И вообще, может, я такой... разносторонний...

– Днем девушек развлекаешь, а ночью вскрываешь трупы?

– Вроде того...

Я все же открыла глаза, подтянула сумку поближе. Какое счастье, что в ней булочка есть... Покосившись на Малкольма, сосредоточенно жующего травинку, я со вздохом разломила булочку пополам. Ну, почти пополам, все-таки помог...

– На, – я протянула меньший кусок рыжему, и тот принял, не скривившись. – Так тебя Айзек послал?

– Вроде того...

– А придурка зачем играешь?

– Я не придурок, я очаровательный!

– Очаровательный придурок, – не стала спорить я. Мне мама, еще когда в здравом уме была, говорила, что надо искать компромиссы.

– Девушкам обычно нравится...

Он обиженно выпятил губу, но так жевать было неудобно, а потому гримаса исчезла так же быстро, как и появилась. Некоторое время мы сидели молча, каждый погружен в свои мысли.

– А ты могла бы сделать вид, что влюблена в меня? – спросил Малкольм и, когда я закашлялась, заботливо похлопал по спине.

– Это еще зачем?

– Понимаешь... тут скучно... действительно скучно, хоть на стены лезь... в город нельзя...

– Почему?

Малкольм махнул рукой.

– ...вот и приходится изгаляться... мы с Раймондом поспорили, кто первый тебя очарует.

Охренеть, детская непосредственность.

– Очарует – это в смысле в койку уложит?

– Да.

– Ага... и ты раньше подсуетился?

– Раймонд вчера в карты проиграл, так что у меня день форы. Ты не подумай, мы не хотели ничего плохого... это просто игра...

Для него.

И для Раймонда, надо полагать, но не для девиц, решивших, будто это все взаправду.

– Айзек ваш тоже...

– Раньше – да, но не теперь...

Я пнула Малкольма по ноге, но пинок получился довольно вялым, все же сидели неудобно.

– А чистосердечное признание, между прочим...

– С этим признанием я вполне могу к мастеру пойти. Думаешь, поймет?

– Не надо! – Малкольм поднял руки. – Послушай, мы же... мы же видим, когда девица и сама не против замутить. Мы не трогаем тихонь или таких, которые с прибабахом... и отбивать не отбиваем... ну, специально. Просто есть некоторые... – он на всякий случай отодвинулся. – Красавицы, которые... очень хотят выйти замуж. Не важно за кого, лишь бы при деньгах. Берем такую девицу и начинаем ухаживать... сначала я, потом Рай... Никто особо не сопротивляется...

Идиоты.

Нет, с чего я решила, что если он знает, с какого конца за скальпель браться, то и умный? А ведь день неплохо начинался, да...

– Это весело, смотреть, как она мечется, не зная, кого выбрать. У Рая семья очень состоятельна, а я единственный сын и наследник. И титул повыше... Обычно никому не отказывают, понимаешь? Разводят – назначают свидания в разные дни, чтобы вечер со мной и вечер с ним... прогулки по расписанию...

Вдвойне идиоты.

– Мы устраивали небольшие... провокации. Интересно смотреть, как они мечутся, выкручиваются, лгут. Чем дальше, тем больше лгут. И постепенно запутываются во всей этой лжи. За все время лишь одна, слышишь, одна девушка сказала, что нас двое и что мы оба симпатичны, но не настолько, чтобы впрягаться в соперничество...

Ага, значит, сами виноваты, а эти двое просто мимо проходили.

Нет, а ведь так хорошо сидели, я к нему даже попривыкла, человеком воспринимать стала, а тут тебе... И вот что ему сказать помимо того, что придурки они с приятелем редкостные.

Малкольм, почувствовав мое настроение, сказал:

– Подыграй мне.

– С какого перепуга?

– Скучно же...

– Это тебе скучно.

– А чего ты хочешь? – Малкольм булку доел до последней крошки. А нечего было в столовой от каши нос воротить.

– Чтобы ты с приятелем своим сгинули, и желательно навсегда...

– Маргарита, я же без колес останусь, если проиграю!

– За дело...

– Ну скажи, что я тебе сделал...

Мне – ничего, а за других я не отвечаю, именно поэтому и промолчу про их фокусы, пусть сами со своей совестью разбираются, если, конечно, она вообще у них имеется.

– А хочешь, я тебе заплачу...

– Передай своему приятелю, что цветы у меня есть, пусть пирожные принесет...

– Зачем?

Я пожала плечами: интересно, какие могут быть варианты?

– Есть буду...

Малкольма, похоже, подобный вариант не устроил. Он схватил меня за руку – а не привык мальчик к отказам, ишь, разозлился. Он мне откровенность, а я, вместо того чтобы проникнуться и согласиться на авантюру, нос ворочу.

– Отпусти...

– Детка, не надо спешить... Мы же можем быть полезны друг другу. Рай не обидится, потом вместе посмеемся...

Ага, они, может, посмеются, только, чувствую, мне не до смеха будет.

– Я ведь могу полезным быть... Тебе страсть до чего не хватает полезных знакомств.

Знакомств мне как раз хватает, и с избытком, о некоторых я с превеликим удовольствием позабыла бы, но кто ж позволит. Малкольм же, обняв меня за плечи, прижал к себе. Пахло от него хорошей туалетной водой и еще – самую малость – моргом.

– Мы хорошо проведем время...

– В твоей постели?

– Почему нет... поверь, ты не пожалеешь.

Я закатила глаза: эта фраза уже оскомину набила. И почему мужики через одного так уверены, что способны подарить райское наслаждение?

– А потом я тебе заплачу... у тебя ведь напряг с деньгами, верно? Тысяч пять устроит?

От обиды ком в горле застрял.

Вот, значит, как... заплатит он... и ведь раздувается от осознания собственной щедрости. Конечно, такого красавца бесплатно принять должна бы, но раз уж такая пакостливая уродилась...

Малкольм опять засопел в ухо, а потом не придумал ничего лучше, как лизнуть меня в шею.

Твою ж...

Я попыталась его оттолкнуть, но куда там, силищи у этого придурка рыжего хватало.

– Не дергайся... что ты...

И под блузку полез.

– Руки! – рывкнула я, а заодно уж пнула в колено. А что, ботинки у меня хорошие, крепкие, за то и выбирала.

Малкольм зашипел и отпустил-таки.

– Не кочевряжься, детка. Кому ты здесь вообще нужна?..

Он пятнами пошел. То ли от гнева, то ли... Скотина! Кому нужна? Не его ума дело...

– Или думаешь, Рай больше предложит? Не дожدهшься...

Я хотела просто уйти.

Убежать.

Я не гордая, когда надо, то бегаю весьма себе неплохо, но вот... обида не отпускала. Почему они со мной так? Сначала там, потом здесь. Мне казалось, что я уже свыклась, шкуру нарастила, а тут... мелочь такая по сути своей... Подумаешь, козел, так мало ли их на пути встречалось? Не повод еще в истерику ударяться, только...

– Не наживай себе неприятностей, детка, их у тебя и так хватает... – он снова шагнул ко мне, а я, отступив, мазнула ладонью по глазам, убеждаясь, что предательские слезы кипят лишь внутри, и тихо сказала:

– Да чтоб у тебя только на коз и вставал...

Стало легче.

Будто лопнуло внутри что-то... от этого и горечь на языке, и шум легкий в ушах...

Головой я потрясла, и шум исчез. А Малкольм... Малкольм рассмеялся:

– С фантазией, детка... нам с тобой будет весело.

Прозвучало это почти угрозой.

Но останавливать он не стал, а я... я ретировалась со всей поспешностью. Ну их... надеюсь, все же брюнет не заявится, а то двоих я точно не выдержу.

Глава 18

Следующие несколько дней прошли спокойно и даже благостно, и лишь алые розы, выбросить которые у меня рука не поднялась, напоминали о произошедшем. Первое время я, конечно, несколько опасалась: все же Малкольм не походил на человека, который так легко отступится, и даже если рассказал приятелю, что игры не выйдет, то меня в покое он точно не оставит. Самолюбие не даст. Но...

Время шло.

И ничего не происходило.

Разве что я сдала зачет по основам экономики, а потом – по истории мира. Все прошло тихо и мирно, буднично даже, не считая присутствия ректора, который, впрочем, держался в тени и явно думал о своем, о высоком, а не о какой-то там студентке...

На третий зачет, по географии, он не явился.

Мастер Варнелия просто-напросто расписалась в ведомости, от экзамена отмахнувшись. И мастер Витгольц последовал ее примеру. А затем за ручку отвел меня в ректорат, где тот же секретарь, выглядевший еще более раздраженно и хмуро, нежели обычно, внес меня в списки первокурсников.

Наверное, стоило порадоваться, только... не радовалось что-то.

Университет совершенно опустел, хотя до занятий оставались какие-то две недели.

Дожди.

И сырость.

Холод, от которого не спасало одеяло. Разводы плесени, чувствовавшей себя в моих покоях вольготно. Розы, явно обработанные магией, поскольку нормальные цветы давно бы уже осыпались, а эти... будто пластиковые.

А потом меня навестили.

Нет, территория университета не являлась закрытой для посещений. Ограда здесь существовала исключительно в утилитарных целях, скорее обозначая эту самую территорию, нежели являясь серьезным препятствием для кого-нибудь.

Ворота не запирались.

Калитки тоже.

Привратника и того не было.

Как и желающих поглазеть на магов.

Она явилась после завтрака. Она постучала и сразу вошла, не дожидаясь разрешения. Она огляделась. Скривилась и спросила:

– И тебе это в самом деле нравится?

– Что именно? – я сидела на кровати и листала учебник, благо библиотека не закрывалась на каникулы и комплект первокурсника мне выдали охотно, а после моего предложения помочь добавили еще пару книг, которых, как понимаю, всем не хватит.

– Это... – дама в узком сиреневом платье указала на красное пятно плесени. Пятно здорово напоминало местный континент, а второе, вытянувшееся рядом, полуостров. Зеленоватая же плесень вполне походила на море. – Убогая конура, жалкое существование...

– Зато я в своем уме, бабуля.

Этот голос я бы и во сне узнала.

Бабуля, назвать которую старухой язык не поворачивался, поморщилась.

– Что ты понимаешь...

– Понимаю, что папашу моего ты опоила, что и по местным меркам немного чересчур...

Узкое лицо. Узкий подбородок. Длинноватый нос с горбинкой – отец явно не в нее пошел, да и во мне, слава всем богам, нет ничего от нее. Я мамина копия, так говорили, и, похоже, в нынешних обстоятельствах это не самый худший вариант.

– Чушь, – старуха отмахнулась. – Девочка, ты слишком юна, чтобы жить самостоятельно.

– Я живу самостоятельно лет этак с тринадцати. Раньше вас это не беспокоило.

Я закрыла книгу и задала вопрос, от которого, признаться, несколько устала:

– Что вам от меня надо?

Темные глаза блеснули.

И камни на шее.

Крупные такие камни. И полагаю, настоящие... платье стоит больше, чем все мое содержание... а еще браслетик, перстечки, клатч с жемчужной застежкой. Палантин меховой... меховые палантины в такую погоду носить как-то не слишком разумно.

– Столь же упряма и глуха к доводам разума, как и твоя матушка. Она могла бы неплохо устроиться в вашем мире – собственное жилье, достойное содержание. Вы бы ни в чем не нуждались, а вместо этого... Не

повторяй ее ошибок, деточка...

Ага, значит, с мамой старуха встречалась... Видимо, хотела повлиять на нее, раз уж с сыночком не вышло, а когда и тут не получилось, то приступила к запасному плану.

– Я могу обеспечить тебе безбедное существование, ты забудешь об этом кошмаре... – теперь голос ее стал мягким, вкрадчивым. – Выйдешь замуж за достойного человека, получишь титул и заслуженное место в обществе...

– Ага, и лет через десять буду кусать локти, как Амелия...

Да уж... разные у нас представления о личном счастье.

– Она всегда была чересчур эмоциональна. Ты не такая... Насколько я успела понять, ты довольно практична, а потому подумай, что тебя ждет.

– И что же?

– Учеба на ближайшие годы, и ничего, кроме учебы. Поверь, это нелегко – целителей учат куда серьезней, чем боевиков, благо мы уже несколько сотен лет ни с кем не воюем. А вот целители... – старуха запнулась, поняв, что не туда свернула. – В столице тебе не остаться, сколь бы хороша ты ни была, но без связей и поддержки... а значит, провинция.

– И что?

– Унылый городок, где ни развлечений, ни мужчин, способных составить хорошую партию.

– Я и без партии живу неплохо. А чем себя развлечь, сама найду.

– Деточка...

Я хлопнула по коленям. Как-то утомляет меня эта беседа. Интересно, на что она рассчитывала? Хотя... бедная девочка, оказавшаяся в невыносимых условиях. Полагаю, для особы ее положения и воспитания подобные условия и вправду казались невыносимыми. Я же получила и крышу над головой, и трехразовое питание, одежду и ту выдали.

Учеба никогда не пугала.

А перспективы... никогда не понимала женщин, пределом мечтаний которых было удачное замужество. Наверное, потому, что не верила, что замужество и вправду может быть удачным. Главное, что та же Мелисса перспективу избавления, чувствую, приняла бы с восторгом... хотя... она тоже целитель...

– А теперь послушайте меня, – главное, не сорваться на крик. Кричащие люди жалки. – Мне все равно, что и зачем вы делали в прошлом. Это останется на вашей совести. Если боитесь, что я ринусь справедливость восстанавливать, то не стоит, я в справедливость не верю, да и... полагаю, ничего уже не изменишь.

Бабуля погладила колечко.

А комнату после нее надо будет проветрить. И воду из графина вылить, так, на всякий случай, и вообще попросить мастера, чтобы глянул опытным глазом, а то мало ли...

– Я не трогаю вас, а вы меня... забудьте о моем существовании, и всем будет хорошо.

– Девочка, – голос бабули стал мягок, что не добавило радости. Так разговаривают с тяжелобольными или скорбными разумом, а я полагала себя вполне здоровой. – Ну зачем тебе это? Бессонные ночи, мучения в мертвецкой, непонятные перспективы и необходимость до конца жизни возиться с больными людьми. Неблагодарная работа без малейшей надежды на просвет.

Ага, пожалуй, пару месяцев назад я бы поверила в эту сказку, но я же вижу, что мастер Варнелия нисколько не жалуется ни на жизнь, ни на работу. И пусть мне никогда не стать такой, как она, но собственное место я найду.

– Ты ведь молода и хороша собой... тебе бы веселиться, порхать...

Теряя остатки мозгов.

И что меня ждет? Зависимость от любезной старушки, которая привыкла блюсти собственную выгоду. Она и сына родного не пожалела, что уж говорить о нелюбимой внучке. Подыщет жениха подходящего, выгодную, мать его, партию. Только для себя выгодную, а мне подберут правильное зелье, чтобы жизнь была полной и разноцветной.

Дальше замужество.

И новая зависимость... нет уж, я лучше сама, старой девой... кошек я люблю в отличие от людей.

– Позволь о тебе позаботиться... – бабуля протянула руку, чтобы погладить меня по щеке.

– Раньше надо было, – я отшатнулась, и пальцы бабулины скользнули в воздухе. – А теперь, извините, я уж как-нибудь сама... сила привычки.

Угрожать мне не стали, и на том спасибо.

Незаметно наступило первое сентября. Местный месяц назывался мило – серпушником, но суть от этого не менялась.

Торжественное открытие.

Начало учебы.

И огромное количество народу, который вдруг появился словно из ниоткуда. С раннего утра я, устроившись на подоконнике – погода в кои-то веки смиростивилась, а может, маги постарались, но было ясно, –

наблюдала за прибывающими.

Студенты и студентки.

Спокойные старшие курсы, всем видом показывающие, что они уже почти состоявшиеся маги, и робкие первокурсники, зачастую сопровождаемые кучей родичей, порой и с малолетними детьми в придачу. Дети эти, верно, ошавев от вседозволенности, вскоре обжили коридоры, и теперь то и дело общежитие сотрясали визги, вопли и ор.

Настроения это не добавляло.

Настроение было на диво поганым. Не отпускало нехорошее такое предчувствие, что год этот будет веселым, и веселиться большей частью стану не я.

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу.

Еще час, и всех соберут на стадионе, где перед толпой выступят ректор и деканы. Потом состоится торжественное шествие каждого факультета к своему корпусу, и уже там, в тиши и покое, полагаю, весьма относительном, нам зачитают первую лекцию.

Обзорную.

Листок с напоминанием и инструкцией – настоятельно рекомендовалось посетить все торжественные мероприятия, включая вечерний салют, – прилип к стеклу. И когда часы на башне пробили полдень, я со вздохом сползла с подоконника. Сколько за хвост ни тяни, а кот рано или поздно закончится.

Парадная мантия, сшитая, впрочем, из весьма плотной ткани немаркого болотно-зеленого колера, уже ждала меня, как и дурацкая квадратная шапочка с кисточкой. Шапочка норовила съехать, а кисточка моталась перед глазами, чем дико раздражала. Успокаивало лишь, что этот на редкость нелепый наряд надевать следовало исключительно в торжественных случаях. На все остальное время полагалось ходить в сером немарком костюме. Прямая юбка. Блуза из прочной темной ткани. Безрукавка и жакет. Несмотря на несколько грубую ткань, форма была толковой, сидела неплохо и движений особо не стесняла.

Дождь все-таки начался. Мелкая морось, которая скорее ощущалась, нежели была видна. И стадион расцвел разноцветными зонтами.

Людей было много.

Слишком много, чтобы я чувствовала себя спокойно. Ничего, страх на то и страх, чтобы с ним справиться. Я сумею... я...

Над головами целителей вздымался флагшток с зеленым стягом. Ныне он походил на грязную тряпку, но функцию свою выполнял отменно.

А наших немного...

Вот старшие держатся наособицу, время от времени перекидываясь друг с другом словом, на первокурсников смотрят снисходительно и завязывать знакомства не спешат. А те лишь крутят головами, приоткрыв рты от восторга.

Я никогда не была восторженной студенткой. Наверное, душевных сил не хватало. Сложно восторгаться после ночной смены, даже если она была тихой и удавалось поспать.

Я встала в стороночке и прикрыла глаза.

Надеюсь, с линейкой этой не затянут, а то ж вымокну... зонт я так и не приобрела, о чем теперь жалела.

– Это она, смотрите... – шепоток заставил выпасть из полудремы – крайне полезное умение, приобретенное мною к концу второго семестра и позволявшее не тратить бесценное время впустую. – Я тебе точно говорю, она... мне Алька рассказывала, что она...

Девушка в лазоревом костюме, цвет которого несколько дисгармонировал с болотным окрасом мантии, говорила нервно, возбужденно. И приятельница ее, решившая, что мантия не особо и нужна – как же, к чему портить лавандовый наряд таким уродством, – слушала, а заодно и меня разглядывала.

– Мама говорит, что полукровок давно следует ограничить в правах, – сказала она громко, подозреваю, исключительно для меня.

Оскорбить желала?

Или мнение свое донести? Первое не вышло, плевать мне было и на местных полукровок, и на собственную родословную, а вот мнение ее, как и любезной ее матушки, мне было тем более глубоко безразлично.

И все-таки могли бы уже начать.

Или хотя бы купол поставить. Впрочем, надеждам моим суждено было сбыться: небо посветлело, дождь прекратился, а на трибуну взошел ректор.

Он долго и довольно занудно говорил об истории университета, о том, как нам несказанно повезло учиться в его стенах...

– Ни стыда, ни совести... – подружки не унимались и, кажется, подошли поближе, чтоб точно мне слышно было. – Она открыто живет с...

Интересно, с кем?

Имени я не расслышала, но взбодрилась аккурат тогда, когда на трибуну взошел квадратный мужчина с лицом, на котором читалось некоторое удивление. Будто он до сих пор поверить не мог, что позволил себя уговорить на такую авантюру.

– А еще она...

Декан боевиков.

И говорит, как положено боевику, емко, кратко и громко, что донельзя расстраивает подружек. И та, которая в лавандовом костюме с меховой оторочкой, раздраженно трясет рукою...

– И нам придется...

– Заткнуться, – мастер Витголец похож на мокрого ворона, и черный его балахон лишь усиливает сходство. – Если вы не хотите покинуть университет сегодня же...

И он без зонта.

Варнелию ищет? Ему среди целителей делать нечего.

– Простите, мастер, – лавандовая присела, изображая поклон. И заодно уж вырез демонстрируя, из которого выглядывала весьма сдобная грудь. – Мы не хотели...

– И не могли, – проворчал он. – Где ваша мантия?

– Я подумала...

– Это вряд ли, – он постучал пальцем по голове. – Думать здесь явно нечем, если в первый же день вы позволяете себе нарушать инструкции. А потому будьте добры навестить завхоза и передать ему, что поступаете в его полное распоряжение... подругу тоже с собой прихватите. Веселее будет.

Популярности мне это не добавит, но было приятно. Ровным счетом до того момента, когда мастер, подхватив меня под руку, сказал:

– А вас, Маргарита, ректор ждет...

Сердце екнуло.

Ухнуло.

И застучало.

– Спокойно... повода для волнения нет, просто пришло время, скажем так, поговорить... пока вы еще кому-нибудь чего-нибудь не пожелали.

При этом мастер выглядел как-то слишком уж довольным.

Ректор ждал нас в госпитале.

Он сидел на кушеточке, этак бочком, и пил чай из огромной фаянсовой кружки. Делая глоток, ректор зажмуривался и застывал...

Уже знакомый господин, на сей раз в коричневом костюме, который казался для него слишком ярким, облюбовал дальний угол. Там же переминался с ноги на ногу Малкольм и выглядел при этом не очень хорошо. Бледность. Тени под глазами. И ярость в них. Увидев меня, он было дернулся, но рука знакомого господина остановила его.

Спасибо.

Правда, не понимаю пока, но... чуеться, что веселье мастера Витгольца выйдет мне боком.

– Проходите, дорогая, – мастер Варнелия была тут же. – Проходите и присаживайтесь... и ничего не бойтесь, я не позволю вас запугать...

– Никто никого пугать не будет, – ректор не соизволил открыть глаза. – Как понимаю, молодой человек повел себя не самым... вежливым образом, за что и был наказан.

Так, совсем не понимаю...

– Я ничего не делала! – на всякий случай сказала я, испытывая огромное желание спрятаться за мастером, который, впрочем, скрывать меня от возмездия не собирался, даже в спину подтолкнул.

– Тогда почему я... – голос Малкольма сорвался. – Ты меня прокляла!

– Неправда!

Господин смотрел.

Ректор пил чай и явно не собирался вмешиваться.

– Я, – я сглотнула, – не умею проклинать... и вообще, думаешь, ты только меня бесишь? Вспомни о своих играх, думаешь, никто на вас с приятелем не затаил злобы?

Господин в костюме щелкнул пальцами, и в приемном покое стало тихо. Очень тихо. Неестественно, я бы даже сказала.

– Помилуйте, это чересчур... – мастер Варнелия скинула мантию и расправила складки розового платья. Легкомысленного. Отделанного кружевом и украшенного дюжиной бантиков.

Господин лишь потер руки и сказал:

– Маги жизни являются собственностью государства...

– Не пугайте девочку, а то ведь чревато, – мастер Витгольц оседлал ближайший стул и, сев лицом к спинке, положил на нее руки. – Потом будем искать, как снять проклятие... Маргарита, так уж вышло, что эту тему мы с вами обошли...

Малкольм сопел и не спускал с меня глаз.

И как-то вот неудобно мне было.

– Во-первых, появляются маги жизни крайне редко... пожалуй, это обусловлено самой природой, которая стремится к равновесию. Во-вторых, предположить, что полукровка, к тому же рожденная в другом мире... вы все же присаживайтесь...

– И не переживайте, дорогая... – мастер Варнелия обняла меня за плечи и подтолкнула к собственному креслу. Стояло оно у окна и на приличном расстоянии ото всех. – Тедди, как всегда, пускает пыль...

Проклятие.

Я уже поняла... маги жизни редкость, а меня вот угораздило, и теперь я – собственность местного государства, и значит, прощай тихая жизнь в

провинции.

– Видите, – мастер Варнелия с упреком посмотрела на господина, который, кажется, даже слегка смутился, поскольку он-то как раз ничего не успел сделать. – Она расстроена... и переживает... а все вы с вашей спешкой... к такому надо готовить постепенно.

– С вашими секретами и постепенностью мы имеем два проклятия.

– Сколько раз повторять, что это не проклятия, а... пожелания, скажем так... неосознанные, но тем не менее направленные. И сейчас девочка действительно не понимает, о чем речь...

Маги жизни были не просто редкостью. Маги жизни были драгоценностью, которую короне вменялось хранить, холить и лелеять. Благо, как правило, нравом они обладали мягким, уступчивым, что объяснялось их почти божественной силой.

Целитель исцеляет, воздействуя на определенные точки организма.

Целитель способен срастить кости, восстановить работу некоторых поврежденных органов, удержать организм на краю, делясь с ним силой. Целители могут многое, но есть ряд болезней, не поддающихся излечению. А вот магу жизни достаточно пожелать.

Как это происходит?

Никто не знает.

Исследования велись, но результаты были столь размыты, что одних теорий, описывавших механизм воздействия мага жизни на живой объект, существовало с полсотни. Самая популярная утверждала, что маг вступает в резонанс с тонкой материей мира, получая таким образом возможность влиять не только на отдельных людей, но и на мир в целом.

Там, где появлялись маги жизни, снижалось количество преступлений.

Чаще рождались дети, и рождались здоровыми.

Алкоголики и наркоманы возвращались к нормальной жизни, земля давала урожай, и вообще наступали всеобщие благоденствие и покой.

Я закрыла глаза.

И открыла.

Вздыхнула.

И сказала со всей убежденностью, на которую в принципе была способна:

– Вы ошибаетесь.

Ректор погладил чашку. Господин потер руки, а мастер Варнелия стыдливо отвела взгляд. То есть она что-то поняла, и давно, но молчала...

наверное, спасибо ей, дала пару недель нормальной жизни, но... ошибаются они.

Не совершала я чудес.

Не было ни воскрешений, ни выздоровлений волшебных, ничего вообще...

– Вы ведь помните мастера Ульграф? – вкрадчиво поинтересовался господин. – У нее вдруг возникла некоторая проблема... личного характера, и мастер обратилась ко мне с просьбой выяснить, кто и когда проклял ее.

– Я не умею проклинать!

Да что они прицепились!

– Тише, – мастер Варнелия погладила меня по плечу. – Выпейте вот... не волнуйтесь, это успокоительный отвар.

Успокоиться мне не помешает. Отвар пахнет ромашкой, а на вкус характерно горек, и значит, не обошлось без пустырника. Пустырник – это хорошо, всяко лучше корня валерианы, которым и отравиться недолго. Но они ошибаются.

Все и глобально...

– Могу я спросить, что именно вы пожелали мастеру? – господин коснулся запястья, на котором болтался широкий браслет часов. – Уверю, что это признание никоим образом не повлияет на ваше будущее. Нам известен непростой характер мастера и ее желание... воздействовать на вас.

– Облысеть, – со вздохом призналась я. – Я пожелала ей облысеть...

– Проклятия не было, но... странным образом организм ее отторгает волосы.

Мастер Варнелия закатила глаза. Да, еще та формулировочка, хотя, стоит признать, суть передана верно. Отторгает, значит... и там, в кабинете ректора...

Все равно ошибка.

– Она обращалась к целителям, она пыталась пересадить волосы и даже прибегла к одному не слишком приятному ритуалу, но, увы, бесполезно... – огорченным господин не выглядел. – А затем ко мне пришел этот вот молодой человек с... проблемой интимного толка.

Вспомнив, что именно я ему пожелала, я покраснела.

Побледнела.

И уткнулась взглядом в чашку с остатками отвара. Добавки попросить, что ли? И побольше...

– Вы верно заметили, что поведение его, как и поведение его друга, не могло не вызвать негативной реакции со стороны... потерпевших.

Малкольм фыркнул и отвернулся.

– Сперва мы полагали, что кто-то из девушек решил отомстить, хотя Малкольм, как и мастер Ульграф, утверждал, что виноваты именно вы, но данные с браслета и сама ваша суть опровергали возможность использования проклятия.

Господин выдохся и взмахнул рукой.

– Маги жизни не только лечат, – мастер Варнелия не отпускала мою руку. – Они в принципе воздействуют. И чаще всего воздействие исходит в виде пожелания. Пожелаете вы кому-то ослепнуть – и мир откликнется на вашу просьбу. Пожелаете исцелиться – и мир соответственно...

Поняла.

Откликнется.

– Тогда вы действительно ошиблись, – я поставила кружку на стол. – Потому что в этом случае моя мать давным-давно исцелилась бы, а бабушка и вовсе осталась бы в живых.

Не плакать.

Не здесь и не сейчас. Проморгаться и смотреть в окно. Сероватое, затянутое рыбьей чешуей дождя. Капли собираются на подоконнике и узкой дорожкой тянутся вдоль, сползают по стене, и отмытый до блеска глянцевый лист покачивается.

– Маргарита, – мастер Варнелия коснулась моей шеи. – Все верно, но... есть одно обстоятельство... ваш мир чужд магии. И твой потенциал не получил должного развития. Именно поэтому тебя изначально идентифицировали как целителя.

Дождь опять зарядил.

Я вижу серые нити, словно струны на небесной арфе... сыграть бы на них что-нибудь, хоть ту же «Мурку»... или лучше что-то нежное, вдохновенное... «Мурка» – совсем не то.

Впрочем, я не умею играть.

– Твои каналы раскрылись, и отчасти, полагаю, стресс послужил толчком. Как бы то ни было, но ты действительно маг жизни... единственный в этом поколении.

– И что теперь?

Меня отвезут на необитаемый остров? Выстроят стену и роскошный дом, который, по сути, будет тюрьмой? А по выходным будут доставлять высокопоставленных пациентов, чтобы я пожелала им здоровья и благополучия?

Хрень какая-то...

– Ничего... – ректор соизволил отставить кружку и вытер ладони о штаны. – Полагаю, вы продолжите учебу. Все-таки знания не помешают. А

заодно постараетесь простить сего юного обалдуя, который, полагаю, совершенно искренне раскаивается в содеянном. Вы ведь раскаиваетесь, молодой человек?

Малкольм потрянул рыжей гривой.

И как это понять?

– А если... – я сглотнула, – не выйдет?

Могли бы предупредить... знали, да... мастер точно знала... и нет, всю правду могла бы не рассказывать, частично, предостерегла бы, чтобы я не желала людям ничего такого. Или вот браслетики... тут есть много всяких, от детских до взрослых, которые надевали преступникам.

– Мы полагаем...

– Вы полагаете, что если ее запереть, то Маргарита преисполнится благодарности за заботу? – мастер Варнелия все-таки отошла, а спокойствие осталось.

Я понимала, что оно совершенно неестественно, что... И все же мне было почти хорошо.

– Боюсь, эффект будет обратный. Девочка просто возненавидит всю вашу контору. А защититься вы не сможете... вы не хуже меня знаете, что от пожеланий мага жизни не спасет ни одна защита, поэтому давайте не будем создавать друг другу проблем, – ректор поднялся. – Девочка учится. Обживается. И не стоит ее дергать.

Не стоит.

Я кивнула, всем видом показывая, что дергать меня – дурная идея.

– В то же время, полагаю, – ректор вытащил ложечку и облизал ее, – именно в непринужденной обстановке дети куда легче пойдут на контакт...

Именно.

К контакту я готова и даже хочу, чтобы все вернулось на круги своя, чтобы волосы отросли и потенция вернулась, главное, не перепутать, кому что...

– Не стоит тужиться, – мастер Варнелия хихикнула, и смешок этот столь же не соответствовал обстановке, как и ее розовое платье. – Желать надо от всей души, а так... в этом и сложность. Если не знаешь, как это работает, то и научить проблематично.

– А...

– Нет, в настоящее время вы единственный маг жизни. Предыдущая ушла лет этак двадцать пять назад...

– Куда?

Ах да, глупый вопрос, конечно.

Я вздохнула.

– Не переживайте, вы справитесь с этим... только... – мастер Варнелия потеряла мизинец. – Я очень прошу вас быть осторожной...

– В пожеланиях? – уточнила я.

– В принципе... мы постараемся, конечно, пресекать ненужные слухи, – ректор поднялся. – Однако сами понимаете, сколь бессмысленно это занятие...

Понимаю.

– А маг жизни – ценность...

Это я уже слышала.

– Ваши родственники... несколько расстроятся, поняв, что упустили вас, – господин сцепил пальцы и потянулся так, что косточки захрустели. – Возможно, у них появится желание... наладить отношения.

Хрен им.

Тертый.

Ибо сложно наладить отношения с теми, кто испоганил тебе жизнь. И не только тебе.

– А мне защита полагается? – я поежилась, представив, в какую ярость придет бабулечка, поняв, чего лишилась... И пожалуй, злорадство здесь было более чем уместно.

А что, я никогда не отличалась кротостью.

– Полагается, – господин вытащил из внутреннего кармана браслетик. Больше всего тот напоминал фенечку, сплетенную из красных и фиолетовых нитей. Среди них поблескивали бусины, и как-то не верилось, что этот браслетик способен защитить от чего-то.

Но господин торжественно завязал браслет на моем запястье и опалил торчащие нити зажигалкой.

– Однако мы не сможем защитить вас от попыток манипулирования. Постарайтесь не вспылать страстью к неподходящему человеку.

– Ага... – странное предупреждение, хотя не лишённое смысла. Вот матушка вспылала, и что из этого получилось? То-то и оно... На всякий случай я поинтересовалась: – А подходящий кто?

Господин откровенно смутился и отвел взгляд. Похоже, список кандидатур, подходящих с точки зрения высокой политики, находился в процессе разработки.

Малкольм уставился в потолок.

А уши покраснели.

Глава 19

Приемный покой я покидала в странном состоянии полного равнодушия. Похоже, успокаивающее зелье оказалось куда как крепче, чем я предполагала.

Но это даже хорошо.

Очень хорошо.

Я трепала браслет, который должен был защитить меня от большинства известных ядов и запрещенных зелий, а также непосредственного физического воздействия вплоть до пятого уровня.

Уровни мы еще не проходили.

Малкольм уныло брел сзади.

Конвой не конвой, так, живой укор совести, который вызывал у окружающих явное возбуждение. Я и забыла, что времена, когда на территории университета было безлюдно и спокойно, минули. Нас окружали толпы студентов и, что куда хуже, студенток.

Торжественная часть завершилась, и мантии исчезли, сменившись многоцветьем нарядов. Платья и брючные костюмы. Юбки узкие и юбки пышные. Рубашки. Жакеты. Кружево и банты...

Девушки сбивались в стайки и щебетали.

Щебетали...

Смотрели на Малкольма и отводили взгляды, играя в скромность. Мне почему-то сразу было ясно, что это именно игра. Кокетливые взгляды. Вздохи. Пальчики, касающиеся губ, и ручки, взлетающие над волосами, чтобы поправить прическу.

Блеск камней, настоящих ли, поддельных... Всего этого стало слишком много.

– Слушай, – я остановилась перед радужной толпой, отделявшей меня от тихой общежитской жизни. То есть некогда тихой, а теперь вот сомнительно. – А давай ты в другую сторону пойдешь?

– Зачем? – сквозь зубы процедил Малкольм.

– Они за тобой ринутся, а я домой... тихонечко... поверь, это поможет наладить отношения лучше, чем все подарки, которые ты заготовил.

Малкольм фыркнул и потрянул рыжей гривой.

– А ты откуда знаешь? – поинтересовался он с некоторой опаской.

Я пожала плечами:

– Ты же привык откупаться от проблем, разве нет?

Сопение стало громче, обиженной.

– А что мне сделать? Прощения просить?

– Не мешало бы...

А вот и подружки давешние... интересно, что здесь делают? По виду их и не скажешь, что готовы заселиться в нечеловеческие условия общежития для бедных. Стоят. Явно ждут кого-то... ишь, шеями вертят. Вот замерли, меня заметив, и одна пихнула локтем другую.

Ага...

Претензии предъявлять станут.

– Извини, – Малкольм выдавил это слово явно через силу. – Я был не прав. Я не должен был... так поступать.

Еще бы ножкой песочек ковырнул, раскаяние изображая.

– Я тоже.

Вежливость требовала ответа, и кажется, что это рыжее недоразумение теперь от меня не отвяжется, даже если я чудесным образом решу нашу общую проблему.

Успокаивало, что хоть руки распускать не посмеет.

– И что теперь? – он закрыл глаза, явно прислушиваясь к ощущениям.

– Понятия не имею...

Девушки приближались.

Лавандовая вела, а подружка ее держалась чуть в стороне, явно не желая участвовать в грядущем бою, но и не смея просто-напросто исчезнуть.

– Ты, – лавандовая остановилась в двух шагах и ткнула мне в грудь пальцем. Мизинчиком... интересно, если пожелать, чтобы он отвалился, что произойдет?

Как-то подумалось, и... не по себе стало.

Маг жизни?

Ага, полезное умение. Но куда полезней другое... скажем, пожелать кому-нибудь скоропостижной кончины – и это ж никакие телохранители не спасут. Идеальный киллер... и странно, что меня вообще в живых оставили. Я бы вот не оставила, то есть где-нибудь на отдаленном острове, в тиши и под хорошей охраной, даже не человеческой... Если они здесь додумались до машин на магии, то и охранные системы какие-никакие сочинили бы, и жила бы я... долго и несчастливо.

Я икнула.

И кажется, побледнела, если лавандовая девушка вздернула подбородок. И выражение лица ее стало таким предвкушающим.

– Ты, – повторила она.

– Я, – согласилась я.

– Что?

Девушка нахмурилась. А интеллекта она, похоже, небогатого. Есть в мире равновесие... кажется. При ближайшем рассмотрении девушка оказалась довольно симпатичной. Лицо сердечком, губы бантиком, брови домиком – на гномика она не походила, но было в ней что-то такое, донельзя мультяшное. Прямо хотелось взять и пощупать, убеждаясь, что она все-таки живой человек.

– Я – это я, – сказала я, – во всяком случае, сегодня.

– А завтра? – подал голос Малкольм.

– Кто знает, что будет завтра...

– Ты должна извиниться! – лавандовая топнула ножкой.

– Перед кем?

– Передо мной!

И снова ножкой топнула.

– Почему?

Не то чтобы мне и вправду интересно было, мало ли кто там что себе вообразил, я этому воображению соответствовать не обязана, но... так, поддержания беседы ради.

Любопытно, когда их терпение иссякнет?

Не мастера Варнелии, а ректора и того господина, всучившего мне Малкольма. Когда они сообразят, что маг жизни из меня если и выйдет, то дефективный? Я и силу-то свою чувствовать не научилась, а от меня чудеса ждут.

– Из-за тебя нас наказали.

Малкольм фыркнул, и девушка слегка покраснела. А потом смущенно так потупилась, разом преображаясь. Ага, вот теперь передо мной стояла не грозная мстительница, а маленькая и несправедливо обиженная девочка, еще бы пару бантиков в кудряшки для полноты образа и леденец на палочке.

Можно даже в кудряшки.

– Вас наказали из-за собственной дури, – на розовое и слюнявое у меня была аллергия.

Давняя.

Пожалуй, еще с тех пор, когда Машенька, староста нашего класса, выпячивая губы и присюсюкивая, сообщила, что мне больше в нашей тесной тусовке не рады. Помнится, на ней было розовое платьице с пышной юбкой, и розовые туфельки, и еще что-то, тоже розовое и сладкое. А Димочка, мой давний приятель, которого я всерьез – наивное дитя –

полагала верным другом, промолчал и отвернулся.

Ты же понимаешь, Марго...

Я не хочу ссориться со всеми, просто...

Я на твоей стороне, только не надо это афишировать...

Ага...

– Да как ты смеешь...

– Обыкновенно.

– Знаешь, кто я? – девица скрестила руки на груди. – Мой отец...

– Полагаю, не совсем адекватно вас оценивает, госпожа Ильяна, – Малкольму, кажется, надоела эта недоистерика. – В первый же день учебы опозорить семью – на это мало кто способен. Впрочем, о вас в обществе всякое говорили, но, признаюсь, я полагал, что правды в этих слухах немного...

Он перевел взгляд на вторую девицу, которая держалась в тени и молчала.

– Боюсь, я буду вынужден сообщить вашему отцу, что вы связались с на редкость неподходящей особой... Маргарита, ты, как мне кажется, устала. Позволишь проводить?

Позволю.

Отчего ж не позволить...

Девица открыла рот. И закрыла. И в глазах ее мелькнуло что-то такое на редкость недоброе... кажется, одним врагом у меня стало больше.

– Куда ты меня ведешь? – я очнулась уже за общежитием.

– Туда, – Малкольм указал на сад. – Все равно пока все не заселятся, покоя не будет. И в нашем бедлам стоит, а что у вас творится, и подумать страшно. Посидим, поговорим...

О чем?

О том, что я представления не имею, как все исправить? И конечно, буду стараться, желать ему всяческого здоровья и нестигаемой потенции... хотя с этими пожеланиями тоже аккуратней надо. Вряд ли он обрадуется, если вдруг и вправду сбудется. Нет, надо вернуть все как было, вот только понятия не имею, как это сделать.

Я вздохнула.

А Малкольм осторожно сжал мою ладонь.

– Извини, – повторил он куда как искренней.

– И ты меня... если бы знала, я бы в жизни... – сложно извиняться. Я ведь не привыкла, и не потому, что не совершала ошибок или была всегда права. Нет, просто, как правило, извинения мои никому нужны не были.

– Ничего... придумаем, – Малкольм нырнул под низкую ветку. – Идем.

А если он сейчас заманивает меня в глубь сада только затем, чтобы свернуть шею?

С другой стороны, к чему такие сложности? Свернул бы здесь – тихо и безлюдно... И полукруг пруда открылся внезапно. Синяя водяная гладь. Желто-зеленый узор кубышек. Плотные листья покачиваются на воде, и редкие цветы дразнят стрекоз.

Тихо.

И влажно.

Трава зелена, рогоз стеной поднялся, но не сплошной. Он не столько скрывает пруд от посторонних глаз, сколько обрамляет его, отделяя воду от луга.

– Присаживайся, – Малкольм стянул куртку и бросил на землю.

Красиво.

И бестолково. Травяные пятна и магией не выведешь.

Я села. Его куртка – его проблемы, и полагаю, в нынешней ситуации наименьшие. Малкольм устроился прямо на траве. Вопросов он не задавал, в душу не лез, просто сидел, молчал, и... как-то получилось, что я довольно быстро забыла о его присутствии.

Маг жизни.

Надо будет поискать в библиотеке, хотя вряд ли найду так уж много. Я коснулась травинки, попытавшись ощутить ее. Ничего. Жесткая. И край пальцы порезать может. И вообще, трава как трава, луг как луг... пруд как... а ведь тот самый, на котором я нашла Эрику, просто с другой стороны подошли. Отсюда не видно, но...

– Скажи, кто вашего Айзека настолько ненавидит? – я сорвала травинку и прикусила. В животе засосало, все-таки завтрак был довольно давно, а обед я пропускаю.

– С чего ты взяла, что ненавидят?

Малкольм встрепенулся.

– Ну... не знаю... убивать его подружек из большой к нему любви? Хотя... тоже мотив, иначе убрали бы самого...

– Это не так-то просто.

– Ага... – я закрыла глаза.

А тепло.

И трава почти просохла. Главное, куртка Малкольма плотная и не промокает, значит, можно сидеть и дальше.

– Что ты об этом знаешь? – а он подобрался.

– Немного... сколько их уже?

Малкольм молчал, явно раздумывая, что сказать и стоит ли вообще

говорить.

– Пятеро...

Пятеро.

Ни хрена это не совпадение.

– Типа самоубийство?

– Да.

– И вам велено не совать в это дело нос? Просто быть осторожней и не связываться с девицами? – травинка была пресной и закончилась быстро.

– Да.

Сухо. Оскорбленно.

Конечно, им бы волю... хотя... если я что-то понимаю, то совет этот веселая их компания пропустила мимо ушей. В смысле, не тот, который с девицами не связываться, а другой, про не лезть. Вон Малкольм уже близехонько подсел. Со стороны мы, как пить дать, на парочку влюбленных похожи.

– Рассказывай, – велела я. – Баш на баш...

А что? Заняться пока больше нечем, так хоть послушаю... И вообще, если они от меня не отцепятся, а пока проблема Малкольма не решена, точно не отцепятся, значит, потенциально и я в клубе самоубийц состою. В общем-то не собираюсь, но, как подозреваю, остальные тоже желанием на тот свет прогуляться не горели. А потому лучше знать, чем не знать.

Айзек был славным парнем.

Нет, серьезно, Айзек был очень славным парнем. Любил кошек и переводил старушек через дорогу в свободное время. Увы, свободного времени у него было не так и много, все-таки третий в списке на престол, аккуратно после дядюшки, так и не удосужившегося обзавестись потомством, и родного папочки.

Ответственный.

Умный.

Охрененно талантливый даже для того, за чьей спиной выстроилась вереница славных предков. И притом не гордый и вообще вменяемый, что в высшем свете редкость. С Малкольмом они дружили с юных лет, не без посторонней помощи, ибо когда круг общения твой ограничен только теми, кто одобрен свыше, поневоле сдружишься.

Сколько Малкольм себя помнил, он всегда был при Айзеке.

И еще Рай.

Вместе учились. Вместе строили каверзы. Вместе получали... да и как-то так пошло... Малкольм сам конструктор с ярко выраженной целительской составляющей. На самом деле это, наверное, хорошо, но в

роду он наособицу. Во многом из-за матушки, которая... Впрочем, это мне неинтересно ведь?

Интересно.

Но виду не подам.

В общем, с родными отношения как-то не заладились... Рай и Айзек – деструкторы. У Рая с живой материей работать получается, Айзек же универсал... ну да не о том речь.

Все началось с год назад.

Еще в Ирхате... Почему ушли? Айзек ушел, а они с Раем следом. А почему Айзек ушел? Пусть сам рассказывает, Малкольм о чужих секретах трепать не станет... и да, связано это с происшествием на полигоне. Но что там было – никто толком не знает, главное, что Айзек потом два месяца в госпитале пролежал, причем месяц – в полной изоляции, уже потом к нему пускать стали... А из Ирхата выперли.

Там строго.

Там ни предки, ни связи не помогут. Если решили, что все, не годен, так тому и быть. Ну, отец Айзека его вообще собирался в дальнем поместье запереть. И запер. Только сбежали и... там много чего было, не для посторонних ушей, но Айзеку разрешили доучиться.

Здесь.

Тут, конечно, основной профиль послабее, чем в Ирхате, но тоже неплохо. Малкольм вообще доволен. В Ирхате его и близко к пациентам не пускали, а мастер Варнелия позволила практиковаться. Под ее, конечно, руководством, но...

Ее приглашали.

Много раз.

А она отказывала. Почему? Потому что все знают, что по окончании учебы она подала заявку на практику, а ей отказали – в Ирхате женщины не нужны. Так и написали. Вот теперь и мстит, только речь не о том ведь, а... Короче, Малкольм немного ушел в учебу, а потому не сразу заметил неладное.

Айзек... он и раньше популярен был среди девушек.

А что, и титул, и состояние... и плевать, что помолвлен с трехлетнего возраста. Невеста у него, к слову, с пониманием, смотрит на его игры сквозь пальцы. Да не в ней дело, главное, что Айзек раньше осмотрительней был, если уж затевал роман, то таился... нет, не потому, что надеялся и вправду скрыть, но... приличий ради.

И вправду высокие отношения.

Нет, я понимаю, не мне о них судить, но все-таки...

Как бы там ни было, новый его роман застал всех врасплох. Розы и мимозы. Шоколад. Поволока в глазах и полная неадекватность. Говоря по правде, Малкольм даже решил было, что приятель влюбился. И порадовался. От души.

Нет, невеста у него хороша. Аристократична и прекрасна, как фруктовый лед в жаркую субботу, но искренние чувства – дело такое... и пусть девчонка была, если разобраться, невзрачна, даром слаба и родом не вышла, но против сердца не попрешь.

Сердца хватило на три недели, две из которых Айзек летал, а третью – хандрил, уставившись в стену. Он будто разом потерял былой пыл, и теперь звонки от Лилии не радовали, а выводили из равновесия. В какой-то момент Айзек попросту разбил телефон о стену и наорал на Рая, который поинтересовался, что, собственно говоря, не так... обозвал подхалимом и доносчиком.

А это ложь.

Нет, их спрашивают про Айзека, не без того, но... никто давно уже не говорит всей правды. И там это знают и даже одобряют, поскольку у правителя, пусть и потенциального, должны быть верные люди, способные переступить закон... Насколько?

Лили перерезала вены.

Никто не ждал.

До этого они с Айзеком встретились в кафе. С подачи Малкольма, между прочим, который полагал, что любые дела стоит завершать, пусть бы завершение это было неприятным. Он организовал и столик в хорошем ресторане, и букет, и футляр с памятным подарком.

А что, Айзек небеден, а девочка... честно говоря, в ее любви Малкольм с самого начала сомневался, но сомнения эти при себе держал: другу виднее.

Пригодились.

И розы, и футляр.

Были слезы в бокал. И обида. И смирение, как только стало ясно, что разрыв окончателен, а будущее Лилии во многом зависит от ее поведения. Как-то сразу и угасла ее любовь, сменившись искренним желанием быть полезной... взаимно.

Ей нужна была малость.

Всего-то протекция в одну контору, где она потенциально могла бы карьеру сделать... и да, это вполне нормальная просьба. В столице без протекции сложно... не все же магами жизни рождаются.

За эту подколку я пихнула Малкольма в бок: можно подумать, меня

теперь ждет карьера. Хотя да, полагаю, что ждет, и вовсе не та, которую я себе придумала.

Твою ж...

Всегда найдется тот, кто пожелает прибрать к рукам особо ценный ресурс. И как мне быть?

...Лилию нашли в ванной, на той квартирке, которую оплатил Айзек. На третий день... мало приятного, да... и главное, что следов внешнего воздействия не обнаружили.

Как обнаружить, если эти следы в течение пары часов исчезают, и даже самый лучший нюхач – а Рай лучший, это даже в конторе признавали – ничего не почует.

Была записка.

Лепестки злосчатных роз на воде... правда, красоты в этом уже никакой. Жара, тело разлагаться начало, разбухло... утопленники всегда стоят наособицу...

Резала она руки сама.

Ожерелье надела, свечи расставила... и да, розы опять же... оборвала все, дорожку высыпала от ванной до постели. Этой картины Малкольм, верно, никогда не забудет. Он же ее нашел... Короче, ему и при вскрытии позволили присутствовать.

Самоубийство.

Только он не поверил. И Айзек не поверил тоже. И Рай... Рай с Лилией раньше сталкивался, говорит, что характер у нее был жесткий, стержневой слегка, что кому другому она горло перервала бы легко, случись нужда, но себя обидеть?

Их не послушали, пока...

Повешенная.

И та, которая упала с крыши, и утопленница Эрика, а вчера одна отравилась белым лотосом. Где только эту дрянь достала? Главное, что их всех проверили, с Айзека пол-литра крови выкачали, волосы брали, кожу... Для чего? Ясное дело, проверяют, нет ли следов... Белый лотос – такая пакость, которая долго из организма выводится.

Используют в зельях для особо тяжелых больных, притупляет боль и чувства страха, позволяет... скажем так, существовать без мучений, даже когда особой надежды поправиться нет. Но у людей здоровых вызывает прилив сил и энергии, которые, правда, очень скоро сменяются апатией. Лет этак тридцать тому назад скандал случился: студенты придумали новый состав, энергетик... перед сессией самое оно.

Память улучшается.

Силы опять же.

И вообще, сама жизнь начинает казаться яркой и чудесной. Лотоса там была малая толика, в основном разрешенные травы, но... и этого хватило. Все вскрылось, когда пятеро деструкторов слетели с катушек. Галлюцинации, бред, помноженный на силушку немереную. В общем, всем хватило, а Конторе особенно – за то, что пропустили такое... они двоих из этой пятерки прибрать собирались и вроде проверили, но...

Потом еще волна была.

Зелье это то появляется, то исчезает... главное, что все знают, насколько оно опасно, но каждый же думает, что с одного раза ничего не будет.

Или с двух.

Или с трех...

У Нерры нашли белый лотос и еще корень сельдерея, тертые шишки кижмовника да пяток иных ингредиентов, которые входили в состав эликсира. Вот такое дело... так что проверять будут всех, только Малкольм не слишком верит.

Нерра хорошей травницей была.

И в Королевскую клинику метила, и шансы у нее имелись неплохие, так к чему все портить? Да и лотос ей взять неоткуда, он же на спецучете... Университетский госпиталь проверили – все на месте. И в прочих госпиталях тоже, во всяком случае, Малкольм не слышал, чтобы кого-то посадили...

Вот такая штука...

Сложная.

И Айзеку нельзя больше ни с кем встречаться, отец запретил, только тому этот запрет что кость в горле. Поссорились они, и отец пригрозил Айзека так запереть... и, быть может, запер бы, но тут я появилась.

Ага... чудом чудесным.

Мило.

И ни хрена не понятно.

– Ладно, – сидеть было хорошо, но вечность у пруда не проведешь. – Я поняла. Я теперь на тебя обречена, и на твоего приятеля тоже... и на Айзека в придачу?

Малкольм несколько замялся и выдавил:

– Он обручен...

Глава 20

С невестой Айзека я познакомилась днем позже. За эти сутки ровным счетом не произошло ничего важного: ни нашествий саранчи, ни рекордных урожаев на крестьянских полях, ни даже захудалого затмения грозным предупреждением грядущей катастрофы.

Учеба.

Знакомство с моей группой, в которой собралась дюжина личностей самого разного пошиба, от аристократических девиц, поглядывавших на меня ревниво, до людей явно простого происхождения. Эти тоже благоразумно держались в стороне, и я их понимала.

Кому надо себе врагов наживать?

Первый день.

Обзорные лекции. И экскурсия по лабораториям. Правила техники безопасности, за которые приходится расписываться в огромном талмуде, хорошо хоть не кровью. Нудный перечень запрещенных действий и веществ... и единственная адекватная лекция по магическим полям, потокам и способам воздействия на оные.

Еще через день я обнаружила, что группа моя весьма демонстративно меня игнорирует. Кто-то не скрывая злорадства, кто-то стыдливо, опасливо... Ну и плевать, главное, чтобы не мешались. Я устроилась на первом ряду, благо на него не претендовали...

История магии.

Введение в основы анатомии. Биологическая материя как объект воздействия... субъективные свойства костной ткани...

Полезно и довольно интересно.

О группе я как-то и забыла. Сама виновата. Следовало бы понять, что лавандовая красавица, ныне щеголявшая в форме, весьма похожей на ту, которую и мне выдали, но явно индивидуального пошива, не успокоится.

Она подошла в перерыве.

– Ты позор факультета! – сказала она громко.

И оглянувшись на толпу, которой полагалось внимать и восхищаться. А мне, стало быть, отводилась роль жалкой жертвы. Всплакнуть, что ли, для полноты образа?

Или ниц пасть?

Или... я взвесила учебник по физиологии тонких потоков, прикидывая, что если ударить им не слишком сильно, то авось и не

проломлю череп...

– А ты надежда? – я руки от учебника убрала. Следующая пара была последней. Расписание пока баловало, занятий ставили немного, и большей частью лекции. Ничего, полагаю, недельки через две и семинары в сетке появятся, и практика, вот тогда-то и будет весело.

– Если бы в тебе была хотя бы крупница совести, – эта патетика начала меня утомлять, – ты бы сама ушла отсюда...

– Если бы в тебе была хотя бы крупница мозга, – я выпрямилась и потянулась, медленно встала, позволяя этой птичке-синичке оценить разницу в габаритах. Не то чтобы я полная, но рослая, в папу, да и силой не обижена. – Ты бы не цеплялась к людям...

Дверь хлопнула. И в аудиторию вошел мастер Витгольц.

Стало вдруг тихо.

Очень тихо.

– Ты еще поплатишься, – прошипела лавандовая, спешно ретируясь. А я... я подумала, что, может, если уж я настолько ценная особь, мне индивидуальный план оформят?

Лекция была познавательной и закончилась довольно быстро, как по мне. Группа покинула аудиторию довольно споро, едва ли не толпой – как в дверях не застряли, ума не приложу. А ведь они дети... я старше... я и в своем-то мире год пропустила и за этот год почему-то вытянулась, выросла и изменилась достаточно, чтобы воспринимать сокурсников детьми.

А уж теперь...

Лавандовой девочке лет шестнадцать с виду. Или семнадцать? Надо посмотреть, с какого возраста здесь поступают. Главное, что мне-то двадцать три... и вроде бы не так и много, а по сути – вечность. Я в шестнадцать тоже еще воевала со всем миром, искала мифическую справедливость, в чудо верила... а она... образумится.

Или нет.

Но это уже не мои проблемы.

А вот здесь я ошибалась.

Меня явно ждали. То есть что ждали, это было очевидно – троица парней устроилась в углу, настороженные, напряженные, высматривающие кого-то. Это уже позже я сообразила, что высматривали именно меня.

– Эй, ты, – белобрысый мальчишка заступил мне дорогу.

Широкие плечи.

Короткая стрижка. Черты лица правильные. Синяя форма факультета деструкторов и... и раздражение, которым фонило настолько, что я

поморщилась. Я попыталась обойти его, все-таки широких плеч мало, чтобы перегородить весь коридор. Но приятели паренька были настороже. Один схватил меня за руку.

– Не дергайся, птичка... – велел он хриловатым баском.

Явно тренировался.

Перед зеркалом.

Идиот.

Странно, но я не испугалась. Все-таки... все-таки не верилось, что в стенах университета что-то да произойдет... и защита опять же.

– Мальчики, – руку стиснули так, что было больно. – А давайте разойдемся миром? Вы меня отпустите, а я забуду, что вас здесь видела.

– Ты шлюха, – вполне уверенно заявил блондинчик.

А на Айзека не похож.

У Айзека порода чувствуется, у этого – угадывается. Все ж простоват... курносенький, с кругленьким подбородочком и по-детски пухлыми щечками, он пытался казаться грозным, но вместо этого выглядел смешным.

И я улыбнулась.

Не стоило этого делать, а я улыбнулась.

Глядя в синие наивные глаза его... И получила тычок в плечо, заставивший покачнуться. А удар кулаком в грудь выбил воздух... твою ж, где обещанная защита? Меня схватили за шею, сдавили, перекрывая воздух... и время бы испугаться, позвать на помощь... в конце концов, пожелать этим уродам чего-нибудь доброго, но я лишь думала, что дети могут быть жестоки... даже почти взрослые дети могут быть жестоки...

Пощечина.

И боль в щеке.

Разбитая губа, кажется... А кто-то уже выкручивает руку – вид крови их раззадорил, и мне думается, пора что-то предпринять, пока меня просто-напросто не разорвали. Вот и верь после этого... как же, защита... Почему эта треклятая защита не работает?

Кто-то пытался содрать жакет, кажется, я пыталась сопротивляться, за что получила по лицу... и в стену лбом, в голове загудело... Жакет содрали, и кто-то вытащил блузку, чьи-то влажные руки шарили по телу, и от этого было настолько отвратительно, что...

– Что здесь происходит? – ледяной этот голос пробился как сквозь туман. – Что вы творите, уроды малолетние?

– Да она сама...

Хватка ослабла.

А боль усилилась. И в глазах потемнело, и дышать... я так хотела дышать, а не могла... и кажется, в ушах звенело, а стена, на которую я оперлась или меня оперли – вот уж точно не знаю, – вдруг провалилась, и я упала... падала долго-долго, наверное, потому и успели подхватить.

– Тише.

От Малкольма пахло туалетной водой и формалином, и еще спиртом тоже, но сладковатый гниlostный формалиновый запах забивал прочие.

– Что ж ты такая везучая-то? – он держал меня осторожно, нежно даже. И кажется, куда-то нес. А я плакала... я тысячу лет не плакала, а тут слезы потекли, причем все сразу, которые только успели накопиться. Я и не знала, что во мне собралось такое количество воды.

Надо перестать.

Успокоиться...

– Арина, глянь, пожалуйста. Я в этом ничего не понимаю, но с ней явно что-то не то... – меня уложили на кровать.

Или на пол?

Или еще куда-то? Или не уложили? Все плывет, все меняется... и людей не вижу, только пятна разноцветные. Вот белое, вот розовое... и рыжее тоже, это Малкольм... Он не такая сволочь, как я думала, и, наверное, надо будет сказать спасибо.

– Надо – скажешь, – он держал меня за руку. – Главное, не засыпай, хорошо?

Чужие ледяные руки коснулись головы. Странно, я не могла понять, где нахожусь и что происходит. Мир менялся, и я менялась, и только прикосновение этих вот рук к голове было реальным. А потом они и в голову залезли.

Леденющие.

Нельзя же так с людьми!

Или можно? Особенно когда люди – не совсем и люди и...

Отступало постепенно.

Сначала мир прекратил кружение, затем цвета стабилизировались. И не только они.

Я сидела. На чем-то довольно мягком сидела, упираясь спиной в стену.

– Глушилка, – спокойный женский голос донесся откуда-то издалека. – Причем не тренировочная... возьмите, некоторое время неприятные ощущения сохраняются. И кровотечение опасности не представляет. Малкольм, ты понимаешь, что я обязана написать докладную?

Холод.

Не только в руках холод, но и в голосе тоже, такие вот льдинки-

снежинки, все оттенки синего и еще зелени немного... а четкость зрения постепенно возвращается.

Она была... красива?

Ошеломительна.

Великолепна.

Статна. Высока. Идеальна каждой чертой своей. И эта идеальность заставляла ощущать себя еще более жалкой, чем я есть на самом деле.

– Пиши, – Малкольм сидел рядом и держал меня за плечи. – И я напишу...

– Не надо...

Жалкий сип.

Докладная. Разбирательство... и у них за спиной род, а я так, выскочка из ниоткуда. Как знать, чем все закончится... Маг жизни... как же, не способный сам себя защитить маг... и вот что в итоге? Все поймут, как ошибались, и не простят.

– Надо, Марго... запрокинь голову, а лучше ляг, полежи, потерпи.

Терплю.

И разбитую губу трогаю пальцами. Хороша я буду завтра, красавица такая, что ни пером описать, ни топором вырубить. Стало вдруг смешно и горько.

Малкольм же устроился рядом.

– Я тебя чуть позже полечу. Надо, чтобы потоки стабилизировались окончательно. Глушилка – это артефакт такой. Нарушает нормальное течение энергии. В результате и общая подавленность, и спутанность сознания, невозможность сосредоточиться. Как правило, применяется, чтобы дезориентировать противника.

Дезориентировали меня неплохо.

Голова болела.

И шея.

И кажется, я уже четко ощущала разбитую губу и нос распухший. Зубы не шатались, что хорошо... синяки сойдут, а выбитый зуб восстановить куда сложнее. Я ощупала переносицу. Кажется, перелома нет. И руки слегка дрожали.

– Это я уберу, но позже... и с этим тоже разберемся, – сказал Малкольм, когда я коснулась браслета, на который возлагались такие надежды, но, как выяснилось, зря. – Арина, ты можешь глянуть?

Она дернула плечом, но снизошла до того, чтобы просто распутать нити.

Арина подняла браслет двумя пальцами, и выражение лица ее – будто

в руки ей попало нечто на редкость отвратительное.

– Ошибка базового плетения, – наконец вынесла она вердикт и ткнула мизинчиком в переплетение нитей. – И здесь... в итоге заряд не доходит, и при малейшем повышении напряжения цепь просто рассыпается... поразительная небрежность.

Небрежность ли?..

Я закрыла глаза.

Браслет мне вручили... вряд ли личный... и значит, кто-то да знает, а...

– Поспи, – Малкольм накрыл меня чем-то пушистым и невесомым. – А я прогуляюсь, пожалуй... Арина...

– Присмотрю... и передай дядюшке, будь добр, что я давно предупреждала, с таким отношением к выбору поставщика дефектная продукция – вопрос времени...

Ага... а мне повезло.

Мне всегда везло.

Малкольм ушел, и это было неприятно. Неуютно. Я вдруг снова ощутила себя беззащитной, причем настолько, что впору под одеялом прятаться. А красавица уселась на стул, возложив на спинку точеные запястья. Я ощущала ее взгляд, в котором не было ни отвращения, ни неприязни, но лишь сдержанное любопытство.

– Ты не похожа на мага жизни, – она заговорила первой и, когда я не ответила, сказала: – Не притворяйся. По потокам видно, что ты не спишь... у спящих мозговая активность иначе проявляется.

– Тоже целитель?

– С Малкольмом на одном потоке. Но мужчинам легче работать с плотной материей. Мышцы, кости... слизистую еще худо-бедно способны залатать, а вот нервная ткань требует слишком тонких воздействий... – она потерла мизинчиком несуществующее пятно на ладони. – Да и женщин, способных справиться с подобным, крайне мало, но магу жизни такие подробности ни к чему.

– Чего ты от меня хочешь?

– Познакомиться, – Арина пожала плечами.

– Откуда ты вообще знаешь?..

– Во-первых, мой дядюшка, который мне как папенька, курирует этот проект...

Ага, значит, секретность не для родственных связей.

– Во-вторых, Айзек мой жених, поэтому я стараюсь не выпускать из виду все, что так или иначе способно повлиять на его благополучие.

Я открыла рот.

И закрыла.

И задумалась... невеста... такая красивая, а он еще кого-то ищет... или, как Малкольм сказал? Ледяная, да... этой красотой лишь любоваться, а... В любом случае это совершенно не мое дело.

– Вы ошибаетесь, – я подтянула одеяло к горлу. Меня начал бить озноб, и холод исходил изнутри, неприятное такое ощущение, будто что-то внутри тебя замерзает.

– Вряд ли... бедолага Малкольм живое тому подтверждение. К слову, не сочувствую, ибо заслужил. Я их предупреждала, что эти игры ничем хорошим не кончатся...

Арина поднялась.

Она подходила медленно, и было в движениях ее что-то донельзя плавное, кошачье... И подумалось вдруг, а ведь именно у нее мотив имеется – романы, которые жених не думал прятать. Слухи, романами рожденные... ей ведь доставалось. Я буду не я, если местный серпентарий упустил такую благодатную тему для сплетен. И ледяная шуба не способна защитить от сплетен.

– Это не я, – Арина присела и коснулась пальцами лба. – Сейчас станет легче...

– Мотив...

– Если уж убивать, то постоянных любовниц, а временные... устанешь возиться... он ни за кого больше двух недель не держится...

Боль и вправду уходила. Она накатывала волнами, но те разбивались о прохладный щит Ариных рук. И отступали, и вновь нападали...

– Почему ты это терпишь? – наверное, я и вправду ослабла, если решилась задать вопрос. Арина же, заставив меня запрокинуть голову, заглянула в глаза. Ее собственные были прозрачны, что молодой лед. Жутковатое, говоря по правде, зрелище.

– Если бы я его любила, мне, пожалуй, было бы неприятно, – она моргнула.

Моргнула и я, с облегчением осознав, что остатки боли растворились. Остались легкое головокружение и холод.

– А ты не любишь?

– Как и он меня.

– Но пожениться вы собираетесь?

– Мне было полтора, когда родители подписали договор...

– И его не расторгнуть?

– Почему же? – Арина взяла меня за руку и провела пальцем по ладони. – У тебя отвратительный маникюр, и вообще состояние кожи...

надо следить за собой.

Ага, кому надо, тот пусть следит, у меня иных занятий хватает.

– А что касается брака, то... зачем? Мы росли если не вместе, то в одной среде. Мы неплохо знаем друг друга. Адекватно оцениваем как достоинства, так и недостатки... он знает, чего я ожидаю от этого брака, а я знаю, что нужно ему. Мы готовы исполнить обязательства.

Что ж, если подумать, разумный подход.

– Если я расторгну договор, мне придется искать другого мужа, и вряд ли я найду кого-то лучше. К сожалению, наше общество довольно-таки традиционно. Здесь привыкли, что женщина исполняет определенные функции, сколь бы умна и талантлива она ни была... Айзек не станет мешать мне. А кто-то другой... нет, запереть меня не запрут, но крови попортят изрядно.

– Понятно.

И холод отступал, а что дрожу, так это нервное.

– У меня имеются собственные амбиции, и удовлетворить их без помощи Айзека вряд ли получится. Поэтому я заинтересована, чтобы он хотя бы до свадьбы дожил... к слову, тебе тоже стоит подыскать жениха.

Спасибо, я лучше котика заведу.

Котик, оно как-то надежней...

– Мне кажется, вы с Малкольмом друг другу подходите. Нет, я не настаиваю, но присмотрись. Если убрать весь его наносной снобизм, получится неплохой парень. Рай, к слову, тоже хорош, но вы, полагаю, темпераментом не сойдетесь. Не обижайся...

Не буду.

На нее сложно обижаться. Я вот просто полежу... закрою глаза и...

– Если не ты, то... может, другая обиженная?

– Вполне вероятно, – Арина поправила одеяло. – Их проверяют, но... сама понимаешь, если кто-то решился на подобную игру, он и возможность проверки учел... И нюхача можно сбить со следа.

Глава 21

В кабинете ректора пахло кофе, и этот запах несколько выводил из равновесия. Слишком уж резким он казался, раздражающим, впрочем, как и санор Альгер, устроившийся в ректорском кресле. Непостижимая наглость, а с другой стороны, простительная, да...

Вельможный гость, облаченный, против обыкновения, не в неприметный практичный костюм, а во фрак, чашечку держал в щепоти и содержимое ее разглядывал превнимательно, будто будущее пытаясь прочесть.

Будущее в разрезе недавнего инцидента представлялось на редкость туманным.

И ректор повел плечами.

В конце концов, не один он облажался... правда, эта мысль слабо успокаивала. Королевская охота редко признавала за собой вину.

– Малкольм, мальчик мой, – санор Альгер отставил чашечку, так и не притронувшись к кофе. А зря, мальчик старался, варил... рассчитывал на благосклонность?

Или увидел новый шанс?

Может статься, может статься... Он, кажется, не в восторге от мысли, что придется возвращаться в науку.

– ...А отыщи-ка этих героев... побеседовать стоит... и да, передай моей дорогой племяннице, что я ценю ее заботу... – он пропустил сквозь пальцы разомкнутый артефакт, который, как почудилось ректору, знаменовал серьезные перемены. – И буду благодарен, если вдруг она решит навестить любимого дядюшку... скажем, завтра... прямо с утра...

Когда за Малкольмом закрылась дверь, санор Альгер все же попробовал кофе, закрыл глаза и вздохнул:

– Переманю я вашего секретаря... редко настолько выдрессированные особи попадают.

– Не переманите.

– Так уверены?

– В вас, санор Альгер. Если мальчик захочет принять ваше предложение, значит, примет еще чье-нибудь... сами меня тому учили.

– Ваша правда, ваша... и все-таки печально... куда катится мир? Открытое нападение... – он покачал головой. – И вот думай, что это, банальная человеческая глупость или же чей-то хитроумный замысел? Нет,

утечки быть не могло, но... не только мы способны сопоставить факты и сделать выводы...

Он вздохнул и признался:

– Его величество очень рассчитывает, что... племяннику помогут.

И снова вздохнул.

– Если бы можно было приказать... как скоро она научится хотя бы отчасти силу контролировать?

Ректор развел руками.

Кто знает?

Год, два... десять... или никогда? Он читал о Бельтегазе Фиразском, который так и остался стихийным магом жизни, не способным контролировать приливы силы.

– И сделать мы ничего не можем, – санор Альгер не требовал ответа, он беседовал с собой, привычно заполняя время ожидания размышлениями. – Что ж... ожидание всегда дается тяжело, особенно когда времени немного... и хуже всего, что никто не виноват...

Трое.

Первый курс.

Первые курсы ректор знал плоховато, но личные дела тотчас легли на стол, а ректор заработал укоризненный взгляд собственного секретаря: мол, что вам еще от меня надо?

Не цените.

Не любите.

Гоните в большой и жестокий мир магии... совесть промолчала, а санор Альгер вздохнул.

– Итак, – сказал он, разглядывая троицу сквозь стеклышко монокля. – Чья это была дурная идея?

– Мы... мы очень сожалеем, – белобрысенький мальчишка держался довольно-таки спокойно, видимо, не понимавший пока величины грядущих проблем.

– Ага...

А этот, судя по характерному носу, из Хасселов, род старый, не особо богатый, но весьма многочисленный. И возмутятся, когда мальчика отчислят.

Если вообще отчислением дело ограничится.

А ведь день так хорошо начинался.

– Мы готовы принести извинения...

Третий – Ровен, эти в столице недавно, предпочитают держаться восточного побережья. Серебряные копи, тонкорунные овцы и лавандовые

поля. Поставщики короны и соучредители крупнейшего торгового дома. Вой поднимется...

– И компенсировать... – произнес белобрысенький – тоже не из простых, с такими-то друзьями. – Неудобства. Думаю, трехсот талеров будет достаточно?

Смотрит нагло, с вызовом.

Интересно, просто не понимает, кто перед ним? Или по молодости своей уверен, что от любой проблемы можно откупиться? Знать, приходилось уже...

Гнильца... а ведь деструкторы.

Будущие защитники.

Мать их...

Кажется, это ректор произнес вслух и был удостоен укоряющего взгляда.

– Чья это была идея? – санор Альгер повторил вопрос.

– Ничья, – бодро солгал блондин.

Хазве Иркоши, точно!

Дальние родственники ее величества... она не обрадуется... положение ныне шаткое, двенадцать лет в браке, а наследника нет... и маги разводят руками... а теперь надежда появилась, хотя, конечно, слабая.

Девочку жаль немного.

– Мы... мы просто увидели девушку... решили немного пошутить. Мы признаем, что шутка была не самой удачной... мы ее напугали...

– А еще сломали нос и разбили лицо, – не удержался ректор.

А ведь получишь у них, вряд ли девочка скоро сумела бы в себя прийти, а то и вовсе перегорела бы... надо, надо что-то делать со всем этим... даже безотносительно нынешней проблемы. Глобально, так сказать... инцидент-то не первый... белая кость с каждым годом все более уверена в своем праве делать то, что вздумается.

– Это получилось случайно. Она вырывалась, упала...

– Наткнулась на кулак... – понимающе покивал головой санор Альгер. – Сама виновата... такая вопиющая неуклюжесть.

– Именно! – мальчишка вдохновился, почуяв близкую свободу. – Мы ее хотели поддержать... она явно была не в себе... возможно, пьяна... и вы проверьте...

– Мы проверили, – санор Альгер сцепил пальцы. – Моя племянница утверждает, что кто-то использовал в стенах университета малый деструктивный артефакт...

Троица переглянулась.

– Возможно, – осторожно заметил Хазве, – она ошибается... у нас была... глушилка... обычная, детская... мы, говорю же, пошутить хотели... неудачно... мы готовы выплатить компенсацию...

– Выплатите, – санор Альгер был на редкость благостен, отчего ректору подурнело.

Главное, скандала избежать, и без того слишком много всякого говорят, и отнюдь не доброго. От браслетов толку чуть...

Камеры поставить, что ли?

Бюджет их не предусматривает, и попечительский совет уж который год кряду запрещает: мол, нехорошо вмешиваться во внутренние дела студентов. Детям нужна личная свобода... вот за пределами пусть и будут свободны, а то повадились...

И попечительский совет давно стоило приструнить...

Одна леди Фиона чего стоит – подняла волну, требуя провести чистку, мол, нестабильная магия полукровок, вырождение старых традиций, восстановить первый Уклад, согласно которому право на обучение получали лишь те, кто способен был доказать чистоту крови.

– Куда ж вы денетесь, – санор Альгер открыл личное дело и поморщился. – Вижу, это не первая ваша... шутка...

– Простите?

Теперь понятна вопиющая наглость. Мальчишка и вправду уверен, что ничего-то ему не грозит.

– Год назад на вас подавали жалобу руководству школы Арфейм.

Хорошая школа.

С крепкой базой и традиционным воспитанием, которым Арфейм гордился. А санор Альгер мизинчиком постукивает по бумагам, и взгляд такой, на редкость задумчивый... уж не о том ли, что в Арфейм стоит наведаться, если не самому, то хотя бы опосредованно... Проверка?

Провокация?

Ректор поставил на второе... думать нечего, и месяца не пройдет, как в Арфейме появится милая беззащитная студенточка из простых, а дальше... дальше будет видно.

– Напомните, в чем вас обвиняли? Издевательства над одноклассницей...

Полуприкрытые глаза и выражение величайшей скуки.

На следующий год надо будет поручить проверять дела, чтобы вот такие не попадали... хотя, конечно, и перегибы будут... нет, каждый случай разбирать отдельно, но... где время взять?

Штат расширить?

Нецелесообразно. Привлечь королевскую охоту? Нюхачей? Попечительский совет взвоят, а с другой стороны, речь-то идет о будущем. Обученные маги, свято уверенные в своем праве пользоваться людьми, доставят немало проблем.

– Жалобу признали несостоятельной! – парень выпятил подбородок. – Было разбирательство и...

– И мы проверим, как оно проходило, – пообещал санор Альгер. – А теперь, молодые люди, будьте добры послушать... я не хочу говорить, что ваше поведение мерзко и аморально. Вы еще не доросли до понимания морали и, полагаю, если оставить все как есть, не дорастете...

Парни переглянулись, но опасности не ощутили.

Как же... у каждого за спиной род.

Предки.

Тетки и дядья, которые из шкуры вон вылезут, но не позволят обидеть племянничка, и отнюдь не из любви, но скандалы недопустимы. Родовые щиты должны сиять.

– А потому сделаем проще. У вас есть выбор. Вы сейчас рассказываете, кто надоумил вас на такую дурость – да, определенно, дурость, – и получаете возможность продолжить обучение... не здесь, конечно, не стоит нервировать нашего дорогого ректора, но в Варххайме всегда рады новичкам.

– В-варххайм?

Кажется, начало доходить.

Закрытая школа.

Шесть лет взаперти, в компании таких же неудачников, со смутной перспективой выжить и сделать карьеру где-нибудь в кольце внешних миров... Когда это перестало быть честью?

Говорят, прежде не каждого принимали под сенью черных сводов, но... годы минули, и маги осознали, что и дома-то неплохо.

Мирно.

Сытно.

Спокойно... давно уж никого не прельщают дикие степи Абехаллы или водная гладь Игойи, не говоря уже о третьей зоне, куда если и заглядывать, то по очень великой надобности.

– Конечно, не думаете же вы, что я оставлю вас здесь? – санор Альгер определенно получал удовольствие. И кофе попробовал. – Мне кажется, в вас слишком много свободной энергии, которая вкупе со свободным временем дает столь неожиданный результат. В Варххайме умеют решать подобную проблему.

– Но...

– Но если вы продолжите упорствовать, то, боюсь, я вынужден буду передать дело в королевский суд... напомним, что полагается за попытку изнасилования? Группового, прошу заметить. А использование боевого артефакта в стенах учебного заведения может быть расценено как акт терроризма... К террору у нас отношение однозначное... Вы ведь не хотите провести остаток дней на каком-нибудь отдаленном острове? Добавим поражение в правах, скандал...

Не верили.

Все еще не верили. Ведь то, о чем говорили, просто-напросто не укладывалось в их головах. Конечно, такое может произойти, но с кем-то... недалеким, невезучим, а они не такие...

– Мама... – выдавил белобрысый. – Мои родители...

– ...показали, что не справились с вашим воспитанием. Поэтому за дело вынужден взяться я... – санор Альгер потянулся. – Итак... у вас пять минут на раздумье... можете даже обсудить все...

Он взмахнул рукой, устанавливая над троицей купол. А потом обратился к ректору:

– Все же гнилая ныне молодежь пошла... и бессовестная... совершенно безмозглая. Даже не знаю, что хуже...

Глава 22

Малкольм сдержал обещание, и к вечеру мое лицо вновь походило именно на лицо. Сошла отечность, рассосался синяк, о котором ныне напоминал лишь едва заметный зеленоватый цвет. Затянулась губа. И в целом самочувствие выровнялось.

Сколько я проспала?

Пару часов, а по ощущениям – пару дней. Тело еще ломило, особенно спина ныла, как от застуженных почек... знаю, приключалось со мною подобное на заре моей рыночной карьеры, когда я стремилась заработать побольше, не слишком задумываясь о последствиях. Как бы там ни было, но больничный лист, принесенный Малкольмом с правом оставаться в своей постели, был как нельзя кстати.

До постели этой мне опять же помогли добраться, хотя рыжий и настаивал, что уходить куда бы то ни было не стоит. Может, и прав был, но... своя нора надежней, даже если эта надежность лишь очередная иллюзия. Он проводил меня до самой комнаты и комнату эту разве что не обнюхивал, выискивая тайных недоброжелателей. Под кровать, по крайней мере, дважды заглянул. И один раз в шкаф.

Ковырнул стену.

Поморщился, поежился...

– Здесь холодно.

– Нормально, – я мечтала лишь об одном: забраться в кровать, накрыться с одеялом и лежать.

– Послушай... тебе стоит перебраться к нам...

– Уйди, а?

Спорить Малкольм не стал, ушел и дверь за собой запер. Откуда у него ключ, я спрашивать не стала и со стоном – а показаться Варнелии надо будет, так, на всякий случай, вдруг да и вправду почки о себе напомнили – заползла в кровать. И раздеваться не разделась.

Только глаза закрыла, как...

– Эй, тебе поесть надо, – голос Малкольма пробился сквозь дрему. – Я бульона принес. Куриного... он полезный... и вкусный, пока горячий, а остынет – еще та пакость. Меня мама всегда едва теплым поила, боялась, чтобы не обжегся...

Одеяло откинули.

И меня вытащили из кокона, несмотря на сопротивление.

– Не спорь, тебе силы нужны. Тебе еще меня лечить, и вообще родина ждет подвига...

Пара подушек.

И плед.

Мягкий, струящийся плед, которого у меня точно не было. От пледа пахло духами, едва заметно, но все-таки...

– Арина отдала... ей он ни к чему. Давай, открой ротик...

Я открыла, чтобы послать Малкольма вкупе с его заботой подальше, но рыжий оказался на редкость проворент и я едва не подавилась бульоном.

В меру горячим.

Наваристым.

И ароматным. Одной ложки хватило, чтобы осознать: я зверски голодна.

– Отдай, – велела я, ерзая в кровати, и Малкольм без спора водрузил поднос мне на колени. Помимо бульона, здесь были крохотные булочки, паштет и что-то еще, то ли варенье, то ли соус, но цвета нарядно-клюквенного.

Малкольм же устроился на стуле, подперев кулаком подбородок. Смотрел он на меня с нежной снисходительностью... вот же... вот возьму и пожелаю какой-нибудь гадости, чтоб знал, с кем связывается...

– Их отправили в Варххайм. Всех троих, – он стянул с мизинца перстенок, который и крутил в пальцах.

– И что это?

– Там готовят проходчиков, контактеров и разведчиков... наш мир относительно стабилен, но в то же время связан с иными. К примеру, с твоим вот... Земля лежит в пределах первого кольца. Освоенная и хорошо знакомая зона, где многие вполне себе успешно строят карьеру.

Ага, в псевдоконструкторском, как ныне понимаю, бюро, которое исчезло вместе с папенькой. Находят местных доверчивых дур, делают им детей... благодать.

– Второе кольцо – это... – Малкольм замер с перстеньком в руках. – Не знаю, они освоены и относительно безопасны, но... как бы это сказать, не особо полезны. Их исследуют... кое-где существуют наши базы, в основном научные... к примеру, есть Труддельхейм – мир вечной тьмы. Там плотный облачный покров и солнечный свет почти не проникает, с другой стороны – огромное количество магических источников, правда, нестабильных, но при определенных условиях ими можно пользоваться. Есть и третье кольцо... и четвертое... малоизученные миры, которые только-только начинают осваиваться. Варххайм был преобразован из

королевского экспедиционного корпуса, когда мы лишь начали... выглядывать за пределы мира.

Под этот бубнеж елось неплохо.

Я и раньше на аппетит не жаловалась, но сейчас я ела и не наедалась, и это тоже было ненормально.

– Сотню лет назад попасть туда было мечтой если не всех, то многих дворян... а уж о недворянах и говорить нечего, – Малкольм надел кольцо. – Шесть лет учебы, десять – службы, и корона гарантирует личный титул. Еще десять, и титул становится наследным... правда, до этого редко кто доживал. Сейчас туда идут немногие. Есть куда менее самоубийственные пути добиться цели. Да и, говоря по правде, миры четвертого кольца мало кому интересны.

Ага, им и здесь живется неплохо, в освоенном, так сказать, пространстве. Что ж... закрытая школа особого типа, не сказать, чтобы душа моя преисполнилась сочувствия, но и злорадства не было.

Каждому свое.

Мне вот ужин и теплая постель.

– Ко всему тебе полагается компенсация.

А вот это уже куда как интересней: от компенсации я отказываться не стану. Великое будущее великим, а в настоящем близилась зима и с нею траты.

– Сколько?

– До чего ты меркантильная, – почти восхитился Малкольм. – Пять тысяч. С каждого...

Пять тысяч?

С каждого?

Умножить на три... неплохо получается. Очень даже неплохо...

– И еще десять от рода Ильграм... – Малкольм выдержал паузу. – Идея-то была не их... твоя знакомая решила тебя поучить...

Знакомая?

Это какая же... почему-то в голову приходила лишь разозленная брюнеточка со своим обещанием кар небесных. Неужели... нет, дурость человеческая неопишима... и она вправду надеялась, что ее участие останется тайной?

Я потеряла переносицу и спросила:

– На что они вообще рассчитывали?

Ладно... изнасилование я бы как-нибудь пережила, не убить же они меня там собирались в самом-то деле. Но ведь было бы заявление.

Разбирательство...

Или не было бы?

Малкольм поерзал и, забрав поднос, сказал:

– Ложись... Понимаешь, дело такое... – Малкольм поднялся и заложил руки за спину. – В целом все неплохо, но с каждым годом влияние родов растёт. Сперва это было незаметно... дядя Арины говорит, что еще лет двадцать назад подобных проблем не возникало. Да, расслоение было... всегда было, и это нормально. Любой социум внутренне неоднороден, но никто не смел переступать границ. Да, существовали учебные заведения, скажем так, закрытого типа, со внутренним распорядком, но преподавание велось по утвержденным свыше программам и вопросов к качеству обучения не возникало...

Ага, а потому во внутренние дела государство не лезло. В принципе подход разумный.

– Уже тогда человеку без связей и, скажем так, родственной поддержки было сложно устроиться в приличную фирму... отчасти это объясняли уровнем дара. Все-таки длительная селекция не могла не сказаться, ты же понимаешь.

Понимаю.

И неплохо понимаю.

Сила к силе и силу рождает. А если добавить еще и раннее развитие... кто может позволить нянчиться с ребенком, раскрывая дар? Тот, кто знает, где этот самый дар искать и что с ним дальше делать.

– Ситуация парадоксальная, – теперь Малкольм явно повторял чужие слова. – С одной стороны, имеем безусловно сильных магов, а с другой – зачем что-то делать и куда-то стремиться, если и без того будущее предопределено?

Он встал у окна.

А хорош, зараза... не о том думаю, определенно не о том... и рыжая коса не выглядит смешной, а до того мне длинные волосы у мужчин представлялись чем-то... забавным?

Неуместным?

Ан нет, все очень даже уместно.

Это их глушилка на меня подействовала...

– Года три назад разразился скандал... одна очень уважаемая фирма занималась продажей артефактов. Лет двести как занималась. И неплохие артефакты делала. В основном целительской направленности. Госпитали, частные кабинеты... да и просто бытового уровня, скажем, детские браслеты... партия этих самых браслетов и оказалась бракованной. Из сотни один, вместо того чтобы защищать от полиомиелита, его

провоцировал.

Ни хрена себе... это же...

– Когда появился первый заболевший, речь не шла даже о браке... родители подали в суд, но компания не собиралась признавать своей вины. Многолетний опыт работы, безупречная репутация... они упирали на то, что клиент нарушил условия работы. Это случается... но не прошло и месяца, как появился второй заболевший. Третий... всего более двух десятков детей. Процесс вышел громким...

Представляю.

Я поежилась, пытаюсь совладать с ознобом, и все-таки притянула плед. Подарок? Пускай, я не гордая. Потом верну. Или не верну. Вряд ли он ей так нужен, а мне вот пригодится.

– Выяснилось, что не все потомственные артефакторы столь уж талантливы. У парня имелись способности, но совсем не те, которые нужны были в семейном деле. Ему не позволили их развить, надеялись, что со временем он войдет во вкус. Поручили самое простое – работу с накопителями. Только не учли, что он непроизвольно заряд менял. Сам не знал, да и внимания не обратили... все-таки ведь элементарщина, что могло случиться...

– А дети...

– Компания оплатила лучших целителей. Реабилитацию... да и компенсация само собой. Едва не разорились... не на самом деле, но репутация...

Это да, кто рискнет связаться с фирмой, которая на элементарщине облажалась столь жестко? Тем более в таком тонком деле, как собственное здоровье.

– Потом были еще... инциденты. Не столь глобальные... частично их удавалось замять, но... обрушение шахты... или паром, который сел на мель, благо жертв оказалось не так уж много. Прорыв бури... или обезвоживание огромной территории, потому как маг-погодник, рассчитывая воздействие, опирался на данные одной хорошей старой фирмы, – это одна сторона.

– А другая?

Озноб не проходил. Вместе с ним вдруг нахлынуло отвратительное чувство страха. Я закрывала глаза и видела перекошенное злобой лицо мальчишки... я ведь ничего не сделала ни ему, ни его подружке... я ведь просто была, и одного этого оказалось достаточно?

– Другая... действительно талантливые маги уходят. Кто-то на периферию, кто-то в соседнее государство – ни один талант не выживет без

поддержки. И получается, что человек, который действительно способен был создать что-то интересное, возится с поливом полей. Хотя не так давно запатентовали одну крайне любопытную систему поддержания уровня воды, но тоже не обошлось без скандала – на патент подали сразу двое. Мастер-одиночка и...

– Дай угадаю, – если говорить, страх отступает. Ненадолго. Я ведь не боюсь, на самом-то деле. Я ведь понимаю, что все, чему суждено было случиться, уже случилось, а остальное – это лишь реакция нервной системы. Запоздалый выброс адреналина со всеми вытекающими. – Уважаемая фирма с отменной репутацией...

– Именно, – Малкольм не улыбался. – Она утверждала, что мастер украл их наработки... а он в том же обвинял фирму...

– И чем закончилось?

– Королевской комиссией по особым вопросам... скажем так, вмешивается она редко, но... представитель фирмы признал ошибку. А патентная комиссия, через которую случилась утечка, несколько изменила состав. Только это не решает проблему глобально. И напряжение растет...

Логично.

Одни не желают конкуренции, а потому всячески душат тех, кто способен поставить под удар светлое будущее очередного славного рода. Другие постепенно осознают, что без этого самого рода им в мире делать нечего, разве что тапочки подавать какому-нибудь идиоту, у которого из достоинств – сотня именитых предков.

Вырождение...

– За последние три года количество полукровок среди учащихся уменьшилось в семь раз, горожан – втрое, крестьян – в пять раз. Отчасти это связано с тем, что обучение подорожало.

А в учебнике социологии пелись оды внутренней гармонии местного общества, где каждый, как говорилось, полезен на месте своем.

– Некоторые школы ужесточили отбор по крови. Другие отказались от дотационных контрактов, третьи просто-напросто отчисляют учеников через год-другой... по собственному, так сказать, желанию. Со стипендиатами и того печальней. Сама понимаешь, что комиссии, назначающие стипендии, состоят большей частью из людей с титулами. Формально все правила соблюдаются, но... куда проще показать результаты, имея под боком отцовскую лабораторию и дедушкину библиотеку, нежели школьную с ограниченным пропуском. И это тоже не остается незамеченным. Недовольство зреет... выплескивается в конфликты. Периодически то тут, то там вспыхивает очередной скандал –

издевательства над одноклассниками, травля или еще что-то в этом духе... Жалобы подают, но рассмотрение их затягивается. Поднимаются какие-то совершенно не имеющие отношения к делу вопросы. И в результате часто виновным оказывается именно тот, кто жаловался. А безнаказанность провоцирует рецидив...

Сказал тот, кто полагал веселым спорить на чужую душу.

Ладно, не душу, но на сердце и совесть... или про совесть я несколько переборщила? По-моему, там у обеих сторон с нею проблемы наблюдаются.

Так, спокойно...

Сами разберутся, мне бы проклетие снять... ладно, пожелать чего-нибудь хорошего, доброго, чтобы от коз отвернуло. Главное, чтоб потом к козлам не завернуло. Нет, не сейчас, а то и вправду нажелаю от души, потом не расплююсь.

– То есть... – я закрыла глаза, заставляя себя вступить в кошмар.

Переступить.

– ...у них был шанс выпутаться?

– Не здесь, – жестко сказал Малкольм. – Но они действительно верили, что шанс был.

Хреново.

Интересно, сколько еще таких вот, верующих, набралось?

Эта история сделала меня не только богаче, но и осторожней. Новый браслет принесла Арина, что было как-то... чересчур, что ли? Одно дело – их полиция или как там ее, пусть и в лице самого грозного начальника, и совсем другое – ледяная королева.

– Дядя тебе благодарен, – сказала она, протягивая мне тонюсенький браслетик.

– За что?

– Удалось выявить целую партию неликвидных артефактов и разорвать один... не самый удобный договор, – она коснулась запястья и прислушалась. А затем попросила: – Поговори, пожалуйста, с Айзеком... у него новая подружка.

И все-таки это ее задевало.

Что бы она ни говорила, а задевала такая небрежность: при живой-то невесте – и блудить в открытую. Впрочем, браслет она завязала лично, а я не возражала.

– Думаешь, меня он послушает?

– Думаю, если ты прямо спросишь, он ответит... – на пальцах Арины

вспыхнули зеленые искры, которые устремились ко мне, но увязли в полупрозрачной стене защиты. – Работает... прогуляемся?

Предложение явно не подразумевало отказа.

А с другой стороны, пары уже закончились, до обеда оставался без малого час и заняться мне было совершенно нечем. Сегодня и Малкольм куда-то исчез. Как ни странно, но мне его не то чтобы не хватало, скорее... присутствие рыжего действовало на меня успокаивающе.

Я ему нужна, и пока нужна, в обиду не даст.

Все верно.

Все логично...

И даже то, что направились мы именно к саду, не удивило. А где еще здесь гулять?

– Что бы ни случилось, началось это еще в Ирхате, – Арина шла неспешно, позволяя мне держаться рядом. Туфли ее на низком устойчивом каблуке, может, и не слишком подходили для прогулок по влажной траве, но Арина не жаловалась. – Он вернулся из больницы другим: более нетерпимым? несдержанным? резким? Не знаю даже, как это описать... раньше я следила за его здоровьем... и тренировка, и просто... а теперь он поставил завесу. И значит, не все в порядке... романы эти... будто вызов. Он испытывает мое терпение и злится, что я слишком терпелива. В последнюю нашу встречу он вел себя... неподобающим образом. А потом еще и оскорбил, обозвал отмороженной воблой.

Да уж, вот оно, женское счастье, принц прекрасный в единственном экземпляре.

– Но проблема в том, что я слишком давно и хорошо его знаю, чтобы поверить в игру. Айзек всегда был на редкость плохим притворщиком.

Я кивнула.

Верю.

В благородство принцев немудрено не поверить, и в страшную тайну, которую они хранят, невзирая ни на что, и вообще, верить людям надо...

– Я пыталась говорить с той девушкой, но...

– Она невменяема.

– Почему? – вполне искренне удивилась Арина. – Отнюдь... немного замкнута, молчалива и связана клятвой...

Интересненько. Помнится, Марек мне другое пел. Но опять же, напел и исчез, словно его и не было. И быть может, будь я хорошим другом, я бы попыталась его найти, выяснить, авось моя помощь пригодится, но... другом я всегда была на редкость хреновым и к людям, компании не желающим, предпочитала не лезть. Тем паче что пару дней назад я видела

Марека в столовой, а значит, был он вполне жив и здоров. Что до остального... мало ли, может, я для него перестала быть интересной.

– Ее перевели, насколько знаю, в контактеры, – добавила Арина, по-своему расценив мое молчание. – Ее семья была не рада, но в тех условиях... дядя обмолвился, что в иных условиях ее бы вовсе казнили. А так... отсроченный приговор с шансом на реабилитацию. Лет через двадцать...

Совсем интересно.

Я нахмурилась.

И почесала переносицу.

– А ее брат...

– Брат? – Арина остановилась. – У нее нет братьев... две сестры.

Вот тут-то я окончательно охренела. Одно дело, когда показания не сходятся в мелочах, и другое дело, когда они категорически друг другу противоречат.

– погоди, – мы остановились под широким зонтом дерева иваши, больше всего напоминавшего родной земной дуб, но с на редкость крупными листьями медного оттенка. Плотные, тяжелые, они смыкались, словно черепица, не пропуская ни свет, ни воду, что было актуально, поскольку вновь зарядил дождь. – Эта девушка была влюблена в твоего жениха... у них случился роман, потом отставка, с которой она не смирилась.

Местные дожди – мечта меланхолика, словно созданы, чтобы ввергать людей в депрессию. Мало того что вокруг все серо и уныло, так и еще эта не то вода, не то крошечная сырость. Воздух, пронизанный тончайшими нитями, и зонт не спасает, поскольку сырость моментально пропитывает одежду. И даже плотная куртка ей не помеха, что уж говорить о шерстяных штанишках.

– Потом была тайная встреча, выброс магии, и... девушка заболела, твой благоверный тоже, но никто не знает чем. Точнее, знать наверняка знают, но не говорят.

Арина кивнула, она смотрела на дождь задумчиво и, раскрыв ладонь, подставила ее под ледяные струи. Вода обняла руку, легла тончайшей прозрачной перчаткой, чтобы выпустить нити-ручьи с пальцев.

– Мне это рассказал Марек... мой знакомый... фамилии, уж прости, не знаю. Но он утверждал, что случилось это с его сестрой... а еще подружка, кажется, с собой покончила.

Я замолчала.

Как-то... много всего и сразу. Нет, в жизни и не такие совпадения

случаются. Вон, Марина Егоровна из первого подъезда пять лет подряд ногу на крыльце ломала. В январе. Она уж после второго раза береглась, спускалась аккуратненько, обеими руками за перила держась, а все равно то ли подворачивала, то ли оскальзывалась, черт ее знает, главное, что как январь, так «скорая» у первого, а после сынок Марины Егоровны с нею на руках выплясывает...

Так что могло Мареку не повезти, но... вот не верилось, и все тут.

– Интересный вариант... – Арина убрала руку. – Я попрошу дядю проверить, возможно, моя информация недостоверна...

Ага, или Марек лгал что сивый мерин.

Только зачем?

– Марек... имя такое... знакомое... он, случайно, не шайфру? – Арина вытерла пальцы платочком.

– Вроде того...

– Любопытно.

Ясно, что-то она поняла, но пониманием этим делиться не спешит.

А дождь усиливается, и кажется, сама мысль о прогулке была не такой уж удачной. Вымокну как пить дать... а может, переселиться? В комнате-то не слишком жарко, и из окна сквозит, а значит, здравствуй, сезон простуд. Или маг жизни не способен простудиться? Дома-то я болела редко и не сказать, чтобы тяжело. То ли генетика так проявлялась, то ли просто организм понимал, что на врачей и лекарства денег нет, а потому боролся самостоятельно, но... у меня двадцать пять тысяч на счету, хватит оплатить нормальную общагу. И здравый смысл...

– У Айзека был... конфликт с одним молодым человеком по имени Марек. Из шайфру, – Арина удосужилась посмотреть на меня. – Насколько я понимаю, из-за девушки... вполне возможно, они действительно кого-то не поделили, но... Айзек не виноват.

– В чем не виноват?

– Ни в чем...

Глава 23

В общаге я все же решила остаться. Здесь меня всего-навсего игнорируют, что не смертельно и порой удобно даже, а вот в логове особо особо благородных так просто не будет. Припомнят мне и ту блаженную троицу, и лавандовую дурочку, ныне обреченную отрабатывать свои прегрешения в благотворительном крыле Королевской клиники. Как по мне, наказание весьма сомнительное, наши только на втором курсе на практику в клинику пойдут, но, сдается, этот нюанс никого не заинтересует. Бедняжку уже жалеют, а я... нет, лучше уж я со сквозняками воевать буду, чем с людьми.

Сквозняки в этом плане предсказуемей.

А вот люди... из головы не шел Марек.

Искать?

Допрашивать?

Вцепиться в рубашку с криком, почто ты меня обманул, гад этакий? Глупо, и не обязан он отчитываться, но...

А ведь Айзека он действительно ненавидит. Не знаю, с причиной ли, без причины, но ненависть всегда была неплохим мотивом. И может ли статься, что именно Марек дошел до убийства? Нет, как-то не хочется верить, но... в ту ночь, когда я уснула, Марек был рядом... был ли?

Его проверяли.

Не могли не проверить, и вообще, нет у меня таланта детективного, как ни крути, и слишком мало я знаю о мире и людях, чтобы лезть в это дело.

Но с Айзеком побеседовать стоило.

С этой мыслью я забралась в постель, прихватив с собой книгу, на сей раз не учебник, а воспоминания некоего господина, предпочитавшего именовать себя «покорным слугой», о временах далеких и маге жизни. Воспоминания эти были писаны на редкость витиевато, занудно и то и дело прерывались крайне пространными сентенциями на тему человеческой глупости, жадности, неблагодарности и прочих пороков. Возникла даже мыслишка, что не сам ли писавший и был магом, которого поддоставало вкалывать на ниве общественного благополучия, но потом я ее отбросила: мага автор тоже не одобрял.

Конечно, лечил-то он не тех, кто и вправду достоин, а всех подряд, скотина этакая...

Я уснула.

Не помню как, но очнулась уже ночью, во всяком случае, за окном стояла темень непроглядная. Да уж... благости во мне не прибыло, трепета тоже, но зверски захотелось есть и в туалет, причем в туалет сильнее. С голодом я управляться умела, в жизни не раз и не два приходилось без ужина оставаться, а порой и без завтрака с обедом, а вот мочевого пузыря в отличие от желудка подобных вольностей не одобрял категорически. И, вздохнув, я сползла с постели.

Теплой, между прочим.

А в комнате холод стоял зверский. Пол ледяной, стены влажноватые, будто слезами покрыты. Потребовать от коменданта, чтобы окно заменили? Или дело не в окне, а в общем, так сказать, состоянии общаги? Тапочки мои – к слову, тоже слегка влажные – отыскиались под кроватью.

Я приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Тишина.

Темнота.

Вялый свет камней, которые активировали один через дюжину, позволял различить смутные очертания коридора и дверей. А время-то далеко за полночь... ничего себе убаюкала книженция. Надо будет завтра в библиотеку отнести, все равно ничего полезного в ней не найду.

Морали я и сама читать умею.

До туалета, расположенного в противоположном – кто бы сомневался в моем везении – конце коридора, я добралась без проблем и здесь уже, активировав кристалл, вздохнула с немалым облегчением. Все-таки ночные прогулки – не мое...

И чувство вот такое, погановатое.

Не чувство – предчувствие.

Я быстренько отыскала более-менее чистую кабинку и присела.

В комнате где-то булочки Малкольма оставались, а утром овсяночки сварят... овсяночка – самое оно... и киселек. Было время, когда я кисель не жаловала, а потом научилась готовить и оценила.

Лучше о киселе думать, глядя на хрипящий кран, из которого лилась тонкая струйка воды, чем о том, что рядом вот-вот произойдет нехорошее.

Что?

Не знаю, но очень нехорошее. Моя интуиция не просто шептала – орала дурным голосом. Причем непонятно было, что требовалось от меня, то ли на помощь позвать, то ли лично подвиг совершить. Если и подвиг, то какой?

Я выглянула в коридор.

Тихо.

Разумные люди спят и седьмой сон видят, а я тут... и на улицу? Нет, не на улицу... там и дождь, и ветер, причем такой, что деревья к земле гнутся... Самая та погодка для злодеяний.

Нет, пусть будет что будет, а на улицу я точно носа не высуну, даже во благо мира...

Я некоторое время постояла, прислушиваясь к окружающей тишине. И, кажется, где-то недалеко раздался скрип... точно, скрип.

И вздох.

И тень мелькнула. Мелькнула и исчезла... проклятье, надеюсь, браслетик нынешний не бракованный, ибо чувствует задница, приключение будет еще то. Я огляделась и, вспомнив, что близ туалета виднелась кладовая со всякой всячиной, решительно распахнула дверь.

Подвиг подвигом, но со шваброй в руках всяко надежней.

– Эй... – голос мой утонул в тишине, которая вдруг стала вязкой, тяжелой.

Зверски захотелось спать.

Веки налились свинцом, интуиция и та, слабо вякнув, что это все неспроста, заткнулась, не иначе уснула. А я лишь крепче вцепилась в швабру.

Спать нельзя.

Не знаю, что тут творится, но если оно, чем бы оно ни было, хочет, чтобы я заснула, то хрен ему... спящие беззащитны, а у меня швабра имеется. Я потрясла головой, и, удивительное дело, сон отступил. Нет, что-то такое нашептывало, что не дело это, ночью по коридорам разгуливать, что в комнатухе моей кровать меня ждет, остывает... что дождь за окном колыбельную поет и надо бы прислушаться к дождю... но теперь мне было куда как легче справиться с шепотком.

А на помощь... кого и как?

Орать?

Подозреваю, если не все, то почти все спят глубоким сном. Ори – не доорешься... а если доорешься, что сказать? Может, это местное заклинание работает, студентам отдых дарит. Буду выглядеть дура душой... нет, этот факт не особо волнует, но...

Я двинулась к лестнице.

Держалась стены и шла медленно, то и дело останавливаясь. И снова скрип... и, кажется, белесая тень мелькнула впереди.

Не тень, фигура... я покрепче сжала швабру. Так, драться мне приходилось, да и дядя Леня кое-чему научил. Вот только он раз за разом

повторял одно: «Драка серьезная – не бабьего ума дела... пихнула и беги, быстро беги, Маргоша... в ногах твоё спасение».

Спасение дрожало, и вообще как-то поганенько было внутри...

– Эй, – звук моего голоса нарушил тишину. – Стой...

Она поднималась по лестнице.

Теперь видно было, что это девушка, отчего мне изрядно полегчало: с девицей справиться всяко легче.

– Эй, что ты делаешь?

Она ступала медленно. И как-то... странно? Точно танцуя на цыпочках. Кто в нормальной жизни ходит на цыпочках? А эта... рубашонка коротенькая, едва задницу прикрывает, зато рукава широки. Девчонка эта руки расставила, будто не на лестнице стояла, а на канате, рукава вот и колыхались такими кружевными крылами.

Ножку поднять.

Носочек вытянуть. Замереть в нелепой этой позе недобалерины. И опустить на камень... а камень-то холодный, я сквозь тапочки холод ощущаю, эта же боса... и определенно не в себе.

И что делать?

Лунатизм лечить? Знать бы, как еще лечится... или... я кивнула: что бы ни собиралась эта красавица сделать, остановить ее я всегда успею, а посмотреть не мешает. Ей-то все равно, она меня в упор не видит. Чтобы убедиться, я подошла вплотную и ткнула пальцем в плечо.

– Он меня ждет, – сказала лунатичка, повернувшись ко мне, и такой счастливой улыбкой одарила, что у меня мурашки по коже побежали.

По ней определенно местная психушка плачет.

– Раз ждет, – сказала я, отступая на шаг, – иди.

– Иду... мы поженимся и будем счастливы... будем жить долго-долго...

– Ага, пока не умрете, – буркнула я, хотя не была услышана.

Девочка – а она оказалась совсем юной, ребенком почти, – кивнула и, танцуя, напевая что-то под нос, двинулась дальше.

Выше.

Пролет.

И еще один. И та же вязкая неестественная тишина, и остановка, и бледная ручка, которая застыла в воздухе, а девушка вдруг остановилась, будто в кукле завод закончился. Я коснулась хрупких, каких-то полупрозрачных пальчиков, перехватила запястье, проверяя пульс.

Есть.

И бешеный. За сотню точно...

– Надо идти, – она вдруг встрепенулась.

Глаза.

Зрачок расплылся, почти вытеснив радужку. Она вряд ли что-то видит.

И понимает.

– Надо – иди, – я с некоторой опаской выпустила руку. Ничего, молодая и сердце крепким быть должно, выдержит. А если вдруг... буду спасать и надеяться, что дар мой – не чужая фантазия.

– Он ждет.

– Кто? – если эта лунатичка худо-бедно способна говорить, то стоит ее порасспрашивать.

– Айзек.

– Ты его любишь?

Выше.

И еще раз выше... и кажется, до самой крыши... ага, а вот и железная лесенка, и дверь, которой, если я что-то понимаю, полагалось быть запертой, но она открывается от легкого толчка. На крыше гуляет ветер, и мне, одетой не по погоде, становится холодно, что уж говорить об этой красавице, у которой весь наряд – кружевная ночнушка и трусики. Но она с легкостью выпархивает на мокрую крышу и, раскрыв объятья ветру, смеется.

– Ты здесь?

Удар ветра едва не опрокидывает меня. Он, поганец, норовит развернуть, столкнуть меня в проем двери, ведь здесь, наверху, я лишняя. Безумие – вещь глубоко индивидуальная, свидетелей не терпит, а уж тех, кто вмешаться норовит, и подавно. Пока я боролась с ветром, девушка добралась до края крыши.

Э, нет, так не пойдет.

– Кыш, – рявкнула я, и ветер притих.

Испугался?

Нет, не стоит очеловечивать стихию... и безумие это, полагаю, наведенное.

– Эй, ты, – я окликнула девчонку, которая, встав на край парапета, что-то сосредоточенно разглядывала внизу. – Слезь оттуда немедленно!

– Он меня ждет!

– Неправда.

– Он меня любит! – она протянула руки кому-то, кого я не видела. – Только меня...

– А еще меня...

Я успела добратся.

Я сумела.

Я не знаю как, но сумела... крыша мокрая, скользкая, а у меня тапочка слетела, но на тапочку плевать, и на дождь, который хлестал наотмашь плетью... и, кажется, вода была горькой, а мыслей в голове слишком много и все какие-то дурацкие.

Но я сумела.

Я схватила ее за мокрый рукав и сдернула с треклятого парапета, и мы обе плюхнулись в лужу, а девица завизжала, яростно, обиженно. Она оказалась вдруг сильной, слишком сильной для хрупкого такого тельца. И я честно пыталась ее удержать, только...

Скользкая.

И гибкая.

И с острыми коготками, что впились в мое лицо, и с ненавистью, выплеснувшейся вдруг на меня, и, пожалуй, именно она заставила на мгновение ослабить хватку. И этого оказалось достаточно, чтобы девица вырвалась. В моих руках остались лишь пряди волос, а она взлетела на парпет...

И я вновь успела.

За волосы.

Без жалости, и... потом пожалею, когда очнется.

Я скинула ее, понимая, что не удержу, и, когда она, устав бороться, просто решила меня обойти, подняла швабру.

Нехорошо бить людей по голове, но от сотрясения ее вылечат.

Надеюсь. Звук получился звонкий, деревянный, а девица, покачнувшись, осела на крышу.

Твою ж...

В следующий раз не буду читать на ночь подозрительных книг. И в туалет схожу заранее.

Я стерла рукавом воду с лица и, наклонившись, проверила пульс. Живая... пока живая... надеюсь, местные приведут ее в сознание. Если там есть во что приводить.

Я села на красавицу, которая изрядно подрастеряла красоты. Руки дрожали. Ноги тряслись. И как эту несчастную с крыши стащить, я не представляла.

Как-нибудь...

Глава 24

Двумя часами позже я сидела в кресле, укутанная в два пледа, вцепившись в чашку с кипятком. Чашка приятно грела руки, а я все равно дрожала и ждала...

Ждала...

Ждала... Когда кипяток почти остыл, а терпение мое, которого никогда-то не было много, иссякло, хлопнула дверь и в приемном покое появился санор Альгер. Выглядел он как человек, которого среди ночи выдернули с постели, – взъерошенно и раздраженно.

– Опять вы? – поинтересовался он, и не пытаюсь казаться дружелюбным.

– Опять я. А вы допрашивать?

– Допрашивать.

Он покосился на вторую дверь.

– Мастер сказала, что... у меня тяжелая рука, а еще ее чем-то накачали, только непонятно, магией или зельем каким-то... мастер возьмет анализы. Она работает, а я вот...

Чай был горьким.

Желудок заурчал, напоминая о булочке, которая осталась где-то там, в уютной моей комнате. Тут и думать нечего, быстро не отпустят. Санор же, устроившись в кресле мастера Варнелии, произнес:

– Рассказывайте.

Я и рассказала.

Скрывать мне было нечего.

Меня слушали внимательно. Очень внимательно. Настолько, что как-то неудобно даже стало. А дослушав, приступили к расспросам...

Отчего я проснулась?

Возможно, какие-то звуки или запахи?.. И как долго шла до туалета? Сколько провела времени внутри? Почему не вернулась сразу? На что были похожи ощущения? И как мне удалось не уснуть? Зачем я захватила швабру? Почему не подняла тревогу?

– А можно было? – я смочила горло остатками чая. Если и дальше так пойдет, то, чувствую, к рассвету язык мой распухнет, а голосовые связки ослабнут.

– Можно, – вздохнул санор и пригладил встрепанные волосы. Надо же... а на Арину несколько не похож. Или... взгляд вот. Улыбка эта,

вежливая и холодная... общее ощущение замороженности.

Или отмороженности?

– Каждый студент может отправить сигнал дежурному магу...

Ага...

Ясно... стоило предположить, а еще прочитать инструкцию, которую мне выдали и которую я благополучно убрала куда-то на полку. Что ж, буду утешать себя, что, пока этот самый дежурный маг добрался бы, наша красавица стала бы трупом.

– Но, вероятно, оно и к лучшему, – похоже, санор Альгер пришел к той же мысли. – Значит, она знала, куда идет...

– В каком смысле? То есть направлялась она точно на крышу, но видела ли крышу перед собой? – я наморщила лоб, вспоминая детали. – Она была уверена, что идет к Айзеку, что он ждет ее и готов жениться...

Потом мы молчали оба.

Я думала о крыше и падении, наверняка смертельном, и об уроде, который затеял эту игру.

Какой в ней смысл?

Отомстить девицам? Или Айзеку? Или... в любом случае подло... хочешь убить – убивай, нож там возьми, удавку, чтобы у жертвы хоть минимальный шанс имелся... яд на худой конец, а вот так... затуманить разум...

Мастер Варнелия вышла, когда крошечный сумрак слегка утратил крошечность. Небо посветлело, ветер стих, и в целом утро началось неплохо.

Точнее, начаться оно могло бы куда хуже.

– Она пришла в сознание, но... сознание это очень спутанно. Я погрузила девочку в лечебный сон...

– Мастер...

– Санор, – мастер Варнелия взмахнула рукой, – вы от нее ничего не добьетесь. Она воспринимает себя семилетним ребенком. И нет, это не притворство... и нет, это не последствия удара. Легкая гематома, и только... так вот, в ее крови находится крайне любопытная смесь веществ. Полагаю, она вам знакома, за исключением одного ингредиента...

Выразительный взгляд в мою сторону мастер проигнорировала, то ли устала слишком, то ли, что куда вернее, полагала, будто я имею право знать.

– Капля крови и немного магии...

– Чьей крови? – санор подобрался, что кошка перед прыжком.

– Полагаю, Айзека... и это очень, очень интересно... – она отерла лицо

сухим полотенцем. – Дальше, полагаю, ей просто шепнули, что делать, а измененное сознание само выстроило фантазию, опираясь на приказ... это нехорошо.

Ага, кто бы думал иначе...

Выспаться мне не дали.

Я только-только добралась до кровати, в которой твердо вознамерилась провести законный выходной, как в дверь постучали.

Вежливо так.

Косяк выдержал. Дверь, пусть и хлипкою казалась, тоже...

– Войдите, – мрачно сказала я, засовывая в рот остатки злосчастной булки. – Но я вам не рада.

– Переживу, – Айзек дернул шеей.

И уставился на меня. Вот грозно так... и сам весь раздраженный, разве что дым из ушей не валит.

– Надо чего? – я облизала пальцы.

– Это ты?

– Это я, – в очередной раз согласилась я. А что, я не виновата, что кто-то вопросы задавать не научился.

Глаз Айзека дернулся. А рот приоткрылся. Из горла вырвался сдавленный хрип. И ощущение неправильности появилось вновь.

Он шагнул ко мне.

Руки протянул, но вряд ли затем, чтобы обнять меня в порыве благодарности. В этом я убедилась, когда руки эти сомкнулись у меня на горле...

А швабру на крыше оставлять не следовало.

Швабра – вещь в хозяйстве полезная...

Странно, но я не боялась. И... неприятно, но и только. Я смотрела в искаженное красное лицо Айзека, думая о том, что теоретически он уже должен был мне шею свернуть, а не получается... защита, наверное, работает, и хорошо бы ей еще поработать... А глаза-то кровью налились.

И дышит он хрипло.

И в горле что-то клокочет... и главное, пульс сумасшедший, этак и до удара недолго. А случись удар, потом проблем не оберешься. Я вздохнула и, сколько было сил, пнула его по ноге.

Как ни странно, пинок этот, вряд ли и вправду такой сильный, возымел эффект.

Айзек замер.

Глаза его закатились.

И он мешком рухнул на пол, причем ладно бы сам, но ведь со мною же! Благо не придавил, из-под этой туши я бы долго выбиралась. А так... подумаешь, пальцы судорогой свело. Это же не проблема... или проблема?

Я пальцы-то разогнула.

А потом, добравшись до его шеи – такую, если и захочешь, не сдавишь, – попыталась нащупать пульс. Тот имелся, и... неровный такой.

Вот как быть?

Звать на помощь? Или посидеть тихонько, надеясь, что приступ нынешний сам пройдет? Дыхание ровное. Синевы вокруг губ нет. Да и ритм сердечный начинает выравниваться, и вообще, грех не присмотреться... Если что, сам виноват.

Пришел.

Душил.

Отелло недоделанный... Я повернула его голову набок и, не без труда разжав зубы, сунула между ними свернутое жгутом полотенце. А что, я с магическими болезнями дела не имела, мало ли, может, у него что-то вроде эпилепсии или еще что неврологическое. Главное, чтоб слюной не захлебнулся и язык себе не отгрыз.

Я устроилась рядом – неизвестно, сколько он еще в отключке пробудет, – и, положив руки на грудь, закрыла глаза. Я не собиралась делать ничего, чего бы не делала раньше.

Только посмотреть.

Сердце... здоровое такое сердце, хорошее. Тренированное. Да и сама система отлична... аорты, вены, капилляры... никаких тебе холестериновых бляшек или истончившихся стенок. Просто образец, хоть слепок делай, чтобы студентам демонстрировать.

Легкие чистые, развиты хорошо. Гроздь альвеол на дереве бронхов... чудесная картина, немного сюрреалистичная... желудочно-кишечный тракт... ага, небольшие язвочки... ничего страшного, зарастет... печень слегка увеличена, но тоже не настолько, чтобы бить тревогу.

Почки...

Да и в целом организм его работал как часы. И значит, не в нем дело... оставалась еще нервная система, но мне было до икоты страшно касаться ее. Я лишь смотрела на нити нервной ткани, пронизывавшие организм. При желании я могла увеличить любой участок. Я воочию видела узкие тела нервных клеток, ошестинившиеся жгутами дендритов, и отростки их, переплетенные друг с другом. Тяжи аксонов, устремившиеся сквозь плотную ткань... Да что там, я видела мембраны, живой меняющийся узор их, и белковые рецепторы, и пузыри нейромедиаторов. Только тронь, и

запустится реакция.

Я видела, как рождается сигнал.

Как летит он по мембране и дальше такой точкой света... и света этого много, он устремляется к позвоночному столбу и оттуда выше, к мозгу, и если спинной походил на оживленную автомагистраль, заполненную огнями, то головной являлся многомерной структурой, слишком сложной, чтобы хватило для существования его трехмерного пространства.

Теплый свет неокортекса. И желтоватый, приглушенный – мозжечка. Яркое сияние продолговатого мозга, в котором белыми бляхами выделяются центры системного контроля. Я любовалась этим зрелищем и в то же время не могла отделаться от ощущения, что здесь что-то было неладно...

Что?

Вот гипофиз, не то горошина, не то вовсе червяк, спрятанный в нервной ткани, и шишковидная железа – древнейшая структура гипоталамуса, и еще одна... Погоди, что это? Скопление нервных клеток в перемычке между полушариями.

Его не должно быть.

Или... нет, я прекрасно помню, что никаких образований быть не должно. Но оно имелось... Опухоль? Нет, не похоже... железистая ткань и вполне оформленная... недооформленная... плотная структура с высокой концентрацией нейронов и чем-то, что воспринималось на интуитивном уровне как дыры. Вот она, та неправильность.

Если взять и...

Стоп.

Нельзя ничего исправлять. Я слишком мало знаю и этим самым исправлением вполне способна убить. Мое дело – смотреть... а там у мастера спрошу. Она мне ничего про эту железу, как и про нервный узел, не рассказывала, если это вообще железа... слишком мала, но... не в размере дело.

Пульсация.

Именно.

Все части мозга мигали: какие-то – часто и ярко, какие-то – едва заметно, а в неокортексе вообще цветомузыка играла, а эта железа... она то наливалась светом, то сбрасывала его в тот самый нервный узел, вызывая потемнение его.

Недолговременное, но все-таки...

Все-таки странно.

Очень странно.

Я моргнула и потянулась, желая рассмотреть эту странность поближе, но кора больших полушарий вдруг полыхнула ярким алым цветом, а меня отбросило. Проклятье, надо было руки ему связать, а то ж снова душиТЬ полезет...

Не полез.

Айзек сидел и мелко дрожал. Он обнял собственные колени и смотрел в одну точку. Он раскачивался влево-вправо и улыбался.

Безумной такой улыбкой.

Мне поплохело... я ничего не делала! Я, мать его, только посмотрела, но что, если и этого оказалось достаточно? Что, если хватило даже не прикосновения, но одного лишь моего желания исправить, и...

– Я не хочу, – жалобно сказал Айзек. Голосок у него оказался тонким, детским. – Я не хочу туда идти...

– Не хочешь – не надо, – я осторожно опустилась на пол.

– Все должны... залог крови... он ждет, когда кто-то ошибется... я ошибусь... и тогда он получит свободу.

– Кто?

– Это тайна.

Дальше... звать на помощь?

Или...

Поговорить?

– Холодно? – я стянула с кровати плед, который набросила ему на плечи. А ведь кожа и вправду холодная и влажноватая, и на лбу испарина.

Побледнел.

Посерел даже. А сердце работает четко, ровно... спазм периферийных сосудов? Ничего хорошего, хотя и не смертельно.

– Все скоро пройдет, – я неловко погладила Айзека по плечу.

Никогда не умела ладить с больными.

Животные – другое дело. Животные беззащитны, они зависят от хозяев, а хозяева эти зачастую, вместо того чтобы помочь, начинают охать, ахать и руки заламывать. Они приходят и вываливают на меня какие-то собственные нелепые проблемы, чем бесят несказанно...

– Надо потерпеть.

Обнять его получилось не сразу, но при прикосновении Айзек затих. Закрыв глаза и попросил:

– Не прогоняй меня.

– Не буду...

Милейшая старушка Агнесса Витольдовна очень любила котов и

каждый год заводила нового. Она ухаживала как могла, вот только в полоумной голове ее не укладывалось, что не стоит давать котам молочко и жирные сливки, а еще – поить водкой, которая помогает от поноса, и уж тем более пичкать лекарствами из собственной аптечки.

Она приходила, приносила несчастное животное и причитала визгливо, что соседи вновь отравили ее любимца... и все разговоры, что соседи эти ни при чем, что сама она... Ай, с животными определенно проще.

– Я хороший.

– Конечно, хороший, – если смотреть на Айзека, скажем, как на... пса, почему бы и нет? Этаким здоровый... нет, не лабрадор, масть похожа, но характер иной, более сдержанный... и не хаски, хотя голубоглаз... акина-иту? Независимый, самовлюбленный засранец.

Точно.

И они болеют.

Надо погладить, успокоить. Животные не любят смены обстановки, и сейчас Айзек мало чем отличается от них. Я с трудом удержалась, чтобы не потрепать его по холке.

Собаки меня любили.

И кошки.

Мне говорили, что у меня рука легкая. И даже кавказец Матвей, с которого и хозяйева лишний раз старались не снимать намордник, мне улыбался...

– Расскажи, что случилось? – попросила я.

Не совсем честно, но, с другой стороны, в нынешней игре я имею полное право не быть честной.

– Больно, – он протянул ладонь.

Белая кожа.

Красные капли... проклятье, это уже ненормально, совершенно ненормально, когда сквозь кожу кровь сочится.

– Подуешь?

– Подую, – я осторожно взяла руку. – У котика боли, у собачки боли, у Айзека не боли...

И подула.

А кровь взяла и исчезла.

– Ты хорошая... я не буду с тобой встречаться... если встречаться, то тебя убьют. Дядя сказал, что я должен... я не хотел, мне в больницу надо, а они сказали, что надо, что претендент на трон не имеет права показывать слабость, и слухи пойдут, что я ненормальный. А я нормальный, просто

трав-ми-ро-ван-ный... – это слово Айзек произнес по слогам, старательно проговаривая каждый. – Я не хочу... они обещали, что будут присматривать за ней... что так надо...

– А ты?

– Я поверил... она хорошая девочка... милая и меня любит... наверное, – он, кажется, постепенно начал приходить в себя. Во всяком случае, дрожь поутихла, а речь стала более связной. – Я не уверен... я думал, меня любят, а им нужен титул... возможности... но это честная сделка. Честная ведь?

– Честная.

Интересно, когда он сообразит, что мне наболтал, снова попытается шею свернуть или мы перейдем-таки к конструктивному диалогу? В последнее верилось слабо, но упустить момент я не имела права. И без того знаю слишком много.

– Вот и я так думал... я предупреждал их, что... опасно... когда первая... – он запнулся и вновь задышал быстро и поверхностно, как после долгого бега.

– Спокойно, – я сжала его ладонь. – Сделай глубокий вдох... а теперь выдох. И снова вдох...

Хорошо, что я не давала никаких клятв, поскольку сейчас самым лучшим для пациента было бы передать одного в теплые руки местной медицины. А вместо этого я заставляла его дышать.

И говорить.

– А сегодня мне сказали, что она хотела прыгнуть... и ты...

– Я не хотела, – на всякий случай уточнила я. И спросила: – Что случилось в прежнем твоём университете?

– Ирхат – академия.

Да плевать.

– В академии, – я погладила ладонь.

Широкая.

Массивная... а вот у Малкольма руки совершенно девичьи, с тонкими запястьями и узкими ладонями. Пальцы длинные, музыкальные, не то что эти обрубки, на которых кольца смотрятся нелепо. И зачем столько? Одно обручальное, а остальные... амулеты?

Скорее всего.

Тогда почему за ним никто не явился? Не способны определить местонахождение? Сомневаюсь...

– Она меня позвала...

– Кто?

– Мариша... мы с ней неплохо провели время... она приходила... к наставнику... я не стал бы, я ведь понимаю, что не со всеми можно, но она... она сама стала искать встреч.

– А ты не отказался.

Айзек запустил пятерню в волосы. Больше он не выглядел жалким, как и на собаку не походил. Жаль. Собак я явно люблю сильнее, чем людей.

– Просто роман... Энергия накапливается, сбросить нужно. Там на это смотрят сквозь пальцы... Рядом с Ирхатом часто селятся девушки, которым нужен покровитель, договор подписывают на полгода-год, иногда дольше... Им неплохо платят...

Ага, этакая полулегальная проституция, которую проституцией не назовут, потому как в красивом мире магии подобного явления быть не должно.

Ладно, мораль не мне читать.

– У меня была одна... мы с ней даже приятелями стали, а потом Мариша... сняли квартиру... полтора года... она стала заговаривать о свадьбе.

А мальчик оказался не готов к столь радикальному шагу.

– У меня есть невеста, – сказал он. А я согласилась:

– Мы уже познакомились.

– Она хорошая.

– И красивая.

– Красивая, – не стал спорить Айзек. – И хорошая... очень... надо, чтобы она ушла... Если я разорву помолвку, ей жизни не дадут. А если не разорву, то она умрет.

Роковой ты наш красавец... и заботливый такой, прям с души воротит от этой заботы.

– Я ее просил, а она не хочет... она глаза закрывает... на все...

– Ты поэтому в загул пустился?

Айзек энергично закивал. Вот только бы эту энергию да в мирных целях...

– Я не хотел ее обидеть...

– А раньше не обижал?

– Раньше она не была против. Она меня не любит.

– А ты ее?

Куда-то не в ту сторону свернула наша беседа, в конце концов, в отношениях с прекрасной принцессой пусть сами разбираются. Мне же просто-напросто надо выяснить, что с самим Айзеком произошло.

– И я ее... она хорошая, но... хорошая...

Заело.

Я помахала ладонью перед его глазами. Удивительно, реакции нет. Айзек сосредоточен на собственных мыслях, а потому вряд ли отдает себе отчет в происходящем. И в том, с кем говорит, о чем говорит... Плохо это или хорошо?

Для меня – неплохо. В нормальном состоянии вряд ли он бы стал откровенничать, а так...

– Хорошая, конечно, хорошая... А Мариша этого не понимала, верно?

Он опять кивнул и повернулся неловко, едва не боднув меня лбом.

– Она хотела, чтобы вы поженились. А ты не хотел?

– Она тоже хорошая, но... у нас бы ничего не получилось.

– Почему?

– Сложно... – он потер кулаком висок. – Я должен любить ее. Говорить, что люблю. Каждый день. Каждый час. Если не говорю, она злится... Подарки дарить я не против. Мне нравится подарки дарить. Но когда сам. А тут постоянно упреки и слезы: плохо... мало... с отцом не знакомлю... Я и не собирался. Отец знаком с Ариной. Остальных он не одобряет.

Ага, только этого неодобрения оказалось недостаточно, чтобы взять и оградить женское общество от дурного влияния слегка неадекватного отпрыска.

Хотя... в чем-то я его понимала.

Вадик раньше встречался с Настеней, которая его ухода ко мне так и не простила, причем не Вадику, а мне, коварной разлучнице. Хотя на тот момент, когда он впервые решил подкатить, они уже полгода как жили каждый своей жизнью.

Но это разве повод?

Возлюбленные желали воссоединиться... и плевать, что желание было у одной Настены, а Вадик если и вспоминал о ней, то лишь затем, чтобы пожаловаться, какая же она стерва... и главное, жалобы-то знакомые.

Признания в любви.

Цветы.

Рестораны. Знакомство с родителями... колечко на пальчик... от колечка он и сбежал.

– ...Я ей объяснял. А она не хотела понять, говорила, что мы созданы друг для друга. И что я просто не хочу немного постараться, что наши дети... Какие дети? Я не хочу детей!

Айзек вскочил: эк его допекло-то.

– Не хочешь – не надо, – я дернула его за руку. – Садись. Сидеть

удобно? Или, может, ляжешь?

– Малкольм сказал, что ты та еще сучка...

Ага, буду знать.

Спасибо за информацию.

– Ты ему плохо сделала... и мне сделаешь?

– Будешь лезть со всякой дурью, сделаю...

– Тогда не буду. И правильно... он очень злился. А дядя велел молчать.

И пригрозил, что отправит Малкольма на север...

– А что на севере?

Память выдала что-то такое про приграничные поселения и остров Бедных, который явно получил название не по причине общего благосостояния населения.

– На севере холодно... и прорывы часто. Там маги нужны... и женщин нет. Только песцы водятся...

– Песцом женщину не заменить.

С другой стороны, песец, он, если посмотреть, почти коза, только без копыт и с зубами... Я помотала головой. Надо к делу подбираться, а то как знать, сколько еще это состояние, в котором Айзек так разговорчив, продлится.

– Итак, вы с ней расстались.

– С кем?

И ресничками хлопает, ангел невинный...

– С Маришей.

– Да... она не хотела... плакала... много плакала... сказала, что ждет от меня ребенка.

А это все осложняет.

Дети всегда и все осложняют, особенно нелюбимые. И нежеланные. И даже с желанными, если верить моей бабушке, случаются неприятности.

– Я не знал, что делать...

– Предохраняться.

– Я предохранялся! – возмутился Айзек. А эмоции яркие, и глаза проясняются, и значит, осталось не так и долго. – Она что-то сделала... она сказала, что подаст в суд... был бы скандал...

А королевскому семейству скандалы ни к чему.

– Я пообещал, что не брошу ее и ребенка, что позабочусь... У меня есть свои капиталы...

Кто бы сомневался.

– И я сумел бы... отцом был бы не лучшим, но сделал бы что мог. Предложил ей оставить Ирхат. Слишком большие нагрузки... и наставнику

потребовал рассказать, а она опять плакала...

Да уж...

Надо будет познакомиться с этой красавицей. Думаю, Арина покажет, хотя бы издали, а то как-то все здесь на сопливую мелодраму походит, в которую я вляпалась, как муха в клубничное желе.

– Просила не вмешиваться... сказала, что сама со всем справится, что сумеет... что ей нужна лишь моя любовь...

Ага, и имя, и кредитка.

Нет, я верю, что чистая, бескорыстная любовь существует, благо перед глазами пример имелся. Но уж лучше честный расчет.

– И если я не люблю, то она примет это...

И будет смиренно ждать, пока не родится ребенок, который даст ей шанс претендовать на имя и финансы... Возможно, конечно, я ошибаюсь, но смердело от этой истории... нехорошо.

– Она убежала, а потом ее подруга пришла, сказала, что Мариша не явилась домой, что она записку оставила, мол, так жить не может... без меня не может.

Ага... шантаж, он разным бывает, но сама попытка его бесит. Во всяком случае, меня...

– И как ты понял, где ее искать?

– Подруга сказала, – Айзек закрыл глаза и уперся затылком в стену. – Мариша упоминала...

Удобненько.

Нет, и вправду удобненько... и записку, и заодно указания, где искать, еще бы карту приложила. Я поймала себя на мысли, что эта девица заочно мне не нравится. Странно, а по идее я должна бы сочувствие к ней испытывать. Все-таки жертва... или нет?

Хрен их разберет.

– Она ждала... я не знаю, что произошло... я шагнул, а потом провал. Очнулся уже связанным... трава, помню, мокрая была... а Мариша гладила по щекам и говорила, что мы обязательно будем вместе. Навсегда... что мы созданы друг для друга и что я просто не понимаю этого. У нас родится сын... и я буду любить его... любить ее... А я пошевелиться не мог. Заорать и то... обряд... старый обряд... единения.

Он сказал и замолчал.

И молчал долго-долго. А потом совсем другим голосом поинтересовался:

– Чем ты меня накачала?

Ага, стало быть, в себя пришел. Стоит порадоваться, только как-то не

получалось.

– Ничем... тебя просто накрыло. И полагаю, еще раньше... С девчонкой, если волнуешься, все должно быть в порядке... ну как, мастер уверена, что та в конце концов придет в сознание. В себя то бишь... – я поднялась и вытерла ладони о юбку. – А вот с тобой все, полагаю, куда сложнее.

Он смотрел на меня снизу вверх. И выражение лица такое... будто не мог решить, шею мне свернуть или посвятить в страшную тайну, благо я туда уже влезла обеими ногами.

– Договаривай уже, – велела я. – Что за единение... и вообще, как ее после этих фокусов вообще не посадили... да ладно, не надо меня взглядом буравить. Во-первых, я не болтлива и трепаться не стану, во-вторых, вполне могу в библиотеке посмотреть. Это будет дольше и...

Айзек вздохнул.

И почесал себя за ухом.

Глава 25

Давным-давно, когда мир считали плоским, а звезды – приколоченными к небесам божьею волей, маги отличались на редкость паскудным нравом. Сила ставила их над людьми, а совести, чтобы как-то да использовать ее во благо, не хватало. Вот и возникали то тут, то там новые властители, то молний, то туч, то еще какой-нибудь дребедени. Главное было – появиться с грохотом, продемонстрировать невероятную магическую крутизну, пуганув ею возможных конкурентов, устранить несогласных и объявить себя защитником земель.

Именно.

Властителей много, а защитники – дело иное... и что за беда, если за эту защиту они три шкуры снимают... Все это длилось годы и века, пока не объявился альтруист от магов, прозванный Орестом Благим – полагаю, что конкуренты называли его несколько иначе, но... Он выдвинул теорию, будто маги должны служить людям, мол, именно для того их боги силой и наделили.

Над ним сперва посмеялись.

Объявили чудачком.

И забыли.

Мало ли чего человечек не от мира светлого в пещере своей химичит. Авось посидит середь камней и тараканов да одумается, переберется в город, в башню, поближе к людям, раз уж он так их любит. Как бы там ни было, но за пару десятков лет, прошедших после выхода прокламации, об Оресте изрядно успели подзабыть, когда он вдруг объявился вновь.

И не один.

Сперва маг маленького городка, который только недавно звался деревнею Большие Вышки, вдруг осознал, что жизнь жил несправедливо, отбирая у людей последнее, и, раздав сокровища, ну как сокровища, маги тогда не сильно богаче прочих были, пошел в ученики к Оресту.

Магическое сообщество покрутило пальцем у виска и забыло: мало ли, два ненормальных – еще не повод беспокоиться... потом, правда, их стало три... четыре... дюжина...

И вот тогда в овечьих славой и величиим головах зародились некоторые смутные подозрения. Не может же банальное безумие, которым полагали этот дикий альтруизм, быть настолько заразным. А дальше – хуже. Идеи Ореста, провозглашенного простыми людьми Вестником, ибо

нес он слово Светлых богов, вдруг показались охрененно привлекательными трем магистрам. И что интересно, прежде все трое отличались на редкость склочным норовом и святой уверенностью, что люди без дара есть пыль под ногами мага. А тут вдруг один отправился реки поворачивать, дабы оживить сухие земли Игварта, другой могучей рукой поднял целину, а третий против кочевников выступил.

Мол, от набегов селяне страдают.

Кочевники от такого поворота несколько прифигели. Раньше-то маги нейтралитет блюли... Кочевники их сторонились, стараясь не отвлекать от высоких мыслей своими пожарами и грабежами, вели себя, так сказать, прилично, а их огненным шквалом...

Ладно, кочевники – совсем другая история.

Орест же предложил прочим магам сознательно подписать некий документ, который гарантирует права простым людям, а также присягнуть ему, стало быть, на верность. То есть документу.

Или Оресту?

Не разобралась, но, чую, один хрен.

И предложение принес не кто-нибудь, а сильнейший из известных магов, Никлас Огненный Шторм, который вдруг раскаялся и осознал, что жил до того крайне несправедно. Однако благое слово не возымело действия. Магистры, которых осталось не так и много – их и прежде было не сказать что толпа, все ж конкуренции они опасались, а потому ряды молодого пополнения прочищали старательно и заблаговременно, – скрутили фигу и спешно создали Альянс.

Противостояние затянулось на годы.

Магистры, плюнув на предубеждение, сгребли под себя всех, в ком теплилась хотя бы искра дара, пообещав в случае победы золотые горы и вообще...

Случилась пара стычек.

И даже небольшое сражение в скалах, которые после этого сражения стали называть Оплавленными, ибо камень плавился как воск... Но главная война шла отнюдь не на поле боя. Просто... магов, которые вдруг чудесным образом прозревали и уходили к Оресту, становилось все больше и больше. А в какой-то момент он провозгласил себя королем.

Земли, ранее разделенные между магами, стали единым государством.

Маги же – наместниками, которым вменялось править мудро и в согласии с идеями Ореста о служении. Поскольку идеи эти разделялись вполне искренне, то молодое королевство вскоре встало на ноги. Да и как не встать, если тот же Огненный Шторм блюдет границы его.

Целители ликвидируют чуму с холерой.

Маги обратили взоры на поля и погоду.

Поля заколосились.

Скот расплодился.

Отступили голод и болезни. Города стали разрастаться, а люди – здороветь. Сей век был золотым, только не для магов, ибо от трудов своих имели они куда меньше, чем рассчитывали. Это уже потом до них дошло, что при богатом народе и они небедными станут.

Такая вот прогрессивная экономика из-под палки.

При чем тут ритуал единения?

А вот при том, что именно его и создал полубезумный отшельник Орест, осознав, что иным способом на коллег не повлиять. Как и откуда он взял идею – никто не знает, да и сама суть ритуала есть секретное достояние королевской семьи.

И правильно.

Смысл его в следующем: если двое магов сольют свою силу и смешают кровь, то при небольшом воздействии извне, направляющем, так сказать, один разделит мысли и чувства второго... ну, в общем и целом... то есть в отличие от подчиняющих заклятий, которые, во-первых, имеют свойство со временем ослабевать, а во-вторых, крайне ограничивают разум человека, ими подчиненного, единение оставляет ему и разум, и волю, и способность мыслить.

А еще оно необратимо.

– То есть, – я ущипнула себя за ухо, не особо, впрочем, надеясь проснуться. – Ты бы полюбил ее со страшной силой...

– Да.

– Ага... а откуда она узнала про этот ритуал?

Айзек вздохнул, потер переносицу и признался:

– Ее отец – королевский архивариус и имеет доступ ко многим документам, но... она не тот ритуал провела.

– В смысле, не тот?

Он потер шею и в шевелюре поскребся, будто блох гонял. Сказать, что ли, чтобы проверился?

– Видишь ли, ее народ умеет работать с информацией. Они лучшие архивариусы, замечательные историки, но даже им нет доступа к личным королевским архивам. Я знаю этот ритуал. Меня учили и тренировали, и на людях в том числе. Не смотри так. И у нас имеются преступники, заслуживающие смерти. Они и были бы казнены, но... Сейчас один

работает при храме, помогает бедным, он искренне желает заслужить прощение. Второй... В общем, я знаю, что и как делать. А она добралась до документов, которые не должна была видеть.

Ага...

Охрнительная беспечность. Нет, у нас в мире тоже можно раскопать чертеж ядерной бомбы. Но раскопать – это одно, а создать – совсем другое. Поди-ка, урана найди на заряд... а здесь, по ходу, у каждого свой собственный рудник имеется, добывай уран – не хочу...

– Она сама воссоздала ритуал... по опискам, оговоркам... и теоретиком была неплохим. Хотя не знала, что подобные попытки проводились неоднократно, а потому в этих описках и воспоминаниях, в хрониках, давно кое-что подправлено. Нельзя просто убрать их, это неразумно, а вот изменить... Но она искренне полагала, что поняла принцип. И хуже всего, что она почти его поняла... Однако Орест годы экспериментировал, пока научился рассчитывать воздействие, которое не травмирует ни его, ни... подопытного. И есть еще кое-что... кое-кто...

Да, подопытным быть мало радости.

– Я помню, я пытался ей объяснить... при том, что она собиралась сделать, она убила бы и меня, и себя...

– Не поверила?

– Все повторяла, что мы должны быть вместе, что мы полюбим друг друга, что... – Айзек вздохнул. – Я помню ее голос, и силу, которая наполнила алтарь, и как стало вдруг невыносимо жарко. Я не хотел терять разум, как не хотел становиться частью ее безумного мира. Я сопротивлялся, и... кажется, что-то случилось. Помню еще, как сила хлынула из меня... и текла, текла... А потом очнулся в больнице.

Фиговое приключение.

– Я еще испугался, что сейчас сойду с ума от навязанных чувств, а потом понял, что если так думаю, то обошлось...

Он помолчал и добавил:

– В этом плане и вправду обошлось.

Я кивнула.

И задумалась.

Крепко так задумалась... все же многое в этой истории мне не давало покоя. К примеру, почему девицу, которая совершила преступление – это даже без местного УК ясно, – не посадили? Не сослали на рудники, не заперли в психушке, а оставили учиться, пусть и в закрытом заведении?

Благотворительность?

Слабо верится.

И Айзек... что с ним происходит?

И, главное, как все это связано с самоубийцами?

Глава 26

Утро начиналось... начиналось утро. Солнце, пробившись сквозь пыльное стекло, щекотало нос, а я норовила спрятаться под подушку. Почему-то именно во сне вся эта история выглядела почти законченной и офигенно логичной. Помню, еще восхищалась красотой преступного замысла, а потом на всякий случай решила запомнить имя главного злодея.

Запомнила, мать его...

Завыл рог, напоминая студентам, что день грядущий им готовит...

Две пары лекций и первый семинар у мастера Забелии, которая неоднократно напоминала, что пропускать эти семинары – не лучшая идея.

Вставать надо.

А то голова треснет. И вообще, во всем хороша умеренность. Похоже, комендант тоже так считал, потому как стены были по-прежнему холодны, но как-то особенно, что ли?

Я бодрой рысью пробежалась до умывальника и, заняв крайний, включила воду.

Снова холодную.

Они издеваются или как? И в душе небось объявят непомывочный день по причине лопнувших труб или иной какой. Главное, что эти самые дни случались с завидной регулярностью.

Я выругалась.

И не только я.

Сегодня в помывочной царило редкостное равнодушие, и гнев душ пролетарских находил воплощение в изящных завитках слов. Интересно, мастеру Забелии понравилось бы? Она постоянно повторяет, что любую эмоцию можно воплотить словесно... вот и воплотили.

Холодно.

А снаружи и того холоднее.

Ледок на лужах трещит под ботинками, а изо рта вырываются клубы пара. И ведь всего второй месяц осени ...

– Привет, – Малкольм больше не пытался отобрать у меня рюкзак с книгами.

– И тебе недоброго утречка.

Выглядел рыжий до отвращения бодро. Был весел. Улыбчив. И куртейка с лисьей опушкой немало тому способствовала.

– Даже так... что случилось?

– Воду горячую отключили, – нет, понимаю, что мне бы стоически лишения терпеть. Я их и терплю, вон даже мысли не возникло коменданту почесухи пожелать... или уже возникло?

– Переселяйся.

– Обойдешься.

Он меня обогнал, развернулся и пошел спиной вперед. То ли позер, то ли идиот... то ли и то и другое разом. Если навернется, лечить не стану.

– Я серьезно, Марго... у нас горячая вода постоянно. В комнатах тепло. И комнаты – не чета твоей конуре... в каждой собственный санузел...

– А под окнами молочная река раскинулась с кисельными берегами.

Нет, вот зачем людям настроение портить, описывая то, чего у других нет? У меня вот от злости даже ухо зачесалось. Или это от мороза? Шапку надо бы приобрести и вообще в город выбраться... и раз уж рыжий тут, то почему бы и нет?

– У тебя машина есть?

– А что?

Вот где его воспитывали? Невежливо вопросом на вопрос отвечать, точно знаю, мне мастер Забелия говорила. Вообще, как кажется, она меня немного недолюбливала, совершенно без причины, или я об этой причине ни сном ни духом? Главное, что эта нелюбовь имела ряд вполне конкретных преимуществ: готовиться приходилось к каждой лекции, поэтому к семинару сегодняшнему осталось лишь материал повторить...

– Есть, – сдался Малкольм.

– В город отвезешь?

Мне, конечно, настоятельно рекомендовали за ворота не выходить, но...

– Сегодня?

– Можно сегодня, завтра или послезавтра... нет, послезавтра не выйдет, я до вечера в клинике. В общем, шапку купить надо. И куртку... и не смотри на меня с таким упреком... сама куплю, только отвези, ладно? Если сможешь.

– Смогу, – озвучил он мою собственную мысль, добавив: – Куда ж я денусь, и это... если вдруг Забелия станет придираться, скажи, что вилку для икры отменили высочайшим указом Алкората Первого сто тридцать семь лет назад...

Это он о чем?

Нет, я запомнила на всякий случай, но...

Столики.

Скатерти накрахмаленные.

Сияние столового серебра. Хрусталь и темное, словно венозная кровь, альерское стекло, в которое полагалось наливать лишь альерский же бальзам. Мастер Забелия в строгом черном платье...

– Вилка столовая – для мяса... вилка кокотная – для горячих закусок и рыбы...

Веер в руках мастера раскрылся и закрылся.

А лицо мастера было непроницаемо. Но вилки я точно выучила, и семь способов складывать льняную салфетку, подавая тем самым знак лакею, и еще кучу всякой подобной хрени, которую надеялась забыть, как только сдам ненавистные основы этики.

– Двухрожковая для подачи сельди... для фондю... игла для омаров... для холодных морских коктейлей...

Я назвала все, но...

Одна осталась. Лежала таким упреком на льняной салфетке с вензелем... лежала и поблескивала темной монограммой на черенке... а ведь от прочих отличается. Те – учебный материал, а эта...

– Забыли? – холодно поинтересовалась мастер.

И в глазах мелькнуло что-то такое... торжествующее...

Сложно забыть то, чего не знала... А вилочка интересная, четыре тонких плоских зубца сливаются в одно... и не на вилку похожа, а на лопатку скорее...

– И долго мы будем ждать?

– Для икры, – выдохнула я, мысленно скрестив пальцы. – Правда, отменена высочайшим указом Алкората Первого сто тридцать семь лет назад...

А вот за это выражение лица многое простить можно.

– Отменена, – впрочем, мастер достаточно хорошо собой владела. – Быть может, вспомните почему? Хотя... пожалуй, не стоит... и корона имеет право ошибаться.

Надо же, как милосердно со стороны мастера.

– Однако люди хорошего рода и правильного воспитания должны помнить ...

Заветы предков.

Незыблемость традиций.

И вообще, без вилки для икры, которую позорно заменили ложкой, жизнь уже определенно не та...

Но поставили мне все равно удовлетворительно. Почему? А потому,

что слишком долго думала и колебалась, истинная же леди должна называть вилки без ошибок и раздумий.

Ладно.

Переживем.

Малкольм ждал меня в столовой. Он не только место занял, что в обеденное время было более чем актуально, но и добычей пропитания озаботился.

Суп.

Перловка с мясом. Булочка и компот. Жизнь налаживается... сам Малкольм снова не ел, но сидел, подперев подбородок рукой, и меня разглядывал.

– Дырку проглядишь.

– Айзек велел передать, что будет рад, если ты в гости заглянешь, – сказано это было без малейшей радости.

– Зачем?

– Побеседовать...

Ага, вчера, стало быть, не наговорился. Я пожала плечами: пока говорить особо не о чем... и в книжный заглянуть стоит, только хороший. Не может такого быть, чтобы никто не пытался исследовать саму природу магических способностей. С точки зрения логики если человеку дана возможность оперировать какой-то энергией, то она проявится не только в том, что по щелчку пальцев будут зажигаться свечи.

Физиологию тонких потоков мы будем проходить во втором семестре.

И учебник я листала, но в нем все было логично и обрезано дальше некуда – волновая природа магии, воздействие тонкой материи на клеточную структуру, нуль-рецепторы и прочее, и прочее, а вот о глобальных структурах как-то ни слова.

Как и в учебнике анатомии.

Мне не давало покоя то скопление железистых клеток в перемычке между большими полушариями. Дефект оно или, наоборот, вариант нормы? Вскрыть себе череп Айзек вряд ли позволит, а...

Мысль была неожиданной, но вполне удачной.

– Руку дай, – потребовала я от молчащего Малкольма. И тот спокойно руку протянул... какой доверчивый. – Я только посмотреть хочу... кое-что...

Теплая какая ладонь.

И линии глубокие, и сосуды на запястье проступили четким рисунком... Я закрыла глаза, отрешаясь от гула столовой, от взглядов,

которые мы вызывали, не могли не вызывать, от людей и ощущения тепла в руках.

Сердце... работает ровно, но слегка увеличено, что не есть хорошо... надо будет сказать, чтобы к Варнелии заглянул. Бабушка верила, что в сердце душа живет, если так, то я ее не вижу. По мне – просто мышечный орган утилитарного назначения.

Кровь качает.

Белых кровяных слишком много. А вот тромбоцитов маловато, да и эритроцитов... а с нашим парнем явно неладно, причем неладность эта отнюдь не моим проклятием рождена.

Так. Спокойно.

Здоровых людей вообще нет, есть плохо обследованные, а я не для того внутрь полезла, чтобы кровяные тельца считать. И не кости, какие-то чересчур уж пористые, меня интересуют...

Нервная ткань.

Тот же сверхсложный рисунок, в котором есть что-то такое, импрессионистское. Яркие мазки нейронов, то желтые, то лиловые, то голубые... и зелени хватает, неоновой, резкой... и все вместе – почти чудо. Магистраль спинного мозга. Щупальца черепных нервов... на спрута похоже... и мозг... так, а вот это потемнение совсем нехорошо.

Будто в галогеновой вывеске лампы погасли... крохотное совсем, едва заметное, но все внутри меня кричит, что оно опасно, что эта зараза убьет Малкольма.

Не сейчас.

И не завтра.

И даже не через год. Она будет расползаться, медленно и осторожно, поражая нейрон за нейроном, выключая их из общей сети, разрастаясь и вширь, и вглубь, и...

К мастеру я его отведу сегодня же. Вечером...

Не отвлекаться.

Полушария... мозолистое тело... свод... и да, крохотное, с булавочную головку, скопление железистой ткани. Даже не скопление, так и есть, железа. Оформленная.

Работающая.

Как и светящийся алым плотный тяж нервных клеток.

Я моргнула и потеряла глаза. А Малкольм подвинул ко мне стакан с компотом.

– Спасибо, – голос был хрипловат, а голова кружилась. Определенно эти погружения забирают изрядно сил. – Не хочу тебя пугать, но... тебе бы

мастеру Варнелии показаться.

Я постучала пальцем по голове.

– Началось, значит? – почему-то удивленным Малкольм не выглядел.

– Что началось?

– Деструкция, – он разломил булочку пополам. Обычно я терпеть не могу, когда кто-то на мою еду покушается, в конце концов, на раздаче хватает булочек, сходи и возьми, но... почему-то на Малкольма не выходило злиться. – Это... наследственное. Моя мать не дожила до тридцати...

Он вздохнул и потер переносицу.

– Мы надеялись, что... обойдется.

Надеялись.

Мать его... если все-таки умерла, то получается, что... Варнелия не поможет? Да быть такого... или все-таки... вряд ли отец Малкольма не спасал супругу. У него ведь род. Состояние. Возможности. И если оказалось, что этих возможностей не хватило...

– Не будем о грустном, – он сунул булку в рот. – Едешь?

– Куда?

– Ты ж в город собиралась...

Невозможный человек. Я ему сказала, что он умрет... я честно думала, что поступаю правильно, что Варнелия всех спасет, а тут... и никакой реакции.

Малкольм подал руку:

– Не стоит переживать. Я давно знал, что шансы на самом деле невелики. Но пару лет в запасе осталось... самое забавное, что мама была хорошим целителем. Подавала большие надежды...

– Как ты?

Зимнее солнце было ярким. Небо – чистым. Воздух звенел, а на душеньке моей кошки скребли... и вот как быть? Попытаться вылечить силой мысли? Я бы не против, только сомневаюсь, что оно так работает. А лезть ему в голову и пробовать... не сделаю ли я хуже?

У него пара лет в запасе есть точно.

Правда, с каждым годом будет все хуже, но... пока-то он не ощущает ничего, а... а я даже вскрытия толком проводить не умею, что уж говорить о копании в мозгах живого человека...

Там одно неверное движение, и от человека останется одна оболочка.

– Как я, – Малкольм подбросил ключи. – Моему отцу говорили, что... не стоит рисковать, заключая брак с родом Шанал. Но он полюбил маму. И медицина ведь идет вперед – а ей уже двадцать два, и ни один целитель не

видел симптомов. Они говорили, что, возможно, ей повезло... так ведь случается, иначе род давно прервался бы... у них только четверть болеет. Они поженились. Родился я. А через полгода после родов маме стало хуже... гормональный всплеск инициировал болезнь. И развивалась она быстро. Отец сделал все, что мог... больше, чем мог... но...

– Мне жаль.

– Я ее почти и не помню.

Может, оно и к лучшему. Я вот помню все. И те прогулки в парке, и мороженое, и качели, которые до неба... и то, как мы шили плюшевого котенка. Кормили голубей и, перегнувшись через перила, пытались разглядеть в мутной воде городского пруда рыбу...

А еще помню вой.

И смех.

И то, как она танцует голая на кухне... исчезает на день или два, чтобы вернуться и не видеть меня. Стекланные глаза. Изрезанные осколком стекла руки. Кровь на полу.

Бабушкины слезы.

Просьбы.

Таблетки, после которых она становится сонной и вялой. Постоянный ее голод... и тех мужиков, полагавших, что за дозу купили полное право распоряжаться не только квартирой...

Я вздохнула.

И потрянула головой.

– Я пока хреноватый целитель, но... не знаю... если припрет, то рискнешь?

– Я бы и сейчас рискнул.

Ага... смелый, стало быть, но я не настолько отчаянна.

– Сейчас не стоит... она еще маленькая... опухоль. Точнее, на опухоль это не похоже. Просто... часть коры отмерла, и все, но я не о том спросить хотела...

Он ведь целитель и на старших курсах, значит, что-то такое они должны были уже проходить. Вот и поинтересуюсь. Если вдруг окажется, что Малкольм сам не знает, то хотя бы подскажет, где информацию искать.

Глава 27

А машина у него была из местных.

Солидная.

Этакая черная хромированная коробка о четырех колесах. Вытянутый капот с серебряной птицей. Круглые выступающие фары. Низкая посадка и пара крыльев, украшенных серебром. Кожаный салон. Приборная доска из красного дерева... то есть, может, и не красное, но в красный окрашено. Медь. Хром.

И аромат хвои.

Я поерзала.

И браслетик свой тронула. А... может, стоило все-таки предупредить мастера Витгольца? Или сразу ректора? Или... или мне бы запретили, а в город надо.

– Успокойся, – от Малкольма мои колебания не укрылись. – Я договорился... у нас есть пара часов. А что до остального, то ты говоришь о шивелловой железе...

Машина тронулась мягко.

– И да, она как-то связана с магическими способностями... во всяком случае, давно установлена закономерность: чем крупнее железа, тем сильнее маг, или наоборот? Согласно классической теории секрет этой железы увеличивает сродство клеток перемычки Гауффа к тонким энергиям, но не только. Во всяком случае, подопытные, которым эту железу, удаляли... не смотри так, это были люди, осужденные на смерть, и согласие давали на участие в эксперименте. Так вот, несмотря на то что воздействие было направленным и локальным, прочие структуры не затрагивало, они погибали.

Охренеть.

Нет, я далека от мысли, что мир – чудесное место, но вот... получать очередное подтверждение тому неприятно.

– В Ирхате давно занимаются нейрофизиологией магии, но... сама понимаешь, информация не для общего пользования. Отец упоминал, что им удалось вычленить несколько дополнительных структур, только... это все теория... он следит за подобными исследованиями...

Мы ехали.

Я смотрела в окно на заиндевшие поля, а Малкольм говорил.

Про магов.

Исследования.

Нервную ткань и то, что механизм появления магии никто так до конца не изучил. Что лет двести назад возникло тайное общество, которое полагала, будто из каждого человека можно сделать мага – и маги пропадали, а потом их находили мертвыми, выпотрошенными...

И сейчас это все история, но на деле было страшно.

Они ведь изучали не только взрослых – взрослых попробуй-ка одолей, а вот дети...

С тех пор на исследования природы магии было наложено вето, магов и вскрывать-то запрещалось, и только относительно недавно, лет двадцать тому, его сняли с десятком оговорок... И все равно находятся противники...

И союзники.

И король придерживается нейтралитета, но Комитет безопасности следит за всеми работами, которые так или иначе касаются темы...

И за учебниками в том числе. Некоторые студентам младших курсов просто-напросто не выдадут, да и старшим тоже, разве что по особому распоряжению.

Город был прежним.

Слегка припорошенным снегом, но этот снег остался лишь на крышах да редких статуях. В остальном же... темные витрины и уличная грязь... цветные зонты редких прохожих. Кажется, морось. И ощущение какой-то... неряшливости?

Голые деревья.

Фонарные столбы.

Решетки на окнах. И навесы – напоминанием о летних уличных кафе.

Машину мы оставили на площади. И Малкольм, тряхнув рыжей гривой, сказал:

– Решила, куда тебе?

Решила.

Для начала в банк, который отличался от земного разве что отсутствием очередей. Или нам просто повезло? Не знаю. Главное, заявление мое приняли, отпечаток ауры сверили и довольно споро выдали тысячу талеров.

Чувствовать себя состоятельной было... непривычно.

Инстинкт подсказывал – деньги спрятать, и немедленно. Тратить? Не стоит... это сейчас они есть, а потом вдруг возьмут и исчезнут, как первая моя зарплата, ушедшая на мороженое и целлофановые сапоги. Модные, да, но...

С сапог мы и начали.

Потом был магазин с канцелярской мелочью. И лавка, где Малкольм выбрал пару перчаток. Себе. К счастью, мне он подарки делать и не пытался. Правильно. Я бы не смогла отказать, а потом чувствовала бы себя препоганым образом... а так... двадцать пять талеров за перчатки?

Могу себе позволить.

Дорого?

Зато замшевые и мягкие, тонкие, но в то же время теплые... и вообще, я разбогатею... вот научусь исцелять взглядом, а еще на урожайность зерновых оказывать влияние и приплоды скота увеличивать, тогда и погребу деньгу лопатой...

...Марека я увидела не сразу.

Это была очередная лавка, заходить в которую я не планировала, но все-таки заглянула, поддавшись совершенно безумному ощущению собственного всемогущества. Тысяча талеров – это... этого хватит для небольшого кутежа.

Теплые брюки.

И длинная юбка из шотландки. Такая же накидка с кистями, пара свитеров и еще, кажется, теплые носки, что в моей комнате более чем актуально. Да и никогда бы не подумала, что выбирать носки, ориентируясь не только на цену, настолько весело...

Раз и два...

И нет нужды выглядывать на улицу, когда один магазинчик переходит в другой, здесь не всегда и продавцы-то есть. Люди живут на втором этаже, а торговые залы... воровать не принято, особенно если на товаре стоит магическая метка. Да, не каждый может себе позволить подобный аппарат, и человек с даром вполне способен метку снять, но...

Это ведь глупо – тратить силу там, где можно потратить деньги...

И я тратила.

Отдавала пакеты Малкольму, который был непривычно молчалив и услужлив. Он задержался в магазине игрушек, а я вдруг оказалась в странном месте.

Нет, привычная арка.

И полумрак торгового зала. Витрина темна и света почти не пропускает... или это уже на улице потемнело? Хозяева решили не тратиться на дополнительное освещение? И вообще, есть здесь кто-нибудь... ну, помимо чучела совы?

Чучело, к слову, сделано было весьма искусно. Сова сидела, склонив голову набок, и стеклянные глаза ее тускло поблескивали. Желтоватые морщинистые лапы. Острые когти. Клюв крючковатый... гроза для

семейства пеночек, устроившихся у другой витрины.

Запах формалина.

Блеск инструмента, разложенного на черном бархате. Пучки трав. Банки. Склянки... чаша со стеклянными глазами всех цветов и размеров. Специфическое местечко...

Я шагнула было к выходу, но замерла.

– Зачем ты пришел? – этот голос был мне незнаком, а вот другой...

– Я о тебе беспокоюсь.

– Не о чем беспокоиться.

Марек.

Мой то ли друг, то ли знакомый, решивший откреститься от знакомства. И я остановилась. Прижалась к шкафу, поймают за подслушиванием, сделаю вид, что инструменты рассматриваю. А что? Мне не мешало бы собственными обзавестись.

– По-моему, как раз есть о чем...

Подслушивать нехорошо, но очень полезно.

– Марек... перестань... – в этом голосе мне послышалась усталость. – Это уже не весело...

Я коснулась пушистого кошачьего хвоста. Кот, что характерно, был мертв, как и прочие животные в этой лавке. Что не мешало ему выглядеть весьма и весьма грозно. Оседлавший сук, впившийся в него когтями...

– Ты не понимаешь, насколько он опасен...

– Все я прекрасно понимаю.

– Тогда почему...

– Потому что в свое время я и без того наделала изрядно глупостей. И пришла пора за них платить... уходи, прошу...

– Я могу тебе помочь.

– Нет, не можешь, забавный мальчик. И не хмурься, пожалуйста, тебе не идет... и следить за мной не стоит...

– Я хочу...

– Я знаю, – женщина вздохнула. – Ты хочешь меня спасти... только, Марек, спасти не от кого! Я знаю, что делаю, и скоро все закончится...

Голос стал ниже.

Тише.

– Уходи, пожалуйста... уходи и забудь, что ты здесь был... Мы друзья, Марек... всего-навсего друзья...

– Хорошие?

– Очень. Самые лучшие... и как друга прошу, не мешай.

Я понюхала пальцы. Пахнут неприятно, а трогать чучело – в принципе

не лучшая идея. Мало ли чем их здесь протравливают для пущей-то сохранности.

Я вздохнула.

И отступила к арке.

– Все будет хорошо, Марек... все будет просто замечательно.

Я все-таки вышла на улицу через соседнюю лавку, хозяин которой и не пытался меня задержать, только нахмурился, вздохнул и махнул рукой. Кажется, соседство это дурно сказывалось на бизнесе. Малкольм обнаружился у витрины, на которой были выставлены шоколадные конфеты, фигурки шоколада и просто шоколад в блоках.

Черный.

И молочный. И пористый тоже... и да, не самый удачный выбор.

– Идем, – я схватила Малкольма за руку. Что-то мне подсказывало, что девица наша скоро выпроводит настойчивого ухажера, а потом... мы успели перейти на другую сторону улицы и спрятаться за массивным деревом. Точнее, пряталась я, а Малкольм изображал еще одно дерево.

Рыжее и в шапке.

Но Марек был слишком погружен в собственные мысли, чтобы обращать внимание на происходящее вокруг. Он быстро скрылся в переулке, и улочка вновь опустела.

– Что...

– Погоди, – я смотрела на дом.

Обыкновенный. Два этажа. На первом разместились лавка, причем вывеской здесь не озаботились. Второй этаж – жилой. Правда, окна темны, не разглядеть, что за ними.

Горбатая крыша.

Флюгерок.

Ничего такого, зловещего, не считая некоторой общей пустоты, окружавшей это место. Да и то она чувствовалась слабо, и я отмахнулась от ощущения, списав его на то, что воображение мое несколько разыгралось.

– И кого мы ждем?

Аккурат в этот миг зазвенел колокольчик на двери. Девушка поморщилась. То ли слабый вечерний свет был ей неприятен, то ли звук колокольчика раздражал, а может, жизнь в целом.

Была ли она красива?

Симпатична – пожалуй. Немного простовата, но... очень белая кожа. Огромные глаза. И кукольные белые кудельки... губки бантиком, бровки домиком.

Общая какая-то зефирность.

Да уж...

А шубка на ней явно не из дешевых. И часики на запястье золотые, и сережки камушками в ушах поблескивают.

– С-сучка, – прошептал Малкольм. И она обернулась.

Услышала.

Ну вот, проследить не выйдет... или...

Меня девица видеть не могла. И что это давало? Несколько секунд, пока незнакомка, помахавшая Малкольму, как доброму знакомому, направлялась к нам.

Я оглянулась.

И вынуждена была признать, что спрятаться не выйдет, что...

– Прижмись к стене, – велел Малкольм.

И я подчинилась, решив, что сейчас он знает лучше. Стена была леденящей, это чувствовалось сквозь куртку, напоминая, что в общем-то я за нормальной одеждой приехала, а не в шпионов играть. А тут... он что-то сделал, такой жест рукой, то ли нечистую силу отгоняет, то ли кинул под ноги что-то...

– Малкольм... – голос девицы изменился. Исчезли из него трагичные нотки, зато появилось нечто бархатистое, протяжное. – Какая удивительная встреча... ты, кажется, не рад меня видеть?

– Мы, кажется, договорились, что ты больше на пути моем не попадаешься...

– Так когда это было? – она подошла ближе.

Так близко, что у меня появилось нестерпимое желание вцепиться в эти белые космочки и прическу попортить. Ревность?

Чушь какая.

Девица мне просто не нравится. И Малкольму, похоже, тоже, но воспитание мешает послать ее лесом... Так и знала, что от хорошего воспитания одни проблемы.

Она сама взяла Малкольма под руку.

– Я помню, дорогой, но видишь ли, кое-что изменилось, точнее, я бы сказала, что изменилось многое, очень-очень многое... Как себя чувствует Айзек?

– Жив.

И не ее ли молитвами? Желание пообщаться ближе крепло.

– Чудесно... я надеюсь, он до свадьбы доживет?

– Какой свадьбы?

– Нашей, Малкольм... мне, конечно, очень жаль... ты такой милый мальчик... и нам было хорошо вместе, но сердцу не прикажешь... я люблю

Айзека.

– Что ты несешь, Офелия!

Ага, имечко хорошее, говорящее... с предысторией, которую вполне можно счесть предупреждением. А что... каждой Офелии по личному пруду.

– Не куксись, – она потрепала Малкольма по щечке. – Я понимаю, что ты возмущен, но жизнь – это жизнь...

– Стой...

Малкольм наклонился. В первое мгновение мне показалось, что он собирается поцеловать эту недокуклу, но нет, он просто заглянул ей в глаза.

И смотрел.

И смотрел... и, кажется, девице это нравилось. Она потупилась... и отступила...

– Прости, – пальчики коснулись розовых губок. – Мы не можем быть вместе... но я буду помнить... я все буду помнить...

Бред.

И Малкольм позволил себя поцеловать. В щеку. Но и от этого меня передернуло. Нет, вот что за манера слюнявить окружающих, которые от этого совершенно не в восторге.

– А теперь, дорогой, прости... меня ждут... да, да... я всегда знала, что он меня не забудет... что когда-нибудь мы будем вместе...

И девица помахала ручкой.

А потом бодрой рысцой удалилась. Каблучки ее звенели, и звон этот вызывал глухое стойкое раздражение.

– Ну... – когда Офелия скрылась за поворотом, я позволила себе оттипнуть от стены. – И что это было? Или кто?

– Мне кажется, – Малкольм потер подбородок. – Следующая жертва...

Глава 28

Офелия Ульгрим была талантлива.

В кого пошла?

Сие неизвестно. Явно не в папеньку-баронета, который только и умел, что вздыхать о прошлом, где славные предки свершали славные деяния. И не в маменьку, славных предков не имевшую, но зато обладавшую небольшим состоянием, которое, собственно говоря, и позволило сделать партию.

Обычное дело.

О детстве своем Офелия рассказывать не любила. Да и слушать-то, говоря по правде, было некому. Главное, что у нее в отличие от родителей, тихо плывших по течению жизни, имелась цель.

Цель была проста, прозаична и понятна: Офелия желала выйти замуж.

И все шансы у нее имелись.

Помимо яркого дара, значительно повышавшего ее шансы на рынке невест, титула, худо-бедно позволявшего не вести речь о мезальянсе, у Офелии имелся еще один козырь – внешность.

На хрупкую блондиночку Малкольм сразу обратил внимание.

Да и как не обратить?

Лето.

Прибрежный городок курортного типа. Жара. Вялое течение жизни, которую будоражили лишь выходы приезжих магов, великосветские сплетни и ленивые игрища. Интриги и те не плелись, ибо жарко...

Она держалась в стороне от столичных девиц, отличавшихся вычурностью нарядов и избытком снобизма...

Она была мила и стеснительна.

Принимала цветы, робко краснея, и долго не решалась взять мороженое, а то таяло и капало на руку Малкольма. Он почему-то очень хорошо запомнил именно это подтаявшее мороженое.

Потом... закрутилось.

Встречи.

Прогулки по набережной. И разговоры... бесконечные разговоры... никто и никогда не выслушивал его с таким вниманием... И он влюбился.

Нет, у Малкольма и прежде случались романы, но там было другое.

Совсем другое.

Никакой пошлости, никакой постели... робкие поцелуи, от которых

Офелия так мило краснела, вздохи и обещания...

Выбор кольца.

И помолвка.

Вообще-то кольцо имелось, родовой артефакт, хранившийся, как и положено артефактам, в банковском сейфе особого назначения, но, во-первых, ждать, пока его доставят, Малкольм не желал. Во-вторых, о запросе непременно проинформировали бы отца. И тот стал бы задавать вопросы, а Малкольм... не то у него было состояние души, чтобы занудно отвечать, почему он выбрал Офелию.

Потому что она – чудо.

Разве не так?

– Я был смешон, – Малкольм спрятал руки в рукава. И пакеты, болтавшиеся на запястье, выглядели несколько нелепо.

Мы все же вернулись в лавку и прикупили шоколада.

Белого.

И еще черного. И особого, с финиками и соленым печеньем... и конфет, и... и я не останавливала. Хочется Малкольму тратить? Пускай. Шоколад, в конце концов, ничего не значит. Сейчас же мы шли, просто гуляли без всякой цели. Точнее, гулял Малкольм, а я следовала за ним и ждала, пока его отпустит.

– Именно тогда мы впервые и столкнулись с Раем... случайно... да... у него тоже роман... ага... и любовь на всю жизнь...

Он поддел ногой камень.

– Если подумать, то нам здорово повезло, что она никак не могла определиться с выбором – собиралась принять предложение того, кто первым его сделает. Мы с Раем встретились в ювелирном... городок маленький. Приличных магазинов всего несколько... Нам понравилось одно кольцо. Я просил Рая уступить. Он отказался... слово за слово... сначала мы едва не до смерти разругались, а потом... невеста: самая лучшая девушка в мире... И стало понятно, куда он запропал, а он сказал, что это я пропал... И в общем, все как-то и выплыло.

Мы оказались в парке.

Дорожки.

Скамейки. Столбы, покрытые мелкими каплями. Тусклый свет вечернего солнца. Длинные тени и ощущение грядущих неприятностей, от которого я попыталась отмахнуться.

Городской парк – место тихое.

Что здесь может случиться? То есть дома в парках случалось изрядно

всякого, но это там, а здесь...

– Было больно. И неприятно. И я сначала поверить не мог... не желал... с Раем сцепились, едва не убили друг друга, пытались выяснить, кого она на самом деле любит. Айзек нас растащил и предложил пари. Мол, он начнет ухаживать за девочкой, и если действительно речь об обыкновенном недоразумении... В общем, недели не прошло, как мы с Раем получили отставку. Мол, будем друзьями, ты милый, но сердцу не прикажешь...

Деревья почти облысели. И красно-медная листва укрыла дорожки. Она, налитая дождевой водой, не шелестела и казалась плотным сплошным щитом. Под ногами хлюпало.

А куртку я так и не купила.

– Она и вправду надеялась, что Айзек на ней женится, даже не надеялась, а была уверена... Оказалось, что у нее бабка с материнской стороны из сирен Вильшара – это мир второго кольца. Дед Офелии там свой титул и заработал. Отцу дар не перешел, он передается исключительно по женской линии, а вот Офелии повезло...

И Малкольму тоже, он и без дара вляпался, а с ним, глядишь, и вовсе разум потерял бы. Офелия была осторожна, очень осторожна, но желание примерить герцогскую корону осторожность перевесило. И в вечер, когда Айзек с затуманенным взглядом заговорил о свадьбе, Малкольм позвонил отцу.

Это было подло.

Низко.

И необходимо.

– Сирены воздействуют не столько на разум, сколько на потаенные желания. Небольшой толчок, и разум начинает выстраивать желаемую картинку...

Он поднял тяжелый лист.

А что-то похожее я уже слышала.

– А действуют они на всех?

– На мужчин – точно, а с женщинами... зачем сиренам женщины?

Ну... здесь я бы могла и просветить.

– К тому же Офелию проверили в числе первых... она недавно приехала. Все лето провела в Вигхайме, это такой курортный городок... хорошее место для охоты, тем более когда предыдущая была удачной. Что? Она все-таки нашла себе мужа тем летом, а через два года развелась и нашла следующего, побогаче... Офелия – женщина состоятельная, как-никак три брака за спиной...

И тем любопытней, что такая опытная и состоятельная женщина делала в той богами забытой лавке? Сдается мне, не чучело котика заказывала...

– Айзека вытянули... он на меня год дулся, а потом ничего... и с Раем помирились...

И начали заключать идиотские пари.

Нет, этак я и вправду поверю, что все зло от баб, а эти – жертвы чужого коварного замысла.

– Мне интересно другое. – Малкольм с поклоном протянул мне букет из листьев. – Почему она вновь Айзека вспомнила? Как вообще... он ей точно не писал... и главное, откуда она знает о его проблеме? Вообще слишком много знает...

Куртку мы все-таки купили.

Теплую.

Хотя худенькая томная девица и пыталась всучить мне нечто ультрамодное – легенькую накидку, связанную из шкурок норки. Не спорю, смотрелось это безобразие довольно интересно, но вот цена... и польза... и все вместе...

А куртка длинная.

Из плотной ткани темно-зеленого, болотного оттенка. Непромокаемая, непродуваемая и довольно теплая, несмотря на тонюсенький подклад.

Магия гарантирует.

Магии я все-таки поверила и рассталась почти с тремя сотнями талеров... и да, куртка была теплой, а возвращаться пришлось через парк. И я убедилась, что в местных парках тоже случается всякое.

Он вынырнул из-под земли. Вот только дорожка была пуста, и вот уже на ней стоит человек... молчаливый такой. Стоит и покачивается, пованивает слегка... и эта вонь, а еще неприятное такое ощущение подсказали, что человек если и был живым, то с недельку назад.

Он зарычал.

Протянул руки.

А Малкольм, стряхнув пакеты – шоколада стало жаль, велел:

– Беги.

Ага.

Возьму и сейчас вот...

Тварь бросилась на Малкольма, и двигалась она довольно-таки быстро, что было в корне неправильно.

А как же мертвые нервы?

И мышцы, тоже отмершие? И вообще мертвой плоти полагается лежать и тихо разлагаться...

В тварь полетел белесый шарик, который насквозь пропалил плечо, но не остановил мертвеца.

– Беги! – Малкольм толкнул меня в спину. – Зови стражу и...

Второй мертвец вывалился из кустов, и, будь у меня нервы пожиже, я бы заорала... я хотела заорать, поскольку все-таки живая и ко всякой жути восприимчивая, но... воздух будто сгустился.

Вязким стал.

Липким.

И каждый шаг давался с трудом. Бежать? Небо давит на плечи, тут и выстоять-то сложно, а он бежать... я пачусь, не спуская взгляда с уродливой твари, которая вывалилась из кустов. Торс определенно человеческий. И голову вот оставили, только шея вывернута под неестественным углом. Белое личико, совсем детское, юное... волосы-пакля. Их обрезали коротко, под корень, но они торчат такими иголочками.

Рот приоткрыт.

Губа оттопырена. И от ноздри до нее протянулась темная ниточка не то гноя, не то раствора...

Лапы от крупной кошки... Лев? Леопард? Местная тварь? Главное, когтистые и пришиты аккуратно, черные ниточки, торчащие из плоти, и те смотрятся гармонично, как и длинный суставчатый хвост, волочащийся по мокрой листве...

Огненный шар развернулся.

Зашипел.

И тварь остановилась. Она наблюдала за нами с явным интересом и нападать не спешила, словно не сомневаясь, что мы никуда-то не денемся...

Спокойно.

Живая она... мертвая... я могу воздействовать... надо сосредоточиться. Закрывать глаза... так, не стоит закрывать, а то тут моргнешь, а тебе горло вырвут.

Отрешиться от вязкого воздуха.

И ощущение, что кислород закончился... не знаю, что за заклятье, но на редкость поганого свойства. И Малкольму приходится хуже, чем мне. Он выпускает шарики, которые гаснут, лишь коснувшись мертвой плоти. И первая тварь не смеет приближаться... или тоже ждет?

Вон у рыжего испарина на лбу...

И кажется, ему совсем хреново, если молча оперся на подставленное

плечо.

– Ртом дыши, – посоветовала я. – Глубоко и медленно... что делать будем?

– Ждать. Сигнал подал.

Ага... и твари об этом знают, вон как первый мертвец покачнулся и издал низкий рокочущий звук. Думай, Марго, пока не сожрали...

– Слушай, а ты что-нибудь помасштабней сделать можешь?

– Нет. – Малкольм создал очередной шар. Целился он, кажется, в голову, но мертвец определенно не собирался умирать во второй раз, а потому башкой тряхнул, пропуская шар мимо. – Я целитель, а... мы на мертвую плоть не очень хорошо умеем воздействовать...

И, блин, сдается, что эту парочку не случайно здесь поставили.

Целители...

Он целитель, а я... я должна что-то да увидеть, а то ведь сожрут и не посмотрят, что я особо ценный экземпляр местного зверинца.

Будто пятно размытое, в которое уходят нити... Нити – это интересно. Это, чую задницей, важно... Нити надо обрезать... или пережечь? Как? А как-нибудь...

– А ты можешь пустить шар туда, куда я скажу? Не в голову, а выше... и лучше если не шар, а... скажем, блин...

Кошкообразное существо медленно двинулось в нашу сторону. Шло оно по дуге, явно с трудом переставляя лапы. Все же анатомию ей недоработали...

Блин пролетел, не потревожив нитей.

Ясно.

Все не так просто, а... а если... я протянула руку, отмахнувшись от Малкольма, которому моя такая самостоятельность не понравилась. Оно и правильно, однорукий целитель – не лучшая реклама собственных талантов... но нити... я ведь могу дотянуться... или не дотянуться?

Я вовремя отдернула руку, за которую тварь попыталась уцепиться.

Правильно, будут тут всякие в честного зомби пальцами тыкать.

– Не шали... – я сглотнула и разозлилась.

На себя.

Стою тут и глазами хлопаю. Еще в обморок упасть бы... Не дождутся. Я не для того столько лет выживала, чтобы вот так просто взять и сдохнуть.

Нити...

Пусть горят алым пламенем! И пожелала я это от души... Они и вспыхнули. Алым пламенем. А потом занялась голова твари... тварей... Кошка взвизгнула совершенно по-девичьи и, завалившись на бок,

покатилась по траве.

Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Все гори...

Воняло жареным мясом. А пламя поднималось выше и выше... Воздух вдруг стал прежним, а я слышала крик, далекий такой крик, призрачный... Надеюсь, тому уроду, что создал тварей, досталось.

Пламя расползлось.

Охватило тварей, окончательно потерявших к нам интерес. А вскоре в парке сталолюдно. Нас трясли, расспрашивали, порывались осмотреть, толкали, щипали, а я... я думала о шоколаде, который смешали с грязью.

Шоколада было жаль.

Глава 29

Вез нас седой господин весьма солидного вида. Он был хмур и деловит, и что-то такое проскальзывало в скупых его движениях.

Недовольство?

Разочарование?

Он спешил, собирался спасти бестолковых студентов, а тут... его взгляд в зеркале заднего вида то и дело задерживался на мне. И, прячась от этого взгляда, я делала вид, будто сплю.

А что, девушка устала.

Перенервничала.

И уснула, благо имелось рядом подходящее плечо. Под конец я и вправду задремала. Чувствовала себя опустошенной, это да... только в пустоте я играла в прятки.

...От мамы прятаться надо под столом.

Под стол она заглядывает редко, а в шкаф и того реже. Я слышу шаркающие шаги и успеваю сжаться в комок. Закрывать глаза. Меня нет.

Нет меня.

И не было никогда. Она пройдет мимо и не заметит. Завалится на диван и будет лежать, лежать, пялиться в потолок пустыми глазами...

Нет.

– Вот ты где, паразитка! – ее рука с обломанными, обгрызенными ногтями хватает меня за ногу. И я молча пытаюсь вырваться, уползти, но мама сильнее.

Всегда сильнее.

Она тянет меня и...

– Тише, – тощие мамины руки с острыми локтями смыкаются, не оставляя надежды на побег. – Это я... тише... мы дома... дома мы...

У меня нет дома.

Еще когда была жива бабушка, имелся. Я там пряталась. Жила порой неделями, но все равно с глупым упрямством возвращалась в квартиру, где когда-то была счастлива.

На что я надеялась?

На чудо?

На то, что открою дверь и окунусь в аромат корицы? Мама по субботам пекла булочки с корицей... и услышу, как она напевает, а потом увижу папины тапочки, смешные и растоптанные, которые давно пора

было выбросить, но он не позволял. Говорил, что только в них ноги не мерзнут.

Ложь.

У мага ноги не мерзнут.

– Тише, – сказала темнота, меня окружавшая, и перестала быть кромешной. – Это просто сон... он прошел...

Просто?

Не просто. Они чего-то хотят... Чего? Чуда? Чтобы я вернулась и исцелила?

Маму.

Отца... Айзека и вот Малкольма, который меня держит и баюкает, и пахнет от него потерянным шоколадом...

– Спасибо, – я наконец сумела выровнять дыхание. И сердце более-менее успокоилось. – Я... ничего не говорила?

– Ничего, – солгал Малкольм. И за эту ложь я была ему благодарна.

Так мы и сидели, пока я окончательно не проснулась.

– А... мы где?

– У меня, – он разжал руки. – Извини, но тащить тебя сонную к тебе показалось несколько неразумным...

И хорошо. Я бы не проснулась сама... не сразу...

Я помню эти сны.

И страх, и острое чувство собственной беспомощности. И крик, который застревал в горле. Мамино искаженное ненавистью лицо. Шепот ее:

– Это все из-за тебя... из-за тебя он ушел... ты была плохой девочкой, и я тебя накажу...

Наверное, если бы она была меня в реальности, я бы легче справлялась со снами. Но в реальности, за редким исключением, матери было на меня глубоко плевать.

– Спасибо, – я поерзала и осмотрелась, насколько позволяла темнота.

Большая комната. Большие окна. Шторы. Темный прямоугольник на темном же полу – ковер. Смутные очертания мебели. И кровать для двоих.

Я не трепетная девица, а что репутация пострадает наверняка, то у меня ее никогда не было, такой, которую стоило бы беречь.

Я вздохнула и поинтересовалась:

– Туалет у тебя где?

– Проводить? – в темноте Малкольм улыбался. Я не видела, но ощущала его улыбку, и это было... да, классно.

– Сама справлюсь...

Я выбралась из постели.

Надеюсь, у него тут полубезумные девицы не бродят?

Во второй раз разбудили меня голоса. Приглушенные, но близкие. Узнаваемые.

– Вам повезло, – этот вот определенно был незнаком. Неприятный какой-то. Высокий, тонкий, хотя определенно мужской. – Ты сам-то понимаешь, насколько вам повезло?

– Понимаю.

Малкольм.

И вновь я не вижу его, но чувствую настроение, не слишком-то хорошее. Вину его. И раздражение, которое бывает, когда понимаешь, что собеседник в целом прав, но вот соглашаться с этой правотой не хочется совершенно.

– Почему ты никого не предупредил? Почему не взял нормальную защиту? Почему?..

– Рай!

Ага, стало быть, настал черед с брюнетиком познакомиться...

– Мне плевать на эту девицу, будь она хоть трижды магом жизни... – а голосок дрогнул, и значит, не совсем чтобы плевать. Что, еще один хронически умирающий на мою недоученную голову? Везет же... – Но ты, Малк! Ты же... ты бестолочь!

– Офелия здесь.

– Знаю.

– И как давно?

– Она уже две недели как здесь...

– Что?

А комнатка хороша. В бледно-голубых тонах, с серебром. Темные панели. Полосатые обои. Пара картин морской тематики и длинный легкий тюль, перехваченный лентами с кистями. Синий ковер. Низкие разлапистые стулья. Стол, за которым только докторскую писать, не меньше. И бумаги на этом столе... подсматривать нехорошо, но... пока эти двое заняты, я гляну.

Интереса ради.

Я сползла с кровати, размеры которой позволяли с немалым комфортом устроить небольшую оргию, и потрогала ногой пол.

Тепленький.

И вообще в комнате жарко даже...

– И ты ничего не сказал?

– Не подумал, что это важно, – раздался скрип, будто что-то волочили по полу.

Итак, стол.

Ящики заперты, а то, что лежит наверху... схемы какие-то... а вот рунная решетка, где узнаю потоковый крест... похоже, наброски амулета... а это стихи, и отнюдь не заклинание. Надо же... Малкольм и не говорил, что пишет стихи.

Учебник.

Стопка тетрадей... атлас с пометками... и вновь рисунки, на сей раз узнаваемые – это предплечье, а вот зарубки на костях цветным карандашом, сколь понимаю, переломы или их следы... Ага... вот что-то посложнее, кисть, составленная будто из кусочков... сложный перелом?

На четвертом курсе практика... вот и дневник...

– Все рассмотрели? – этот голос спугнул, и листы выпали из рук, закружились, легли на ковер. Надеюсь, Малкольм их пронумеровал.

– Нет, – спокойно ответила я.

И взгляд выдержала.

А что, смотрели на меня многие и по-разному. Кто-то с сочувствием, кто-то с недоумением, а кто-то, вроде этого брюнетика бледнорожего, откровенно презрительно.

Я наклонилась и собрала листы.

– Любопытно?

– Любопытно, – вернув бумаги на место, я одернула короткую майку. – Тебе, как вижу, тоже?

Ага... а теперь разглядывает нарочито пристально, с таким характерным вниманием. Ему, что ли, чего хорошего пожелать? Чувствую, с этим у меня проще, чем с чудесного рода исцелениями... И парень, похоже, что-то такое почувствовал, если вдруг отвернулся и сказал:

– Я, пожалуй, пойду...

– Иди, – разрешила я, усаживаясь в кресло. А что? Я тут в гостях, а там, помнится, просят чувствовать себя как дома... и нечего на голые колени пялиться, сама знаю, что ноги у меня хороши.

Домой я возвращалась в смятенном состоянии духа. Вроде бы мы с Малкольмом и не поссорились, но... он молчал.

Молчала и я.

Привет.

Пока.

Потом увидимся всенепременно. Удачи, и вообще... Не оставляло ощущение неправильности происходящего, но что с ним делать, я не имела

понятия. А потому не делала ничего.

Собратся.

Добежать до клиники. И уже там, в тишине, наступившей после утреннего обхода, хорошенько подумать над случившимся.

Во-первых, брюнет не выглядел удивленным. То есть не мною, но самым фактом нападения... и стало быть, случалось раньше?

Или это я фантазирую?

Во-вторых, поездку мы не планировали. Я о ней никому не говорила, а Малкольм... он мог бы, хотя, полагаю, разговаривает он только со своими. И что получается?

Ничего хорошего...

Или...

Нас могли заметить в городе. Мы пару часов прогуливались по центру. И кто бы ни приготовил сюрприз, он успел бы доставить его в парк. И тогда понятно, почему ждали нас на обратном пути. Насколько я помню, возвращаясь к машине, мы так или иначе парк пересекли бы...

В-третьих, Офелия... первая горячая любовь и первое же разочарование, причем не только Малкольма. Спорю, брюнетику эта особа тоже серпом по яйцам прошла. И Айзек... и такое возвращение... святая ее уверенность, что они с Айзеком всенепременно поженятся.

Было в этой уверенности что-то донельзя противоестественное.

Зачаровать сирену?

А та, в свою очередь...

Я поковырялась в ухе и, поняв, что в ближайшее время озарение мне не грозит, принялась за работу. Заполнить больничные карты. Сделать выписки.

Разложить лекарства.

Разнести по палатам. Выслушать жалобы, когда на здоровье, когда на погоду, а когда и просто так... на госпиталь, жизнь и звезды, вставшие раком, иначе отчего эта жизнь столь глубоко погана? Философский вопрос, сама бы хотела ответ получить.

Бабуля объявилась ближе к ночи. Мое дежурство в принципе заканчивалось в полдень, но как раз доставили женщину с обширным ожогом, и мастер Варнелия предложила остаться. Лечение ожогов – дело сложное, кропотливое, и я согласилась.

Потом был парень с топором, застрывшим в голени... и да, понимаю, что такое настоящее невезение.

Ребенок, собакой укушенный, причем, вероятно, бешеной... правда, ничего такого я не разглядела, хотя искренне пыталась. И мастер сказала,

что ребенку несказанно повезло, но все равно записала на курс вакцинации...

К вечеру все посторонние мысли вымело напрочь. Помнится, я добрела до ординаторской, где и рухнула на диванчик. И сидела, глядя в стену... Последнюю четверку – идиотов, решивших, что если артефакт старый, то и разряженный, – только перевезли в постоперационную. Мастер отработала троих, а последний... шансы у него были невелики. Я знала, что могу помочь.

Я хотела.

Я...

Не сумела.

Дар, который якобы был во мне, вдруг замер, застыл, словно треклятый камень под сердцем. Ни сдвинуть, ни... я звала, умоляла, требовала. Я представляла, как сила уходит из меня к этому бедолаге, у которого половина головы превратилась в месиво, и...

Пустота.

– Бывает, – сказала мастер, отпуская остановившееся сердце. – Мы не всемогущи.

Да?

А недавно мне говорили обратное. Лгали, выходит?

Я закрыла лицо руками и сидела, сидела... я так хотела, чтобы этот человек жил, чтобы... А вместо этого просто наблюдала, как он умирает... Проклятье!

– Я же говорила, девочка, что не стоит переоценивать свои силы, – этот голос заставил очнуться.

Бабуля.

Откуда взялась?

Пришла, очевидно. И вряд ли для того, чтобы заключить нелюбимую внучку в теплые объятия.

– Уходите, – я была не в настроении для вежливых бесед.

– Деточка, тебя не учили, что говорить в подобном тоне по меньшей мере неприемлемо? – она щелкнула пальцами, и в комнате стало тихо.

Надо же, а я прежде и не замечала этих звуков: рокот воды в трубах, чьи-то шаги за стеной, голоса, когда громкие, а когда на грани слышимости. Ругань и смех. Дребезжание тележки, на которой развозили ужин. Песня заунывная...

В этой тишине же было слышно собственное мое дыхание, частое, поверхностное.

– Возьми, – бабуля протянула платок.

– Спасибо, обойдусь, – я вытерла глаза рукавом. А что, мы дикие, манерам не обученные, такими и останемся... а вот брать платок у человека, который определенно знает, что отравы бывает разную... Нет, воздержусь.

– Ты меня боишься.

– Опасаюсь, – не стала спорить я.

А ведь красива.

Этакой элегантной красотой, для которой время – лишь приправа. Подумаешь, слегка заострились черты лица или поплыла линия подбородка. А пара морщин, право слово, такая мелочь...

Темные волосы.

Темные глаза.

Темно-зеленый шерстяной костюм. Из украшений – тоненькая цепочка...

– Что вам от меня надо? – я чувствовала себя... жалкой? Да, отчасти. А еще чужой. Я пыталась найти в себе хоть какие-то родственные чувства, любовь ли, ненависть, а вместо этого... пустота.

Вот умерший парень – это было важно. А эта... придет и уйдет.

– Что ты наговорила Мелиссе?

А... значит, дело в моей бедолажной сестрице, у которой не хватило мозгов держать мои откровения при себе? Ладно бы с мамулей переговорила, но к старухе зачем лезть?

Или это не она?

Дражайшая мачеха обеспокоилась? Поздновато, да, но...

– Деточка, – платок не спешил убратся в сумку. – Ты не осознаешь, куда лезешь... если ты считаешь...

– Я считаю, что вижу вас в первый и последний раз, – нос чесался, и я его почесала, чем заслужила неодобрительный взгляд. – И Амелию... и Мелиссу... мне с вами делить нечего. А что вы там наворотили... вам воздалось и воздастся. Свыше. Правда...

Я склонила голову набок.

Проклятый дар очнулся? Именно теперь... где он был, когда я действительно нуждалась в чуде...

Я ведь вижу.

Маги живут дольше обычных людей... и по меркам их моя бабуля не так уж стара. С другой стороны, замуж она вышла поздно, до последнего подыскивая подходящую партию. И родила еще позже, подорвав родами хрупкое здоровье...

Я вижу ее болезни.

Спираль памяти.

И на дне – простуда, подхваченная ею еще младенцем... горячка... и силы, которые вливали по капле, а потом, отчаявшись, и потоком... эти силы наполняли хрупкое тельце, одновременно исцеляя и разрушая. Любопытный эффект...

Некоторые повреждения восстановились, а вот другие... крохотная дисинхронизация основных потоков, которая увеличилась после родов...

– Деточка, – холодные пальцы вцепились в подбородок. – Я повторяю, тебе стоит замолчать...

– А вам показаться врачу, – я моргнула, избавляясь от наваждения. А ведь хотелось поправить... это просто... всего-то и надо – стабилизировать поток, уменьшить отток энергии.

Она всегда жаловалась, что дар ее, потенциально огромный, так и не раскрылся до конца. И что силы у нее оказались куда меньше, чем у родителей, и что сложные заклатья давались плохо, поскольку сила эта была нестабильна...

Была.

И есть.

Это как труба с водой... напор имеется, но пара дыр, утечка – и вот уже вместо фонтана получаем ручеек, а заодно и болотце. Сила ее, растекаясь по телу, его же уродовала... Вот кости с признаками раннего артрита. Руки еще не болят, но ноют, предупреждая, что недалек тот день, когда...

Истончившиеся стенки сосудов.

Уплотнения в печени. И деформация капилляров в почках... изменение кишечного эпителия... с животом она мается давно, и еще тогда, в юности, ее убедили, что вся проблема в излишней ее чувствительности. Надо лишь диету соблюдать.

Овсянка, она полезная...

Не настолько.

Язвочки покрывали и желудок, и кишечник... поджелудочная раздулась, а желчный пузырь скукожился... и приступы ее мучают регулярно, а лекарства помогают плохо.

Я бы могла.

Наверное.

Но зачем?

Эта женщина помощь примет, но добрее не станет. Даже если я излечу ее чудесным образом – а тому парню чудо было куда как нужнее, он лишь жить начал и не успел испоганить ни себя, ни мир окружающий, – она не

проникнется ко мне благодарностью. И в слезы не ударится. Не обнимет. Не раскается...

И уж точно не пойдет в Совет с покаянием.

– Вам жить осталось пару лет, – я отстранилась. – И приятными эти годы не будут... а что до остального, то... это на вашей совести. Прошное не перекроишь, да и не думаю, что надо. Мелисса... ну солгите ей что-нибудь... она поверит. Она вам привыкла верить и потому будет рада, если вы дадите правдоподобное объяснение...

А духи у нее хорошие.

Мягкие.

Обволакивающие. И от запаха этого кружится голова... и прилечь тянет, отдохнуть, только что-то мне подсказывает, что желание это противоестественно.

Я лечу.

И танцую в полете.

Я всегда хотела крылья, чтобы взяли и отросли чудесным образом. Тогда я бы забралась на крышу нашей двенадцатизатжки и взмахнула ими... все бы удивлялись, но мне плевать на всех, я бы шагнула вниз, но не упала, а улетела далеко-далеко...

– Ты сама не понимаешь, что говоришь... – этот голос, что мурчание кота.

Кошки искренни.

Это собаки в большинстве своем лицемеры, а кошки искренни... И надо остановиться. Отрешиться от запаха и голоса, и от бумаг на коленях, от ожога на ладони. Короткая боль отрезвляет.

– Подпиши, девочка, и будешь счастлива... – бабуля держит меня за руку, не позволяя разжать пальцы. А в пальцах – то самое резное перышко.

И боль – это хорошо.

Я цепляюсь за нее, как утопающий за соломинку. Я заставляю нервные окончания вспыхнуть... Я так могу? Оказывается, могу. Только силу бы еще рассчитывать. Руку сводит судорога, и такая, что я чувствую, как трещат кости.

Спокойней.

Но боль и вправду помогает.

– И что это было? – Мой голос сиплый, и говорить тяжело. Язык свинцовый, а губы из ваты. И рука ноет обиженно, крохотный укол расплзается длинной рваной раной. Та хотя бы не кровоточит, но... кожа краснеет и пузырится.

Кажется, ожог.

Я о таком читала, и вот... сила воображения, мать его... спасительная.

Я одной рукой сворачиваю листы: позже прочитаю, в какую такую кабалу едва не запродалась.

– Знаете, – перо тоже поднимаю и протягиваю бабуле. – Сдается мне, что все это охренительно незаконно.

– Не выражайся...

– Ну да, выжигать другим мозги – это нормально, это леди могут, а вот сказать «жопа» – уже не комильфо.

Она поморщилась.

– До чего ты отвратительно упряма...

– Какова уж есть, – странное дело, но злости я не ощущала. Сложно злиться на человека, которому не так много осталось. И что с того, что этот человек сам о том не знает.

Или знает?

Догадывается?

– Деточка, – бабуля не выглядела ни удивленной, ни... разочарованной? – А теперь, похоже, настало время познакомиться нормально... давай сюда руку... не переживай. Силой своей и жизнью, именем рода клянусь, что больше не буду оказывать прямого или опосредованного воздействия на свободу воли...

На пальцах ее вспыхнул огонек.

Но...

– Или позвать мастера Варнелию? Боюсь, она несколько занята... день выдался беспокойным.

Она сама взяла меня за руку, сдавила запястье и вытащила связку камней.

– Такое удивительное упорство... узнаю моего сына... к сожалению, остальным оно не передалось... ты видишь во мне зло...

– А на самом деле вы добрая, просто день не задался?

Рука онемела.

А крупный камень, который бабуля прижала к моей ладони, полыхнул алым светом. Впрочем, свет этот скоренько впитался в кожу, и краснота прошла, а с нею и препротивный зуд. Пузыри, начавшие было наполняться жидкостью, тоже исчезли.

И рана затянулась.

Чудеса магии.

– Я хороший артефактор... и, пожалуй, если бы в свое время мне хватило силы духа отстоять свое право быть просто хорошим артефактором...

Она погладила мою ладонь.

– Мы учились разному, деточка... ты – выживать, а я – заботиться о роде...

Глава 30

Она, сколько себя помнила, жила с мыслью о долге.

И предках.

Многочисленных и славных, сделавших многое во имя процветания рода, и главная задача ее – не позволить этому роду угаснуть.

Хватит того, что она родилась девочкой.

И плевать, что королевская воля давно уравнила в правах дочерей и сыновей, это все равно крайне неприлично – передавать титул дочери. А уж если та слабосилок...

Отец – деструктор из первой дюжины.

Мать – целитель, правда, давно позабывший о том, для чего дар нужен, но это не столь важно, ибо лишь сила имеет значение... а она, запертая в теле, лишенная выхода, тело это изуродовала. То есть это я так полагаю, иначе почему пара, одержимая мыслью о величии рода, остановилась на одном ребенке? Полагаю, дело вовсе не в воле богов...

Развод?

Это скандал.

Никак не возможно. А вот изуродовать человека, уверив, что вся жизнь его отныне подчинена благу рода...

Славного, да.

Но обедневшего.

Если бы те мои предки, которые отошли в могилу, немного пересмотрели свой образ жизни, отказались бы от загородного дома и родового замка, давно уже превратившегося в грудку камней, сократили штат прислуги и траты на балы, все могло бы быть иначе, но... подобные перемены – это слухи.

А где слухи, там и скандал.

И вообще...

В общем, если есть дочь, ее можно выгодно выдать замуж... и плевать, что девица хочет стать артефактором. Кто в здравом уме вообще прислушивается к желаниям половозрелых девиц? Вот договор брачный заключить – это можно... Получить под этот договор аванс.

Потратить его.

И бездарно погибнуть в автокатастрофе вместе с будущим зятем, оставив упомянутую девицу разбираться с долговыми расписками, кредиторами и неясным будущим, в котором следовало соблюсти

приличия, выдержать траур по родителям и рано ушедшему мужу... то есть жениху.

А заодно подыскать новую партию.

Титул-то кому-то передать можно...

Может, другая в подобной ситуации и растерялась бы, а вот бабуля живо поняла, что это ее шанс. Она избавилась от большей части недвижимости, мотивировав тем, что сердце болит... болящее об ушедших родичах сердце – это куда как приличней, нежели непомерные траты на содержание домика у моря...

С женихом вышло сложнее.

Те, кто годился с точки зрения родословной, либо были небогаты, либо не столь уж даровиты, либо не спешили связывать свою жизнь с бесприданницей.

Ее супруг, показавшийся ей подходящей кандидатурой, на поверку оказался личностью никчемной, склонной к пустословию и рискованным прожекам. И состояние его, собственно, и привлечшее внимание, быстро испарилось.

Были акции.

И совместное предприятие по добыче галкида в отдаленных мирах.

Организация производства малых бытовых артефактов.

Прочие глупости, сожравшие остатки благополучия и даже те малые крохи, которые удалось скопить алхимику... Конечно, наследнице древнего рода не пристало работать, это стыдно, но... если для себя и знакомых, понемногу, как увлечение.

Супруг скончался от удара, когда очередной его прожект – по разведению породистых никхаров – предсказуемо рухнул, поскольку не нашлось желающих приобрести эту драконообразную тупую тварь со скверным характером...

Она осталась с долгами.

И маленьким сыном, на которого и обратились все надежды и мечты. Она так старалась... она видела его талант и...

Дни и недели.

Годы.

Время беспощадно даже к опытным магам, а она не имела права болеть.

Состояние...

Кое-как удалось залатать основные дыры... правда, для этого пришлось расстаться с остатками семейных реликвий, но... хранитель поймет.

А ее мальчик когда-нибудь выкупит камни по праву первого владельца.
Права и правила она хорошо изучила.
И поначалу все складывалось удачно.

Ирхат.

И правильное окружение, которому получалось худо-бедно соответствовать. И предложения, довольно-таки интересные, тем паче что общественное мнение успело измениться, и работающий аристократ больше не представлялся жалким...

Нет, много он бы не заработал... то есть столько, чтобы выкупить камни... зато познакомился с подходящими девушками, среди которых особенноглянулась Амелия.

Дочь старой подруги, можно сказать, единственной... Мать ее умерла рано, оставив девочку на попечение супруга и моей бабули. А та уж постаралась воспитать девочку правильно.

И все было чудесно.

Ухаживания – мальчик знал, чего от него ждут, – и предложение. Помолвка. Договор... последнее не слишком понравилось, но старый хапуга был непреклонен. Без договора свадьбе не бывать, а с другой стороны... девочка влюблена, а влюбленная женщина меньше всего думает о бумагах...

Свадьба.

Выкуп дома.

И родовой камеи, за которую попросили оскорбительно мало.

Беременность.

Рождение дочери...

Лучше бы мальчик, но тогда казалось, что все впереди.

Предложение старика, подбредвшего к зятю, которого он прежде именовал не иначе как прихлебателем... Мир первого круга, деловые связи и развитие партнерства... отложить на время исследования – кому они интересны, тем более что выгоды в ближайшем времени не сулят, а теория гармонии струн как-нибудь да обойдется без одного теоретика. Вот бизнес – это да...

Он позволил себя уговорить, ее мальчик.

И она сама тому поспособствовала, опасаясь, что старик сделает гадость, отписав свое имущество кому-то иному – возле него изрядно хищников крутилось, а состояние было немалым, да и собственное пора было создать.

Во славу рода, да...

Все получалось, все было так хорошо, пока ее мальчик, ее милый

разумный мальчик не встретил какую-то девицу... секретарь, чтоб ее душе вечно мучиться.

Любовь.

Это только в книгах любовь хороша, вот такая, лишаящая разума... нет, поначалу они все решили, будто речь об увлечении... то есть не они... она.

Она хорошо знала сына.

И когда тот пришел спросить совета, велела бросить подружку. А как иначе? Он женатый мужчина. У него дочь имеется. И что с того, что жену он не любит? В браках высшего круга о любви не думают, достаточно уважения и взаимопонимания, а если старик узнает о романчике, рассвирепеет.

Не надо расстраивать Амелию.

Не надо делать глупостей.

Род только-только воспрял, но еще не занял места, уготованного богами.

Она была уверена, что мальчик послушает. Всегда ведь слушал. А тут... покачал головой и сказал:

– Мама, ты не понимаешь... она – моя душа.

Величественно.

Пафосно.

Бестолково... и ушел. Посмел уйти! Оставил ее наедине с проблемами... старик, который что-то заподозрил... Амелия... она ведь тоже не была клушей.

Правда, что норовила вылезти.

Скандал.

Старик кричал, топал ногами, требовал немедленного развода, а Амелия тихо плакала... она, милая девочка, умоляла не торопиться. Развод – это же скандал. И позор...

И не только на ней. Грехи родителей лягут на плечи детей...

А роман...

Наваждение...

Мальчик перебесится, осознает... Ребенок? Ничего страшного. Кто о нем узнает? Мир не магический, а значит, шансов, что дар проснется, практически нет.

И нет, она не сожалеет, что пришлось пойти на... крайние меры.

Почему?

А что оставалось?

Старик грозился инициировать развод, да и одним разводом дело не

ограничилось бы. Тот проклятый контракт подразумевал крупную неустойку, если брак распадется по вине супруга, а еще передачу титула законной наследнице...

Да, ему стало вдруг плевать и на титул, и на жену, и даже на дочь.

На род.

На долг.

На мать, которая останется опозоренной и нищей. На всех, кроме своей любовницы и ее отродья.

– Я ни о чем не жалею, – старуха аккуратно сложила платок.

И сказала она это слишком убежденно, чтобы я и вправду поверила.

– К сожалению, твоя сестра Мелисса пошла в мать больше, чем мне бы хотелось. Даже не скажешь, что такой крови... мягкокожа, мечтательна и доверчива. В целом это неплохие качества для девочки, однако не для той, которая должна бы...

– Слушайте, – я сунула палец в ухо, отрешаясь от гула в голове. Такого протяжного, заунывного и крайне подозрительного.

Левая рука ныла.

Глаза препротивнейшим образом слезились.

– Мне глубоко и искренне плевать на ваши душевные метания. И не только на ваши. Я же сказала и повторяю: я не просила тащить меня в ваш мирок. Меня и собственный более-менее устраивал. Это первое.

Бабуля приподняла бровь. А удивление она играет куда лучше, чем светлую печаль по ушедшим годам и утраченным возможностям.

– Второе. Раз уж я здесь, я воспользуюсь своим шансом. Род? Обойдусь. Имя? Собственное сделаю. Лезть в вашу жизнь не стану. Но и не потерплю, если вы попытаетесь сунуться в мою... хотите сделать из Мелиссы племенную кобылу? Ваше право и ваше дело. Но со мной этот фокус не выйдет... не знаю, что вы использовали, но, полагаю, мастер разберется...

– Вот об этом я и говорю, – вздохнула бабуля с почти искренним сожалением. – Твоим сестрам не хватает характера. Мелисса на твоём месте давно бы уже в истерику ударились... она и ударилась... пришлось... успокаивать...

Ага, надеюсь, последние мозги они ей не затуманили?

С другой стороны, для рождения наследника важны отнюдь не мозги.

– И чего вам надо?

– Возвращайся. Я сделаю тебя наследницей.

Ага, хочешь полцарства? Гора рахат-лукума, река шербета... от такого количества сладостей кое-что слипнется, и намертво.

– Амелия, конечно, будет не слишком рада. Возможно, попытается судиться, но указ Ореста Благого оставляет за мной, как за старшей в роду, право сделать собственный выбор... хранителю ты пришлось по нраву... он поддержит...

– Идите в жопу, – сказала я как можно более душевно. И добавила после небольшой паузы: – И титул туда заберите тоже...

Вот не чувствую я в себе должного аристократизма. А уж желания пахать на ниве возрождения былой славы... нет, без меня, пожалуйста.

Утро выдалось одновременно солнечным и дождливым. Устроившись на подоконнике, я наблюдала, как капли воды стекают по стеклу. Мир за ним гляделся кучей этаких разноцветных пятен.

Вставать было лень.

Выходить из комнаты – лень вдвойне.

Рука зажила, оставив на память о собственной неосмотрительности – впредь с родственниками буду беседовать лишь в теплой компании, лучше, если адвоката – тончайшую полоску шрама.

Вчерашний день оставил горькое послевкусие.

Почему-то я не могла отрешиться от мыслей о маме... и об отце... вдруг вылезло все то, что я так старательно прятала, открещиваясь от собственной памяти. А она ждала-ждала и вернулась... тот же дождь, но дома... и мир за окном, темный, с желтыми кругами фонарей. Запотевшее стекло. И рисунок...

Палец отца выводит круг.

Оптимальная форма.

Деление на шесть зон... выбор камней... камни он хранил в шкатулке, которую мама запрещала мне трогать, а вот отец позволял. Он высыпал камни на стол и рассказывал про каждый.

Янтарь.

Теплый, как луч солнца... и если сдавить пальцами, а потом дохнуть, он начинает светиться.

От головной боли.

И недугов.

От сглаза – александрит. Он похож на мутную стекляшку и совсем мне не нравится, но отец держит его осторожно.

Голубая бирюза и молочный нефрит, из которого он обещает сделать мне подвеску, а мама хмурится: ребенку ни к чему такие украшения. И вообще украшения, еще потеряю... а сглаз и прочее – это все выдумки. И странно, что отец в это верит...

Она не ругает.

И не упрекает.

Вздыхает лишь, глядя на нас, и уходит на кухню разогревать ужин.

Я отчетливо помню запах котлет и тонкие нити квашеной капусты. Ягоды клюквы, которые как зерна граната, не того, что плод, а камня... и я гоняю их по тарелке, а родители беседуют.

И мама отводит глаза.

Ей снова на собрание идти и там объяснять, почему семья у нас неполная. Это я у классной подслушала, когда она говорила с кем-то, мол, странно, если живут вместе, то почему не распишутся, и не могла понять, где это родителям расписаться надо.

Проклятье.

Я прижалась лбом к холодному стеклу.

Прочь.

Не вернуть. Не исправить. Так зачем себя мучить мыслями о том, как оно могло бы быть... стиснуть кулаки, чтобы ногти впились в ладонь.

Сползти.

Одеться.

Это из-за того умершего парня. Я ведь до последнего надеялась поднять его... чуда не произошло, а потом еще старуха... и, главное, из головы не идет мысль, а что, если чуда не произойдет и тогда, когда моя помощь понадобится Малкольму?

Волосы причесать.

Отрастают. Лезут в глаза... надо или снова резать, или дождаться, когда можно будет в хвост связать. И что-то второй вариант мне не слишком по вкусу...

Я вздохнула и открыла-таки дверь, чтобы нос к носу столкнуться с Офелией.

– Привет, – сказала та и щелкнула меня по носу. – А я как раз тебя ищу...

Блондиночка выглядела бледноватой, но при этом донельзя довольной.

– Нашла. Поздравляю.

Дружелюбием я никогда не отличалась, а уж гостеприимством и подавно, но блондиночку это не смутило, она протиснулась мимо меня и сморщила носик:

– Что, Малкольм настолько обеднел, что не в состоянии оплатить нормальное жилье?

– Чего тебе надо?

Сиреневое платье с пышной юбкой, из-под которой выглядывали сетки-подъюбки. Кружавчики. Пугови. Меховая горжетка... на ком

другом этот полукукольный наряд смотрелся бы нелепо, но Офелии шел.

– Я тебя видела. Наш малыш считает себя опытным, а на деле – еще тот недоучка... Боги, я когда-то всерьез рассматривала его кандидатуру...

– Вали отсюда.

Меня не слышали.

Офелия сморщила носик.

– Рай предупреждал, что у тебя отвратительный характер... донеси, пожалуйста, до своего любовника, что, если вздумает мешаться, ему станет нехорошо...

Нет, вот же ж...

Ладно, оправдываться и доказывать, что мы не любовники, я не буду. Во-первых, лень, во-вторых, напрочь смысла лишено. А вот угроза...

– Не боишься?

Офелия повернулась ко мне и смирла насмешливым взглядом.

– Кого?

– Божественного воздаяния...

Нет, я не собиралась ее проклинать... я помнила, что это – нехорошо и даже незаконно местами, и наверняка силу можно использовать с куда большим эффектом, хотя бы в той же лечебнице. Вот только там у меня ничего не получалось.

А здесь все складывалось одно к одному.

И смерть та.

И сны мои. И дождь. Память. Бабкин визит... Мама, которая из головы не шла, хотя я не сомневалась, что, излечи я ее, благодарностью не проникнется... А еще эта кукла пялится, угрожает...

Если бы она ушла.

Или отступила. Но нет, она слишком привыкла, что стоит надо всеми, тем более над какой-то там полукровкой. А потому ущипнула меня за щечку и прошипела на ухо:

– Придержи своего дружка, если не хочешь завтра в борделе оказаться.

Вот сука...

Глава 31

Я почувствовала, как рвется сила. И попыталась удержать.

Перенаправить.

Сделать что-то, но... это было сродни попытке удержать ураган сачком для бабочек. Сила выплеснулась и окутала Офелию. Я видела это облако темно-лилового цвета...

Та застыла.

Широко раскрытые глаза, в которых пустота и ничего кроме. Рот. И ниточка слюны, сползающая на подбородок. Медленно так... медленно... а мне надо что-то сделать, но я стою и смотрю. На облако это, пушистое, слепленное из комков пыли. На зерна гнева моего, которым не суждено будет прорасти.

Может, в этом дело?

Как я могу исцелять кого-то, когда сама больна?

Мысли были отстраненными и чужими. А еще я не понимала, как поступить. Велеть силе вернуться? А она послушает? Облако тает и...

Я закрыла глаза.

Я нырнула в это тело, словно в омут, привычно отмахнувшись от разноцветных картинок... правда, одна заставила замереть. Надо же, какой сюрприз... жизнь в жизни, на китайский фонарик похоже. Тонкая оболочка матки, которая не кажется такой уж надежной защитой, и в ней – искорка.

А у ребенка и нервная трубка сформирована. И сердечко уже бьется...

Недель восемь, а то и девять... надо будет уточнить, когда она прибыла. А еще сказать Малкольму. И Айзеку. Одно дело – втягивать в свои игрища девиц, и другое – беременных девиц...

Я коснулась ее живота, и сила моя втянулась, окружила зародыш. Вот так... пусть родится маг... жизни или нет, главное, чтобы здоровый.

С такой матерью ему здоровье понадобится.

И удача тоже, но удачи я дать не могу...

Я отступила.

Нервная система. Сейчас она похожа на арфу, только гиперсложную, протянувшую струны сразу в нескольких измерениях, если тронуть одну – веко дрогнет. А здесь – сердечко ускорит ритм... Я вдруг осознала, что могу сделать если не все, то многое.

Велеть ей умереть.

Или даже просто дернуть посильнее за нить-струну, и смерть

произойдет. Или не смерть, а, скажем, акт дефекации... Боже, это совсем уж по-детски.

Нет, я должна...

Что?

Вернуть ее в сознание или...

– Ты слышишь меня? – идея была безумна, но, пока сила подчинялась мне, я могла попробовать. Надеюсь, что не выжгу ей остатки разума. – Отвечай.

– Слышу.

А эмоций-то... и гормоны бушуют... а это лишнее, совсем лишнее. И я приказываю успокоиться, стараясь не думать, каково это – находиться в полной власти другого существа.

Свобода воли?

Как-нибудь потом.

– Рассказывай, – я устроилась на стуле. – Что тебе на самом деле нужно?

– Выйти замуж.

Ей отчаянно хотелось солгать. Или еще выплеснуть на меня собственную силу, не такую большую, но мне хватит... а это проблема. Как-то не тянет меня ввязываться в магическую драку. И значит, надо временно заблокировать... правда, знать бы как... я не знаю, а дар вполне.

И лиловый туман становится плотнее.

Не навсегда.

На пару часов, чтобы эта красавица успела одуматься.

– Ты уже была замужем, – я покачивалась, пытаюсь сообразить, как и о чем беседу вести.

– За Айзека.

– Зачем?

– Он умрет. Я стану вдовой.

– Мило...

– Наш сын унаследует состояние... – она пыталась замолчать, но... сложно, когда кто-то в прямом смысле играет на нервах.

Все-таки с точки зрения государственной безопасности я бы себя предпочла прибить.

На всякий случай.

А то мало ли в чью голову меня в будущем потянет.

– А тебе денег мало?

– Денег не бывает много.

С этим фактом я могла бы поспорить, но зачем?

– Титул, – продолжила Офелия. – Дворец... я могла бы стать королевой... регентом при моем ребенке... королева бесплодна... или король... наследника нет, и после Айзека его сын стал бы...

Ага... интересно, она и вправду настолько наивна, что полагает, будто ребенка при ней оставят? Или это я чересчур цинична, а потому думаю, что милую Офелию отошлют в какое-нибудь отдаленное поместье горевать по мужу? Если вообще в живых оставят. Ребенок – это достояние государства, а с государством ей не тягаться, да и...

– Когда ты приехала?

– Три недели...

Понятно, что в гениальный план красавицы придется внести коррективы.

– Ты беременна не от Айзека.

– Я...

– Беременна, – я кивнула. – Здесь ошибки нет... а вздумаешь избавиться, так прокляну, что мало не покажется, – я позволила силе сгуститься на ладони. – Поэтому, красавица, давай, и с самого начала... Кто тебя сюда пригласил?

Рай.

Некромант и лучший друг, которого Офелия когда-то всерьез рассматривала как кандидата в мужья. Впрочем, она всех более-менее подходящих мужчин рассматривала как кандидатов в мужья...

Да, тогда она была молода.

Неопытна.

Вот и натворила глупостей, выбрать не могла... а потом еще с Айзеком... стоило сосредоточиться на одном. И конечно, Айзека трогать не следовало, тогда и не было бы проблем со службой безопасности. А так мало того, что потеряла обоих, так еще и оказалась на крючке.

Пришлось выходить замуж за того, на кого укажут... благо супруг ее, редкостная, к слову, скотина, отличавшаяся непомерной скупостью и дурным нравом, прожил всего-то год. И нет, сама Офелия к его смерти отношения не имеет.

Она лишь присматривала.

Отчеты писала...

А уж что в них вычитали и предприняли, не слабого женского ума дело. И нет, последующие ее браки – это исключительно собственная ее инициатива.

А что супруги оказались несколько... старше, так ведь старым

свойственна надежда. И да, пара лет – и снова вдова... состоятельная... некоторое время. Но наследники с их непомерными амбициями, судебные тяжбы и вообще непростая жизнь маленькой женщины, требовавшая постоянных трат... От денег почти ничего не осталось.

Офелия всерьез задумывалась о новом замужестве, когда ее нашел Рай.

У деструкторов скверный нрав. Вечная меланхолия, тоска какая-то... обреченность, что ли? Но даже среди собратьев Рай выделялся святой уверенностью, что рано или поздно все умрут.

И он в том числе.

Нет, нельзя сказать, что он постоянно говорил о смерти, но... чувствовалось, да... хотя красавчик... и стал только лучше... Офелия всегда испытывала слабость к брюнетам.

А потому... прогулка.

Кафе.

И парк... разговор о прошлом. Обиды, которые вдруг стали несущественны... приглашение зайти, воспринятое благосклонно. Постель и новая беседа.

Новое предложение.

Айзек болен. И состояние его ухудшается. Семья обеспокоена, а потому... потому нужна девушка, которая согласится разделить с ним последние дни. Главное, чтобы в эти дни она успела забеременеть. И если Офелия согласится... Айзек?

О, он сейчас плохо понимает, что происходит, но сделает, как скажет отец, а потому...

Офелия согласилась.

Кто в здравом уме упустит такой шанс? Воображение уже рисовало долгую и безбедную жизнь, но...

Якобы случайная встреча, которая долго и тщательно готовилась... и ничего.

Айзек кивнул.

Узнал.

И выбросил из головы, увлекшись какой-то глупенькой девицей... и, главное, Офелия ведь не стеснялась, использовала родовой талант. А когда она использовала талант, никто не мог устоять.

Кроме Айзека.

И вот меня. Но я еще пожалею. Всенепременно.

Ага, уже жалею. С такой дурой связываться себе дороже. А Рай... брюнетик себе на уме, выходит... интересно, он и вправду по благословению семьи действует? Или собственная инициатива? Первое

вероятнее, все-таки за Айзеком присматривают не только Малкольм с приятелем, но и местная служба безопасности.

Скорее уж Офелию выбрали в любовницы, когда вся эта канитель с самоубийствами началась. По принципу кого не жалко.

Циничненько?

Определенно.

И месть – это, конечно, нехорошо, но иногда заслуженно... а брюнетик наш злопамятный... интересно, обрадуется, узнав, что скоро папочкой станет? Ох, сомневаюсь, но сам виноват, надо было предохраняться.

Я улыбнулась.

А мою жертву перекосило.

– Ты...

– Сама дура, – сказала я. – Так, значит, Айзека твои прелести не вдохновили, но тебе велели не сдаваться... С Раем зачем спала?

Могла бы, пожалала бы плечами: действительно, что тут такого... Айзек – это жизненные планы, а брюнетик – для души. Почему-то мысли ее не читались, скорее уж ощущались как собственные, и это было в высшей степени неприятно.

– А Марек тут каким боком?

Никаким.

Случайность. После встречи с Айзеком она растерялась... все-таки родовой дар сбоев не знал, а тут... и не нашла ничего лучше, как опробовать на первом встречном... вот Марек в нее и влюбился... пришлось приврать, что она дочь бедного лавочника, но этот идиот не отстал... вбил себе в голову, что обязан спасти Офелию.

Он вообще, кажется, ненормальный, да...

Но милый.

Свято уверен, что Айзек дурманит разум девушкам, а потом убивает их.

Надо было, конечно, отпустить бедолагу, и она пыталась, но что-то опять пошло не так. Все-таки она ведь квартирнка, в ней крови сирен четверть, а это привносит свои проблемы...

И нет, она не собирается вредить...

Мне.

И Малкольму.

Не хватало еще... Малкольм милый, пусть и мечтатель в отличие от Рая, и в этой мечтательности своей с обостренной жаждой справедливости способен наворотить глупостей. Не стоило его задевать. Определенно не стоило, но... искушение было столь велико.

В последнюю их встречу Малкольм наговорил много неприятного, а она ведь девушка, у нее душа трепетная, вот и захотелось доказать...

Туман рассеивался.

И я, закрыв глаза, приказала ему вернуться.

Жаль, не она убийца, но... все равно мутная история. И Рай еще замешан, правда, не понять, с какой стороны...

– Ты... – обретя способность говорить свободно, Офелия стиснула кулаки. – Да ты понимаешь, куда влезла...

– Угомонись, – я потеряла нос.

Свербит.

Этак и простуду получить недолго... а на занятия опоздала, не говоря уже о завтраке. Голод никому настроения не добавлял, мое же и без того находилось в минусе.

– Я тебя...

– Хочешь облысеть? Или прыщами покрыться? Могу устроить... это не сложнее, чем опять... – я щелкнула пальцами, и Офелия отшатнулась. – Успокойся. Нужна ты мне... и не только мне.

Говорить?

Промолчать?

Она ничего хорошего мне не сделала, но... надо что-то менять, не в мире, в себе самой, иначе мой недоделанный дар так и останется орудием мести. А я... я хочу стать целителем.

Да и беременна она. Беременных беречь нужно, даже если они стервы.

– Тобой просто-напросто воспользовались. Это первое. Нужна была девица, которой не слишком жаль... слышала небось про самоубийства? Так вот, рискуешь стать следующей...

Она мне не поверила.

Фыркнула.

И из комнаты вылетела, дверью хлопнув. Что тут скажешь... сама дура. Я вздохнула и, подхватив сумку, тоже вышла. Пары-то никто не отменял. Мастер Онишкиц мне не слишком рад и за нынешний прогул сдерет три темы...

Я увидела ее на дорожке.

Мудрено было не увидеть.

Дорожка желтая, змея черная. Лежит, свернулась клубочком, выставив ромбовидную голову. Чешуйки на солнце поблескивают.

Глазки рубиновые.

– И чья ты такая?

Мысль о том, что змея просто-напросто уползла из местного зверинца, я отбросила сразу. Во-первых, террариумы местные были прочны и надежны, во-вторых, погода стояла не самая подходящая для рептилий. Прохладненько.

Повезло, что прохладненько.

Стоило мне сделать шаг назад, и кольца развернулись. А змея-то оказалась куда как крупнее, чем представлялось на первый взгляд.

Метра два...

А то и три...

Черный узор по черному фону... что-то такое смутно знакомое... я пролистывала энциклопедию животного мира, но больше из любопытства, пыталась отыскать единорогов с пегасами, но...

Она зашипела...

– Не волнуйся, я тебя не брошу... позову кого-нибудь...

Черная лента скользнула под ноги.

Так, Марго, кажется, она по твою душу... ядовита? Наверняка... И как быть?

На помощь звать? Не факт, что доорусь, да и змея ждать не станет... главное, не делать резких движений, и... если сработало с человеком, может, и на змее попробовать... определенно...

Только дар мой...

Змея ждала.

Смотрела на меня и ждала. Покачивалась... ей явно было не по себе... слишком холодно... выдернули из теплого террариума... мышши... сытость и сонливость... кладка яиц в песчаной норе... Я улавливала не сами ощущения, отголоски их, которые мой разум переводил в нечто понятное, удобоваримое.

Печаль?

Раздражение?

Приказ и аура... змеи не агрессивны, но эта замерзала и...

– Иди сюда, девочка моя, – я сглотнула и медленно протянула руку. Пальцы коснулись прохладной чешуи. – Сейчас я отнесу тебя обратно... или, может, сначала к мастеру заглянем? Она посмотрит, чтобы ты была здорова...

Говорила я для себя.

Змеи не слышат.

Они вообще воспринимают мир иначе, но мне жизненно необходимы были слова. Страшно. Я ведь живая. И жить хочу. А умирать – совсем даже нет... змея тяжелая, неподвижная. И я долго вожусь, пытаюсь кое-как

запихать гибкое это тело в сумку... и мелькает шальная мыслишка, что в эту самую сумку тоже можно что-нибудь подкинуть.

Змею.

Или скорпиона.

Или еще какую местную гадость. А что, суешь руку, а тебя жалят... и конец... и если бросили на дорожку, то... пугали... и напугали. Колени трясутся, в голове шум, а я... я все равно запихиваю змею в сумку и говорю, говорю... я в жизни столько не болтала.

До госпиталя я добиралась бегом.

И мастер, к счастью, на месте была. Она, кажется, ночевала в клинике, поскольку выглядела довольно-таки уставшей.

– Вот, – только и сумела сказать я, раскрыв сумку. – Нашла...

Черная узмура медленно заглатывала мышь. Мышь уже была мертва, но зрелище все равно вызывало отвращение, а потому мастер Варнелия отвернулась. Ее слегка мутило, и не столько от отвращения – все-таки повидала она за свою жизнь довольно много куда более неприятных вещей, – сколько от слабости.

– Присядь, – Тедди появился сразу, стоило бросить вызов. – Хватит себя изматывать.

Он усадил ее и набросил на колени плед.

– Тебе бы домой надо...

– Ты же видишь...

– Я вижу, что девочка сама справилась.

– Сегодня... но не вчера... она пыталась, а ничего не выходило.

Мастер закрыла глаза, чтобы не видеть змею, да и Тео...

– К слову, она оказалась права... ее отец...

– Не твоя забота...

– Волосы...

Тедди коснулся ее волос. И вытащил шпильки. Вытянул ленту и за гребень взялся.

– Ты знаешь, кому отдать результаты... – его прикосновения успокаивали, как и само присутствие. – Девочка испугалась?

– Не слишком. Она не поняла, чем это грозит... Я только не могу понять, кто и как пронес узмуру... это не наша, наши обе на месте, а эта...

Тедди лишь фыркнул. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть выражение его лица: скепсис и вместе с тем легкое недоумение. Конечно, территория охранялась весьма условно, сюда не то что узмуру, выводок их протащить можно.

Вот только во внешнем мире достать узмуру, которая предпочитает пустыню Саванного мира, не так просто...

Контора займется, но...

– Какой в этом смысл? – вопрос она озвучила, но на ответ не особо рассчитывала.

– И с этим разберутся... возможно.

Яд узмуры не смертелен, однако способности блокирует прочно и на годы. И в этом ли дело?

– Вчера здесь была старуха, – заметил Тедди. – И, насколько знаю, беседовали они долго...

Как вариант.

Вернуть в род девчонку, которая осталась без магии и поддержки, куда проще, но...

– Не волнуйся, – Тео коснулся губами ее макушки. – А лучше выходи за меня замуж...

– И что тогда?

Она согласится.

Когда-нибудь... она уже согласна, и Тедди это знает, иначе давно бы отступился.

– Тогда... – Гребень замер. – Я увезу тебя отсюда... на край мира... родового поместья не обещаю, но есть одно...

– На краю мира?

Черная узмара вытянулась на песке, тонкая, гибкая и опасная... и чудом, только чудом обошлось... а может... боги давно не являли своего присутствия, но это не значит, что...

– На самом краю. Будем завтракать над пропастью, а по вечерам смотреть, как падает в нее солнце... там где-то гнездятся драконы... и однажды мы найдем яйцо...

– Кто бы мог подумать, что ты такой романтик...

Девочка рассказала еще кое-что, и это беспокоило мастера куда сильнее узмуры...

Глава 32

Марека я увидела издалека и, сама не зная почему, прижалась к стволу дерева. Иллюзию бы поставить, но они у меня получались из рук вон плохо. Да и силенок не хватало удерживать долго.

Марек шел.

Быстро.

Бодро.

И... выглядел он, говоря по правде, неважно. Бледный. Щеки запали. Скулы обострились. И щетина торчит. Рубашка мятая, куртка расстегнута... я бы его в госпиталь отправила, в неврологическое отделение, но...

Он прошел мимо общежития. И дальше по дорожке... и мимо второго... сад... я старалась не отставать и не выпускать Марека из виду. Прятаться? Да особо негде. И если заметит, будет куда сложнее объяснить, что я тут делаю. А так... скажу, что наша разлука ранит мое чувствительное сердце, а потому ищу способ примирения... ну или как-то так.

Я сунула руки в карманы.

Холодает.

И темнеет рано. И главное, что здесь закаты стремительны, а сумерки краткосрочны. Вот, казалось, только-только солнце повисло над горизонтом, небо окрасилось серым, и вот уже темень стоит непроглядная. И сдается мне, гулять этакой теменью – идея не самая здравая, но...

Я должна была понять, куда Марек идет, ибо всей шкурой чувствовала, что он в этой истории увяз по самые уши...

Поворот налево.

Направо.

Узкая дорожка. И... полигоны. Здесь я была на экскурсии. Как по мне, полигоны – обыкновенные поля, прикрытые магическим куполом. Кое-где из земли выпирали горбы низких строений. Иногда поля украшали ямы, рытвины и рвы, скопления валунов или искусственные посадки, но в остальном это было свободное пространство, ограниченное полупроницаемым барьером.

И что здесь понадобилось Мареку?

Ночью?

И не только ему.

Айзека я узнала сразу. Тот стоял, опираясь на обломок мраморной колонны, который виднелся в темноте такой белесой костью. Поза у Айзека была расслабленная, ленивая.

Сумка у ног.

Круглый светяк над головой.

И брюнетик на заднем фоне. Устроился на травке, ноги вытянул, еще немного – и переиграет, изображая расслабленность. Интересно, а ему сидеть не холодно?

– Пришел? – в ночной тишине голос Айзека разносился далеко. Да и подобралась я, пользуясь обилием растительности – это они удачно полигон выбрали, – довольно близко.

– Сомневался?

Марек скинул сумку на землю, следом и куртка отправилась.

– А то... надеялся, что у тебя хотя бы толика мозгов осталась, – бросил Айзек, потягиваясь.

Так, похоже, эти двое собрались выяснить отношения. И мне интересно, на что Марек рассчитывает. Да, блондинчик ныне не в форме, но кажется, что и в этом состоянии Марек ему на один зуб.

Самоубийцы.

И главное, как надлежит поступить мне?

Поднять тревогу? Или затаиться и сделать вид, что меня здесь нет?

– Предлагаю решить дело миром, – подал голос Рай, потягиваясь. – Я не вижу проблемы...

– Заткнись, – Марек приплясывал и... что-то с ним было не то... определенно не то... будто в тумане... или в мареве?

Горит.

И уже не только в моем воображении. Огонь вспыхнул на его ладонях. Рыжие вихри вытянулись, истончились, превращаясь в плети. А те устремились к Айзеку. Я смотрела, как алые капли падают на траву и та вспыхивает. Как медленно, лениво даже, разворачивается плеть над головой Айзека. Как тот, тяжело, неуклюже, пытается отстраниться, но движения его вязкие, словно сам воздух вдруг сгустился.

Я не закричала.

Я не... я прижалась к серому, поросшему влажным мхом камню.

И смотрела...

Огненные дорожки на поле, побелевшее небо и два полупрозрачных крыла, распахнувшихся над головой Айзека. Они отбросили пламя, но и сами вспыхнули, на сей раз белым, горячим.

Кажется, что-то кричал Рай.

Я видела его перекошенное лицо. И вытянутую руку со скрюченными пальцами. Раззявленный рот. И ощущение безумия.

Вот Марек, оказавшийся вдруг таким быстрым, вновь вскидывает руки.

И с кончиков пальцев брызжет пламя. Оно не гаснет, коснувшись земли, а кружится, собирает каплю за каплей, вылепляя из себя нечто чудовищное.

Столп?

Отнюдь.

Вихрь? Торнадо из пламени, от которого воздух побелел... и еще выше, шире...

– Что ты творишь, придурок?.. – этот крик донесся сквозь гул огня, а Марек рассмеялся. И болезненный его смех отрезвил меня.

Надо их остановить.

Это давно уже вышло за пределы подростковой дуэли, которая, быть может, и болезненна, но для жизни не опасна. И Марек... с ним явно происходило что-то не то... он подбросил огонь на ладонях, а потом отпустил и, дунув, велел:

– Убей!

Огненный вихрь закружился.

Завертелся.

Завыл на сотню голосов. И от этого воя у меня заломило голову.

Ну же, Марго... у тебя ведь получилось тогда, со змеей. А человек лишь немногим крупнее, и вообще... надо постараться... надо дотянуться... ты далеко, но подойди ближе и быстрее, поскольку Марек... Я видела тонкие нити, протянувшиеся между ним и пламенем.

А еще то, как надулся и лопнул воздушный полог, защищавший Айзека... и смялись, втянулись в пламя белые крылья, подпитывая смерч. Разрозненные разноцветные нити силы уходили внутрь...

Видела мастера Витгольца, который вдруг возник на поле, но это ничего не изменило.

Пламя кружилось.

И росло.

Тянуло в себя силы уже не только от Марека, который сделался бледен и ужасен с виду, но и от остальных. Вот Айзек прислонился к камню, а Рай вцепился в плечо приятеля, не позволяя упасть...

Я бежала.

Я неслась, как казалось себе, быстро, но на самом деле до ужаса медленно. Я, кажется, проваливалась в мягкую землю. И упала дважды. И

поднялась, понимая, что не успеваю... и я не знала, совершенно не понимала, что мне делать, но не могла ничего не делать.

И, оказавшись вдруг рядом с Марексом, не нашла ничего лучше, как дернуть его за руку.

Горячую руку.

Красную.

Покрытую пузырями от ожогов.

– Хватит, – сказала я, глядя в совершенно безумные глаза. А он ничего не понял. Он смеялся... стоял и смеялся... и видел не меня.

– Теперь тебе страшно?

Его голос был тих и сипл.

А изо рта вдруг поползла струйка крови.

Из ушей.

Из ноздрей.

Хреново... и я пыталась нащупать что-то, чтобы остановить его, но мой треклятый дар вновь затих. Маг жизни? Как проклясть, так пожалуйста, а как помочь... чем ему помочь? Он явно не в себе... глаза не реагируют ни на свет, ни на движение. Зрачки расширились, почти вытеснив радужку. Кровеносные сосуды лопнули, и белки казались красными...

Давление зашкаливает.

Сердце держится едва-едва...

– Марекс, – я схватила его за плечи и встряхнула. – Марекс, очнись...

От пощечины его голова запрокинулась. А рядом вдруг оказался Рай, который на пощечины размениваться не стал, а просто-напросто обрушил на макушку Марекса кулак. Этого хватило, чтобы его глаза закатились, и Марекс мешком осел на землю.

А огненный вихрь, покачнувшись, сорвался с поводка. Он на мгновение застыл, будто раздумывая, в какую сторону направиться.

Крутанул.

Накренился, обдав нас жаром...

– Ложись!.. – этот крик я скорее уловила, чем услышала. А потом меня вмяли во влажную холодную землю. Я помню горький вкус травы, попавшей в рот, и скрип земли на зубах, и...

Что-то лопнуло.

И волна жара прокатилась по полю, сметая все...

Достопочтенный Фредерик Рауш, ректор университета, не любил ночных визитов, ибо априори ничего хорошего они не несли. Никто и

никогда не будет поднимать среди ночи человека, чтобы сообщить тому добрые новости. А вот дурные...

Он вздохнул.

И потер переносицу.

И потянулся, с неудовольствием отметив, что кости хрустят, а поясницу неприятно потягивает, несмотря на пояс из волкодлачьей шерсти, которую он лично состриг, когда был молод и полагал себя если не бессмертным, то близко к тому. Самого волкодлака давно уж сожрали болота Хаббара, на редкость поганого мирка, а вот Фредерик скрипит.

Живет.

И мается желудком. Надо бы к Варнелии заглянуть, так станет пенять, выговаривать... на диету посадит, а у него, может, в жизни только и осталось радостей, что хороший обед да чашка чаю.

Ректор скинул теплые тапочки.

И ночную рубашку.

Пояс размотал. Потрогал поясницу... а ведь говорила матушка, что спину надобно беречь, иначе потом наплачешься, но нет же ж...

Сообщать в контору?

Они уже наверняка знают. А вот поторопиться не мешало бы, глянуть на полигон, пока все не зачистили.

Собирался ректор быстро, благо старые привычки не забылись. И, накинув куртку из шкуры горгульи, он активировал малый портал.

Потом опять отчет пиши, оправдывайся перед советом за неурочный расход энергии.

А бухгалтерия вой поднимет, что год только-только начался...

Можно подумать, это они там университетом управляют, совсем страх потеряли. И портал, что характерно, получился с дефектом. Открывался долго, а вывел не на полигон, где Витгольц маяк установил, а рядышком.

Этак в следующий раз и на Пустошах окажешься, а то и вовсе в демонами забытом мире.

Пора, пора заняться университетскими мастерскими, а то, ишь, додумались, оставляют не тех, кто и вправду талантлив, а родичей... семейное дело, секреты... и что выходит?

Раздражение крепло.

И вид полигона не добавил оптимизма.

Мастер Витгольц стоял, скрестив руки на груди и мрачно слушая Варнелию, которая отчитывала его тонким, звонким голосочком. При этом умудрялась накладывать на обожженное лицо толстый слой лернарской мази.

На редкость вонючее зелье, но действенное, действенное...

– Это совершенно безответственно с твоей стороны... А если бы защита не сработала...

– Сработала, – возражал Витгольц исключительно из врожденного упрямства.

– Я вижу...

– Выброс был... первого уровня.

Ректор покашлял, привлекая внимание.

– А вы, между прочим, третий год осмотра избегаете! – рывкнула Варнелия, заставив подскочить не только ректора. – Подаете, так сказать, коллегам пример безответственного поведения!

– Виноват, – сказал Фредерик, покаянно опустив голову.

Когда женщина злится, лучше признать свою вину.

Безопасней.

– Чтобы завтра же...

– Всенепременно... – он поцеловал ручку Варнелии.

Ручка была бледной и пахла болотом. Да... через пару часов запах усилится и к болотному душку добавятся сладковатые нотки гниения.

Мужественная женщина.

– Пострадавшие есть?

Варнелия поморщилась.

– Ожоги второй и третьей степени... у Рая – обширный весьма, но угрозы для жизни нет... а вот второй мальчик... ему, боюсь, я не в состоянии помочь...

Именно поэтому она злилась.

Не из-за ожогов. Ожоги, даже глубокие, по сути, мелочь, с которой любой мало-мальский приличный целитель справится играючи.

– Его мозг поврежден, и, боюсь, это необратимо, – она приняла руку Витгольца. – Я не знаю, что это... не эликсир, что-то очень и очень похожее, но лучше, сильнее... не знаю, как описать... Я взяла кровь и другие анализы. Он пока без сознания, однако почти перегорел, и не просто перегорел, его выжгло изнутри... Его мозг... ему повезет, если он сумеет сохранить хотя бы подобие сознания.

Новости были не просто плохие.

Отвратительные.

Мало, мало того скандала... он, помнится, стоил предшественнику места, хотя все понимали, что ректор не способен уследить за каждым студентом, а в молодых головах порой зреют совершенно безумные идеи. Но... общественность требовала виновного – и получила его...

Ах, до чего же...

И плевать, суда он не боялся, ибо король милостив и разумен. А отставка? Глядишь, появится время здоровьем собственным заняться.

– А та девушка? Есть уже результаты?

– У нее тоже много любопытного в крови отыскалось, – сказала Варнелия, переступая через оплавленный камень. – Но вычислить состав... есть пара крайне интересных компонентов. Тот же яд черной узмуры... вы знали, что в сверхмалых концентрациях он не блокирует, а, наоборот, вызывает резкий прилив сил? Способности возрастают...

Ректор огляделся.

О да, способности возросли определенно... оплавленные камни, черная корка земли. Дерево из пепла, которое держалось исключительно благодаря силовому кокону Витгольца. И непередаваемый запах горелой земли.

Озона.

Ощущение свободной силы, которая пусть и не способна была причинить вред, но не спешила растаять. Полигон придется закрыть на пару лет, поскольку ныне любое заклинание здесь рискует преобразиться с непредсказуемыми последствиями.

Плохо.

Площадей и без того не хватает. И снова придется перекраивать расписание. Боевикам третью смену ставить... и деструкторам-некромантам... хотя, для этих ночь – самое удобное время...

И следствия не избежать. Странно, что полигон по сей день пуст.

– Ульянин волос... четвертое кольцо, – продолжала перечислять мастер Варнелия. – Подавляет волю, повышает внушаемость...

И вновь же, попробуй достань. Компонент не из тех, что в травяной лавке свободно продают. Да и куда Служба контроля смотрит?

Тягают из миров, что ни попадя, а ему разбираться.

Свинство.

Мерцающее окно базового портала вызвало локальные возмущения силовых потоков. Покачнулся и сполз щит, а пепельное дерево осело белым порхающим облаком...

Пробежали и погасли огненные змеи.

И тяжкий вздох вырвался из трещины, что возникла под ногами Фредерика. Да... пожалуй, пара лет – это если повезет.

Поставить вопрос о расширении? Было бы куда расширяться... и бюджет, опять же... на текущие нужды хватит, а вот расширение требует уже иных финансов. Попечительский совет с радостью уцепится за шанс

вернуть прежнюю власть.

– Что у вас тут произошло? – мрачно поинтересовался санор Альгер.

И ректор не удержался от укола:

– А вам еще не доложили?

– Отчего же, – санор стряхнул с куртки огненную бабочку, которая с нехарактерным для чешуекрылых энтузиазмом впилась в кожу. – Доложили. Но я всегда готов выслушать альтернативную версию...

– Как мило...

При каждом шаге поднимались пыль и пепел...

– Ситуация обострилась, – санор приложил ладони к земле и замер, прислушиваясь. – Вы же понимаете, что все произошедшее...

– Государственная тайна?

Одной больше, одной меньше...

Голубые кристаллы пятого мира, настолько пустынного и невзрачного, неживого, а потому и не заслужившего собственного имени... и война с аррашами, о которой общественность не узнала, и если боги попустят, то не узнает.

Смерть предыдущего короля.

И отчужденность королевы... дикая клятва второго наследника... и это так, по мелочи, были вещи и куда более серьезные, о которых Фредерик старался и не вспоминать лишний раз. Так оно и сам целее будешь, и совесть не воспрянет. Но нынешний случай среди прочих выделялся особо.

Меж тем полигон заполняли бодрые парни в одинаковых черных костюмах. Маски-пузыри, перчатки из геваррового клея. Огромная машина-регистратор развернула конечности. Она выглядела даже красивой, этакий многоногий монстр из золота и драгоценных камней.

Вспомнилась не к месту история незадачливого вора, которому вздумалось покуситься на эту красоту, брошенную без присмотра в подвале... И вору досталось, и агентам...

– И это тоже, да... – санор наблюдал за подчиненными с ленцой и показным равнодушием. – Но... вполне возможно, что университет придется закрыть. Временно.

Вот же...

Фредерик и ругаться не стал. Бессмысленно это. Только в желудке заурчало, засосало так нехорошо. А ведь была надежда, была... но, с другой стороны, сейчас-то Витгольц успел и никто не пострадал, кроме, может, самолюбия мастера Варнелии и того паренька... паренька жаль, но тут уж... с первого курса твердят, что зелья опасны, что подобного рода эксперименты лишают и дара, и разума, только ж всегда находятся

недоверчивые. И каждый год кто-то оказывается в госпитале, то с отравлением, то с запредельным истощением, то еще с какой бедой, но... это мелкие проблемы.

А вот нынешнее варево...

– Нам это тоже невыгодно, – поспешил утешить санор Альгер, отступая, позволяя до отвращения бодрому пареньку протянуть серебряную нить. – Нам бы найти этого подонка и расспросить, что ему надо... а то ведь уйдет, да...

Ректор вздохнул.

– Делайте все, что сочтете нужным...

В конце концов, он лучше расписанием займется. В расписаниях за последние годы он стал понимать куда как больше, нежели в охоте на убийц.

Некромантов – определенно ночью...

И аномалий настроить... пусть артефакторники озаботятся, будет им внеурочная практика, заодно и посмотрим, как мастерская справится с заданием. Первый курс... пусть пока без полигона поживут. Там никого сверхвыдающегося нет, а потому для практики и обычные аудитории сгодятся – повышенного уровня защиты...

Глава 33

В сознание я пришла... пришла и ушла, потому что сознание это оказалось нестабильным. Я видела бабочек темно-болотного колера, которые порхали над моей головой, роняя с крыльев грязные капли.

Бабочки кружились.

Потолок качался.

Меня зверски мутило, и еще хотелось в туалет. И именно это желание заставило зажмуриться и сказать твердо:

– Вас не существует.

Галлюцинаций мне только для полного счастья не хватало. Как ни странно, стало немного легче. Настолько, что я села. И даже ноги спустила с кровати.

Ага.

Бабочки исчезли.

А сполохи грязно-зеленого цвета остались. Эдакие клубки болотной грязи, которые то появлялись, то таяли... кыш, проклятушие. В остальном же до боли знакомое местечко. Блин, может, мне собственной палатой на постоянной основе обзавестись?

А что?

Табличку на дверь именную повешу. Пледик притащу. Тапочки. Одежду сменную, а то просторная белая рубаша с завязками на спине была, конечно, удобна с точки зрения врачей, но ощущение голой задницы радости не доставляло.

Туалет.

Я хочу в туалет.

В нормальный, хотя судно и звякнуло, когда я на него наступила. Надо добраться до двери... осторожно, аккуратно... ручки вперед и сделать шаг... ага, пол перестал раскачиваться, да и потолок вел себя прилично. В остальном же... сила воли, и еще раз сила воли.

От меня, к слову, изрядно пованивало, а руки были покрыты чем-то бурым, похожим на засохшую слизь. Наверняка, целительную и полезную для организма в целом, но довольно-таки мерзкую в частности.

Еще шаг.

Если я грохнусь, то... будет стыдно, неблагоприятно, и вообще идиотская ситуация, но гордость... проклятье... или позвать кого?

Я попробовала, да голос исчез. Я только и могла, что издать

протяжный сип. И заодно уж вызвать жуткую боль в горле.

Молодец, Марго, этак ты себя угробишь без посторонней, так сказать, помощи. Но, как ни странно, и сипа этого хватило, чтобы дверь в палату открылась.

О... какие люди...

– Тебе следовало лежать, – раздраженно произнесла Мелисса, подхватив мое ослабевшее тельце. И сдавила ребра крепко, никак в порыве родственной любви. Надо же, сколько сил в этом хрупком с виду тельце...

– В... туа... т... – произнести получалось отдельные звуки, и с немалым трудом.

– Судно под кроватью.

Да пошла она...

Она не пошла. И даже, кажется, поняла, что я все равно доберусь туда, куда хочу, пусть и ползком. А за ползающих пациентов мастер Варнелия не поблагодарит.

Шли мы... недалеко.

Медленно.

И молча.

Я пыталась сглатывать слюну, которой прибывало, но получалось едва-едва. Горло отекло, я и дышала-то с трудом.

Туалет.

И Мелисса, которая не собиралась отпускать, более того, с рубашкой помогла разобраться, за что я ей была благодарна.

– Ты на редкость упрямая и неразумная, – сказала она, поджав губы. – И мне не нравится, что Варнелия приставила меня к тебе. Я не нянька и...

Я кивнула.

И махнула рукой, мол, можешь идти, а я как-нибудь сама...

– Успокойся, – Мелисса потянула меня обратно в палату. – Если она увидит, что ты ходишь, получим обе. Но она пока у того парня... Марек, кажется? Вы ведь были знакомы?

И снова кивок.

– С ним точно что-то не так, поэтому Варнелия зла, как демоны нижнего мира... – Мелисса толкнула дверь и, втянув меня в палату, показала на кровать: – Ложись и постарайся вести себя прилично.

Лечь я легла.

Голова вновь кружилась, да и пол подлым образом танцевал, а зеленые вихри стали плотнее, тяжелее...

Мелисса же прижала ладони к моей голове и нахмурилась.

– У тебя ожог гортани... и почему-то зелья не подействовали...

должны были уже снять отек, и вообще... еще руки, но здесь получше, кажется. Варнелия занята и...

Ее пальчики трогали мое горло и, казалось, с каждым прикосновением загоняли вглубь иглы. Острые. Длинные. Пробивали до самого позвоночника.

– Проклятье... ты можешь не сопротивляться?

Голос Мелиссы донесся как сквозь вату.

Такую хорошую плотную вату, которая окутала меня, словно кокон. Почему-то вата была темно-зеленого цвета и пахла болотом. Еще время от времени в ней вспыхивали искры, но вата не загоралась.

Хорошо.

Не знаю, как долго я провела в ней, но когда открыла глаза, то увидела, что Мелисса исчезла. Зато на стульчике у кровати устроился Малкольм.

Он дремал в на редкость неудобной позе. Подпер подбородок кулаком, сгорбился, перекосился на одну сторону... значит, давно сидит.

Почему-то думать об этом было приятно.

Стоило мне пальцем шевельнуть, и Малкольм очнулся.

– Привет, – сказал он сиплым голосом. – А ты знаешь, что если умрешь, то я навсегда останусь ценителем коз?

– Да? – а голос почти вернулся, правда, низкий и грубый, и в горле першит, но боль ушла.

– Увы, – он развел руками и потянулся. – Так что, ввязываясь в очередную авантюру, подумай обо мне, несчастном...

– Всенепременно.

– Как самочувствие? – Малкольм поправил подушку и прижал ладони к моим вискам.

Руки у него были теплыми.

И пахли булочками. Корицей. Кофе. И еще чем-то травяным, успокаивающим. Он провел пальцами по моей переносице, в рот, слава местным богам, не полез... на горле остановился отдельно. Положил обе руки и стоял, стоял... я ощущала поток силы – прохладной, с легким мятным привкусом. Она просачивалась сквозь кожу и расползалась по телу, затягивая раны.

– Вот так... хватит пока...

– Как я?..

Сиплость не ушла.

Першение тоже. Но в целом я чувствовала себя почти нормально, так, среднепаршиво.

– Мастер Витгольц доставил... и тебя, и остальных.

– Как?..

– У Айзека – лицо и руки... не сильно, родовая защита сработала. А вот Раю досталось. Спина – ожог третьей степени... ты вот горячим надыхалась.

Он отвел взгляд.

– Говори уже, – я попробовала сесть.

Получилось.

И с головокружением я справилась быстро. Зато захотелось пить. И непременно воды. Я чувствовала себя выжатой до капли.

– Видишь ли... вы с Раем, так сказать, на противоположных полюсах находитесь. Он деструктор и работает с органической материей, разрушает ее, а ты создаешь... Он хотел защитить вас, пытался, как мог, но... его сила и твоя... ты плохо контролируешь свой дар...

– Короче.

Малкольм вздохнул и почесал ухо.

– Короче не выйдет... вы пока проходили лишь теорию. На практику вас еще поведут, но... деструкторы, способные влиять на органику, они... редко встречаются на самом деле. Целитель сращивает кости. Деструктор...

– Ломает?

– Разлагает. Кости. Кожу. Кровь. Он способен индуцировать произвольный рост клеток, или распад, или изменить токи энергии таким образом, что плоть сама себя сожрет, да и не только. Рай не собирался тебя убивать. Он просто не подумал, что его сила так в тебе отзовется.

Ага, значит, я едва... того...

Больное горло, получается, вовсе не от горячего воздуха.

– Мелисса вовремя заметила неладное. Еще бы немного – и разложение, но процесс удалось остановить. Правда... – Малкольм догадался подать воды и напиться помог. – Дальше придется самой... конфликт энергий... теперь на тебя даже сила Варнелии слабо действует, хотя она выложилась по полной... ты два дня пролежала...

Два дня.

Пролежала.

То-то спина ноет, и вообще... ощущение, что меня трактором переехало, причем не единожды. А голова, в противовес, ясная. И мысли в ней бродят не самые добрые. То есть если бы Мелисса не заметила, если бы отлучилась и я полежала бы в тишине и покое клиники еще пару часов, то не факт, что пришла бы в сознание.

Нет, конечно, может статься, что брюнетистый некромант и вправду не

нарочно. Все-таки ситуация была, мягко говоря, нештатной... огненный шквал, обезумевший маг, поле ночное... аккуратно самое оно, чтобы деву беззащитную телом своим накрыть. И в то же время что-то, должно быть, выпестованная годами паранойя мешала взять и просто поверить в эту версию.

А если...

Если Рай прекрасно знал, как все повернется?

Удобный момент для небольшого несчастного случая... выброс силы, и вообще... и не он виноват, он сам болен, а те, кто вовремя не заметил, не подумал...

Я поерзала, понимая, что здесь свои догадки надо держать при себе. Малкольм определенно не поймет.

– И как... он сам?

– Не слишком хорошо, – Малкольм принял стакан. – Твоя сила для него... тоже яд.

А вот это уже новое обстоятельство. Оправдывающее?

Или парень просто не учел, что и сам поранится?

– Тебя-то стабилизировать проще... сила Варнелии твоей тождественна, а ему вот... прогноз не самый хороший.

– Мне жаль.

И мне действительно было жаль. Что я еще могла сказать?

Из палаты меня, как и следовало ожидать, не выпустили.

Куда? Я ведь только-только очнулась, и, если на то пошло, мне следует быть благодарной, что вообще очнулась, а то ведь могла уйти в неведомые дали.

Благодарной я была.

Но и домой хотела, чувствуя себя если не нормально, то уж всяко не слишком погано. Впрочем, мои ощущения волновали Варнелию в последнюю очередь.

– Лежи, – велела она, влив очередную порцию силы, которая в отличие от силы Малкольма была горячее, что летний ветер, и с привкусом земляничного варенья. – И отдыхай, пока можешь...

– Все так...

– Не слишком хорошо, – она потерла лоб. – Лаборатории обыскивали и... ничего не нашли. Лучше бы нашли... недостачу, и вообще... но нет, я лично проверяла журналы учета. Наши запасы не тронуты. А значит, у кого-то есть доступ к... не важно, главное, что тут хранится всякое, но в количествах весьма небольших, а выходит, где-то существует полноценная

лаборатория, в которой работает неплохой алхимик – плохой с подобным не справился бы. И как знать, до чего он додумается вновь.

– Марек?

Варнелия покачала головой.

– Распад личности начался. Боюсь, – она отвела взгляд, – мальчик не способен вернуться... Хорошо, если он сможет самостоятельно двигаться, возможно, со временем научится есть и одеваться, и... и мне жаль.

Мне тоже.

Он был... нет, не другом, я не знала, появятся у меня когда-нибудь друзья или нет. Более того, я не была уверена, что хочу, чтобы они появились. Я не привыкла отвечать за кого-то, кроме себя, но...

Марек.

Он первым подсел ко мне.

Заговорил.

Провел по территории. С ним было легко, временами – весело. Он не требовал ничего, кроме коротких историй о моем мире, а помогал... и я ведь знала, что он ненавидит Айзека, только не понимала, куда способна завести эта ненависть.

Слабое оправдание.

– Не бери в голову, девочка, – Варнелия погладила меня по щеке. – Каждый сам делает выбор...

Я знаю.

Только почему-то на душе от этого знания не легче.

– Пей вот...

От тягучего отвара, который имел темно-лиловый цвет, стало спокойно, безразлично. Я легла и лежала, долго лежала, глядя в потолок.

Был допрос, но какой-то... поверхностный?

Кто? Как? Почему? Я отвечала на вопросы откровенно, а молодой маг в сером костюме кривился, будто не по душе ему была эта откровенность. Или я сама? Впрочем, это меня тоже не волновало.

В какой-то момент я уснула.

Проснулась.

Поела.

И вновь легла... надо будет спросить Варнелию, чего она намешала, если мне настолько все равно. Отпустило уже ночью.

Я проснулась от толчка.

Внутреннего.

Встала.

Нашарила тапочки.

Накинула на плечи плед, поскольку в палате было довольно-таки прохладно. Надо будет Малкольму спасибо сказать, плед явно он принес... и дальше что? В туалет? Или? Сперва в туалет.

Темнота.

Тишина.

И такое нехорошее чувство, что это уже было... тревога? И тревога в том числе, холодный ком в желудке и мурашки по спине. Сердце екает, но вместе с тем я иду...

Куда?

Ниже.

Второй этаж.

Первый.

Приемный покой... а вот и коридор в палаты особого режима... и меня тянет в первую. Похоже, встряска пошла на пользу треклятому моему дару, который решил ради этакого случая очнуться и совершить доброе дело. Мне ли мешать... надеюсь только, что меня не остановят... или...

Я закрыла глаза, прислушиваясь к тому, что происходит за дверью.

Трое.

Двое бодрствуют, а третий... месиво разноцветных линий... и ему надо помочь. Причем необходимость этой помощи столь явна, что мне даже удивительно, как прочие не видят этой неправильности. Почему они держатся в стороне?

Почему не поделятся силой?

Их – темно-красная, вязкая, что вишневое варенье. Именно такая и нужна, но... нити, что протянулись между этими двумя и пациентом слишком тонки и зыбки.

Ему больше надо.

Много больше.

У него дыра в груди, и сила уходит туда, но вместо того чтобы наполнить, склеить вязкостью своей стенки треснувшего сосуда, она вытекает, лишь расширяя трещины.

Плохо.

Очень-очень плохо... но чувствуется, эти двое не дадут мне помочь, а потому... дар точно знал, что делать. Поймать вишневые нити и приказать им... подчиняться.

Я не причиню вреда.

Сон.

Здоровый сон всем идет на пользу.

И когда жизненные параметры изменились – до последнего не верила,

что получится, – я толкнула дверь. В палате остро пахло больницей. Нет, этот запах – аптеки, крови и хлора – в той или иной степени присутствовал везде в клинике, но здесь он был особенно концентрирован, даже неприятен.

Я потеряла кончик носа, пытаюсь справиться с желанием чихнуть.

Получилось.

Осмотреться... дар настойчиво тянул к высокой кровати, над которой раскрылись паучьи лапы стабилизаторов. С них свисали нити шелковой паутины, где то тут, то там вспыхивали драгоценные камни амулетов. Почти красиво...

Двое спали.

Один на стуле прикорнул, перекосясь, опираясь плечом на спинку. Второй вообще на столе вытянулся, скинув на пол полдюжины разноцветных фишек. Играли? Похоже на то... и плевать, что парень почти умер.

Малкольм говорил, что брюнетику тоже досталось, но... я не знала насколько.

Он лежал на животе.

И обожженная спина была обнажена.

Черные подпалины. Красное мясо. Трещины, заполненные сукровицей. И бляшки гнойников, которых здесь не должно было быть.

Тяжелое дыхание.

Резкий запах гниющей плоти...

Хорошо, что мастера здесь нет. И странно. Она бы не оставила подобного пациента надолго, во всяком случае по своей воле.

Я шагнула к кровати.

Стальные трубки выступали из ее изголовья и, изгибаясь, входили в тело, пробивали кожу, раскрывались кистями игл, пронизывавших все тело. Оно держалось на этой стальной решетке, наполненной силой и фильтрующим раствором.

Рай дышал.

Пока еще дышал.

Тяжело. С трудом и с помощью стальных трубок же. Его легкие медленно наполнялись водой, и скоро он захлебнется...

Если раньше не уйдет от острого сепсиса.

Кровь его стала тягучей, и сердце не справлялось с ней, как не справлялась и печень. Почки почти уже отказали... И мой дар, он не просто кричал, он требовал помочь ему, он рвался потоком, и я, вздохнув, послушно коснулась горячей ладони.

Не уверена, что смогу сделать хоть что-то, но...

Он будет жить.

Пожалуйста.

Он должен... он будет жить... Моя сила лилась прохладным потоком. Она вплеталась в вишнево-белую сеть, выравнивая ее. Вот полыхнули синим светом почки, очищаясь от яда, выправилась печень... То, что происходило на моих глазах, было невозможно.

Невероятно.

Алогично.

И вообще противоречило всему, что я знала, но оно происходило.

Кишечник.

И кровь.

Поврежденный костный мозг, решивший, что избыток лейкоцитов – это именно то, что сейчас нужно... И глубокие разрывы мягких тканей. Очаги сепсиса. И точечные некрозы... Восстановление чувствительности нервных окончаний.

Сращивание.

Наращивание... Изменения происходили сами собой, я была лишь наблюдателем и, видят боги, благодарна была за подобную роль. Сама бы не справилась.

При всем моем желании...

Легкие.

Изменение эластичности задубевших альвеол. Кровообращения... и вот эти истончившиеся стенки аорты – это лишнее... они появились задолго до несчастного случая, но почему бы не исправить?

Дар был со мной согласен.

Он исправлял.

Изменял.

И зрение тоже. Кто бы знал, что этот безголовый брюнет близорук, но при этом слишком горд, чтобы обратиться за помощью... Сетчатка слишком тонкая... Нарастим. Изменим контур.

Я бог?

Почти.

Только тошнит что-то... и дар мой возвращается ко мне. Правильно, мы сделали, что должно, и, надеюсь, не зря... Я отступила от кровати, не обращая внимания на то, что стальные лапы ожили, приборы защелкали, заискрились, а потом медленно вытянули иглы из тела.

Да, ему они больше ни к чему.

Поспит.

И проснется здоровым.

Такое вот, мать его, чудо от природы... А я... я должна навестить еще одного пациента. И сдается мне, что у его постели охраны не поставят.

Голова кружилась.

Зверски хотелось пить, и я не удержалась, воспользовалась графином, что стоял на столике. Спящим деструкторам вода в ближайшее время не нужна, а я выпила литр и все равно не утолила жажды. Как и голода. Ничего, потерплю.

Нам еще надо Мареку помочь.

Дар молчал.

Э нет, зараза этакая... я тебе не носитель, который нужен лишь затем, чтобы доставлять к нужному объекту. И если я сказала, что поможем, то...

Пусто.

И в следующей палате тоже... и еще в одной... надо бы вернуться, только на этом этаже дюжина палат, а всего в госпитале их больше сотни, этак я могу до утра бродить.

Ничего.

Поброжу, коль уж так вышло.

Марек отыскался в последней палате. Здесь не было охраны, разве что легонькое заклятие на двери, которое исчезло, стоило этой двери коснуться.

Запах плесени.

Тишина.

Белые простыни. Кровать у окна. За окном – темнота, на подоконнике – россыпь капель. Темные шторы, темный пол. Темные руки поверх одеяла. От одной к кровати протянулась цепочка, достаточно длинная, чтобы не доставлять неудобств, но в то же время прочная с виду.

– Привет, – сказала я.

И что делать дальше? Дар издевательски молчал. Ну да... злодея спасти мы не нанимались. Только какой из Марека злодей? Герой недоделанный... куда ты влез?

Чего ради?

Что за сказку придумал... или ее придумали для тебя, заставили поверить? Так изменился. Похудел, хотя и прежде не слишком-то в теле был... а дальше что?

Ну же, зараза ты этакая...

Сделай хоть что-то!

Я видела, что он здоров.

Физически.

Идеальное давление. Идеальная работа сердца... почки, печень,

прочие органы тоже до отвращения идеальны... Но вот...

– Пожалуйста, – шепотом попросила я, и дар таки откликнулся. Я смотрела не туда. Восприятие изменилось резко. Исчезла глубина, и передо мной возник не человек, а двухмерная его проекция, расчерченная желто-зелеными линиями.

Похоже на схематическое изображение кровеносной системы.

Только сердце в голове.

И это сердце раскурочено. Часть его будто стерта, а другая – порвана. И сила моя позволяла изменять, вытягивать линии... вот эту надо прямее. А вот та как раз изгибается, уходя куда-то за пределы проекции.

Стереть.

И нарисовать заново.

Убрать. И добавить... хуже я не сделаю. Не сделаю ведь? Надеюсь!

В двухмерности своя простота. Своя гармония.

Линия сердца.

Линия души... не уверена, конечно, что это именно так, но я ведь не специалист, я просто про себя, не мешая дару...

Разобраться бы в нем.

Разберусь.

Позже.

А сейчас... линия к линии. Одни послушны и ложатся именно туда, куда велено. А другие вот капризные, скользкие, что ленты атласные, так и норовят просочиться сквозь пальцы.

Я вздыхаю.

И повторяю вновь и вновь, восстанавливаю гармонию. И пропускаю тот момент, когда мир обретает привычную глубину.

Подоконник.

Стекло в потеках. Свет за окном. Надо же... а я тут изрядно проторчала. Моргнула, пытаюсь справиться с головокружением. Покачнулась и оперлась на кровать. Сил не осталось.

Почти.

И лечь бы рядышком, устроиться, поспать немного, но...

Марек смотрел на меня.

Внимательно так смотрел. И взгляд его был таким... удивленным.

– Простите, – сказал он, садясь в постели. – А вы кто? И где я?..

Ответить я не сумела.

Глава 34

Мастер Варнелия отступила от пациента, которого формально больше нельзя было считать пациентом. Парень был здоров настолько, насколько вообще может быть здорова мужская особь его возраста.

– И?.. – санор Альгер приплясывал от нетерпения.

– Если вы рассчитываете его допросить, то зря... – она устала.

Она безумно устала не столько физически, сколько морально... вся эта история.

И ощущение собственной беспомощности. Никчемности даже.

Она полагала себя великолепным целителем? Быть может, но... к чему учиться годы, практиковать, искать и находить, ошибаться и подниматься, исправлять ошибки, если кто-то может прийти и просто сотворить чудо.

А этот парень и был чудом.

– Он считает себя школьником, и... это большая удача.

– Для кого? – санор Альгер не скрывал сарказма.

– Для него. Вчера я бы сказала, что он останется на уровне трех-четырехлетнего ребенка... повреждения были необратимы.

– Казались необратимыми?

– Были, – подчеркнула мастер Варнелия. – Именно что были, и... вам стоит поблагодарить девочку.

– Всенепременно.

Прозвучало это как-то... не слишком благодарно.

Плевать.

Она вышла из палаты. В коридоре было довольно-такилюдно... первый курс, и второй... и третий, кажется, отметился. Хорошо, что старшеньких это повальное увлечение мальчиком минуло. Или... конечно, они появятся позже, в блеске собственного таланта и величия...

Раздражение росло.

Накрывало волнами, не оставляя времени для передышки, и мастер Варнелия велела себе молчать: заговорит и точно сорвется, а ей надлежит пример показывать. Спокойствия. Сдержанности и здравого смысла. Последнего осталось мало.

Она взмахом руки разогнала девиц, впрочем, не сомневаясь, что далеко они не уйдут. И стоит скрыться, как немедля слетятся к палате.

Охрану поставить, что ли?

– Доброго дня, – Рай смотрел настороженно и в подушку вцепился

обеими руками.

– Как самочувствие?

Цветы.

И снова цветы.

Опять цветы... ей столько не дарили, сколько этому оболтусу, заслуга которого лишь в смазливой физиономии и правильной семье... Злые мысли, ох злые... надо отпуск брать, и лучше, если за пару лет сразу. Она заслужила. И поездку на гейзеры. Говорят, зимой там на удивление красиво...

Тедди взять...

Сам он пригласить не додумается...

А с другой стороны, зимой на гейзерах весь высший свет пасется. И отдых выйдет сомнительным.

– Спасибо, хорошо, – он вздохнул и поерзал, отложил подушку, но потянул на себя одеяло, прикрывая острые колени и тощие ноги, покрытые темными волосами. – А... можно, я домой пойду?

– Надоели? Руку дай.

Он молча протянул костлявую руку... а вот похудел он прилично, что и понятно. Несмотря на подпитку извне, восстановление потребовало немалой энергии. Вот и получилось... ничего, были бы кости, а мясо, как любила говаривать бабка, нарастет.

– Еще как... я хорошо себя чувствую... очень хорошо... я и бегать могу, и прыгать... на голову стану, если поможет, только отпустите!

Сердце колотилось. А вот... в остальном все было неплохо.

– Иди, – смиловилась мастер. – Но каждое утро чтобы здесь... и вечер... и никаких больше... Ясно?

Он вздохнул и голову опустил, изображая раскаяние. Именно что изображая.

Подростки.

Считают себя бессмертными.

И говорить что-то бессмысленно, тем более когда сказать особо нечего.

– Спасибо вам, – парень бодро сполз с кровати, впрочем, не выпуская из рук одеяло, которое он попытался обернуть вокруг бедер. – А... может, скажете, чтобы одежду принесли... мою... пожалуйста.

Скажет.

Все им скажет. И не только им...

Часом позже мастер Варнелия скинула туфли, которые пусть и были новыми и красивыми, но натирали безбожно... а ведь когда примеряла,

казалось, что в туфельках этих она бабочкой порхает... хромоногой. Ох... и ноги вытянуть... и откинуться, лечь бы вовсе, но нельзя, через час на смену заступать... смену, конечно, передать можно, все поймут, но...

– Ты спала сегодня? – Тедди знал, где ее найти.

И явился не просто так, а с термосом и темно-лиловой коробкой, на которой переливалась золотом эмблема лучшего в городе ресторана.

И не спала.

Не ела.

И вообще, сидит тут она, позабыта, позаброшена, и только одному человеку есть дело до ее самочувствия. Остальные слишком заняты.

Жалость к себе переполняла.

Это от усталости.

Истощения.

И жизни, которая с самого начала не заладилась... надо было замуж выходить, примерять семейные бриллианты и роль светской красавицы... сейчас бы почивала на перинах, наслаждаясь эклерами и возможностью ничего не делать.

– Плакать будешь? – Тедди протянул платок, а потом сел рядом, сунул под спину Варнелии подушку и, положив ее ноги себе на колени, стал разминать ступни.

– Буду.

– Горько?

– Очень. И истерику устрою.

– Устраивай, – разрешил Витгольц.

Он был осторожен, нежен даже, и боль в ногах уходила, а с нею и общее напряжение.

– Я никчемный целитель, – сказала Варнелия.

– Ага...

– Они бы оба умерли... Рай – под утро... а второй мальчик... лучше смерть, чем такое... существование... И я ничего не могла сделать, понимаешь?

– Понимаю. На вот, – он дотянулся до коробки и поставил рядышком. – У них сегодня свиные уши с чесноком... я решил, что ты будешь не против. Есть еще профитроли с креветками и острым соусом... канапе... я сказал, чтобы всего положили, а если свиные уши не понравятся...

– Ты слышишь, что я говорю? – она легонько пнула Тедди.

– Слышу. Ты кчемный целитель, если хочешь знать. А в остальном... да, девочка маг жизни, но завидовать этому все равно что завидовать

солнцу, что оно светит. И не факт, что сам процесс доставляет солнцу удовольствие.

Она вздохнула и вытащила из коробки креветку на шпажке.

Сладковатая.

И острый соус будет очень даже к месту. И в остальном... жизнь перестала казаться столь уж поганой.

– Ее силы не хватит на всех. И глупо ее расходовать на то, с чем справится обычный целитель.

Чувствовать себя обычным, пусть и демонски хорошим целителем было обидно.

До слез почти.

Но плакать над креветкой как-то... воспитание не позволяло?

– Помнишь того мальчика в прошлом году? Ты не смогла помочь и сказала, что отдала бы жизнь, если бы это его спасло... или в позапрошлом... или... а сколько таких мальчиков еще будет? Или девочек? И других людей, которые останутся живы, а с тебя высшие силы ничего не потребуют взамен?

Разве что самолюбие унять.

Варнелия вздохнула и сказала:

– Ты хороший... возьми меня замуж.

– Хоть сегодня.

– Сегодня не выйдет... моя смена и обход опять же... еще Фред требует выяснить, что за гадость у парня в крови и где ее варят. А вот завтра с утра... только с тебя свадебное путешествие.

Мастер Варнелия поерзала, пытаясь припомнить, чему еще полагалось быть на свадьбе.

– И торт.

– Обязательно.

– Экипаж... платье... нет, без платья как-нибудь... на гейзеры хочу, только там сейчас все почти... будетлюдно, шумно и сплетни опять же...

Главное, на душе посветлело. А свиные уши с чесноком оказались не так уж и плохи.

На сей раз пробуждение было мучительным.

Болела голова.

Не просто болела. Она раскалывалась и ныла, причем каждый осколок на свой лад. Затылок налился острой горячей болью. Виски колело. Лоб тянуло. А челюсти сводило, хотя прежде я на зубы не жаловалась, но возникло препоганое ощущение, что стоит коснуться их языком, и они

посыплются.

Стон был произвольным.

– Пей, – велели мне, прижимая к губам что-то металлическое и холодное. Причем прижимали без всякого пиетета, и опасения мои насчет зубов лишь усилились.

Рот пришлось открыть.

Тягучая жидкость потекла в горло, и мне оставалось или глотать, или захлебнуться ко всеобщей радости. Впрочем, в желудке жидкость согревалась, раскалялась и щедро делилась теплом.

Боль... нет, не уменьшилась.

Сконцентрировалась в области затылка, свернулась таким горячим шаром. Зато зубы перестали ныть, и вообще лучше один шар, чем вся голова.

Осмелев, я открыла глаза и застонала.

Свет был ярок.

Мир резок.

И вообще, сдохнуть бы, но кто ж позволит...

– Как вы себя чувствуете? – заботливо осведомился господин в сером костюме. Черт, имя его напрочь из головы вылетело, а копать, расковыривая огненный шар, я точно не стану.

Побудет анонимом.

– Сами как думаете? – проворчала я.

Каждое слово отдавалось эхом в висках. Очаровательнейшее ощущение.

– Думаю, не слишком хорошо. Впредь вы должны быть аккуратней, Маргарита. И понимать, что ваша ценность несоизмеримо выше жизни отдельного пациента.

Ага... вот прям осознаю и проникнусь.

На хрен.

Всех.

Настроение было не просто поганым. Хотелось кого-нибудь убить. Или проклясть. Или...

– Корона несказанно благодарна вам за исцеление санора Гирраха...

Это про кого он?

Хотя вариантов немного, и зуб даю, который в челюсти держался крепенько, что не про Марека. Брюнетик у нас непростых кровей... а Мареку, стало быть, я должна была позволить скончаться... на него насрать...

– И не сомневайтесь, что ваши заслуги будут оценены по

достоинству...

Не сомневаюсь.

Покая дайте... хотя... если дадут тысяч пять, то хорошо... или десять... сколько ни дадут, все чудесно. Деньги мне нужны...

– Чего вам от меня надо? – просипела я, пытаюсь присесть.

– Убедиться, что вашему благополучию ничего не угрожает.

Ага... а еще погладить по голове, подоткнуть одеяльце и колыбельную спеть, чтоб уж наверняка... и с ложечки, чую, кормить будет, если возникнет в том нужда...

– Идите на хрен...

Как ни странно, но анонимус послушался.

Правильно, я ж в том состоянии, когда за себя не отвечаю...

Благодарность короны обернулась приличной суммой в сто тысяч талеров. Честно говоря, представляла я ее себе весьма абстрактно, поскольку в жизни не имела такой кучи денег. Я повертела чек, выданный мне санором Альгером, и сказала:

– Спасибо большое.

Нет, а что еще?

– Всегда пожалуйста... надеюсь, впредь вы все же проявите большую осмотрительность.

Ага.

Всенепременно.

Папой клянусь, чтоб ему икалось... с другой стороны, не знаю, выйдет ли из меня маг жизни и вообще какой-никакой маг, но на безбедную приличную жизнь я уже заработала, что приятно.

– Скажите, а что там произошло?

Я не слишком рассчитывала на внятный ответ, а потому не удивилась, когда санор произнес:

– Простите, но это следственная тайна...

Точно. За семью печатями. Ну ладно, играть в разведчицу я не стану, и без того есть чем заняться: я опять здорово отстала от группы. И не то чтобы опасалась теперь отчисления – подозреваю, меня не отчислят, даже если я вовсе забуду на учебу, но вот рассчитывать лишь на собственный ненадежный дар весьма неумно. Знания, они лишними не бывают.

В общежитии ничего не изменилось.

Та же комната.

Те же пятна сырости. Тот же холод и неприятный запах, пропитавший камни. Наледь на подоконнике, хорошо хоть, с той стороны, и ледяные

узоры на стекле.

Недружелюбные соседки, которые, завидя меня, демонстративно отворачивались.

Шепоток в столовой.

И молчание, которым встретила меня моя группа. А и насрать...

– Привет, – я подняла руку. – Соскучились?

Моя старая знакомая блондиночка, за время учебы несколько подрастерявшая лоск, прошипела что-то, наверняка приветствие. Люблю людей: сама вляпалась, а виноватой я оказалась. Впрочем...

Учеба.

Лекции.

Практикум по диагностике, который я благополучно и ко всеобщему удовольствию провалила, поскольку упрямый мой дар отказывался работать на манекене. Он чувствовал пластик, дерево и клубок заклинаний, которые придавали манекену сходство с пациентом, и остальным хватало, а я...

Я убедилась, что себе верить нельзя.

Снова лекция.

И снова практикум, на сей раз по плетениям первого порядка, которые я знала неплохо и даже сумела изобразить что-то, достаточное для минимальной отметки. Неодобрительный взгляд мастера Хоннора, который даже вынырнул из обычного полусонного состояния, чтобы высказать, сколь бесталанные ныне студенты пошли.

А что... потерплю.

Обед.

Госпиталь.

Марек, который по-прежнему находился в палате, хотя искренне не понимал, что он здесь делает... Мастер Варнелия.

Витгольц, пытавшийся Марека разговорить. Нет, он не использовал магию, он принес местный аналог шахмат и выстраивал партию за партией, расспрашивая Марека о жизни его былой. И тот рассказывал, охотно, искренне, удивляясь тому, до чего, оказывается, опасны некоторые магические эксперименты...

Именно это ему и сказали.

Эксперимент.

Неудачный.

Потеря памяти побочным эффектом. И дар, который почти потух, но это временно... Год-другой, как раз достаточно, чтобы подготовиться к поступлению.

Смотреть на них было неожиданно больно. И пусть Марек, избавившийся от своей ненависти, был почти счастлив, искренен и весел, как может быть искренен и весел подросток, все равно меня не покидало ощущение, что я лишила его чего-то невероятно важного.

– Ты сделала больше, чем кто-либо, – Варнелия понимала меня, пожалуй, лучше, чем остальные. – Его мозг разрушался, и здесь мы были бессильны... он бы выжил, но в каком состоянии?

Я это понимала.

Я помогла, спасла, и все такое. Я просто оказалась рядом. Остановила то безумие на полигоне и, быть может, вообще подвиг совершила, которого от меня не ждали.

Но на душе было тошно.

А как справиться с этой тошнотой, я не знала. И потому ушла в работу, благо в клинике ее всегда хватало.

Сортировка перевязочного материала.

Стерилизация.

Папки с личными делами, которые надо привести в порядок. Выписки. Подготовка зелий первого уровня, к более высоким меня не допускали.

Переучет постельного белья...

И шкафы с лекарствами, где порядок не наводился уже пару десятков лет... нет, не основные, в основных он был идеален, но вот средства длительного срока хранения... И недовольная старшая сестра милосердия, которой не по вкусу пришлось моя инициатива. Но что она могла против Варнелии?

Ей оставалось хмуриться и шипеть в спину.

Плевать.

Пусть и проклинаят, но...

Он нашел меня между шкафами. Я как раз раздумывала, сумею ли достать бутылки с верхней полки так или все ж стоит прогуляться за лестницей.

– Доброго дня, – брюнетик выглядел истощавшим, но весьма бодрым и донельзя мрачным. Последнее, как полагаю, было естественным его состоянием.

– И тебе доброго, – я поднялась на цыпочки и вынуждена была признать: без лестницы не обойтись. Крайние склянки я сниму, а вот с дальними придется повозиться. – Если пришел сказать спасибо, то всегда пожалуйста...

– И это тоже. Моя семья несказанно благодарна тебе за участие...

Ого, а по тону судя, он меня проклинаят, а не благодарит. Впрочем,

чего еще ждать от мажора. Небось полагает, что, если бы не я, спасения не понадобилось бы.

– Ага... я тоже несказанно благодарна, что они несказанно благодарны, и вообще... бутылку сними.

– Что?

– Бутылку, – я указала на полку, где бутылок этих было с полдюжины. И главное, тяжеленные, темного стекла и наверняка без этикеток. – Сними. Пожалуйста. Я не дотянусь, а за лестницей лень идти, но если ты сходишь, тоже будет неплохо.

– Ты наглая, полукровка.

– Какая уж есть.

Нет, почему, когда человек, вместо того чтобы краснеть и мямлить, прямо говорит, что ему нужно, он вдруг становится наглым? А лепетать, значит, и ножкой паркет шкрябать – это, выходит, нормально?

И вообще...

Хорошее воспитание нужно, чтобы одним людям было удобней пользоваться другими. Это я уже давно усвоила...

...Хорошая девочка Лена из седьмой квартиры каждую неделю бежит Софочке в аптеку.

И в магазин.

И в поликлинику ее провожает. И приходит, чтобы выгулять Софкину псинку, а еще порой печет пирожки и вздыхает, как ее задолбало это... только смелости не хватает Софку на хрен послать, как я это сделала. Как же... воспитание, мать его.

Вот и у брюнетика оказался тот же недостаток. Я ему не нравилась. Настолько не нравилась, что челюсти сводило от раздражения, но бутылек он снял.

И второй.

И третий.

И все шесть, одинаковых, что близнецы.

Почти одинаковых. Было в них что-то...

– Я хотел бы настоятельно порекомендовать тебе, полукровка, не строить планов на Малкольма...

– Хорошо.

– Что? – по-моему, подобного поворота он несколько не ожидал.

– Хорошо, говорю. Планов строить не буду. Я вообще замуж не собираюсь.

Неправильно.

И таким дежавю неправильность легкая, едва уловимая. А потому

никак не могу понять, в чем же дело. И этот еще отвлекает. Стоит. Сопит. Руки на груди скрестил. Тоже мне, статуя скорби мировой... и осуждения. Хотя не понимаю, я же с ним согласилась, а все равно...

– Твое присутствие мешает.

– Ага...

Одинаковые.

Каждая на литр, может, чуть больше. Стекло темное. Пробки плотные, тоже заплывшие... или нет? У пяти, а в шестой выделяется. Светленькая. Чистенькая... и сидит хоть и плотно, но не настолько, чтобы не вытащить.

И пыль.

Те пять успели обзавестись серой пушистой шубкой, а эта вот... будто протирали.

Интересно.

И... чую задницей, я опять во что-то вляпалась.

– Слушай, – я повернулась к брюнету и руки за спину спрятала. – А ты в зельях хорошо разбираешься?

Малкольм вот точно разбирается, но...

Малкольма под рукой нет, а этот имеется. И тоже старшекурсник, а основы зельеварения входят в общую программу. Надеюсь, при его снобизме брюнетик считает, что учиться надо на отлично.

Выражение его лица говорило, что он желает послать меня лесом, но... хорошее воспитание – оно такое, заставляет людей делать то, что им не по вкусу.

– Глянь бутылочку, – я подвинула ту, которая с белой пробкой. – Пожалуйста.

А что, сказать мне несложно.

Сама же я взяла бутылку с темной пробкой, выковырять которую получилось не с первого раза. Увы, усилий оно не стоило. Внутри оказался самый обыкновенный деготь, смешанный с овсяным настоем и, кажется, мятной эссенцией. Ее, полагаю, добавили исключительно в попытке облагородить кожную мазь. Попытка, сразу скажу, не слишком удалась.

Сколько эти бутылки стояли?

Дегтем, если помнится, уже лет десять никто не пользовался, существовал с десяток куда более простых и эффективных средств для лечения кожных заболеваний. Так что мазь успела и настояться, и протухнуть и теперь изрядно пованивала.

Правда, мятные нотки в этом смраде ощущались, добавляя свою прелесть.

Я чихнула и потерла нос.

– Ну? – поинтересовалась у bruneta, застывшего с бутылкой в руках.
Вид у него был...

Странноватый.

Бледный.

Лихорадочный... и пот проступил на лбу... и, кажется, у него хватило дури попробовать... да, зря я надеялась, что снобизм помогает в учебе.

– Эй, – тихонько позвала я и, дотянувшись до bruneta, ткнула в него пальцем. – Ты живой?

Живой.

Сердце колотится.

И с энергией что-то... бурлит он внутри, будто чайник, того и гляди взорвется. Ох ты... адреналин шпарит. Надпочечники выплеснули его столько, что странно, как вообще сердце выдерживает. И что бы ни было в той бутылке, для здоровья оно явно не полезно.

– Ладно, – примиряюще сказала я. – Ты тут стой, а я пока... пока схожу. В туалет. Очень, знаешь ли, захотелось...

Смотрит.

На меня.

Сквозь меня... и под взглядом этим не слишком уютно... более того, откуда-то взялось ощущение, что с меня сейчас шкуру снимут... в прямом смысле слова.

Он наклонился.

Поставил бутылку. Аккуратно закрыл пробкой... Движения были медленными, очень осторожными, словно он боялся, что не справится с собой.

– Так я...

Я пятилась.

Он смотрел.

Смотрел и...

– Беги, – сказал он, растягивая губы в резиновой улыбке.

Уговаривать меня не понадобилось. Развернувшись, я кинулась к лестнице. А заклятие ушло в стену, и стена эта, вздрогнув, плюнула в меня штукатуркой.

Твою ж...

– Помогите! – мой визг утонул в тишине.

И вспомнилось, что время-то позднее, что из людей здесь – тихие целители, большей частью студенты, а дежурный мастер наверняка устроился в комнате отдыха и дремлет. И даже если не дремлет, что он может противопоставить слетевшему с катушек деструктору.

Мамочки...

До лестницы я добралась. И, воспользовавшись перилами – широкие, дубовые, давно мечтала прокатиться, – съехала на второй этаж... И чернота, которая поползла по перилам, почти не напугала...

Совсем не напугала.

И пепел под ногами.

– Стой, тварь! – рев за спиной заставил вздрогнуть и прибавить шагу.

Тварь я или нет, дома подумаю, а теперь...

Палаты.

В палатах больные люди...

– Назад! – рывкнула я на излишне любопытную тетеньку, которой вздумалось проверить, кто ж это вечером тихим разоряется. – Закрыться и не высовываться...

Брюнетик взвыл.

Он спускался.

Медленно так, будто и не человек – игрушка заводная. Только, чуется, завода надолго хватит... бутылочка, мать его... кто ж просил прихлебывать... а если бы яд... лучше бы яд. С ядом я, глядишь, и справилась бы...

– Тварь... – отчетливо произнес он, вытягивая руку, на которой бултыхалось что-то такое, зеленое, полупризрачное и явно недоброго плана.

Тетенька, на меня смотревшая с упреком – ага, не в мои юные годы солидными дамами командовать, – тоненько взвизгнула и скрылась-таки в палате. Надеюсь, додумается дверь подпереть, хотя бы тем же комодиком.

Я икнула.

Так... думай, Марго... думай...

Зеленое марево шлепнулось и с шипением растеклось по ступеням, от которых повалил дымок. Вариант подойти и швахнуть по голове чем-нибудь тяжелым я отбросила сразу. Во-первых, тяжелого ничего нет. А во-вторых, вряд ли меня подпустят столь близко.

Бежать...

Ниже палаты с тяжелыми.

И приемный покой. Отделение интенсивной терапии и операционные... и мало ли кто там... я, конечно, эгоистка, но я хотя бы здоровая и...

– Рай, – я пятилась, не спуская взгляда с некроманта. – Скажи, а почему ты меня так не любишь?

– Ты тварь, – убежденно произнес он.

– Это я уже слышала...

Спокойно.

Дар мой, чтоб его, опять исчез... а ведь если меня не станет, то и его тоже. Слышишь, зараза этакая? Или помолиться стоит? Скажем, богам местным... они давно не вмешиваются в дела земные, но вдруг да для меня исключение сделают?

– Но почему?

– Тварь.

– А ты понимаешь, что если убьешь меня, то получится нехорошо?

Он наступал.

И вновь же движения дерганные, какие-то неровные, будто он не до конца справляется со своим телом, и... и я вижу бурлящую силу, напирющую на диафрагму... странно, будто на анатомическую проекцию накинули пленку с разбрызганными красками.

Алая...

Агрессивная.

А вот зелени капля... и если попробовать изменить цвета? Нет, не получается, то ли в принципе невозможно, то ли маг из меня хреновый, что куда более вероятно.

Мать твою ж...

– Ты должна... должна... – он запнулся.

Нахмурился, будто размышляя над чем-то. Надеюсь, не над тем, стоит ли меня убивать здесь или же вывести из здания...

– Я тебе помогла, – подсказала я.

Если цвет не получается изменить, то... вот эти ниточки, протянувшиеся в никуда. Алые, нарядные, как дождик на городской елке. Поблескивают и манят...

Я протянула руку.

Ниточки исчезли, не желая иметь со мной дела.

– А давай, – предложила я, – выйдем?

– К-куда?

– Отсюда... что тут... тесно, темно... и помешать норовят...

Внизу громко хлопнула входная дверь. Надо будет посоветовать доводчики сделать, а то пара таких хлопков – и здание рухнет к чертовой бабушке.

– А на улице вечеров... прохлада... прогуляемся, ты мне все и расскажешь.

Брюнет уставился на меня.

Зрачки плывут... взгляд явно рассредоточенный, что не предвещает

ничего хорошего. Нет уж, второй раз я тебя спасать не стану, раз уж мозгов нет... это додуматься, попробовать неизвестно что...

И нити по-прежнему не давались. А за спиной некроманта шелохнулась тень весьма зловещего вида. Я моргнула, и тень исчезла, а вот присутствие живого осталось. Будто кто-то прятался...

Надеюсь, помогать пришли мне, а не ему...

– Руку подай, – велела я, и брюнетик – вот ведь сила хорошего воспитания – подчинился. Я же, ухватившись за локоток, продолжила: – Ты хороший парень, Рай... вижу, равнодушный к окружающим...

Красные нити оказались горячими.

Ощущение, что пальцы в кипяток сунула... скривилась, пытаюсь удержать улыбку.

– ...и друзей любишь. Любишь ведь? Развлекай даму беседой... убить всегда успеешь.

– Тварь.

Вот заладил.

Все мы твари божьи, как утверждала бабушка, потому не обидно, но...

– В этом мы тоже разберемся... на самом деле тебе ведь не хочется никому причинять вред?

Я тянула цвет.

Медленно.

По капле.

И старалась не закричать от боли, потому что чужая ярость была не просто горячей. От нее собственная моя кровь грозилась закипеть, но...

Нельзя отпустить.

Сволочи.

Кругом сволочи... что папаша мой... взрослый ведь человек, не мог не понимать, чем его романчик чреват. А нет, влюбился, чтоб...

Спокойно.

Это не мое, это наведенное, но я справлюсь, я разрушу алый цвет, главное, не спешить, иначе и я с катушек слечу, а безумный маг жизни – последнее, что этому миру нужно.

– Ты ведь предупредил меня... это чужое, Рай. Я чувствую.

– Я...

Шли мы медленно. Ноги вдруг сделались тяжелыми, да и собственное тело... будто и не мое даже. Кто-то другой дергает за ниточки, заставляя конечности сгибаться, вот только умения ему недостает, поэтому люди-куклы двигаются рывками.

И подошвы шоркают по полу.

А тетенька вновь нос высунула, впрочем, мигом убрала.

– Я вот тоже всех ненавижу...

И мать хороша, связалась с женатиком... а потом не нашла в себе сил жить дальше, и плевать на ребенка, который слаб и зависим от нее... ага, какой ребенок, у нее же чувства.

Хрень полная.

Бабуля... чтоб ей... нет, не сдохнуть... я не буду никого убивать... просто еще одна тварь, и свое получит. Все они... притворяются добренькими, ага, жалостливыми к сиротке... наплевать им было на меня раньше, когда и вправду помощь нужна была.

Дышим глубже и перевариваем этот яд душевный.

– И я понимаю, что ваша Офелия крепко обоим карму попортила...

– Тварь, – согласился Рай.

Одно слово, а сколько оттенков.

– Еще какая... только и вы теперь не лучше. Девчонкам головы дурите... разве хорошо?

Противно.

Сюсюкаюсь.

Взрослый парень... маг могучий, а туда же, сопли развесил, обидели его. Небось сам шел по жизни, поплеывая на таких, как Офелия, с высоты своего статуса. А как прижало...

Спокойно.

И ниже... первый этаж.

Холл, к счастью, пустой... чудо, не иначе, или тот, кто шел за нами следом, стыдливо прикрываясь сотворенной тенью. Я слышала его, но...

Мог бы уже что-нибудь сделать. Тоже мне, нашли Бэтмена в юбке. Всех спаси, всем помоги... а я, между прочим, помогать никому не хочу. Я вообще людей не люблю.

Глобально.

Двуличные они твари, да... какое хорошее слово. Какое яркое, как рубин, и всеми оттенками красного поблескивает-переливается...

Дверь Рай любезно открыл сам. Кажется, желания убить меня поубавилось. И хорошо, алого в нем стало много меньше, да и то потускнело, словно выцвело.

Правильно.

Я тут на дерьмо исхожусь.

Только я и... всем же насрать... нет, заплатят, конечно... этак и миллионершей к концу учебы стану, если, конечно, доживу, что сомнительно...

Мы добрались до лавочки.

Кто додумался ее поставить?

Обындевела, обледенела, но Рай на нее плюхнулся и меня за собой потянул. На коленки. Что ж, на коленках всяко теплее будет. А что обнял, сдавил так, что кости захрустели, так он, думаю, не нарочно...

С другой стороны, плевать. Давать себя щупать всем безумным...

На холоде зелье выветривалось не в пример быстрее. И через несколько минут я ощутила, как меня отпускает. Алое догорало, костер из старых обид.

Костры жгли осенью.

Устраивали субботник, куда выходили самые, мать его, ответственные жильцы. И моя мамаша, даже когда остатки мозгов выкурила, все равно выходила... на хрена, спрашивается? Или цеплялась за эти субботники как за воспоминания?..

Ненавижу.

И слезы душат.

Грабли. Желтое покрывало листвы, которое никому-то не мешало, а его раздирали, обнажая склизкую темную изнанку. Стягивали в кучи и поджигали.

Дым вонял.

А люди приговаривали, мол, экология плохая, вот и деревья скоро из пластика станут... идиоты. Моя мамаша паялилась в огонь, а я, еще подросток, тряслась от мысли, что она сейчас возьмет и шагнет в костер. Потом, став старше, поняла, что не шагнет, что так просто мне от нее не избавиться...

А субботники...

Дым...

Ненавижу.

И реву. Сижу, уткнувшись носом в чужое плечо, и реву, как ребенок, а треклятый брюнетик, из-за дурости которого мы теперь и оказались здесь, по голове гладит.

Я шмыгнула носом.

И велела себе успокоиться.

Не получилось.

...Память словно прорвало... Вот лестница подъездная и фикус в кадке. Шлюмбергера на подоконнике. В декабре она зацветает рыжими крупными цветами, которые почему-то ассоциируются у меня с мандаринами.

Коврики.

И двери.

Стена, расписанная цветочками. Расписывали ее давно, и часть цветов стерлась, но...

Я хочу домой.

Сейчас.

В родной подъезд, в ту привычную жизнь, которую я знала и понимала, а тут... тут я, быть может, и ценный элемент мира, но не человек...

Деньги у меня есть, хватит заплатить за переход. Но вот уйти мне не позволят.

В какой-то момент слезы закончились, и я, ткнув брюнетика кулаком в грудь, сказала:

– Двоечник.

– Я не виноват, – голос его звучал хриловато. – Я только понюхал и... и вообще, ты сама попросила...

– Посмотреть, а не пробовать.

– Я лизнул.

– Ага... – я вздохнула. – Как сейчас?

– Да... нормально. Кажется. Только... еще посидим?

Посидим. Конечно. Прохладно, и, кажется, снег пошел. Мокрый. Мелкая морось, крупные хлопья. Падают, кружатся в свете фонаря.

Красиво, да.

– Я... на самом деле не такой, – первым заговорил Рай. – И... я не знаю, как оно действует, но мы обязаны...

– Обязаны.

Не дура. Понимаю.

Пожалуй, слишком много понимаю... поставить эту бутылку в шкаф мог лишь тот, кто в госпитале бывает часто. Кто знает в нем каждый закуток. И в курсе этих вот тайных явных мест...

Кто способен сварить подобное зелье...

Зачем?

Сила?

Концентрированная ненависть побочным эффектом? Или... наоборот? Сила – это побочное, а ненависть... все люди – твари? И надо лишь позволить этой твари выглянуть.

– В другой раз, – со вздохом произнес Рай, – когда я говорю, что надо бежать, будь добра именно так и поступать.

Ага.

Всене непременно.

Глава 35

Мастер Витгольц всякого повидал на своем веку.

Он помнил и серию ритуальных убийств на острове Керсе, когда погибло семеро детишек, чтобы один одержимый получил шанс увеличить потенциал.

Могущества не хватало.

И свихнувшегося от избытка сил мага, который возомнил себя спасителем мира, а в итоге стер с земли деревеньку вместе с жителями.

Видел расчетливых убийц.

И глупых.

Преступления голой страсти и скрытой выгоды. Простые, сложные и лишь кажущиеся таковыми вроде смерти старшего смотрителя Королевского архива, за которой стояла банальная ревность.

Нынешнее дело отличалось ото всех.

Оно было... бессмысленным?

– И что скажешь? – мастер Витгольц потер переносицу.

Полдюжины бутылок.

Полдюжины кругов на полке, каждый – отпечатком. Только пять – ровные, аккуратные, а шестой не то чтобы смазанный, скорее уж состоящий из многих колечек... бутылку брали и ставили на место. Не единожды. И тот, кто делал это, определенно обладал чувством юмора.

Прятать на виду...

Содержимое заменил. Посуда старая, такую давно уже не льют, но в госпитале сохранилось изрядно. И о чем это говорит, кроме того, что подозреваемый имеет к клинике доступ?

Именно что ни о чем.

Знал?

– Я давно собиралась навести здесь порядок, но все как-то руки не доходили, – Варнелия капнула раствором на тыльную сторону ладони и наклонила руку, позволяя капле растечься по коже.

Серебро.

Металлический блеск, вязкость средняя... аромат легкий, цветочный. Пожалуй, Витгольц его ощущает.

Отпечатков нет. Вернее, может, они и были – хотя вряд ли, все же тот, кто затеял игру, слишком осторожен, но... если и были, то их затерли. А потому, если и найдутся, девочке и парню... повезло.

Или нет?

Им – не слишком, а вот Совету магов – вполне...

– Кто бы это ни сделал, он талантлив...

– Или она, – мастер Витгольц замороженно наблюдал, как серебряная капля переползла на предметное стекло.

Еще несколько уйдет в трубу анализатора.

Что покажет?

Стандартные всплески – это очевидно, как и то, что по пикам удастся вычислить основные ингредиенты. Но вот второй и третий порядок...

Варнелия постарается, тут и думать нечего. Губы поджала. Хмурится. Неприятно осознавать, что кто-то из твоих учеников убийца...

– Полагаешь, все-таки женщина?

– Не исключая...

Варнелия кивнула, правда, не понять, согласилась или нет.

– Составишь список своих... кто более-менее разбирается в прикладном зельеварении?

– Попроси у Альгера. Думаю, они составили уже не один список.

Она фыркнула и увеличила температуру нагрева.

– Они – это они... а ты – это ты, ты знаешь этих детей... кто чем живет, кто чем дышит...

Пламя приобретало бледно-голубой оттенок. Еще секунда-другая – и содержимое кювета превратится в пепел, перед этим выплеснув магическую составляющую.

– Я думала, что знаю этих детей, – Варнелия смахнула несуществующую слезу. – Но... знаешь, если кого и писать первым номером, то меня... и остальных, кто работает...

Это верно.

И контора, тут и гадать нечего, всех уже перечислила, начала копать, рьяно вгрызаясь в прошлое, перетряхивая всю жизнь несчастных, которым не повезло работать или хотя бы числиться при клинике. И откопают ведь... мелкие нарушения, крупные проступки. Грехи, грешки и грешочки, постыдные тайны, которые не имеют отношения к делу, но послужат хорошим рычагом давления. Достанется всем – и правым, и виноватым. Вот только чутье подсказывало: все это не имеет смысла. А что имеет?

Витгольц не знал.

Бодун.

Такой вот он бодун... напилась я один раз в жизни, на первом курсе, когда, казалось, дошла до ручки. Мамаша, помнится, тогда добралась до

моей нычки, и курточные деньги ушли на дурь. Мне же достался невнятный лепет, мол, она не хотела...

Ага...

И сторублевка.

Что такое сто рублей? Аккурат хватит на вступительный взнос.

Общага. Музон. Кто-то пьет, и отнюдь не коньяк. Брали самогон, который девчонки разводили с лимонадом и колой, и ядреная эта смесь отлично выносила мозги.

Помню сигаретки, заряженные димедролом.

Смех.

И пьяные разговоры. Кто-то блевал, не добравшись до туалета. Кто-то обжимался у стены. Я плакалась на жизнь... кажется... не знаю, каким чудом я выбралась из этого бедлама и доползла домой... встретила, помнится, Софку, раз и навсегда убедив ее, что яблоко от яблони недалеко падает... главное, утро было гадостным.

Почти как сегодняшнее.

– Я их ненавижу, – сказала я искренне, когда дверь палаты открылась.

А как здесь оказалась, не помню совершенно, и этот провал в памяти мне категорически не нравится. И сестрица моя, ликом белая, тоже не нравится. Ишь, смотрит, что солдат на вошь, так бы и раздавила... губенки поджала, подбородочек задрала выше Эйфелевой башни. Плечики расправлены, и вся такая тошнотворно аристократичная, что зубы сводит.

Я икнула и зажала рот руками.

А сестрица аккуратненько так притворила дверь, прижалась к ней спиной, чтоб, значит, не заглянул кто ненароком, и сказала:

– Отстань от него!

– От кого? – уточнила я, пытаюсь справиться с головной болью.

Нет, вот почему я не способна силой мысли исцелить себя саму? Или просто с бодуна сила мысли не та?

– Ты знаешь! – она подошла ко мне и, схватив подушку, рванула вверх.

– Не-а...

Глазки блестят.

На щечках алые пятна... и вся такая разгневанная, что прямо смех берет.

– Ты... когда ты появилась и вошла в мою жизнь...

Я? Да мне плевать было на ее жизнь и всю их семейку разом. Сами меня сюда притащили, а теперь недовольны.

– ...я терпела! Видят боги, я пыталась относиться к тебе непредвзято...

То есть скорбные рожи и пылающие взгляды не считаются? Вот если бы кирпичом по голове...

– Но ты... ты не могла... не могла... – от возмущения сестрица растеряла слова.

– Что, взять и сгнуть? – подсказала я и, отобрав подушку, сунула себе под спину. А то мало ли... вдруг да этой оскорбленной благодетели вздумается меня придушить.

А что, силенок у нее, несмотря на хрупкость, хватит.

– Хоть бы и так!

– Обойдешься, – я поерзала, прислушиваясь к себе.

Руки двигаются. Ноги тоже. И даже тяжелая голова не слишком жить мешает. Что из этого следует? А то, что, вздумай сестрица на кулаках отношения выяснять, я за себя постоять сумею...

– Ты... ты...

– А в горшке растут цветы... что? Рифма сама собой напрашивается.

– Ты и цветы – не рифма!

– А что?

– Издевательство над изящной словесностью, – Мелисса упала на табурет. – Все говорят, что вчера Рай тебя на руках носил...

– Да?

Впрочем, зная, как рождаются слухи, не удивлюсь, если вечером найдутся свидетели страстных наших поцелуев, а то и секса, такого, романтического, в саду на лавке под дождем и снегом. А что, любовь, она такая, согреет...

– Я тебя ненавижу.

– А мне насрать, – я широко зевнула и поинтересовалась, так, для понимания общей картины: – Влюбилась, что ли?

– Тебя это не касается, – Мелисса задрала подбородок еще выше. Этак и шею себе сломает, жертва хороших манер. Но потом добавила: – Мы помолвлены...

– Помолвка – это еще не свадьба.

И что-то, припоминая их с Малкольмом забавы, сдается мне, что горячих чувств брюнетик к сестрице моей не испытывает. И после свадьбы вряд ли все волшебным образом переменится.

– Что ты понимаешь, – Мелисса стиснула кулачки. – Сегодня утром он написал, что, к великому сожалению, вынужден разорвать помолвку!

Последние слова она выкрикнула.

Разорвать, значит.

К великому сожалению.

А я тут каким боком? Пусть идет к своему Раю драгоценному и ему мозг выклевывает. А я еще полежу часок-другой, пока допрашивающие не явились. А то ведь придут, вопросы задавать станут... мне же надо подумать, что отвечать.

Нет, все, случившееся вчера, случайно, но... кто ж мне поверит?

Решила убраться.

Душевно терзалась... и так истерзалась, что полезла куда не просят... и знала же, что инициатива наказуема, так нет... что ни шаг, то грабли.

– Это все ты... – Мелисса всхлипнула и закрыла лицо руками. – Я ведь... я так старалась... соответствовать... и делать вид, что... закрывать глаза... бабушка говорила...

– Если долго держать глаза закрытыми, то и ослепнуть можно.

Я вздохнула.

Вот не люблю страдающих красавиц. Сидит, роняет слезы прозрачные, губки дрожат, щеки румянятся... глаза глубже, синее... и сама вся такая несчастная, что прямо тянет обнять и успокоить.

Хрен тебе.

Не нанималась.

– Ты... ты... что мне теперь делать? Бабушка...

– Проблема в ней? – я все-таки сползла с кровати, рукой придерживая рубашку. Опять больничная и размера этак на три больше нужного.

Вырез огромный.

Только на одно плечо натянешь, так другое выскальзывает. Того и гляди спадет с меня эта больничная краса, правда, вряд ли обернусь царевною...

– Она... она годы потратила, чтобы выйти на... чтобы заключить сделку... и я... я... – Мелисса всхлипывала все громче, а я мстительно подумала: долгие рыдания и красавицам не к лицу. Вон, нос распух, сопельки потекли...

Да, мелочь, но приятно же...

– Другого найдешь.

– Других таких нет... – резонно заметила Мелисса, высморкавшись, правда, не в рукав и не в подол, а в батистовый платочек. – Он ведь... единственный сын... наследник... наши дети получают титул и... титулы... род...

Бестолочь.

Детей у нее еще нет, родитель Рая жив и бодр, а она уже про титул думает. Этого мне точно никогда не понять. Нет, выгодное замужество – это-то как раз понятно, в нашем мире тоже половина моих однокурсниц

жила мечтой о прекрасном принце. Причем красота напрямую ассоциировалась с толщиной кошелька. Чем состоятельней, тем, стало быть, прекрасней, но... вот не мое это.

– Забей, – я добралась до столика с водой. Стаканом озадачиваться не стала, подняла графин, благо горлышко у него было широким.

Вода...

Вкус совершенства. И пила я, пила...

– Тебе легко говорить, – Мелисса смотрела на меня с явным упреком... ну да, я ведь практикум сдала, а веду себя неподобающим образом. – Бабушка сляжет...

– Поверь, наша бабуля нас с тобой переживет и еще детям нашим, если таковые случатся, успеет крови попортить, а то и внукам.

– Ты...

– Сними уже розовые очки, – в голове прояснилось, а заодно уж я если не просветления достигла, то чего-то вроде. Захотелось сделать что-то хорошее... – Вот скажи мне, на кой хрен тебе муж, который тебя в грош не ставит?

Мелисса нахмурилась.

– Или думаешь, что после свадьбы он изменится?

– Он...

– Увидит, какая ты прекрасная кругом, влюбится и бросит мир к твоим ногам?

Похоже, именно так сестрица и полагала.

– Черта с два... он ведь с тобой знаком, верно? Встречались вы. И даже, думаю, пару раз куда-нибудь да выходили... в приличное место, куда временную подружку тащить не принято. Он улыбался тебе. Ты – ему. И все вокруг – вам...

Я глотнула еще воды и, поставив графин на место, потянулась.

– Правда в том, что ему глубоко плевать... ты или еще какая красавица из хорошего рода. Жениться? Женится. Детей тебе заделает, раз уж папенька почетную обязанность продолжения рода на него скинул. Но подружки его никуда не денутся. И если он сейчас не дает себе труда их скрывать, то и дальше не будет... на хрена ему дергаться, если он тебя не уважает.

Спина зачесалась, и я вынуждена была признать, что в больничных рубашках есть своя прелесть. Сунув руку в дыру, я поскребла между лопаток.

Чудесно.

Мелисса молчала.

Поджала губки. Надулась чтомышь на крупу. Ага, конечно... я такая

дрянь, которая только и может, что по чужим мечтам топтаться. А в них небось любовь до гроба, звезды сквозь тернии и семеро сопливых детишек.

– Если хочешь совета – забей. На бабулю с ее амбициями. На долг перед родом... вообще хрень несказанная... подумай, чего сама хочешь. Ты ж неплохой целитель. Так зачем себя гробить браком с каким-нибудь козлом вроде нашего папаши...

Мелисса вспыхнула.

– Ты... ты не имеешь права его судить.

Ага, сейчас.

Вчерашнее приключение стоило поблагодарить за ясность, наступившую в моей голове. Я больше не злилась. Я думала, что мне и раньше-то плевать было, но нет... не плевать.

Были и обиды.

И надежды.

А теперь вот осталась блаженная пустота. Надо будет попробовать поработать с этой пустотой, может, именно ее не хватало, чтобы научиться с даром работать.

– Имею, – этот диалог начал надоедать. Или не сам диалог, а потрясающая твердолобость сестрицы, уверенной, что она святая, а все вокруг так, погулять вышли. – Еще как имею... он был взрослым человеком. И нес ответственность за семью. За твою. За нашу... он не имел права брать и заводить вторую семью. Ребенка... а раз завел, то будь добр, отвечай. А он поиграл и бросил... и не надо лепетать, что не виноват... знал, чем бабуля, чтоб ей в аду икалось, балуется, но все равно... Ай, забудь. Просто посмотри на свою мать, вспомни детство и подумай, хочешь ли ты быть настолько же несчастной.

Ага.

Получилось пафосно.

Но ведь правда же... до того правда, что... у меня хотя бы воспоминания были. Парк там. Качели и мороженое. Или кукольный домик, который отец делает, а я сижу рядом, будто помогаю... или вот еще день рождения и торт со свечами.

Торт пекла мама, а свечи отливал отец, всегда волшебные, узорчатые, и мне казалось, что нет их чудесней. Что ж, оглядываясь назад, я должна признать: в отличие от Мелиссы я хотя бы некоторое время была счастлива. И кажется, она тоже поняла это, если, вскочив, сказала:

– Как же я тебя ненавижу!

А я не нашлась, что ответить.

Только подумала, знает ли мастер Варнелия о бабулином маленьком

хобби?

Глава 36

Кофейня «Геллеван» всегда славилась не только отменным кофе – книга матушки Геллеван хранила без малого четыре сотни рецептов изготовления сего напитка, – но и тем, что посетителям здесь гарантировалась полная конфиденциальность. Если, конечно, они того пожелают. Расположенная в тихом месте, в доме о двух этажах, второй из которых был жилым, кофейня обладала богатой историей и обширными подвалами. В них-то еще прабабка матушки Геллеван, собственно, и открывшая кофейню, и оборудовала кабинеты.

Небольшие.

Уютные.

С высоким уровнем звукоизоляции и магическим куполом, ежели кто-то испытывает в нем нужду. Нынешняя собеседница Альгера была способна сама воздвигнуть купол, чем, собственно говоря, и озаботилась.

– Благодарю, что вы приняли мое приглашение... – Санора Дейкхар первой взяла крохотную, с наперсток, чашечку.

Кофе по-аншайски, столь любимый ею, был напитком совершенно неженственным: густой, тягучий и горький до отвращения. А зерна химмелики, которые добавлялись при варке, придавали ему вязкости.

Собеседник ее, судя по высокой чашке, увенчанной белой пеной взбитых сливок, предпочитал аллекский вариант, в народе более известный как «дамский каприз». Легкий и слишком уж сладкий, чтобы можно было ощутить истинный вкус напитка. Даже пряности не способны были заглушить этой сладости.

– Что вы... мой долг – служить короне, и мой род, смею полагать, успел доказать свою преданность не только словами, но и многими славными деяниями...

– Оставьте, леди. У меня не так много свободного времени, чтобы тратить его на пустую болтовню. Чего вы хотите?

– Помочь короне.

Собеседник пригубил напиток. И пена взбитых сливок осталась на губе.

– Я знаю, что моя внучка... неожиданно появившаяся внучка... обладает даром, который полезен короне...

– Откуда?

– Слухами земля полнится...

– Леди, – он промокнул сливки салфеткой. – Я же просил... вы ведь не хотите оказаться в управлении? Скажем, за попытку вмешаться во внутренние дела короны...

Не угроза.

Тень ее, напоминание, что следует быть осторожной в своих высказываниях, хотя Миранда и без того осторожна. Ах, до чего неудобно, но... нельзя не воспользоваться подобным шансом.

И больно думать, что все могло бы пойти иначе, поспеши она...

Амелию винить бессмысленно, она свои интересы блюла, что более чем понятно. А Никхарт, кажется, вообще не способен задуматься о последствиях...

Стоило раньше поинтересоваться тем ребенком, но, положив руку на сердце, слишком много она сделала, чтобы выкинуть ту семью из памяти, чтобы...

– Мне жаль, если так. – Искусство высокой беседы оттачивалось годами, и не Альгеру было в нем соревноваться. Все же, как и прочие мужчины, он был чересчур прямолинеен.

Откровенно полагался на силу.

Власть.

И не замечал нюансов...

– Я не слепа. Я способна сопоставить некоторые... события... к примеру, жених моей внучки, наследницы рода, оказывается в клинике и прогнозы неутешительны. Бедная девочка рыдает, а потом вдруг происходит чудесное исцеление. Или тот, второй, мальчик, чей разум пребывал в тумане, возвращается в сознание... или моя бедная подруга... или...

Взмах рукой оборвал перечень фактов весьма своевременно, поскольку факты иссякали.

– Слухи идут самые невероятные, и думаю, работать с ними умеют не только ваши люди. В настоящий момент положение Маргариты, – произнести имя получилось с трудом. Ах, почему она не настояла на том, чтобы забрать ребенка еще тогда, – весьма двусмысленно. Она вне рода... ни связей, ни обязательств... и если вдруг завтра пожелает покинуть страну, вы не сумеете ее остановить, то есть сумеете, конечно, полагаю, средства найдутся, но... это будет не то. Верно?

Кофе был хорош.

Горечь его встряхивала, заставляла собраться.

– Вам нужно иное, добровольное сотрудничество. И желательно такое, когда девочка выкладывается до дна...

– И что вы можете предложить?

– Средство, – она извлекла из ридикюля флакон темного стекла. – Возможно, это не совсем законно...

Вернее, совершенно противозаконно, однако Миранда не столь наивна, чтобы полагать, будто корона ставит закон выше собственных интересов.

Больной мальчишка.

Не способная зачать королева, у постели которой побывали все мало-мальски толковые целители, да без толку... им есть что терять.

– Капля ее крови...

Флакон встал между чашками.

– Двое суток, чтобы настояться...

Собеседник не спешил принимать сомнительный дар. Но и указывать на незаконность подобного действия – тоже.

– Первая доза – четыре капли... выберете мальчика поприличней, все-таки она мне внучка... Вторая – три... Два дня – по две. И три – по одной. Сформируется сильнейшая привязанность...

И от любви она отличается мало.

Что такое любовь, как не привязанность, просто естественного происхождения, но ждать милостей от природы глупо, если можешь подтолкнуть события.

Немного.

– ...и девочка будет рада помочь избраннику во всем...

– И что взамен?

Белая пена опала. Да и собственный кофе остыл, загустел до невозможности.

– Вы не станете лезть... во внутренние дела моей семьи.

...Утро.

Утро – это хорошо. Птички, правда, не поют. Окно окончательно затянуло льдом. Ничего, прохлада бодрит, а бодрости мне как раз и не хватает.

Выходной.

И можно, конечно, полежать, но... библиотека ждет, а с ней – паратройка увесистых томов по альтернативным целительским методикам, по которым мне задали реферат написать. И чувю, сколь бы прекрасен этот реферат ни был, а у мастера Сканошки найдется во что ядом плюнуть.

И потому настроения работать никакого.

Медитация.

И попытка установить контакт с даром.

Плетения первого порядка и основные бытовые, которые у меня не выходят от слова «совсем». А в понедельник практикум, и буду я чувствовать себя полной дурой...

И не только там.

Во вторник семинар по этикету и основам живописи... акварели принести надо. А я если что и могу рисовать, так...

Мысль взбодрила.

А почему бы и нет, собственно говоря?

То есть оно, конечно, не принято, но ведь и не запрещено? Что было сказано? Мы обязаны продемонстрировать технику и знание предмета... только бы еще акварельками разжиться. Здесь я, как понимаю, одна, не озаботившаяся приобретением мольберта, палитры, трех дюжин кистей и прочих прибабасов, к целительскому делу отношения не имеющих.

Малкольма попросить, что ли?

Но, во-первых, прошлая поездка в город нам изрядно боком вышла. А во-вторых, день пропадет. Реферат писать надо, акварели рисовать тоже... и вообще дел до хренища, а я на кровати лежу, в потолок плюю и лениво раздумываю, у кого бы одолжить...

Хотя...

Невеста Айзека была совершенна и в розовом халате, щедро усыпанном блестящими камешками. Будь передо мной кто попроще, я бы решила, что камешки – стразы, но здесь хрена угадаешь...

– Бабушкин подарок, – пояснила Арина, несколько смутившись. – Неудобно было отказаться...

– Да и теплый.

– Верно, – она кивнула и заложила за ухо белую прядку. – Проходи, будь добра... я как раз собиралась завтракать. Не желаешь ли...

Я в очередной раз убедилась, что жили здесь неплохо.

Будуар в персиковых тонах.

Мягкая мебель.

Ковры и портьеры. Натюрморты. Пейзажи... тепло и столик с гнутыми ножками. Серебряный поднос. Высокий кофейник. Свежие фрукты и блинчики с клубникой... я даже позавидовала.

Немного.

– Акварель? Конечно, у меня есть запасной набор, хотя, признаться, давно уже не брала кисти... Ты останешься? Во второй гостиной у меня неплохое освещение – искусственное, конечно, но зимой с естественным сложно... Не будешь против, если я составлю компанию?

И вежливо так, что отказывать неудобно.

Вторая гостиная оказалась не так чтобы велика, но вполне уютна. Те же тона, обои в полоску. Пейзажи, полагаю, для вдохновения, но я и под страхом смертной казни не смогу изобразить вот это псевдосельское великолепие со стогами сена, речушкой и горбатым мостиком.

И лес с медведями.

И вот этот закат в бирюзовых тонах...

Я вздохнула и, прищурившись, смерила лист взглядом. Эх, где глубины моего таланта и бездна вдохновения?

– Не думай о технике. В конце концов, ты не выпускница художественного лица, да и творческое осмысление никто не отменял...

Ага, творческое.

Осмысление.

Я тронула лист углем. Сделаем для начала набросок... вот только... я мстительно улыбнулась. Разве нам не повторяли, что понимание прекрасного у каждого индивидуально?

Мое будет очень глубоко индивидуально.

А с рефератом я Малкольма попрошу помочь. Правда, в последнее время он какой-то смурной, и надо бы над проклятием его подумать...

Лиловое тело.

Алые пятна.

Будто россыпь ягод, проросших сквозь плоть... синие нити... я ведь не то собиралась изобразить, хотя получилось очень похоже... и это сходство заставляет взглянуть на проблему иначе.

Возможно, если я возьму и соберу эти треклятые ягоды... нет, не ягоды, а огоньки... собрать их в ладони и...

– Оригинально, – Арина сбила с мысли, и я выругалась.

Вслух.

– Извини.

– Ничего, – я потеряла переносицу. – Как Айзек?

Я ведь не только рисовать сюда пришла.

– Не слишком хорошо. К сожалению, ожоги затягиваются медленно, а он никогда не отличался терпением. Вынуждена признать, что характер у него испортился окончательно. Настаивает на расторжении помолвки, тем более что...

Есть пример. Брюнетик, сколь знаю, не одумался и не вернулся к моей несчастной сестрице.

– Рай не планирует жениться в ближайшем будущем, но... ему можно. Я предложила сочетаться браком. Я, да не только я... целители полагают, что Айзек вполне способен зачать здорового ребенка...

Новый лист.

Руки действуют сами, я слушаю блондинку и в то же время вижу, что именно должна изобразить. Ребенок – это луч света в сером шаре-животе... фигура женщины получается размытой, а вот огонек – ярким. И пожалуй, в их варианте это хороший выход.

Арина замолкает.

Мы обе молчим, но никакой неловкости не возникает.

– Я оставлю это себе? – спрашивает Арина, когда тишина становится слишком утомительной.

– Конечно...

– Твоя сила красива...

Сила?

Я не...

Не чувствую силы. Огоньки-капли не так просто собрать в ладони. Непослушные они, своевольные, но...

– Определенно... она другая... знаешь, я давно не рисовала... как-то не было желания особого. Да и смысл? Очередной натюрморт? А вот сила... почему-то никто и никогда не рисовал ее. Даже странно так... – она прикусила губу. – Напишешь Айзека?

Я кивнула.

И уточнила:

– Что твой дядюшка думает по поводу нашей... прогулки в парке? Или змея... он ведь рассчитывает, что...

– В последнее время он меня избегает. Хотя... тоже рекомендовал расторгнуть помолвку. Настоятельно.

Только его настояние ушло не туда.

А я... кажется, я вижу чуть больше, чем должна. Но об увиденном промолчу, поскольку дело это не мое. Как ни странно, Арина мне глубоко симпатична. Не лезет в душу. Не пытается притворяться, что полюбила меня с первого взгляда. И ненавистью не брызжет. И вообще держится будто бы в стороне.

Удобно.

– Ясно...

– Они рассчитывают на тебя, но... насколько я поняла, стабилизаторы уже почти не действуют... да и сам Айзек не слишком надеется... он как будто не в себе.

Голова.

Синяя голова и розовый мозг, как облако, застрявшее в черепе. Мозг получился очаровательного зефирного оттенка, такой легкий, воздушный...

– Он никого не желает слушать. И дядя запер бы его в лечебнице, но опасается, что сильный эмоциональный всплеск повредит ему сильнее, чем пребывание здесь.

Желтые брызги в лобной доле.

Вишенка гипоталамуса и...

– Позволишь? – я протянула руку. Все хорошее познается в сравнении. И в данном случае сравнивать есть смысл со здоровым образцом.

Ручка белая.

Легкая.

С кожей мягкой, с пальчиками точеными. Ноготки подпилены и... да, завидовать плохо, но иногда не завидовать не получается.

Я вздохнула и закрыла глаза.

Нервная система.

Мозг... у женщин он и вправду самую малость иной, с привкусом ванили, как бы жутко это ни звучало. А толком объяснить не выйдет, потому что сама плохо понимаю, что именно иначе.

Знаю вот, а...

Полушария.

И железа, и та самая структура, легчайшей паутинкой связывающая полушария. Ого... а концентрация нейронных связей здесь зашкаливает. И если в той же коре картинка похожа на ажурную сеть с пробегающими по ней искрами, то здесь это скорее сияющий монолит, в котором то тут, то там зарождаются вспышки света.

Красиво.

Охрененно красиво.

Завораживает.

И вот если оно так должно быть, то... шансов у Айзека немного. Я, конечно, постараюсь помочь, но... это как дать в руки кирпичи и ведро цемента, понадеявшись, что чудом к утру я возведу Тадж-Махал... ну или, на худой конец, Великую Китайскую стену...

Я вздохнула.

Нельзя думать о неудаче, здесь, сколь я успела заметить, мысли до отвращения материальны, а потому... я отпускаю руку и возвращаюсь к холсту.

– Что с Малкольмом? – этот вопрос безопасен.

Он не о любви, хотя и о смерти, потому как и она знает... да, точно знает, взгляд отвела. Вздохнула и, едва коснувшись кистью холста, произнесла:

– Его отец объявил о помолвке. Свадьба состоится через месяц.

А Малкольм, наш большой мальчик, опасается не сойтись характерами с мачехой? Или... нет, не в этом дело. Все практичней и... страшнее?

Да.

Бракованный сын умрет, но другая жена родит других детей. Правильных. Здоровых. Способных продолжить род. Долбанные правила...

Нет, наверное, его тоже можно понять, но...

Ладно.

С рыжим мы что-нибудь придумаем.

Знать бы, что именно.

Глава 37

Реферат я написала сама. Всего-то сутки в библиотеке, благо там меня знали и относились не в пример спокойнее, нежели мастера. Да и мне там нравилось.

Тишина.

Стеллажи с книгами. Особый запах бумаги и пыли, хотя убирались здесь весьма и весьма тщательно, но запах все равно сохранялся. Уединение и какое-то непередаваемое словами ощущение покоя. Я устроилась за пятнадцатым столом. Если первые четырнадцать располагались в центральном зале, выстроившись в две линии, то пятнадцатый скрывался в махоньком закутке между секциями Эйр-один и Таль-три. Он примыкал вплотную к окну и на первый взгляд казался продолжением подоконника.

На второй, впрочем, тоже.

Правда, этот подоконник в отличие от того, что остался в моей комнате, не сквозил и не пропускал воду, а потому работать за ним было вполне себе комфортно.

Лампа.

Ящички со всякого рода нужными мелочами вроде листов бумаги, карандашей и ручек. Ластики и дырокол. Скрепки. Разноцветные плетеные закладочки и прочие канцелярские радости, которые здесь просто были и не являлись подучетным материалом.

Пять книг и две брошюры.

Лист линованной бумаги – рефераты полагалось писать от руки, в чем имелся определенный смысл, но я, говоря по правде, от этого несколько отвыкла. И, отложив ручку, просто забралась на подоконник.

Снова дождь.

И снег.

И...

– Офелия, надо же, какая встреча... – прозвучало это совсем рядом.

Нет, что за везение.

Или невезение?

Главное, не понять, что делать. Притвориться, что меня здесь нет, или покашливанием дать понять, что, наоборот, я очень даже здесь.

– Ты за мной следишь?

Этот голос вместо варенья на хлеб намазывать можно. Меня аж

перекосило от сладости.

– Присматриваю...

– Рай, душа моя... я все прекрасно помню и не собираюсь нарушать договор. Если, конечно, ты... сам хочешь его соблюсти.

Я поерзала, устраиваясь поудобней. Книжечку в руки взяла, кажется, посвященную влиянию ароматов на течение легочных болезней. Редкостный бред, скажу я вам, но упомянуть стоило.

– Слышала, ты отделался от этой блаженной дурочки, навязанной тебе в невесты...

– Не думаешь же, что от любви к тебе?

– Ты разбиваешь мне сердце.

А теперь в ход пошел пафос. Жаль, попкорна под рукой нет. Я прямо-таки вижу эту сцену. Брутальный и холодный он и этакая трепетная дева, прижимающая руки к пышной груди. И она грудь колышется исключительно от волнения. И чем сильнее колышется, тем мощнее прорастает любовь в суровом мужском сердце. Я прикусила пальцы, чтобы не захихикать.

– С чего вдруг? – то ли грудь колыхалась недостаточно, то ли Рай в принципе обладал иммунитетом к подобного рода действиям, но голос его по-прежнему был холоден. – Мы оба знаем, что сердца у тебя нет.

Здесь я могла бы поспорить. Сердце, аки мышечный орган, имелось у всех особей рода человеческого, но вот выполняло оно сугубо утилитарные функции.

– Рай, ты мог бы и подыграть... с Айзеком неладно.

– Ты знала.

– Знала, но... вчера он меня ударил.

Опа, а это что-то новенькое...

– Не преувеличивай, – а девушке не поверили.

– Я хочу уехать.

– Нет.

– Рай!

– Ты дала согласие. Сама... и была рада... и аванс получила.

– Верну.

– Поздно...

– Рай, ты не можешь...

Да уж, любовный роман получил весьма неожиданный поворот.

– Я многое могу, дорогая моя. К примеру, отправить тебя на окраину королевства. Куда-нибудь в Киддиш-Ах, где тихо, тепло и тоскливо... нет, там есть, конечно, люди, но не сказать, чтобы подходящее общество для

такой роковой красавицы...

– Издеваешься?

– Предупреждаю... ты играешь роль до конца, или... – Рай замолчал, позволяя додумать. А потом тихо поинтересовался: – Что случилось на самом деле?

– Айзек...

– Не начинай. Если бы он тебя действительно ударил, ты бы не в библиотеке была, а в клинике, где твое хорошенькое личико собирали бы по частям. Так что не надо...

– Он... он странный... он замолкает и молчит, молчит... потом вдруг начинает смеяться. Вчера спросил, кто я такая... а я... понимаешь, я смотрела на него и понимала, что на самом деле его люблю, – это было сказано с таким удивлением, что я подалась вперед, едва не задев стопку книг. – Рай, все это мило и интересно, но... вы мне всегда были симпатичны... и ты, и твой приятель... Айзек... но чтобы всерьез влюбиться... я не думаю, что вообще способна на такое!

Какое милое признание.

А мне хотелось бы знать, если меня обнаружат, то сразу шею свернут или погодят слегка?

– А вчера... я смотрела и думала, что умру за него... если он попросит, вот прямо на месте возьму и умру. Потом, правда, отпустило...

– И ты испугалась?

А то... я бы тоже испугалась. Прекрасно понимаю Офелию. Мне вот подобная самоотверженность тоже несвойственна, и если бы вдруг разыграло во мне желание немедленно душу за кого-то отдать с телом вкуче, я бы... я бы к психиатру обратилась.

Должны же здесь психиатры быть.

– Естественно, я испугалась... а он еще смотрит так, будто знает все, и спрашивает, мол, не хочешь ли на крышу прогуляться. Там закаты диво до чего хороши... закаты... ему всегда было наплевать и на закаты, и на рассветы, и на прочую дребедень романтическую, а тут...

– Успокойся.

– Ты обещал защиту!

– Обещал, значит, защищу...

– Нет! – взвизгнула Офелия. – Я не хочу... я... жизнь дороже... послушай, если надо, я снова выйду замуж... за кого скажете, за того и выйду. Хромой... косой... садист... но я хочу жить! А если останусь рядом с ним, то... я знаю, что умру! Неужели ты настолько меня ненавидишь?

Мне было тоже интересно.

– Я не ненавижу... просто... есть кое-что важнее моих желаний.
И ее, надо полагать.

Долг перед родом и прочая хрень, которая заставляет людей совершать поступки, противоречащие здравому смыслу и инстинкту самосохранения.

– Плевать, я...

– Офелия...

– Нет, пропусти и...

– Уже поздно, Офелия. Я вижу метку...

Рыдающая Офелия обнаружилась за библиотекой. Она устроилась на лавочке, по весне утопавшей в зелени и цвету. Ныне ни зелени, ни цвета не осталось, одни лишь темные палки, ошестинившиеся изрядной длины колючками.

Сизая стена библиотеки.

Водосточная труба и лужа, образовавшаяся под лавкой. Чугунные лапы увязли в грязи, да и вообще местечко изрядно располагало к страданиям душевным.

– Что за метка? – спросила я, устраиваясь рядом.

Лавка оказалась влажной, и брюки промокли.

Да и холод...

– Что? – Офелия шмыгнула носом.

– Метка, говорю. Что за метка, которую Рай увидел?

– Ты подслушивала?

Сколько возмущения. Можно подумать, она тут святая...

– Меньше трепитесь в общественных местах.

А слезы были не показные... личико утратило кукольную прелесть. Глаза распухли и покраснели, нос тоже раздулся. Губы дрожат...

– Я умру!

– Все мы умрем, – я пожала плечами.

– Нет, ты не понимаешь... я умру в течение суток... они... они видят печать... проклятый дар, и... и вообще...

Спустя полчаса задушевной беседы, сотни проклятий и двух сотен угроз в адрес не пойми кого удалось выяснить примерно следующее.

Рай – сволочь и тварь редкостная.

Обещал защитить, а вместо этого...

У нее ведь ребенок будет. И что с того, что Рай не знает. Почему? Потому что скотина. И если рассказать, он придумает, как от ребенка избавиться. Нужен тот ему... внебрачный... от девицы сомнительных моральных качеств. Ладно, не девицы, но... Рай всегда четко давал понять:

постель постелью, а работа работой... ребенок работе мешает... и это ведь так легко, взять и убить... а Офелия его уже любит.

Просто так.

Безотносительно потенциальной выгоды... в конце концов, ей есть что продать и она отнюдь не так бедна, как говорила... имеются драгоценности и вообще... тихая жизнь вдали от развлечений...

И быть может, у ее дочери получится то, что не вышло у самой Офелии, – стать счастливой.

Только ничего этого не будет: Офелия умрет.

Она еще тогда, после нашего разговора, попросила отпустить ее, но Рай... упрямый... и вообще тварь. Она говорила? Конечно, говорила... ничего, еще раз повторит... отказался. Пригрозил... чем?

Нашлось чем...

И поклялся защитить, а теперь на Офелии печать.

И не будет ни домика, ни дочери, ничего не будет. И она понятия не имеет, как быть, как...

– Ночуешь у меня, – сказала я, взяв эту страдающую идиотку за руку. – И вообще...

Что именно «вообще», я плохо представляла, но Офелия, шмыгнув носом, ожила.

– Ты... ты мне поможешь?

Ага.

И помогу.

И всех спасу. И вообще я всемогуща, аки Бог...

Малкольма, заглянувшего на огонек, девичьи посиделки, мягко говоря, удивили.

– А...

– Привет, – сказала я, окидывая рыжего пристальным взглядом.

Хреновато выглядит.

И оно, конечно, понятно. С одной стороны, точно узнать, что смертельно болен, а с другой, что папочка это тоже знает и уже готовит похороны, фигурально выражаясь.

– Мы вот решили посидеть тесной дружеской компанией. Присоединяйся. Кстати, ее Айзеку твой приятель подсунул. Никакой любви, чистой воды сделка.

Офелия надулась.

И отвернулась к окну, но попытки встать и уйти не сделала. Правильно, страх здорово мозги прочищает и в принципе неплох как

средство избавления от иллюзий.

– А еще она залетела от твоего приятеля...

Что?

Я врачебную тайну блюсти не клялась.

– ...но ему не говорит, потому что боится...

Малкольм открыл рот.

Закрыл.

Сел на пол рядом с Офелией и, взяв ее за руку, нахмурился. Сидел так долго, минут пять, я успела дожевать забытую позавчера в сумке булку. Вообще аппетит мой, на который я и прежде не жаловалась, стал вовсе непомерным. С другой стороны, бесплатно ничего не бывает, а сил я трачу изрядно.

– Рай никогда бы... – наконец произнес Малкольм, впрочем, без особой уверенности. Ага, Рай хороший, просто жизнь дерьмо и обстоятельства так сложились.

Слышала я подобное.

И верить не собиралась. Офелия в общем-то тоже...

– Молчи! – потребовала она и поспешно добавила: – И вообще отец не он, а...

Хорошая попытка, но даже рыжий не настолько наивен, чтобы поверить. Однако кивнул, мол, все так и есть, был тут еще один прекрасный принц, буквально мимо пробежал... задержался ненадолго...

– А еще он на ней печать увидел. Если, конечно, не солгал.

– С таким не шутят. – Малкольм выпустил ладошку Офелии. – Это плохо...

А то, даже я понимаю, что хорошего немного, вот только... в обычных обстоятельствах, может, и не шутят, но ныне-то дело сверхординарное, поэтому на слово верить брюнетике я бы не стала. Впрочем, сомнения свои я благоразумно оставила при себе.

– И что вы собираетесь делать? – Малкольм потер нос.

– Сидеть и ждать.

Ответ был, по-моему, очевиден.

Сидеть пришлось долго. И чтобы сидение не проходило в унылой тишине, где один человек явно раздумывает над перспективой смерти близкой, а другой, озабоченный подобной же перспективой, но в отдаленном будущем, мается тайной, обладателем которой стал, я отправила Малкольма в столовую.

– Зачем ты ему рассказала?! – зашипела Офелия, стоило двери закрыться.

– За шкафом.

– Ты... ты не понимаешь...

– Я понимаю, что ты сейчас преисполнилась гордого намерения удалиться в закат вместе с ребенком, – я забралась на кровать. Желания уступить оную кому бы то ни было я не испытывала. Во-первых, никогда не отличалась избытком любви к ближним, во-вторых, откажутся. – И там, в тиши и покое, воспитывать его на свой лад... только... ты не думала, что ты не вечна?

– Что?

– Родственники есть?

Она поморщилась. Ага, то есть имеются, но не такие, к которым можно за помощью обратиться.

– А теперь представь ситуацию. Вдруг тебя не станет... не знаю, по какой причине, что будет с ребенком? Детский дом?

– Думаешь, лучше, если его просто...

– Преувеличиваешь. Кроме того, – я оскалилась, – скажи, что беременных обижать нельзя... а вздумает, то козам он еще позавидует... ты просто скажи, он поймет.

Офелия вздохнула, но спорить не стала.

– Даже... если ему позволят родиться, то... заберут.

– По какому праву?

– Интересы рода...

– Пусть женится сначала, а потом уже про интересы рода долбит... и вообще... подумай сама, хочешь ли ты этого ребенка? Родить – еще ладно, тут никому не отвертеться, а дальше... носить с младенцем, подгузники менять, вытирать сопли...

Она поморщилась, будто я говорила о чем-то на редкость отвратительном. А что, все дети сопливят, даже самые распрекрасные. И вообще идеальные дети – это утопия.

– Все равно ты не имела права, – проворчала она, явно задумавшись, и подозреваю, отнюдь не над тяжелой своей судьбой.

– Если не нравится, иди, – я кивнула на дверь.

Как и ожидалось, уходить Офелия не стала.

Потом появился Малкольм с сумкой еды и бутылкой молока, которое, как он заявил, невероятно полезно... о пользе молока и говорили.

Потом перешли на творог.

Простоквашу.

И пироги с капустой, в которой много витаминов и вообще кладезь всяких полезностей, только надо их сохранить и...

Кто замолчал первым? И кто задремал? И почему это вообще случилось, ведь разговор был бурным, с истеричными нотками, это я отчетливо помню. А потом словно провал.

Тишина.

Темнота.

Скрип приоткрывающейся двери, и силуэт – черный на черном. Ощущение невероятной слабости и желание закрыть глаза. Кто уходит? Какая разница, пускай, это вообще не мое дело... мне бы выспаться, наконец...

Сон убаюкивал.

И отступал.

Словно море на берег, и я бессильна, как чертов песок, рисунок которого меняют волны. Лишь чувство тревоги мешает всецело отдаться шепоту их...

Встать.

– Малкольм... – он спал у кровати, на животе, сунув левую руку под голову. Рыжие космы растрепались, и вид у него был умилительно-беззащитный. Правда, в какой-то момент кольнуло нехорошее предчувствие, и я, наклонившись, коснулась онемевшими пальцами его шеи.

Дышит.

И пульс есть. Только сон густой, тяжелый, что войлок. Я видела этот кокон, обволакивающий Малкольма. И ничего не могла с ним сделать.

Тревога...

Я теперь знаю, как это сделать, и делаю, и почему-то чувство тревоги не ослабевает.

Вперед.

На ватных ногах и...

Малкольм!

Мой дар все-таки потянул меня к нему. Если положить ладони на виски, наклониться, прижаться лбом ко лбу и позвать. Просыпайся. Ну же, творится неладное... ты обещал помочь... может, мы обе не заслуживаем помощи, но ты обещал.

Не слушай море.

Солжет.

Все лгут, а наведенные сны – так особенно...

И войлочный кокон треснул. А Малкольм резко открыл глаза.

– Ш-што? – спросил он.

– Вставай, – я протянула руку. – Она ушла. А мы с тобой хреновая

охрана.

Не только мы, ведь должна быть и другая, не столь явная, но... смысл ловушки в том, что за приманкой следят. И значит, брюнетик должен быть...

Он был.

На крыше.

Стоял на краю... такое вот дежавю, чтоб его... что совой по пню, пнем по сове... двое – как-то чересчур... а парочка смотрелась.

Ночь тиха.

Луна велика. То-то шиза обострилась. Небо черное, снежок сыплет, такой вот высокохудожественный, крупными хлопьями, добавляя картине драматизма.

Деревья скрежещут.

Ветра почти нет, а они все равно скрежещут, то ли подбадривая, то ли наоборот. Главное, двоим, застывшим на парапете, не до деревьев. Держатся за руки, в глаза смотрят... застыли, мать его, в шаге от пустоты. И хороши.

Он в черном.

Она в белом. Платьишко тонкое, волосы кудрями...

– Что делать будем? – тихо спросил Малкольм, поднимая камень.

Глава 38

Камень – это хорошо. Камень – это аргумент, как сказала бы, но... сейчас воспользоваться не выйдет, а вот если немного позже... когда стянем их с парашюта.

– Подозреваю, они нас не услышат.

– Услышат, – эхом отозвался некромант, не отрывая, впрочем, взгляда от Офелии.

А это что-то новенькое...

– Умереть решил? – спросил Малкольм, камень за спиной пряча.

– Мы все мертвы...

– Ага, с рождения...

А если сосредоточиться и попробовать выключить их? Отправить в глубокий сон... знать бы еще как...

– Рай, ты... может, поговорим? – ласково предложил Малкольм, бочком подвигаясь к краю. Ступал он осторожно, но треклятый снег, которого, как оказалось, нападало изрядно, скрипел под ногами. И этот скрип здорово раздражал, отвлекая.

Две фигуры.

В зеленых тонах. Одинаковы до... люди не могут быть настолько похожи, и значит, эта вот зелень неоновая неестественного происхождения. Ее слишком много, чтобы пробиться сквозь полог. А с другой стороны, быть может, нет нужды лезть? Все гораздо проще... к примеру, я могу просто вытянуть эту зелень, как сделала тогда со злостью, и... и, быть может, сознание вернется в дурные эти головы.

Но...

Их двое. Я одна.

В прошлый раз мне хотелось кого-нибудь убить. А теперь... с крыши сигану?

Я поежилась.

И дотянувшись до Малкольма, взяла его за руку. Крепко. Надеюсь, поймет.

Зеленый.

Тоска зеленая, душевная. Надеюсь, хватит силенок переварить... а потом, когда отойдут, выскажу им все, что думаю... иди сюда... Зелень тянулась толстыми нитями, словно пряжа махровая, причем не лучшего качества. Чуть переберешь, и нить разорвется, расплзется в пальцах.

- Рай, послушай... ты совершаешь ошибку...
- Я давно ошибся.
- Все ошибаются, но... пока жив, можно все исправить.
- Мы мертвы.
- Я – нет.
- Тебе лишь кажется.

Бредовый разговор, а я от зелени задыхаюсь. Мир вдруг становится тусклым. Краски выцветают стремительно, а следом появляется ощущение бессмысленности.

Что я здесь делаю?

Мокрый снег. Холод. А я стою и думаю, будто способна хоть что-то изменить... какая потрясающая самоуверенность.

Кто я такая вообще?

– Рай...

В целом они правы. Эта жизнь напрочь лишена смысла.

Так.

Сосредоточиться. Я ведь только приступила, еще ничего толком не сделала, а уже хочу умереть. Надолго меня не хватит. А зелень... тоску, оказывается, переварить сложнее, чем ярость.

Само мое существование лишено смысла.

Не будь меня, все сложилось бы иначе.

Мама... отец...

Ярость. Точно.

Надо разозлиться. Красный с зеленым смешать. Стоило представить, и по махровым нитям побежали язычки пламени. Сгорала тоска без дыма и копоти. Вот только поддерживать этот огонь было адски сложно.

– Его надо разозлить, – сказала я сквозь зубы. И Малкольм услышал. Кивнул.

– Рай, я тебя презираю.

Оранжевые вспышки... и надо помогать... представить... Что я могу себе представить? Закрыть глаза. Вспомнить... ведь были же у меня моменты, когда я злилась... так злилась, что, казалось, весь мир ненавижу.

От него лучше уйти, от этого мира.

Ему без меня будет легче.

Всем будет легче... никто и не вспомнит... Айзек? Жаль, но... не мне решать чужие проблемы. Мне сказали, а я и поверила, будто последняя надежда мира. Смех, да и только... Смеялись надо мной часто.

Десятый класс.

Оленька, которую любили все, от учителей до старой вахтерши, которая, казалось, ненавидела весь мир. Но, завидев Оленьку, и она начинала улыбаться...

У Оленьки папа – хозяин супермаркета. И поговаривают, не только его.

Оленьку привозят в школу на «Лексусе». И Оленькина мама, строгая бизнес-леди, которая занимается чем-то важным и малопонятным, но связанным с IT, машет ей ручкой.

У Оленьки туфли на каблучках.

И сменка тоже.

Впрочем, сменки от нее никто особо не требует. Оленькины родители помогают школе, и поэтому на некоторые вещи администрация закрывает глаза. Нет, Оленька не наглет.

Она учится, и неплохо.

Очень даже неплохо.

У Оленьки хорошая память и живой ум. Она говорит, не заикаясь и не спотыкаясь на словах. Она складывает в уме трехзначные числа и перемножает двузначные... и знает о культуре Египта едва ли не больше нашей исторички. Оленька в Египте бывала в отличие от Виктории Львовны, но...

Ей простиительно.

Ей прощают всегда и все, и даже непонятную, необъяснимую неприязнь ко мне.

Дышать.

И злость... не тоска... соленые огурцы в сумке? Ерунда... они протекли на учебники, и, значит, в конце года меня ждет веселая встреча с нашей библиотекаршей...

Клей на стуле.

Всем смешно...

Или красное пятно, которое появляется на второй моей юбке... Все молчат и хихикают, а я с этим пятном весь день хожу, и никто никогда...

Меня в отличие от Оленьки не любят. И будь воля нашей классной, да и не только ее, меня бы выставили. И пытались. Разговаривали, что я не потяну старшие классы, что, возможно, мне стоит перевестись куда-то...

Я послала их.

Мысленно – на хрен. А вслух пообещала накатать жалобу в министерство. А что... я ведь сирота почти и учусь неплохо... их стараниями, собственным желанием доказать, что способна на большее.

Я не приму навязываемую ими судьбу.

Только едва ли не каждый урок становится битвой.

Меня пытаются подловить.

Доказать, что я не готова... и если той же Оленьке рассеянность прощают, она ведь так очаровательна, мила и, вообще, с кем не случается, то я... любое отступление от учебника – повод занизить оценку.

Но я держусь.

Я ненавижу их всех... хорошо, правильно, надеюсь, этой ненависти хватит, чтобы сгорела тоска. Я ведь тогда думала про самоубийство... а что, шаг с крыши – и вперед. Или вены перерезать. Это безболезненная смерть, так говорят.

Горячая вода.

Бритва.

Тоска плывет и плавится. Малкольм что-то кричит, пытаюсь дозваться, и у него даже получается. По зелени, окутавшей брюнета, идут искры.

Словно трещины.

Я не слышу слов. Пытаюсь, но собственное прошлое утягивает.

Школьный вечер.

На Оленьке светлое платье, нарочито простое, но это обманчивая простота. Все знают, сколько стоят такие наряды. И классуха отворачивается, не в силах совладать с собой. Ее выражение лица говорит мне о многом, ненадолго примиряя с этой измученной жизнью женщиной.

Ей обидно.

Она всю жизнь работала честно, а в итоге что?

Ничего.

И я даже понимаю, что на самом деле она ненавидит эту вот Оленьку с ее платьем стоимостью в полугодовую зарплату Ольги Николаевны, но здравый смысл подсказывает, что ненависть нужно перенаправить. И тогда, быть может, Оленькины благодарные родители в конце года сделают подарок не только школе...

Мне ясны те мысли, и ясность немного пугает.

Музыка.

Танцы. Обжимания в холле... у Оленьки много поклонников, но встречается она со студентом, это знают все, и знание прибавляет восторга и преклонения.

Чушь какая.

Я привычно подпираю стену, дожидаясь, когда пройдет время и я, наконец, смогу свалить. Я бы вовсе не являлась, но... внеклассное, чтоб его, мероприятие. А у меня и без того проблемы... и бабушку опять

вызывают, якобы за мою грубость...

Стена холодная.

На столе печенье, тортики и сок. Конфетки. Апельсинки. Чаепитие. И классная суется, ведь на вечер обещала заглянуть завуч...

Уйти получается.

Сначала в холл, потом и вниз спуститься.

А за школой меня ждут.

– Куда собралась, Маргоша? – этот голос я знаю хорошо. Евгешкин, верный Оленькин рыцарь, готовый исполнить любую ее прихоть. На самом деле он не злой, но напрочь безмозглый и без Оленьки ему не выжить.

Он это не столько понимает, сколько шкурой своей дубовой чувствует. А потому и старается.

– Отвали, – я сую руки в карманы.

Джинсы.

Свитер.

Видала я эти вечера неформальных встреч с их разнарядкой на красоту. Нет у меня платьев, а джинсы, они везде демократичны. Мои даже вполне приличные, получилось в секунду добыть интересную пару.

– Не кипиши, – Евгешкин заступает дорогу. – Разговор имеется.

А он не один.

Вальская и Тимонина, еще две закадычные подружки, которые и в туалет парой ходят. И голова у них одна на двоих, и тоже Оленькина. Ага...

– Говори, – я наклонилась, подобрала камень.

А что, с камнем оно всегда надежней. И Евгешкин укоризненно покачал головой: мол, ко мне со всей душой, а я тут с камнями вожусь и вообще явно вознамерилась нанести тяжкие телесные.

– Ты Оле нахамила. Надо извиниться.

– Когда?

– Чего? – он хмурится. Простой вопрос не укладывается в светлой его голове. На самом деле Евгешкин красавец, и половина наших девчонок вздыхает по нему... классе в восьмом я тоже. Впрочем, влюбленность быстро сошла на нет, когда Евгешкин, отловив меня в коридоре, велел не позорить его.

– Когда нахамила?

Сестрички-лисиčky в розовых пышных платьях хихикают. Кажется, они успели принять, и отнюдь не чаю. Этот блеск в глазах мне хорошо знаком.

Интересно, знает ли...

– Извинись...

– Иди на хрен, – я подкинула камень в руку. – И этих дур забирай. Отправьте их домой, пока не запалились.

Хихиканье стало громче. А потом Вальская, завизжав, бросилась на меня...

Мое существование противно логике мира. Не будь меня, все бы сложилось иначе.

Короткий роман.

И расставание.

Мама бы нашла другого, не успела бы прикипеть сердцем. И отец вернулся бы к семье, к Мелиссе, и не было бы отравляющего разум зелья, а я...

Пальцы вцепились в волосы, и я позволила ей оседлать себя. Я не дура, я понимаю, к чему все... у Вальской отец пусть и не так богат, как Оленькин, но тоже в городе человек известный. Трону ее пальцем...

Она кричала.

И пыталась выцарапать мне глаза.

И...

Я душила свою ярость. Я заталкивала ее в глубь себя, вместе с раздражением и ненавистью, я запрещала себе отвечать и...

И оказывается, это никуда не исчезло.

Я по-прежнему их ненавидела.

Всех.

Директрису.

Завуча, которая разбирала инцидент и тоже ненавидела меня за то, что приходится изворачиваться. Евгешкин ведь все записал, как ему и велели. И видео в Сеть слил... и вытащить, затереть его уже не получилось. Сеть ведь место такое...

В душе кипело.

Хотелось высказать все...

– Очень неприятно осознавать, что...

Им всем хотелось выставить виноватой меня. И если бы я ответила, как им хотелось, чтобы я ответила, тем более что смирение мне обычно было несвойственно. А расследование началось, потому как слишком уж громкий выхлоп получился с той истории.

Затаенного гнева хватило, чтобы тоска занялась.

И горела ярко.

Дым заполнял пустоту и глаза резал, будто настоящий. А я... я была там, в тесном кабинетике, выслушивая сбивчивы извинения...

Мне подарили куртку.

Сапоги. И еще розовую сумочку со стразами. Вальская, обняв, чмокнула в щечку. Как ее не стошнило? А Евгешкин ушел из школы. Поговаривали, не просто так, что-то там было, с марками да колесами связанное, но я не вникала...

Гори-гори ясно,
Чтобы все погасло,
Чтобы...

Земля далека, а небо твердое. И если приклеить к нему крылья, то выдержит всенепременно. Разве мне никогда не хотелось летать?

Изыди.

Дышать.

Нельзя забывать дышать.

Медицинская энциклопедия бабушки, которую меня дернуло в школу притащить. Уж не знаю зачем, но ее отобрали и разодрали на листы, а классная лишь пожала плечами: мол, книга старая, стоит ли поднимать шум.

Ненавижу.

Листки кружатся.

Надо поймать их все. Я докажу... я сумею... я...

Есть.

Существую и... и небо твердое, крылья прилипнут. Надо лишь решиться.

Сволочи кругом.

И незачем жить... незачем... надо... запуталась совершенно. И листки кружатся, если не соберу, не вернусь в разум. А оно мне нужно?..

Я почти решилась.

Или потянулась за листком? Не знаю. Не помню. Просто в какой-то момент наваждение схлынуло, а я обнаружила себя лежащей в луже. Саднили локти, ныл затылок. И было мокро, неудобно.

Противно.

А Малкольм еще пощечину отвесил.

— Гад, — сказала я, вытирая кровь. Крови было как-то слишком уж много для разбитой губы. И текла она не из губы, а из носа. Хорошо так

текла, алой лаковой водицей. Я только и могла, что слизывать, слизывать... и в голове вертелось, что выгляжу я еще более жалкой, нежели обычно.

Глава 39

И снова клиника.

Палата.

Нет, точно под себя забронирую и вещи перенесу. Вот прямо сейчас Малкольма отправлю, благо он чувствует себя виноватым. В глаза смотреть стесняется, будто не он еще не так давно доказывал мне, что творог надлежит есть исключительно в сыром виде, смешав с куриными яйцами и свежей черникой.

Бред какой.

И сальмонеллез вкупе с разгулявшейся кишечной палочкой. Я пыталась его убедить в этом, и, кажется, на полном серьезе... и теперь, оглядываясь, понимаю, насколько ненормальна была та наша псевдокулинарная беседа.

– Пить хочу, – сказала я, когда Малкольм водрузил меня на кровать.

А крепкий он.

На руках донес и не запыхался. Вот и сейчас кивнул коротко и подал воды. А еще полотенце. Правильно, с меня течет вон, мало что не ручьями. Грязными такими. И одежда моя промокла. И вообще...

– Спасибо.

– Извини, я... не знал, что делать.

– Да ладно. – Я потрогала губу. Зубы целы, что уже хорошо. А губа... это мелочь. Заживет через день-другой.

– Я никогда не бил женщин.

– Ну... когда-то же надо начинать...

Малкольм вспыхнул. А я себя пнула. Мысленно.

– Шутка это... я бы тоже себя ударила. И не факт, что не камнем по макушке...

Он набросил полотенце мне на волосы. Заботливый, и... и, пожалуй, я хочу ему помочь. Искренне хочу, но дар мой снова спит блаженным сном. А мне от этого выть хочется, потому как вижу, насколько быстро разрастается то пятнышко. Вдвое увеличилось, а ведь времени прошло всего ничего. И если оно дальше так расти будет, я просто-напросто не успею.

Я не жалела его.

Такие, как Малкольм... жалость не для них.

Я просто его обняла и уткнулась носом в холодную шею. Я тоже

замерзла и вымокла, и вообще уютно, когда вот так... он стоит и перебирает грязные пряди. Дыхание его теплое щекочет щеку. А тяжелая рука легонько касается моих плеч.

И так вдруг спокойно становится.

Неважно, что там будет дальше... и что было раньше. Время уходит. Есть лишь здесь.

Сейчас.

Для нас обоих.

Скрипнула дверь, обрывая чудо. И я моргнула, а Малкольм отстранился. Сволочи.

– Прошу прощения, если помешал, – санор Альгер выглядел взъерошенным, как еж после купания. – Но ситуация... специфическая. Надеюсь, вы понимаете. Малкольм, оставь нас.

– Нет, – рыжий взял меня за руку и насупился.

– Малкольм...

– А то я не знаю, что вы спрашивать станете. Или вот она не расскажет... или... Рай, когда в себя придет. Давно он на вас работает? В смысле, действительно работает...

– Лет пять уже, – санор Альгер вошел бочком.

– Почему только он?

– Характер, дорогой мой мальчик... или думаешь, что мы всех гребем? – он развернул стул к кровати. – Ты вот не подходишь...

А рыжий обиделся.

Нет, оно понятно, что мало приятного, когда тебя признают негодным, пусть и к службе на специфического характера Контору. Но я мысленно с санором согласилась: не тот у рыжего характер, чтобы в разведчиков играть.

– И что не так? – Малкольм на кровать сел и, не иначе как в состоянии душевного помутнения, меня приобнял. А я что? Ничего. Вдвоем теплее. А у меня кофта промокла насквозь. И вообще, как-то в палате прохладненько, поднабливает ощутимо.

– Все так, все верно, но... ты излишне прямолинеен. А еще несколько наивен. Романтичен...

Рыжий зубами заскрипел.

Ага, хочется к застарелым циникам с мертвой душой? Или зубы лишние?

– Скажи, дорогой, – санор Альгер не спускал с Малкольма взгляда. А глазенки водянистые, пустые, в такие смотреть, что в бездну плевать. – А смог бы ты вот ее, скажем так, использовать – испытывая искреннюю и

глубокую симпатию, предложить своему приятелю?

– Что?

У рыжего уши покраснели.

И не только уши.

Вон, шея багряная, веснушки белыми пятнышками.

– Или вот, скажем, отпустить, зная, что сегодня ее, вероятнее всего, убьют, и вообще втянуть в игру, понимая, чем это чревато?

Малкольм сопел, но сдаваться не собирался.

Я же вздохнула и поинтересовалась:

– Живы?

– Живы, – ответил санор Альгер. – Вот только ничего не помнят... последний месяц стерт начисто, и полагаю, не вашими стараниями?

Я кивнула.

Моими или нет, но держаться буду озвученной версии. Так оно безопасней.

– А главное, никто не понимает, как оно так произошло, – санор Альгер прикрыл глаза. – Их вела дюжина сотрудников, самых лучших, самых проверенных. И вся эта дюжина клянется, что не спускала глаз с девочки. И понятия не имеют, как она оказалась на крыше. И уж тем более как на этой крыше оказался Рай.

Это да... мне тоже хотелось бы понять.

В лаборатории пахло лабораторией.

Пожалуй, Варнелии нравилась эта характерная смесь ароматов: горячего железа, живого огня и трав. Тихо булькал металлизированный раствор, время от времени выдувая на поверхности своей разноцветные пузыри. Они лопались со стеклянным звоном, на который отзывались колокольчики из горного хрусталя. Звук получался долгим, чистым.

Варнелия смахнула пыль с полки.

Большая часть инструментов здесь была слишком чувствительна, чтобы использовать бытовые заклятия, а ручную пыль убиралась долго. И появлялась моментально. Пушистая, она скатывалась в плотные шарики по углам полок, растекалась тончайшим налетом на склянках и колбах, затягивала паутиной огромную тушу древнего катализатора. Накопители его, сделанные из искусственных алмазов, давно уже потускнели, и, по хорошему, катализатор давно следовало списать, но...

Лаборатория жила своей жизнью. И в обычное время Варнелия заглядывала сюда не слишком часто.

Она дождалась, пока опадут пузыри, а жидкость в анализаторе

приобретет насыщенно-оранжевый оттенок, и отвернула клапан. Пар выходил со свистом, и хрустальные колокольцы возмущенно задребезжали. Конечно, экая наглость, однако...

Пара капель крови.

И закрыть крышку. Отодвинуться. Развернуть панель управления. Пальцы на мгновение застыли над россыпью камней...

Материала достаточно, и, если даже она задаст неверную программу, ничего страшного не произойдет. Запустить новый цикл несложно, но...

Время.

Время уходило, а Варнелия терпеть не могла ощущение беспомощности.

– Вот ты где. – Тедди протиснулся в щель.

Пружина здесь была тугой, и дверь открывалась с трудом, а уж если руки заняты... Варнелия вспомнила, как еще студенткой мечтала, что станет однажды хозяйкой в этой клинике и первым делом прикажет пружину заменить.

Стала.

А про пружину забыла.

– И опять не спала? – он поставил знакомую коробку на столик, подвинув выводок толстых колб. Одну даже поймал, не позволив упасть.

– Аккуратней...

И все-таки прямой анализ или более сложный, но в то же время точный, по Гервельтцу? Придется потратить лунное серебро, а его и так не хватает, но... корона возместит.

Ради этого дела корона пойдет на все.

По Гервельтцу, с одной стороны, точнее и палитра шире, но...

Что-то мешало запустить процесс.

– Сомневаешься? – Тедди устроился в старом кресле, которое, сколько она себя помнила, стояло в углу.

– Не знаю... просто... рука не ложится.

– Тогда не ложи.

Как у него все просто... анализ займет двенадцать часов, а повторный – еще двадцать. И кто знает, что произойдет за это время?

– Слушай себя, – вытащил из коробки куриное крылышко.

Есть в лаборатории запрещалось строго-настрого. Но... должно же быть хоть какое-то удовольствие в том, что ты главный?

И Варнелия, вздохнув, запустила процесс.

В конце концов, у Конторы есть своя лаборатория и свои аналитики. И анализатор, надо полагать, не один. Пусть сами и думают, а она в этом деле

вообще боком.

Ее даже о помощи не просили.

И более того, вряд ли обрадуются, если она влезет.

Она запоздало нажала кнопку и, открыв три кювеза, добавила по капле вытяжки белокоренника. Старый фокус, который показал еще учитель и... наверняка в Конторе есть куда более эффективные методы, но она...

– Ты, к слову, не пришла... я ведь со жрецом договорился...

Раствор в колбе медленно менял цвет. Кровь окрашивала его в бледно-голубой, который после сменится лиловым... оранжевым... Медленный нагрев. Расщепление. Базовые потоки для сличения... все было привычно.

Правильно.

И в то же время странно.

– Прости.

– Простил, – Витгольц поймал ее и притянул к себе. – Забыла, да?

– Проспала.

Слабое оправдание собственной глупости. Другой бы обиделся...

Ее прошлый жених умел обижаться по пустякам, он превратил это свое умение в искусство, которое оттачивал по любому поводу.

И не потому ли они расстались?

Или просто она всегда знала, что там, в высшем свете, таком сияющем и утомительном, ей не выжить? А в лаборатории вот тихо. Спокойно. И Витгольц перелистывает журнал... хмыкает...

А ведь верно, если и варить что, то здесь...

Лаборатория занимает пять помещений, которые к тому же изолированы друг от друга. И кто-то, конечно, почти постоянно есть, даже ночью дежурят. Варнелии пришлось отправить такого вот дежурного домой властью данной...

Она закрыла глаза.

Дребезжали колокольчики, но пока глухо, без должного вдохновения. Процесс лишь начался. Пока жидкость перемешается, пока дойдет до нужной степени нагрева, пока...

Легчайшая фракция отделится первой, этак, часа через три...

– В следующий раз я сам за тобой приду.

– А он будет?

– А ты хочешь?

– Да... наверное.

– Да или наверное?

Она не знает. Она так устала и хочет спать. В последнее время никак не удавалось поспать, не то чтобы целую ночь кряду, но хотя бы часов

шесть.

Или семь.

– Хочешь, я тебя украду? – Витгольц отложил журнал, замяв один лист. Случайность? Или... нет, спрашивать она не станет.

Сам расскажет.

Потом.

– Хочу, – зевнув, сказала мастер Варнелия.

В приемной ректора было по-ночному тихо и мрачно. Свет проникал в окна, высвечивая белый подоконник, на котором тихо таяла ледяная скульптура.

Полог, прикрывавший ее, треснул.

И прозрачная фигура единорога медленно оплывала.

Ректор провел пальцем, вытягивая водяную дорожку. И вот как надлежит поступить? Молчать? Контора настоятельно советует молчание, мол, вскоре они выявят злоумышленника, раскроют заговор и вернут на земли должные покой и благоденствие.

Вот только веры этим уверениям немного.

Короне скандал не выгоден.

Университету тоже.

Как и самому ректору, коль хочет он сохранить свое место. Только он не был до конца уверен, хочет ли... а дети погибают... Пусть и получалось предотвратить, скажем так, несчастье, но отнюдь не усилиями Конторы.

Самоуверенные.

И бестолковые... нынешнее происшествие тому подтверждением. У семи нянек дитя без глаза... а ведь странно, странно... прознай кто, и репутации будет нанесен серьезный удар. Кто ж поверит в их всемогущество после такого-то...

Свет включать Фредерик не стал.

Прошелся.

Заглянул в приемную, которая, как и следовало ожидать, была пуста и тиха.

И здравый смысл подсказывал, что все дела обождут до завтрашнего дня, что самое простое и разумное – вернуться домой и доспать, но...

Ректор включил-таки свет в приемной и потянул дверцы шкафа. Нахмурился: шкаф оказался заперт. Нет, логично, конечно, однако... не только на магический замок. И если с оным Фредерик справился играючи, то обыкновенный пришлось просто-напросто сломать.

Мальчик расстроится.

Но... зачем мальчик запер шкаф? Личные дела студентов – это, конечно, важно, но не настолько секретно, чтобы ставить дополнительный запор.

Ах, паранойя, паранойя...

Или, скорее, предчувствие?

Ректор вытащил несколько папок не слишком убедительной толщины, но все же... все же... подумал и добавил еще пару.

Марек... школьный аттестат... результаты вступительных экзаменов... вполне приличные результаты. Надо будет озаботиться, чтобы его снова зачислили на первый курс. Мальчик подавал надежды... если, конечно, целители будут не против.

Характеристика.

И копия медицинской карты.

Родители...

А вот это уже любопытно. Очень любопытно... матушка у него из Финналов, весьма известная в узких кругах фамилия... а паренек, стало быть, по отцовской линии пошел.

Или не только?

Ага... факультатив по зельеварению с первого курса... отличные отметки... что еще ждать от паренька, в роду которого потомственные зельевары.

И как Контора это пропустила?

Или не пропустила, но просто, как это у них бывает, не сочла нужным поделиться информацией? Или...

Слишком уж много ошибок, чтобы списать все на случайность.

И давно ходят слухи, что в тех кругах, куда Фредерик старался заглядывать как можно реже, не отказались бы сменить династию – король слаб, королева бесплодна, второй наследник больше думает о дальних мирах, чем об управлении государством.

Айзек...

Хороший мальчик.

Был.

Маг жизни...

И бракованный амулет, чего в истории Конторы не случалось уже лет двести, если вообще случалось. С другой стороны, оно, конечно, заведение весьма специфического толка, о неудачах и ошибках своих предпочитает помалкивать, но...

Это напрочь лишено смысла. Королевскую кровь не заменишь...

Ректор отложил дело.

И открыл другое.

Офелия...

Первый курс. Конструкторы. Дар слабый, но состояние позволило заплатить сразу за год обучения. С этим надо будет тоже что-то сделать, придумать какой-то сокращенный, что ли, курс для таких вот дамочек, которым втемяшилось получить диплом... все равно ей половину практикумов не потянуть...

И преподаватели жалуются...

А идею стоит обдумать.

Капля воды сорвалась с подоконника и впиталась в ковер.

Маг жизни.

Чудо, если подумать, пусть и выраженное как-то... не так? Магу жизни в представлении общества положено быть хрупким, напроць умиротворенным и слегка не от мира сего. Главное, что он добр и принимает чужие проблемы близко к сердцу, а это...

Недоразумение, не иначе.

Но род...

Печальная история. И очередное дело, которое прошло мимо зоркого ока Конторы. Этак вообще легко дойти до мысли, что хваленая Контора не просто не всемогуща, но слепа, глуха или... блюдет свою выгоду. Однако в чем выгода?

Пожалуй, все же стоит навестить старых однокурсников. Они в делах вышних соображают куда больше, нежели Фредерик...

Айзек... своенравный мальчик, несколько избалованный, с рождения наивно полагающий, что в этом мире для него открыты если не все дороги, то многие... Не злой.

Это, наверное, хорошо, но в общем разрезе значения не имеет.

Путь его был предопределен.

Лучшие наставники.

Развитие дара. Элитный Ирхат... судя по ведомостям и переданному делу, Айзек там был в числе лучших, и отнюдь не благодаря роду. В Ирхате значение имеют сила, талант и старания.

Даже старания стоит на первое место поставить.

И потом эта нелепая история... краткий отчет, из которого понятно, что ровным счетом ничего не понятно. Как эти двое вообще проникли на охраняемый полигон? Стертая память. Нарушение обмена энергией.

И снова тишина.

А ведь помнится, что лет этак десять назад шигатцы попытались воздействовать, даже не на наследников первой дюжины, на чью-то то ли

родственницу, то ли метрессу, но скандал вышел знатный. Контора в ту историю вцепилась, что бульдог в чужой хвост... Трясло и столицу, и все королевство.

Газеты орали что собаки на сцепке.

Сплетники сплетничали.

Справедливость кое-как да торжествовала, но... а тут будто и расследования толком не проводилось. И почему вдруг от мыслей подобных поясница ныть начинает? Или не от мыслей, а таким напоминанием, что ни один подвиг для организма даром не проходит.

Малкольм.

Раймонд... бездельнички из богатых, но не сказать чтоб вовсе пропащие. Один талантливый целитель, другой – деструктор редкого дара. Небось в Ирхате, документы на перевод оформляя, не раз и не два слезу пускали... кому охота лишать себя такого подарочка.

Только вот...

Ректор двумя пальцами подхватил тающего единорога и перенес в цветочную кадку. Пусть уж пользу приносит, раз так вышло...

А с мальчиками неладно.

Определенно.

И надобно, надобно будет завтра в гости прогуляться.

Глава 40

Этот дом знал иные времена.

Дрожание свечей и гул пламени в каминах. Всенепременные сквозняки, без которых не способно было обойтись ни одно мало-мальски древнее строение. Торжественная тишина библиотеки. И суета подчердачного этажа, где ютились слуги.

Младшие горничные.

Старшие.

Камеристки и экономка. Лакеи и важный распорядитель, главным достоинством которого, помимо роскошных баков, была верность что дому, что семейству. Кухонные рабочие и те, кого даже на кухню пускали лишь в праздничные дни.

Гувернеры и гувернантки, которые уже не слуги, но еще и не господа. Бедные родственники и приживалки. Воспитанницы. Компаньонки...

Хозяева, бывшие сердцем его и частью каменной плоти, пусть и не способна она ожить.

Дом помнил.

И трепетно хранил память картинной галереей, где запечатлели всех, кого сочли достойным... были даже младенчики, которым боги не судили жизни, но...

Родовое древо расцветало из пера сказочной птицы.

И женщина в строгом черном платье, пожалуй, несколько вышедшем из моды, разглядывала это перо пристально, будто пытаясь обнаружить в потускневшей позолоте что-то...

Особое?

Тайное?

– Госпожа... – ее камеристка, а заодно уж и горничная – она давно уже сократила штат прислуги, благо предлог имелся, – поклонилась. – Чай накрыт...

– Иди...

Взмах руки. И широкий рукав опадает, ложится тяжелой волной, обнажая морщинистое запястье. Нить жемчуга лишь подчеркивала желтизну кожи.

– Госпожа?

– Можешь быть свободна... только проследи, чтобы грелка на месте была. А то в прошлый раз пришлось спускаться...

В доме имелся лифт. Все же она была не настолько безумна, чтобы не позволить современным удобствам облегчить собственную жизнь. А ноги ныли, особенно к вечеру или вот в такую зимнюю погоду... ветра ныне совсем расшалились.

Бессовестные.

И задувают... в лаборатории вовсе находиться невозможно, хотя еще прошлым годом она установила современные батареи, а вот, поди ж ты, не справляются.

– И передай Керенцу, что если кто будет спрашивать, то меня нет...

Никто не будет.

Кому она нужна?

Кому интересна? Осколок некогда великого рода, а теперь вот...

Она коснулась-таки пера, не рисованного, а вышитого золотой нитью. По семейной легенде, сделала это как раз Аугуста Золотое Перо, получив от благодарного короля во спасение титул и земли...

Снова пора на реставрацию отдавать.

И не первый раз, и даже не десятый, а потому вряд ли осталась здесь хоть нить от того, древнего рукоделия...

Кинкейд Благородный...

Безземельный рыцарь – королевской фаворитке не так просто найти достойного супруга... и трое детей, среди которых особым правом наделен старший.

Древо жизни разворачивалось и разрасталось, оплеталось именами и фигурами, знаменовавшими связи... и где они теперь? Где все те, кто кровью и браком некогда клялся в вечной любви?

Пыль.

Да, пыли много, надобно сказать, чтобы вновь уборку затеяли. Придется приглашать людей... она ненавидела посторонних людей в доме своем, но...

Подхватив юбки, женщина поднялась на второй этаж.

Столик у окна.

Кресло-качалка. Забытая книга. Камин и плед... только кошки и не хватает. Боги, до чего она докатилась? А ведь мыслилось, что все-то у нее сложится иначе...

Одиночество не мешало.

Попривыкла, и вообще... вот только ноги болели сильнее обычного.

Она сама налила себе чаю и чашку взяла. И глаза прикрыла, не желая видеть ни огня, ни льда, узоры которого расползались по стеклу.

– Матушка... – этот голос вывел из полудремы, в которой она, сама

того не замечая, проводила все больше и больше времени.

– Я же просила говорить, что меня нет, – брюзгливо сказала женщина и смахнула капли пролитого чая с юбки. На жемчуг тоже попало.

Прежде жемчуг восстанавливали в крови или вот в желудках свежезабитых кур, но она нашла иной способ, куда менее травмирующий камни.

Патент приносит доход, как и другие, но... деньги на самом деле такая безделица.

– Я знаю тебя лучше, чем кто-либо, – ее умершая надежда скинул плед с кресла. – Тебе больше некуда идти.

Горько.

И правда. Только от правдивости горечи меньше не становится.

– Что-то случилось, дорогой? – чай в зачарованном чайнике не остыл, но настоялся, и во вкусе появилась характерная кислинка.

Все-таки она не любит чай, но пьет, поддерживая еще родителями заведенную традицию.

Какой в этом смысл?

Какой вообще смысл во всем?..

– Мой знакомый сказал, что ты привлекла внимание Конторы, матушка, – из рукава Никхарта появилась склянка, крохотная, на четверть унции.

Синее стекло.

Залитое сургучом горлышко. И... ее сын... неужели он и вправду... и Контора хороша, кто бы мог подумать, что там такие чистоплюи сидят.

– Мне сообщили крайне неприятную информацию, – он отер склянку платком и, взяв за тонкое горлышко – чуть сожми и треснет, – протянул ей. – Мне было печально слышать такое...

– Мне жаль.

– Матушка, – он оказался рядом, приобнял, как когда-то...

А ведь она всерьез надеялась, что зелье спасет... вернет ее мальчика, который вдруг перестал принадлежать ей одной. Аделия... Амелия – пустышка, она никогда не занимала много места в его жизни, равно как и в сердце.

А та, другая...

Всего отняла.

– Ты ведь понимаешь, что мы не можем позволить себе подобных обвинений, скандала... Не сейчас, когда Мелиссе предложили отличную партию.

Он вложил флакон в ее ладонь.

– Матушка, я одного не пойму... как ты могла позволить себе быть настолько неосторожной? Это недопустимо...

Сургуч треснул.

Запах тонкий, миндальный... ласковый сон, капли которого хватит, чтобы излечить самое сильное душевное расстройство, погрузив сознание в сладкую дрему. Две – чтобы избавить от боли и страха... прежде вытяжку корней варреры использовали в больницах...

Правда, выяснилось, что тело привыкает к этой сладости, а разум...

Разум всегда счастлив избавиться от метаний и проблем.

Что ж, могло быть и хуже. Из всего, что имеется в лаборатории, он мог бы выбрать куда более... сложные и изощренные или же болезненные яды.

– Я была осторожна... очень осторожна... поначалу... ты долго болел. Помнишь?

Нет.

И вспоминать не станет. Его разум, тот острый ум, который когда-то вызывал в ней восхищение, давно угас. Да и сам ее ребенок... тот, кто стоял, сжимая ее руку, не позволяя отказаться от сомнительного подношения, – не ее сын.

Ее – умер.

Исчез.

В том проклятом мире, откуда она надеялась его спасти, но вместо этого...

– Год... год у моря... ты любил смотреть на волны... ты часами просиживал на берегу и смотрел на волны. Не говорил. Не ел. Порой нам приходилось ставить капельницы... это было сложно, но нам удалось подобрать правильную дозу...

Правильные мысли.

И пожалуй, то время было хорошим. Амелия, конечно, много плакала, но она в принципе отличалась слезливостью... а ведь такая кровь...

Две капли в чай.

Три.

Четыре и пять. Он позволяет отставить флакон.

А завещание она успела-таки исправить. Что ж, это существо, которое мыслило весьма практично, чего она некогда и желала, будет удивлено.

Или не будет?

Оно в принципе потеряло способность удивляться.

– Дорогая матушка, – ей поднесли несессер. Он сам извлек перо и листы бумаги. – Надеюсь, вы не откажетесь оставить короткую записку.

Не откажется.

Она даже знает, что написать.

«Мне жаль».

Ей было действительно очень жаль... только жалость никогда и ничего не способна была изменить.

В разверстой грудной клетке билось сердце.

Почти как настоящее.

Следовало признать, что здешнее обучение весьма и весьма выгодно отличалось от принятого в моем мире. Муляж, во всяком случае, был почти неотличим от настоящего человека, поэтому меня не покидало странноватое чувство иррациональности происходящего.

– Как можете наблюдать, сердце... – мастер Навшер стоял над телом, вооруженный тонким белым хлыстиком. Металлический шарик на конце его поблескивал, изменяя параметры. И, подвластная ему, менялась кардиограмма на белой стене. – Работа...

Говорил мастер на редкость тихо, убаюкивающе.

Многие и убаюкались. Вот только хлопнувшая дверь разбудила задние ряды. А я вздохнула: мастер Навшер был человеком спокойным, но до крайности занудным.

А еще злопамятным, если верить рыжему.

Я верила.

– Маргарита – в ректорат, – возвестил секретарь ректора, одарив меня презрительным взглядом.

И что опять случилось? Я медленно сложила тетради в сумку, потупилась, изображая смущение, впрочем, вряд ли это произвело впечатление на Навшера, который продолжал бубнить, ковыряясь в груди манекена. А я...

Нет, ведь случилось же и...

Случилось.

– Мне очень жаль, – ректор сцепил руки за спиной. – Что я вынужден сообщить...

Что меня раздражало, так это избыток слов. Как что-то важное, так лишнего не услышишь, а тут развели политес...

Бабуля умерла.

На мгновение в груди что-то екнуло, а потом... какое мне дело до этой старухи?

Моя бабушка умерла давно. Она не хотела уходить, я знаю... и если бы мой дар, в котором чем дальше, тем меньше смысла я видела, открылся чуть раньше...

Он не мог помочь Малкольму.

Или Айзеку.

Или вот мне самой избавить от давящего ощущения близкой беды и собственной никчемности...

Бабушка уходила медленно.

Сердце.

Его поддерживали. Но, понимаете ведь, возраст... надо беречь себя и избегать волнений. Наблюдаться. Принимать лекарства. В санаторий вот съездить... путевки стоят не так уж дорого, но... одна пенсия на двоих.

Мои жалкие подработки приносили копейки.

И этих копеек не хватало, когда заявлялась мамаша, требуя дозы... у нее, мол, обстоятельства... я бы ее и на порог не пустила, но бабушка жалела и отдавала последнее, то, что отложено на нормальные препараты. Зачем ей, если можно купить дешевле...

Помню последние дни.

И светлое, какое-то легкое состояние. Прилив сил, который тогда показался добрым знаком: значит, помогает новое лечение... или просто вот случилось чудо. Весна. Сирень. Самое подходящее время для чудес. И кухонька наша крохотная с желтыми стенами. Одуванчики внизу. Их хорошо видно из окна. Подоконник широкий, и места хватает на нем не только склянкам с прорастающим луком.

Будет свежий салат.

Лук и сметана. И блинчики к ним. Бабушка печет отличные блинчики на сыворотке. И мы сидели, ели их и говорили о чем-то... кажется, о будущем моем, о том, что стану врачом.

Или ветеринаром.

Или...

Не помню. Вот хоть убей, не помню. А то, как она улыбалась, наоборот. И чашку ее огромную, пузатую, с золотым ободком...

Мамаша снесла ее в ломбард сразу после похорон.

И деньги требовала ей отдать. Мол, она взрослый человек, а я ребенок. Детям не положено заниматься похоронами... только хрен ей...

Цепочка тоже ушла. И тоненькое обручальное колечко, которое бабушка прятала для меня. Цепочки и кольца не жаль, а вот из-за кружки у меня истерика случилась. Я ее выкупить хотела, но...

Не судьба.

– И чего вы от меня хотите? – злость была звонкой.

Как первый лед.

И прозрачной.

Думают, я плакать стану?

Тогда да, плакала, умела еще. И злилась потом, обижалась, что она ушла, оставила меня наедине с этой... Мамаша носилась счастливая, планируя, как продаст квартиру, и даже нашла какого-то придурка, который готов был прямо там денег дать.

Только хрен ей.

Бабуля моя, хоть и добрая, да не дура, сумела завещание составить так, что квартира эта ко мне отходила. И поверенным своим сделала старого своего знакомого. Нет, он со мной не возился, не тот был характер, но помог отстоять.

И сам с мамашкиным новым приятелем побеседовал, объяснив...

Короче, хрен им, а не квартира.

– Завтра состоятся похороны и оглашение последней воли, – ректор, кажется, осознал, что падать в обморок или слезами заливаться я не собираюсь. А потому подобрался и заговорил спокойней: – Вам надлежит присутствовать.

– С чего бы?

Помнится, мне обещали, что к делам этого проклятого рода я отношения иметь не буду.

– Просьба поверенного... полагаю, леди упомянула вас в своем завещании...

Разве что матом.

– Однако, надеюсь, вы осознаете, что поездка куда-либо возможна лишь при наличии соответствующего сопровождения.

Телохранителя, стало быть, выделяют.

Как выяснилось, не одного.

Глава 41

– Ты собираешься идти в этом? – брюнет нахмурился.

Выразительно так нахмурился, всем своим видом выражая высочайшее неодобрение.

– А что?

Платье было вполне приличным. Форменным, между прочим. Пусть к старушенции я теплых чувств не испытывала, но дразнить гусей, сиречь бывших родственничков, не собиралась.

– Траур...

Рай заткнулся, полагаю, благодаря локтю Малкольма, который весьма своевременно прояснил позицию. Траур? Не по ней. Пусть радуются, что я в розовом с оборочками не явилась... хотя... полагаю, Амелия бы поняла.

– Сначала похороны, – я закинула на плечо рюкзак, который был куда вместительней сумки. – Потом по магазинам.

Что? Должна же я хоть какой-то профит от этого мероприятия поиметь.

Рай поджал губы и отвернулся.

Малкольм протянул руку, но рюкзак я не отдала. Во-первых, свои вещи я привыкла держать при себе, во-вторых, как-то нелепо смотрелся бы изрядно поношенный джинсовый рюкзачок вкупе со строгим черным костюмом.

Черное авто.

Водитель.

Запах кожи, кофе и дорогого одеколona. Рай, отвернувшись к окну. Ему черный цвет к лицу. Добавляет образу скорби... Малкольм задумчив и вертит в пальцах монетку.

– Как мозги? – молчание мне быстро наскучило, тем более подозреваю, что меня ждет весьма молчаливый день.

Или не один.

– Что? – Рай соизволил повернуться ко мне.

– Мозги, говорю, – я постучала по выпуклому его лбу. – На место встали? А то мало ли... нет, не подумай, что я из пустого любопытства...

Малкольм отвернулся, скрывая улыбку.

– ...но ты вроде бы как меня охраняешь, а ненормальный охранник – это несколько чересчур. Согласись.

– Ты много говоришь.

– Руку дай, – попросила я. Все-таки единственное, что у меня получалось более-менее стабильно, – это диагностика.

Только брюнетик проверяться не пожелал. И руки на всякий случай убрал в подмышки. Сгорбился. Насупился, сделавшись похожим на мрачного ворона.

Ага... черного, который вьется... самая она некромантская птица.

– Ну и дурак, – настаивать я не собиралась.

Потом как-нибудь... при случае.

А Малкольм мою руку сжал, осторожно так...

Интересно, а у него невеста имеется? Не то чтобы я всерьез планирую ее место занять... просто симпатия... дружеская, но... это как-то, не знаю, неприятно, что ли?

Меж тем автомобиль добрался до города.

Жила старушка на окраине, за что соседи должны были быть ей благодарны. А что, особнячок выстроила этаким мрачно-готический. И зелень лужайки, которая проглядывала сквозь драное покрывало снега, пейзаж нисколько не оживляла.

– Охренеть, – только и выдавила я, когда выползла из машины. Малкольм таки руку подал, но хоть на рюкзак больше не покушался.

И его, по ходу, местечко впечатлило.

Деревы огромные, облепленные инеем, что солью. Слепились ветвями, создавая колючий узор. Дорожка блестит, как слюдяная...

Ага, я покрепче в руку вцепилась. Похоже, здесь так гостям рады, что отдельный травмпункт для них открыли. Нет, могли бы хоть песочком для приличия посыпать.

Дом темный.

Стены из громадных валунов воздвигнуты. И в небо самое вползают, в рыхлые тучи. Окна в доме что бойницы, да и те решетками забраны, хотя сомневаюсь, что в них способен протиснуться кто-то крупнее кошки.

Гербовый щит занавешен черным покрывалом.

Дверь открыл седой господин столь благообразного облика, что я прямо сразу и осознала – дворецкий. Он поклонился и посторонился, пропуская в темный холл.

А тут народу...

Все в строгих платьях, ну хоть не черного колеру, хотя и без того сборище старушек донельзя походило на воронью стаю... Меня окинули взглядом.

Оценили.

И еще раз оценили.

Взвесили на весах полезности и приличия, вместе с охраной, которую, надо полагать, опознали порывисто...

– Маргарита, – Амелия вышла из толпы и обняла меня, вскользь коснувшись холодными губами щеки. – Я бесконечно рада, что ты приняла мое приглашение.

Ее ли?

И взгляд-то такой радостный, что прямо сейчас тянет найти кладовочку понадежней и запереться.

– Ага. Я тоже... того... рада, – я выбралась из цепких объятий мачехи и сообразно моменту сказала: – Очень вам сочувствую.

– И тебе, деточка...

Благо за щечку меня щипать не стали, равно как и уверять, будто бы я выросла, похорошела, и вообще...

– Прости, но мне надо отойти...

Отыскать того несчастного, которому вздумалось поиграть в воссоединение семьи, и вырвать ему язык. Надеюсь, правда, обойдется без кровопролития.

– Конечно. Я тут посижу, ладно? – я указала на диванчик в уголке. – Похороны скоро? А то...

Амелия улыбалась.

Счастливо так. Искренне. И подозреваю, что смерть карги вовсе не проделала брешь в душевном ее спокойствии, скорее даже наоборот.

– Мне сказали, что я должна присутствовать на оглашении этой... воли... ну ты понимаешь...

Рай закатил очи.

Пускай, вот такие мы дикие и этикетов не блюдем.

– Иначе ноги моей здесь не было бы... и вообще... к тебе у меня претензий нет.

– А к кому есть? – улыбка Амелии не поблекла.

– Ни к кому, пожалуй, – я пожала плечами и плюхнулась на диван. – Только... ты их там поторопи, ладно? А то ишь, цирк себе нашли...

Малкольм возник рядом.

– Значит, убиваться не станешь?

Я фыркнула, чем заработала не один возмущенный взгляд. Старушки активно перешептывались, должно быть, выясняя, кто я такая и что тут делаю.

– А есть с чего? – я похлопала по диванчику.

Места тут на двоих хватит. А Рай, раз уж он столь чувствителен, пусть постоит.

Или побродит.

Слухи соберет. В них тоже есть пища для размышлений. Я вот, к примеру, весь вечер мучилась, пытаюсь понять, что же пропустила при прошлом визите бабули. Она, конечно, здоровьем не отличалась, но вот чтобы прямо так взять и умереть?

– Не знаю, – Малкольм приглашение принял.

И ноги вытянул.

Глаза прикрыл.

– Плохо?

– Нет. Я вообще пока ничего не ощущаю. Только... каждый раз, когда надо силу использовать, появляется такое поганое чувство, будто я себя этим убиваю. Понимаешь? Отбираю то время, что мне отведено, и отдаю кому-то. А я не хочу.

– Тогда не отдавай.

Рай переминался с ноги на ногу, явно не желая более оставаться с нами, но и не находя повода отступить.

– Слушай, – я поманила его пальцем, и воспитанный некромант наклонился. – А пойдешь спрашивать, отчего она...

– Самоубийство.

Чего?

Видно, удивление ярко отразилось на лице моем, если Рай счел нужным пояснить:

– Леди приняла яд... по словам сына, она давно страдала от депрессии, но не желала показываться целителю.

Ошизеть!

Нет, я знаю, что такое депрессия. Не та, когда тянет накрыться пледиком и пострадать по неведомой причине, а потом привнести в свою жизнь счастье в виде мороженки. Другая. Когда человек просто лежит, уставившись в стену.

Он не ест.

Он много пьет, но лишь тогда, когда воду оставляют рядом с ним. Он не моется и порой ходит под себя, потому что, собственно говоря, «себя» уже нет. Есть некая плоть, раздражающая своими потребностями. С таким человеком бесполезно разговаривать.

Он не слышит.

Не понимает.

Он есть, но его как бы и нет... и... старушка определенно если чем и страдала, то не депрессией, а отсутствием возможности прижать меня к ногтю.

И вообще...

Эта из тех, что скорее полгорода перетравит, нежели себя саму.

– Узнай, пожалуйста, что говорят, – вот теперь я была совершенно серьезна. – Неважно, насколько это бредово...

Похороны...

Я похороны ненавидела всей душой. Было в них что-то донельзя лицемерное. Искусственные слезы. Показные завывания. И лепет о несчастной дочери, которая вдруг осиротела и утешить ее никак невозможно, разве что... деньги – лучшее утешение... особенно сейчас.

Работы нет.

Она болеет.

И одна вынуждена растить ребенка... вот то неблагодарное создание. Подростковый возраст. Сами понимаете...

ТЬфу.

Здесь все было приличней.

Гроб.

Катафалк.

Вереница автомобилей. Кладбище, на редкость упорядоченное, я такие только в кино и видела. Зеленое поле и ряды белых камней. А за ними – белые же строения.

Склепы.

Родовые.

Чугунное литье ограды. Пафосные деревья, которые и по зимнему времени не сбросили серебряной листвы. Жрец в черных просторных одеждах. Его голос был звонок, а слова проходили мимо меня. Я старалась не сильно крутить головой, да и зевки сдерживала, хотя и с немалым трудом.

Было прохладно.

И зябко.

И не знаю, каково приходилось Амелии в черном ее платье с юбкой до середины голени и декоративных туфельках, но я прилично подмерзла.

Единственное развлечение – разглядывать остальных.

Вот папенька, с лицом равнодушным, стоит столбом, руки на груди скрестив, и даже не пытается изобразить горе. Взгляд его устремлен куда-то за ограду мавзолея и, как мне кажется, пуст совершенно.

Мелисса рыдает и слез не скрывает. Время от времени она вспоминает о платочке, который и прижимает к глазам.

А вот девушка рядом с ней...

Тонкая.

Хрупкая.

Бледненькая... нет, это не болезненность, это природный цвет лица. Волосы черные, собраны в простой хвост. Платье словно с чужого плеча. А вот беленькая шубка ее, привычная, и девушка то и дело хватает длинный мех, тянет и, вытянув волосы, стряхивает с ладони.

Ветер-ветер-ветерок...

Губы ее шевелятся.

А окружающие так старательно не смотрят на нее, что становится ясно: с ней определенно неладно.

– Это кто? – я бесцеремонно ткнула Малкольма в бок.

Рай держался поодаль. На одну его руку опиралась худенькая фарфоровая старушка. А вторая просто стояла рядом и что-то говорила, тихо, но весьма серьезно.

И выражение лица ее было таким воинственным.

– Твоя сестра, – Малкольм подвинулся, заслоняя меня от толпы. Это он зря. Все, кому надо, меня разглядеть успели, выводы тоже сделали вполне определенные.

А мне плевать.

Мне интересно, кто в старушку яду налил. Не то чтобы совсем уж, просто подозреваю, что вполне могу следующим номером пойти. Почему? Да шкурой чувствую...

– Ага...

Точно. У меня ж их две. Интересненько... а эту почему учиться не отправили? Или дара лишена? Или...

– Она немного... – Малкольм явно смутился. – Не в себе.

– Ненормальная, что ли?

Кажется, я сказала это слишком громко, поскольку близстоящие старушки обернулись, а по лицу Амелии мелькнула тень.

Только сама сестрица одарила меня улыбкой.

– Нет... и да... и... ее показывали целителям, насколько я знаю, но... все утверждают, что она здорова.

Здорова.

Только малек повернута. Бывает...

На кладбище мы проторчали часа два. Пока молитва, пока торжественное внесение гроба в склеп, прощание опять же... все подходили и наклонялись, изображая поцелуй.

– А ты...

– А оно мне надо? – я взяла Малкольма за руку. – Знаешь... я вот в

теории должна бы испытывать торжество или что там полагается. Эта стерва разрушила жизнь моих родителей. И мою тоже. Из-за нее все, но... почему-то радости нет. И ничего нет. Пустота только...

Малкольм потянул меня от склепа. Мы пошли по узенькой дорожке мимо камней с высеченными на них именами.

Имена чужие.

Даты... местные и ни о чем не говорят.

Тишь.

Благодать.

И машины, среди которых пойди-ка отыщи нужную... Снег начался. Мелкие белые хлопья, которые кружили, плясали, сплетались в диковинные фигуры. Ветер пронизывающий, откуда только налетел. И Малкольм, вставший на пути его. Обнял. Наверное, это неприлично по местным канонам, да и по всем канонам...

Мне тепло.

И спокойно.

И я хочу просто стоять вот так, в кружеве метели, не думая ни о чем...

Тишина.

И время замедляется. Я слушаю, как ровно бьется его сердце. А он, знаю, слышит нервный перестук моего, который выдает, что... ничего.

Просто... момент такой.

Подходяще-неподходящий. Целоваться на похоронах... что может быть глупее? Разве что пропустить этот вот самый момент и отстраниться друг от друга. Правда, Рай все равно заметил.

– Это выходит за всякие рамки, – он вышел один, облепленный снегом.

– Иди на хрен, – дружелюбно ответила я, отворачиваясь.

Щеки горят? От холода. Исключительно. И вообще... я не влюблюсь. Никогда и ни за что. У меня есть четкие планы на жизнь, и эти планы... в них нет места счастливому замужеству.

Тем паче, что если я не совладаю с даром, счастье это сомнительного качества продлится недолго.

А если совладаю...

Рано или поздно он поймет, что ошибся. Отец ведь...

– Кстати, здесь думают, что твою бабушку отравили, – Рай стряхнул снег с волос и с костюма и любезнейше открыл дверь.

В салоне было тепло. И только там я поняла, насколько вообще продрогла. Поняла и не стала сопротивляться, когда рыжий меня обнял.

А что, если это очередной спор?

Он ведь не был закончен, и... и просто условия немного изменились.

Так бывает... стоит лишь поверить, что вот оно, то самое бесполезное чувство, как правда выплывает.

Оглушит.

Отрезвит. И даст прививку на всю оставшуюся жизнь. У меня, в принципе, прививка была, но, кажется, действие ее ослабевало. Такое с иммунитетом случается.

– И сделал это твой отец.

– Ага... – я поерзала, устраиваясь удобней, и голову на плече Малкольма пристроила. А что, плечо это надежное, удобное.

– Ты не удивлена.

А брюнетик, кажется, разочарован. Неужели и вправду ждал, что я возоплю, будто быть такого не может, все клевета и грязные инсинуации. Только... чутье подсказывает, что не клевета.

Мой папаша...

Тот человек, который биологически является моим отцом... я мало о нем знаю, а то, что знаю...

– Зачем он это сделал?

– Версии разнятся...

Какой очаровательно обтекаемый ответ. Он ждет, что я упрашивать стану? Нет уж... разнятся так разнятся...

– Рай, – в голосе Малкольма послышался упрек.

– Большинство сходится на том, что из-за тебя...

– Чего?

Издевательская усмешечка дала понять, что подобной реакции брюнетик и ожидал.

– Твой отец потребовал признать тебя. А пожилая леди вместо этого изгнала из рода...

Надо же, как оно...

– Он пытался повлиять на ее решение, а когда понял, что не может...

– Убил.

– Именно.

Я почесала переносицу. Бредовенько, но... вполне в духе криминальных романов, которые, полагаю, и в этом мире популярностью пользуются.

– Правда, более здравомыслящие дамы полагают, будто имели место какие-то внутренние проблемы рода, разрешить которые можно было лишь подобным образом.

Я открыла рот.

И закрыла.

– Они же полагают, что леди сама приняла яд. Она была очень хорошим алхимиком, защитой не пренебрегала, да и некоторые... вещи постепенно входят в привычку.

Честь рода.

Ага.

Вот тут, пожалуй, они и правы... если уж ради блага рода старушка сына родного не пожалела, то и себя беречь не станет. Если, допустим, о ее... штучках стало известно.

Кому?

А кому бы ни стало. Я вот знаю, Амелия, которой давно уже осточертело тайну хранить. Мелисса... как знать, не проболталась ли она, в большом душевном волнении пребывая, кому-нибудь... и вообще...

– Если бы... – я постучала пальцем по стеклу, залепленному снегом. – Если бы ей грозило расследование, а потом... скажем... тюрьма...

Рай кивнул.

– Возможно.

Что возможно? Грозила? Или тюрьма? Или самоубийство?

– Смерть виновного, согласно Кодексу Урана Доброго, снимает вину с рода...

И что это объясняет?

Ничего.

И все равно не нравится. Вот задницей чувствую, что основное веселье ждет впереди.

Глава 42

Дом.

Второй этаж. И гостиная, в которой собралось народу не сказать чтобы изрядно, но...

Папенька занял кресло с высокой спинкой, ногу за ногу закинул, руки на подлокотники возложил. Короны на светлом челе не хватает для полноты образа.

Амелия устроилась, что характерно, в противоположном углу комнаты. И стул выбрала простой, из тех, которые поставлены были для прислуги. Или кто вот эта женщина с постным выражением лица? Сидит с прямой спиной. Смотрит на руки, сжимающие книжицу в черной обложке.

Еще две ютятся у двери, и им явно неудобно, но послушаться поверенного – седовласого господина, обремененного полномочиями и толстенной золотой цепью, – не смеют.

Дворецкий застыл у двери.

Сестрица моя заняла место рядом с маменькой и тоненько, громко всхлипывала. Вторая присела на скамеечку у окна, и казалось, происходящее за этим самым окном интересовало ее куда сильнее, нежели грядущее оглашение последней воли.

– Посторонних прошу подождать за дверью, – возвестил поверенный баском. Никто не шевельнулся. А когда взгляд очей его блеклых задержался на Малкольме, я взяла рыжего под руку и сказала:

– Это не посторонний. Это мой жених...

И Малкольм, что характерно, кивнул.

– А...

– И это мой жених. Запасной, – я взяла брюнетика под локоть.

– 3-запасной?

– Именно, – я уставилась на поверенного, всячески изображая незамутненную разумом невинность. – А то ведь всякое случается... представьте, если один уйдет...

– Куда?

– Не знаю... куда-нибудь уйдет. Сбежит со служанкой. Или вообще умрет. Что тогда?

– Что?

– Хватит! – рявкнул папенька так, что тяжеленная люстра качнулась. – Маргарита, прекращай этот балаган. А вы начинайте... не думаю, что мама

была бы против...

Второго жениха?

Да уж, бабуля оценила бы мою предусмотрительность.

Рай высвободил руку и произнес:

– Я представляю интересы короны...

И вытащил золотую бляху, вид которой заставил поверенного вытянуться и подобрать живот. Он тронул цепь, будто проверяя, не исчезла ли она, и гаркнул:

– Рад служить...

– О боги... и корона здесь, – отец выразительно прижал руку ко лбу. –

Моя несчастная мать умерла...

Дальше было скучно.

Имя.

Вереница титулов, от которой навалилась зевота. Сестрица водит пальчиком по стеклу и, кажется, что-то мурлычет под нос. Явно притворяться убитой горем она не будет.

Годовое жалованье верной компаньонке, банковский вклад и жемчуг из малой шкатулки. А еще коллекцию фарфоровых кошек.

Премия за верную службу кухарке и горничной.

Пожизненное содержание дворецкому, которое надлежит выплачивать из...

Сиротскому приюту отходит трехэтажный особняк за чертой города, в котором оный приют ныне и располагается, документы на право владения, оплата счетов за год и денежное пожертвование в размере...

Что я тут делаю?

Дорогим внукам... Мелиссе – изумрудный гарнитур, алмазная диадема, жемчуга...

Список драгоценностей столь длинен, что меня пробивает на зевоту. И эта милая старушка еще на бедность жаловалась?

Агнесс – домик, ежемесячное содержание и сумма, которую надлежит выплатить супругу в качестве приданого.

Агнесс смеется.

Громко так, залиvisto. Похоже, замуж ей не слишком охота. И супругу, если таковой появится, можно будет посочувствовать.

Я все-таки зевнула, вежливо отвернувшись. Seriously, что я тут делаю? Жду благословения или завещанных старых платьев, которые и приюту не отошли?

Моему сыну – содержание, достаточное для оплаты лечения в...

Ого! Я встrepенулась. Бабуля отождгла?

Чистосердечно признаюсь, что на протяжении... – голос поверенного, кажется, дрогнул. Этакого поворота он явно не ожидал. А я переглянулась с сестрой. Та по-прежнему улыбалась.

И, прижавшись носом к стеклу, старательно на него дышала.

А потом, на надышанном, нарисовала сердечко.

И еще одно.

Стрелочку, их пронзившую.

Замочек.

– В связи с вышесказанным, – поверенный откашлялся, – очевидна интеллектуальная несостоятельность...

Красиво. Надо будет запомнить, что при случае не придурком обзывать надо, а интеллектуально несостоятельным...

– ...и невозможность наследовать, что подтвердит любой целитель первого ранга...

Отец молчал.

И Амелия.

И вообще все молчали, даже поверенный сделал паузу, позволяя наследникам осмыслить глубину старушечьего коварства.

– Руководствуясь Правом Гаррелла от года две тысячи тридцать седьмого от установления династии, а также... чувством долга и пониманием его, я передаю большую родовую печать и сопряженные с нею права своей внучке Маргарите...

Чего?

Она издевается?!

Она определенно издевается! Какая, на хрен, печать? Какие права... да положила я на эти права орган, физически у меня отсутствующий...

– ...а также следующее недвижимое имущество, которому кодексом Лоурана был присвоен статус майората...

Я открыла рот.

И закрыла.

Сволочь! Нет, до чего хитрая сволочь... я ведь отказалась от этого рода!

– Она отказалась от рода, – крайне недовольный голос отца озвучил весьма здравую мысль, хотя и пришлось перебить поверенного. – И не может наследовать.

– Не могу, – пискнула я.

Но поверенный лишь поправил цепь, которая норовила съехать с плеча.

– Право Гаррелла позволяет старшему в роду, в случае если он

полагает прочих наследников недостойными, передать права наследования любому одаренному человеку...

– Я буду протестовать!

Я тоже, между прочим. Я едва копыта не отбросила, выпутываясь из этих родственных сетей. И получается, что зря?

– Вы можете подать жалобу, но, боюсь, ваша мать предусмотрела подобный поворот. Она прошла освидетельствование у трех целителей первого ранга. И была признана дееспособной.

Говорю же, хитрая стерва.

Прямо-таки тянет на кладбище вернуться, заглянуть в склеп и высказать пару-тройку теплых слов. Вместо того чтобы тихо учиться и строить свою жизнь, я должна буду... а что, собственно говоря, я буду должна, помимо покупки очередного амулета в попытке защитить собственную шкурку?

Вот прямо вижу в теплом папенькином взгляде желание свернуть мне шею.

И если он бабушку отравил...

Я потрогала шею.

– А я... имею право отказаться? – подозреваю, что нет, но поинтересоваться стоило.

– Право Гаррелла не предусматривает отказов. Но вы можете передать титул другому наследнику, которого сочтете достойным... по истечении трехлетнего срока, необходимого для формального завершения вступления во владение...

Шиза.

Полная.

Ладно... три года – это не тридцать, и вообще... у меня же связи имеются. Попрошу Малкольма... или брюнетика, ишь, до чего гадостно усмехается. Весело ему... знал?

Подозревал, похоже.

А может, и знал. И тем отчетливей желание плюнуть ему в душу.

– Ты, – отец поднялся и нетвердой походкой подошел к креслу. Оба-на, а папуля времени зря не терял. Похоже, наклюкался крепенько, ишь как шатает... и коньячный шлейф окружает его волшебным ароматом. – Ты... ублюдок...

– Не спорю, – я встала.

И пусть я пониже папаши буду, но все равно не настолько мала и хрупка, чтобы не дать отпор. Меня Леня всякому научил...

– Сдохни...

Он, кажется, собирался пощечину отвесить, но у пьяных реакция не та, а вот мои мальчишки не оплошали. Я и моргнуть не успела, как папуля на полу оказался. Скрюченный, он был жалок, только... жалости не возникало.

Болен.

Он не сам такой, а зелье, которым поили, но... кто-то добровольно принимал, кто-то нет, только что это меняет? Ничего. Мои родители умерли в тот день, когда отец ушел. Все.

Так проще.

Я не отказала себе в удовольствии пнуть лежащего.

– Сдохну, – сказала. – Когда-нибудь...

Зато теперь понятно, почему посторонних при оглашении последней воли не желали видеть. Этаким цирк...

Печать оказалась перстнем. Крупным таким, с темно-зеленым камнем, на котором был вырезан знакомый уже зверь. Как ни странно, перстень оказался впору, а я... я вдруг ощутила себя цельной.

– погоди, – Агнесс ждала нас на улице, а задерживаться в доме дольше, чем того требовало подписание документов, я не собиралась. Моя сестрица бодро прыгала, похлопывая себя по плечам. – Мне сказали, что ты ужасная. А ты зеленая.

– Где?

Еще одна ненормальная? Хотя... чего стоит ждать от наркомана.

– Везде. Но особенно тут, – Агнесс постучала себя по голове. – А он чернеет уже. Ты бы поторопилась. Ему сказали умереть быстро. Но он хороший, поэтому пока не слушает.

– Агнесс! – на ступенях появилась плотная женщина весьма мрачного вида. И таковой ее делал отнюдь не наряд – длинное платье мышастого колера, – а выражение лица. Застыла на нем этакая мрачная готовность превратить жизнь в подвиг. Причем не только свою.

– Я говорю, Лара, – Агнесс отмахнулась от женщины. – Это моя сестра. Помнишь, мне говорили, что у меня есть еще одна сестра. Другая. Я сказала ей, хорошо. А то Мелисса много плачет. Бабушка ей шептала всякое.

– А тебе?

Что-то чем дальше, тем меньше девушка походила на нормальную сумасшедшую. Не то чтобы у меня было так уж много знакомых среди сумасшедших, но...

– Агнесс...

Женщина попыталась схватить подопечную за руку, но та ловко

ускользнула.

– А мне не шептала. Я ведь ненормальная, – она рассмеялась и показала Ларе язык. – И хорошо... нормальным столько всего нельзя... нельзя вот танцевать. Траур. Смешно. Ее никто не любил. Грустно жить, когда тебя не любят. Правда?

– Не знаю.

– Правда-правда. Тебе тоже грустно. Ты зеленая... помоги ему... и ему вот тоже помоги, – она указала на брюнета. – Он совсем запутался. Что такое хорошо, что такое плохо... не сам. Запутали. Совсем не понимает, что видит. Разуму нельзя верить!

– Агнесс!

– Я пойду, а то мама опять расплачется... скажи ей, пожалуйста, если много плакать, то станешь темным...

– погоди, – я протянула руку, но Агнесс не позволила к себе притронуться. Она отскочила и руки убрала за спину. Застыла настороженная и... веселая. – Хочешь поехать со мной?

Вот чую нутром, что эта ее якобы ненормальность...

– Потом, – подумав, сказала она. – В другой раз... когда придет время.

– А когда оно придет?

– Скоро. Но я не могу больше сказать. Больше сказать нельзя. Чем больше говоришь, тем меньше получается. Пока все хорошо. А буду говорить, испорчу... только ты себя не бойся, ладно?

– Не буду, – пообещала я.

– Ты знал, – я выдержала ровным счетом до машины. И там уже ткнула брюнета в грудь кулачком. – Ты знал, что задумала старая перечница! И не ухмыляйся...

– Даже Контора не имеет доступа к выражению последней воли...

Ага, а я такая наивная, что возьму и поверю. Контора, может, и не имеет, а поверенный вполне. И по виду его не скажешь, что дядечка из породы стоиков.

Ладно.

Плевать.

– Что мне с этим делать? – я сунула кулак с перстнем под нос рыжему, и тот, отстранив руку, вздохнул.

– Жить.

– Это я понимаю, – раздражение улеглось быстро.

Малкольм ни в чем не виноват... а этот... и бабуля... кто подсказал ей идею столь гениальную? С удовольствием пожала бы этому человеку

горло...

Злюсь.

И все еще злюсь.

И злость какая-то... натужная? Разум подсказывает, что мне бы радоваться. Этот мир другой. Не кардинально, но все-таки, и тут важны предки за спиной, а у меня вон появились, и не только они... недвижимость и...

И домик в деревне, чем не мечта?

Ладно, в городе.

Особнячок собственный, немалого размера. Если вдруг окажется, что дар мой бракованный во мне не приживется, буду комнаты сдавать... пансионат открою.

И пусть завистники сдохнут от зависти.

Я потрогала перстень.

Теплый.

– Родовая защита, полагаю, – Рай соизволил повернуться ко мне. – Она не в пример надежней тех амулетов, которые тебе выданы.

Радует.

Я закрыла глаза.

Чему быть... подумаешь, стану баронессой... или виконтессой... или кем тут я стану?

– Санорой, – на вопрос невысказанный ответил Малкольм. – И поздравляю. Теперь ты удачная партия для любого родовитого...

– Гада? – помогла я.

– Почему гада? – Малкольм откровенно удивился.

– А как еще назвать того, кто людей по наличию титула сортирует? Значит, когда я никто, на меня плевать, а как санора, то и поздороваться можно...

Рай вздохнул и произнес:

– Тебе сложно понять, но... есть род. И есть долг перед родом. Мой долг – служить короне. И найти подходящую девушку, которая родит мне...

– Подходящих детей, ага, – поддержала я беседу. – А если какой вдруг в выводке неподходящим будет, то его и подкинуть можно... или вообще притопить. Ну, чтобы породу не портил.

Рай вытянулся, а черты лица его заострились. И душно вдруг стало.

Тесно.

– Спокойно. – Малкольм обнял меня. – Ты преувеличиваешь. На самом деле все упирается в дар и в кровь, которая является носителем дара. Раньше полагали, что эта кровь благословлена богами и соответственно

смешивать ее с другой, неблагословенной, нельзя...

Машина медленно ползла по улице.

Как-то... и здесь пробки есть? Время позднее. Сумерки за окном... и за покупками надо бы, но я устала зверски. А все равно надо, потому что не факт, что в ближайшем времени меня за пределы университета выпустят.

– Дар сохраняется, приумножается. Изменяется...

– Я поняла, рыжий... скажи, чтоб в городе остановились.

Селекция.

Проходившая не одно столетие. И окончательно закрепившая разделение. Есть те, кто одарен, и все остальные. Среди остальных тоже одаренные встречаются, благо не все аристократы блюдут чистоту крови, но их дар слаб.

И потому не годится во продолжение линии рода.

И вереница предков – это прежде всего гарантия, что, каков бы ни был твой собственный дар случается ведь всякое, – в детях он отразится. И при толике везения приумножится.

Логично.

И если подумать, разумно.

Только тошно отчего-то... Машина остановилась, и я с немалым удовольствием выбралась на улицу. Застыла, дыша ртом, хватая полупрозрачные снежинки. Метель улеглась, и было красиво. Снежный покров на крышах. Ледяной хрусталь. Фонари. Свет их, преломленный и отраженный. Синий. Желтый. Зеленый.

Тени.

И сумрак.

– Все хорошо? – Малкольм был рядом. И когда я взяла его за руку, ласково сжал мои пальцы. – Все это сложно, наверное... не знаю... мне это казалось естественным и... разумным. Только теперь как-то...

– Тошно?

– Именно.

Он стоял рядом, и я не видела выражения его лица.

– Рай...

– Останется в машине. Или ты...

– Нет, мне без него легче. У него характер сволочной. Не замечал?

– У тебя тоже не легкий.

Есть такое дело.

Хорошо просто гулять по улице. И даже когда кто-то натягивает шапку, не хочется возмущаться. Пусть шапка эта великовата и пахнет мужчиной... моя где-то в машине осталась.

Рука тоже мерзнет.

Вторая. Свободная. И прячу ее в карман куртки. Поневоле вспоминается, что куртка эта была куплена в прошлую нашу поездку... и...

– Я не хочу умирать. – Малкольм остановился под фонарем. – Я знал... отец никогда не скрывал, что шанс есть, даже не шанс, а вероятность, и немалая, что... я все равно думал, это ведь не со мной. Невозможно, чтобы со мной... и он так думал, поэтому не женился. Ему предлагали, порой настойчиво. Древний род не имеет права угаснуть лишь потому, что глава его неудачно влюбился...

Снег падал медленно.

Как в кино.

– И мне казалось, что если он не слушает, то верит, что я буду жить. А он... я сказал, что... началось... я всегда был откровенен с ним... и надеялся, он скажет, мы справимся... он ведь и о тебе знает... что ты...

Шанс.

Малкольм не произнесет этого вслух, но и не нужно.

– Я... я не знаю, как... я боюсь сделать хуже. Я буду учиться. Учусь, и вообще, но... я действительно боюсь сделать хуже. А если я просто расплавлю тебе мозг?

– Скоро там будет нечего плавить, но это не важно.

Он убрал снежинку с моего носа.

Блин.

В таком антураже о любви бы говорить, а не... о любви я не умею. Я вообще ее не хочу. И не буду влюбляться. Я просто помогу ему, и Малкольм поймет, что больше не должен находиться рядом. Вспомнит о своих делах или...

Маг жизни ценный приз.

И как понять, кому нужна я, а кому мой дар?

– Он ничего не сказал, понимаешь? Я ждал, а он... промолчал. И через неделю появилось это объявление... оглашение... помолвка... я понятия не имею, кто эта девица, но... понимаешь, он просто вычеркнул меня. Взял и... даже не стал ждать, когда я...

Я погладила его по лицу.

Это сочувствие, и только. Сочувствовать людям нормально. И Малкольм тоже это понимает. Он мою руку взял и прижал ладонь к своей щеке.

– А ты не думал, что все могло быть иначе?

– Как иначе?

Машина посигналила, намекая, что мы за покупками как бы

собрались, а не под фонарями обжиматься. Ничего. Потерпят. Им спешить некуда. Я взяла Малкольма за руку и потянула за собой. Как-то... неприятно было думать, что нас разглядывают. Нет, мы ничего такого, зазорного, не делаем, но... пусть Рай цирк в другом месте находит.

– К примеру, он давно уже отыскал эту девушку. И быть может, она ему нравится... и настолько нравится, что он решил жениться. Или ему сказали жениться, потому что да, существовала вероятность, что ты умрешь. Даже если отбросить твою болезнь, один ребенок – мало... вот и решил порадовать тебя братьями и сестрами... и объявления... газеты ведь заранее верстаются, значит...

– Он мог бы объяснить.

– Не сумел.

– Ты его оправдываешь?

Я пытаюсь понять, что вообще делаю в этом переулке.

– Нет. Я хочу, чтобы ты рассмотрел другие варианты. И поговорил с отцом. Прямо. Откровенно. То, что тебя грызет, – я постучала по лбу Малкольма, – тебя же убивает. Понятно?

Ай, да что с ним, дураком, говорить.

Сама такая.

Глава 43

Метель кружила.

Вьюжила.

Водила. Шептала ласково и отступала, манила сделать хоть шаг.

– Замерзла? – щеки коснулась шершавая варежка. – И почему без шарфа? Вся шея вон голая... как маленькая, право слово.

Тедди набросил на плечи тяжелый плащ.

– А сам?

– Если я заболею, ты меня вылечишь. И вообще, у меня куртка зачарованная, а ты свою где покупала? Куцая, что хвост собачий...

Ворчит.

Это не от злости, по привычке старой. Пускай себе. На руки вот дует, продолжая выговаривать.

– Ты вообще зачем сюда пришла? – он заслонил от метели, и Варнелия, вздохнув, призналась:

– Цикл закончился. Анализ.

– И что?

– Ничего.

– То есть?

– Совсем ничего... понимаешь, такого быть не может. Даже вода заряженная дает минимальное смещение, а здесь... будто не вода, будто вообще ничего не было... это... неправильно?

От его портала пахло лесом.

И вывел он на берег старого озера. Затянутое седым льдом, ошкетинившееся рогозом прошлогодним, оно было неряшливо и в то же время упоительно красиво первозданной своей красотой. Стена из старых елей сдерживала напор ветра. Он гудел, но где-то далеко, а может, наоборот, очень близко. Качались верхушки. И сами деревья похрустывали, постанывали...

Держались.

– Зачем мы здесь?

Изо рта со словами вырывались облачка пара. Искрились. И сила, пропитавшая и землю, и воздух, отзывалась на тепло человеческое.

– Мне показалось, тебе хочется уйти куда-нибудь...

– Она умерла.

Витгольц вытащил из сумки плед, встряхнул, избавляя от крошек, и

разостлал на снегу. Сам сел, а потом потянул ее, а она не стала сопротивляться.

– Кто умер?

– Старуха... бабка Маргариты.

– И что?

– Это я виновата...

– В чем?

– В том, что полезла... помнишь, я попросила тебя волосы его добыть и... я проводила анализ, – она надолго замолчала.

Здесь и вправду было хорошо.

Холодно.

Жутковато, говоря по правде, поскольку смеркаться начинало рано и небо уже окрасилось бледно-лиловым. Луна вот выглянула, хрупкое блюдечко, отраженное в полынье... здесь и летом не бывает жарко.

Мысль лежала на поверхности.

Местные рыбины, выраставшие до воистину огромных размеров, часто поднимались к самой воде. Их черные тени скользили, дразня кажущейся доступностью, но, сколько Варнелия себя помнила, никому не удалось добыть хотя бы одного карпа. Рассказывали, что там, на дне, в древних омутах, обретаются древние же сомы воистину ужасающих размеров.

Здесь не купались.

Не из-за сомов, само озеро обладало на редкость дурным нравом. И там, где вчера был пологий песчаный берег, вполне могла возникнуть яма с водоворотом.

Сила.

Свободная сила, которую слышали многие, но вот воспользоваться ею...

– Не надо, – попросила Варнелия, когда над пледом вспыхнул силовой полог. – Я... не замерзну... подумать надо... волосы... она ведь была отличным алхимиком... знаешь, я нашла некоторые ее старые работы...

Зелья, улучшающие цвет лица.

Безделица, если подумать, но два патента и почти революция в косметической промышленности... ей шли отчисления.

Еще средство для укладки волос, которое ныне используют если не в каждом втором салоне – все же стоимость его на выходе получалось приличная, – то в каждом четвертом точно.

Стабилизатор для сложных составов, позволивший создавать зелья выше пятого уровня... консерватор... боги, да у нее было такое количество

патентов, что и представить сложно.

В полынье образовался сизый пузырь, под которым виднелась тень огромной рыбы, может быть, даже того мифического сома, что поселился в озере на заре времен. Варнелия не отказалась бы увидеть его.

Некоторые ведь видели.

И говорили.

И... какой смысл цепляться за брак с Амелией, если хватает собственных денег? А их должно хватать... патенты работают, пусть и процент отчислений мизерный, но массовость применения... не то. Не туда мысль свернула. Следует сосредоточиться и...

После стабилизатора был реставрирующий гель, способный восстановить малые трещины... его, кажется, сейчас в стоматологии применяют.

Непокорность сына могла разозлить, но... одно дело – техническая направленность, а совсем другое – целительство... косметология близко, но не то... совсем не то.

Варнелия сдавила переносицу.

– Не получается?

Она отмахнулась, и Витгольц послушно замолчал.

Патенты... их было более дюжины, не считая всяких мелочей, право на которые она продала... рецепт духов и чистящего средства... и ничего, связанного с медициной. Или...

Капли Нивеи... обновленный рецепт.

Варнелия подалась вперед, и пузырь над озером лопнул. Сетка искр зависла над водой, дрожащая, хрупкая... красивая. Радуга силы.

Капли Нивеи создавались от бессонницы. Пустырник. Мята. Ромашка. Белая полынь.

Корень авессила.

В малых дозах – отличное успокоительное, в больших – снотворное, некогда весьма популярное, но... оказалось, что при длительном хранении свойства капель радикально меняются.

Серия самоубийств.

Депрессии.

Скандал, стоивший компании «Ханс и Кеххнер» репутации, а старым целительским родам и состояния. Корень авессила в сочетании с полынью получал свойства накопителя. В результате – резонанс энергии, и чем более одарена женщина, тем сильнее...

Королевский суд вынес оправдательный приговор, но компания все равно выплачивала компенсации пострадавшим, силясь спасти остатки

репутации.

Она ведь слышала.

Разбирали во время учебы как яркий случай спонтанного усиления малых векторов при наличии третьего фактора.

Капли.

Нивеи.

Сняты с производства и... появились спустя десять лет с измененным составом. Патентованный ингредиент, гарантирующий стабильность и безопасность... Рискованная задумка.

Массовая реклама.

И основные продажи в миры первого кольца... При чем здесь старуха? Вертится, крутится... крутится и вертится... что-то кто-то слышал и...

– Пойдем домой? – Тедди коснулся ее шеи.

Пойдем.

Обязательно.

И там уж Варнелия позвонит старой приятельнице, которая, помимо таланта, обладала абсолютной памятью и страстью ко всевозможным сплетням...

Королевский дворец, некогда возникший на месте крохотной крепостицы, в незапамятные времена являвшейся единственным более-менее укрепленным строением на милях вокруг, за многие столетия вырос, что вверх, что в стороны. Он обзавелся многими галереями, арками и аркадами, бесчисленными выводками колонн, призванных не столько поддерживать каменное кружево, сколько являвшихся частью его. Знаменитые архитекторы в меру сил своих и возможностей стремились усложнить и извратить пространство, что, честно говоря, вызывало у многочисленных обитателей дворца недоумение, а зачастую и раздражение. Логика в преобразованиях зачастую не было, или существовала она лишь в воспаленном творческом сознании, а потому пониманию простыми смертными была недоступна.

Узкая колоннада в раннеколониальном стиле сменилась воздушным залом эпохи освоения миров и мрачной галереей, голый камень стен которой освещался редкими светильниками. Эта часть дворца была самой древней и, следовательно, наименее пригодной для жизни. С другой стороны, чем ближе к ней, а следовательно, и к сердцу дворца располагались покои, тем выше было положение их обладателя.

Фредерик поежился.

От камня тянуло древней силой.

И силой не самой доброй.

Королевские покои перенесли в Новый дворец еще лет триста назад. С той поры их перемещали еще трижды, всякий раз подальше от каменного сердца, но...

Для существа, запертого внизу, расстояние не имело значения.

Фредерик чувствовал нити силы, пронизывавшие все строение, переплетающиеся равно и с сетью охранных заклинаний, и с целительской.

Красиво.

И жутковато.

Недобрая сила дремала, но в то же время... в то же время она защищала тех, кому была принесена присяга. Божественная кровь.

Предназначение.

И не то чтобы тайна, нет, никто не думал скрывать очевидное, скорее уж за годы существования это очевидное успело хорошо подзабыться, обрасти легендами и сказками.

И пускай.

Потолок становился ниже. Проход – уже.

Светильники, оставшиеся еще с тех времен, излучали неровный красный свет. А другие здесь просто-напросто не работали.

Прохладно.

И... неприятно. Не отпускает ощущение, что кто-то смотрит. Сонный, но все равно внимательный. И от этой сущности явно нечеловеческого толка не укроются ни мысли, ни стремления, ни желания, пусть и тайные...

– Эй, есть кто дома? – Фредерик постучал кулаком в дубовую дверь. Выглядела та древней. Металлические завесы покрылись толстой корой ржавчины, а дерево потемнело, и казалось, хватит хорошего пинка, чтобы дверь эта разлетелась на куски.

Выдержит и удар тарана.

– Заходи, коль не шутишь...

Отворилась она легко и беззвучно, раз уж приглашение было получено. Думать о том, что случится, если вдруг кому-то безумному – а как иначе назвать человека, не понимающего вещей очевидных, – вздумается войти без приглашения, не хотелось.

Внутри было... привычно.

Сколько лет прошло, а ничего не меняется... или портьеры новые? Правда, цветом как и старые, но...

– Он не любит резких перемен, – королевский маг и хранитель печати – должность пафосная и крайне вредная для здоровья – восседал в кресле, мало отличавшемся от трона. Высокая резная спинка, широченные

подлокотники.

Золотые пластины.

Мозаика из кости водяного зверя.

Жемчуга и кабошоны.

И массивный кусок горного хрусталя над головой. Пожалуй, трон он и было, но несколько устаревшим, ныне годным лишь как накопитель.

Здесь вся мебель или была старой, или таковою казалась – у сущности имелись собственные причуды. Фредерик лишь порадовался, что не вышел родом и происхождением, дабы претендовать на это место.

– Давненько ты не заглядывал, друг мой. – Скотт фон Ицхак, предпоследний ныне представитель рода столь древнего и славного, что, поговаривали, будто в жилах его текла не кровь, а живая магия, расположился со всеми удобствами.

С полдюжины бархатных подушек.

Халат стеганый и тапочки без задников.

Ноги босые. Ступни розовые, пухлые. Да и сам Скотт никогда-то особой худобой не отличался. Впрочем, с прошлой встречи лицо его стало чуть более пухлым, а под двумя подбородками наметилась складка третьего, который со временем скроет и без того короткую, но такую беззащитную шею.

Покатые плечики выделялись под халатом, будто сунули в рукава пуховые подушки да обмяли кое-как. Но не стоило обманываться: несмотря на полноту свою, Скотт обладал немалой физической силой, которая безо всякой магии позволяла ему управляться с однокурсниками, коль уж вздумалось им дразнить безобидного с виду толстяка.

– Простишь?

– Прощу, – Скотт наклонился и отщипнул виноградинку. А ощущение, что блюдо это, с горой фруктов, осталось еще с прошлого визита, который...

Да пара лет прошла.

Пролетела, и не заметил как.

– Присаживайся и чувствуй себя как дома...

Эти покои были довольно-таки обширны. Фредерик знал, что помимо приемной, что служила заодно уж и гостиной – посетители здесь случались редко – внизу имелись спальня, библиотека, обширная лаборатория и пара гардеробных. Поговаривали, что на самом деле комнат было много больше, однако к чему простым смертным знать лишнее?

Фредерик налил вина – благо здесь было из чего выбрать – и подал Скотту.

– Что слышно?

– Все слышно, – он прикрыл глаза и возложил руку на лоб. – Шумят, шумят... ничего нового...

– А старого?

– Время относительно.

– С тобой стало сложно разговаривать.

Виноград был сладок, вино – терпко, вот только Фредерик не мог отделаться от специфического послевкусия. Плесень... она была повсюду. Чуть тронула бархатные портьеры, притворявшиеся, будто скрывают за складками ткани окна. Пробежалась по потолку, набросав желто-зеленый узор поверх побелевших фресок. Бросила пару пятен на драгоценные ковры... и до еды добралась, куда без того.

– Мне нужно знать, кто будет наследовать, если...

– Ты знаешь.

– Нет. Если вдруг Айзека не станет... он ведь слышит?

Скотт прикрыл глаза и болезненно поморщился.

Замер.

Рот его приоткрылся, губа отвисла, и с нее поползли нити слюны. Зрелище это было неприятным, если не сказать отвратительным. Но Фредерик ждал.

Долго ждал.

И это ожидание острее заставляло ощущать неправильность места. Будто из-под позолоты, которой здесь было, пожалуй, слишком уж много, проступало нечто иное, довольно-таки мерзкого плана.

Как он здесь живет?

А было время, и завидовали... многие глупцы и по сей день завидуют... особенно родовитые... из вторых и третьих детей, которым не достанется ни титула, ни особой надежды устроить свое будущее.

Королевский маг.

Все видят возможности, но о цене не думает никто.

Скотт думал.

Знал.

И понимал, на что идет. И напился в день, когда дал согласие. Он никогда-то особо не потреблял, утверждая, будто алкоголь дурно сказывается на работе мозга, хотя и трезвенником не был, а тут надрался...

– Это возможность... – заплетающийся голос его звучал в ушах. – Это то нев-вроятная возможность... прик... прикнуться... к бжественной сути... понять... изучить...

Прикоснулся.

Изучил.

Вон, кровь ползет из уха, черная и густая, будто и не кровь, а...

– Он... слышит тебя, – голос был натужным. Скотт поднял руку, заслоняя глаза от света. – Он... полагает, что ты... встал на верный путь...

Фредерик подал платок.

– Спасибо, – Скотт принял и его, и бокал вина, который осушил одним глотком. – Ох ты... опять он в голову полез... с каждым разом все наглее... уходить надобно.

– Я тебе это давно говорил, – Фредерик глядел, как платок его вспыхивает белым пламенем, и на ковер уже летят жирные хлопья сажи. – И снова повторяю. Уходи. Пока жив. Подыщи себе замену... и ему будет интересно. Он тебя изучил вдоль и поперек и...

Взмах руки.

И новый бокал.

А слуги здесь не задерживались, пусть и платили за работу втрое против обычного, но... месяц, и только, после жалобы начинались.

Слезы.

Просьбы...

Говорят, было время, когда сюда определяли смертников, давая искупить вину и заработать, но и те сгорали за год.

– Не стоит о грустном, друг мой... знаешь, его величество давно ко мне не заглядывал... а ее величество и подавно. Шепчутся, что у него новая фаворитка, но это ложь... им хотелось бы... все тогда было бы много проще, но беда короля в том, что он любит свою жену. А ты же знаешь особенность их рода, коль уж привязываются, то навсегда...

Фредерик смотрел, как старый... друг? Отнюдь. Они не были друзьями, Скотт всегда держался наособицу, хотя и никогда не прятался за титулом и родом, но...

Главное, этот человек не заслуживал быть сожранным безымянной тварью.

Затылок кольнуло, будто кто-то иглу вогнал.

Предупреждение.

Ты же не хочешь оказаться на его месте? Это ведь просто... предыдущий королевский маг скончался во сне. Тихая, мирная смерть...

В шестьдесят три года, что для мага и близко не срок.

Инсульт.

И торжественные похороны. Похороны – это красиво, чем торжественней, тем лучше... скоро будут хоронить многих. Интересно.

Он икнул.

И стиснул кулаки, пытаясь отрешиться от... шепота? Нет, скорее тени его, такого... ощущения присутствия чужого внутри себя.

– Осторожней, друг мой, осторожней... ты же не хочешь вызвать интерес к своей особе... королева ему не по нраву, но он не станет вмешиваться. И это известно. А еще знает, что у короля есть долг не только перед королевой... что-то вот-вот произойдет, и он знает. Но молчит... я не понимаю почему.

Грудь тяжело вздымалась, а полы халата разошлись, выставляя на обозрение безволосую грудь и розовый живот, на котором виднелась вереница ожогов.

– Хватит, – Фредерик протянул руку. – Пойдем со мной. Сейчас.

– Нельзя. Ты же знаешь правила... он не любит одиночества.

Глава 44

Он.

Или она?

Оно, не имеющее пола, как и тела? Откуда появилось? Когда? И вправду ли при создании мира, занесенное божественной волей, вырванное из тенет собственного мира, чтобы быть заключенным в камне? Или же много позже – людскими усилиями и любопытством их?

Оно существовало.

Всегда.

То есть так говорили, что всегда, но Фредерик подозревал, что это, мягко говоря, неправда. То есть сам факт существования не вызывал сомнений, как и возможность диалога с тварью...

Тварь.

Сотворение...

Создание... и сознание. Оно не было обидчивым, но просто порой напоминало зарвавшимся людишкам, что стоит быть повежливей. И даже если они надели цепь, это еще ничего не значит.

Первый из династии Анереид, Орест Благой сумел не только объединить окрестные земли под мощной своей дланью, но и принес с собой камень, на котором и возвел крепость... Фредерик всерьез подозревал, что очередность была иной. Сперва камень и крепость, а потом уж все остальное, включая тот самый то ли благословенный, то ли проклятый ритуал. Главное, что с тех пор тварь – тварь, именно тварь, как бы ни являла она собственное недовольство, Фредерик выдержит – служила хозяину.

Тому, в ком есть хоть капля высокой крови.

В ком есть?

А ведь если разобраться, во многом... во многих... но эти капли ничто по сравнению с полноводной рекой в жилах законной династии. И реку эту старательно подпитывали, заключая браки с родственниками, не настолько близкими, чтобы это было вовсе неприлично, но...

Думай, Фредерик, думай...

Мне снилась старуха.

Она указывала на меня пальцем и хохотала. Мол, обманула дурочку, как рябую курочку, ага... не отвертишься.

Колечко приняла?

Приняла.

А с ним и долги рода... долгов на нем, что блох на бродячей собаке. Я и вправду надеюсь с ними рассчитаться? Дорого выйдет. Разве что почки продать и сердце в придачу... хорошо заплатят. Сон был на редкость бредовый, как это вообще у снов водится, но этот даже среди других отличался степенью маразма.

Проснулась я с головной болью и острым желанием от заветного колечка избавиться. Защита защитой, но... чувствуется, проблем от него будет больше, чем пользы.

Увы, снять перстень не вышло.

Он свободно проворачивался на пальце, но стоило потянуть, как намертво прилипал к коже.

– Твою ж... – я добавила пару слов покрепче, из тех, которых девицам использовать не комильфо, но иногда можно и нужно. – Чтоб тебе...

Камень блеснул.

Издавается, гад... и вот чувствую, это не последний сюрприз.

Я не ошиблась.

Поверенного я заметила издали. Уж больно выделялся этот дядечка своим костюмом и золотой цепью, которую он то и дело трогал, будто опасаясь за сохранность среди студентов.

– Недоброго вам дня, – я поправила съехавшую сумку.

День был... средней поганости.

Пара лекций.

Семинар, на котором мне закономерно достался вопрос с переподвывертом. Практикум... ну, его я провалила сама, без посторонней, так сказать, помощи, чем немало порадовала не только преподавателя, но и однокурсников.

В общем, настроение было...

– Я обязан ввести вас в курс дела, – громогласно заявил поверенный, словно мало ему было внимания.

– Обязаны – вводите...

Сопротивляться желания не было.

Сил тоже.

Да и колечко нагрелось.

– Не здесь же! – Поверенный возмутился. Не знаю, то ли тоном моим, то ли вообще отсутствием почтения к его особе.

– А где?

Моя комната ему понравилась еще меньше, чем я.

– Не знаю, о чем думала моя клиентка, я не вправе обсуждать и уж тем паче осуждать ее решение...

Ага...

– ...и лишь врожденная тактичность мешает мне...

– Ближе к делу, – я кинула сумку с книгами на кровать.

– ...невозможная грубость и напрочь отсутствующее воспитание...

– Слушайте, дядя, – я не собиралась становиться вежливой. – Это вы ко мне пришли. И вам оно надо. Если не надо, тогда можете быть свободным. Только...

Я криво усмехнулась.

– ...надеюсь, вы понимаете, что в интересах короны ввести меня в курс дела. Быстро и без лишних вопросов.

Про корону это я так, к слову, помнится, почтеннейший испытывал к ней небывалое почтение, которым грех было не воспользоваться. И моя тирада возымела действие. Дядечка запыхтел. Налился краской, что спелый помидор, и вытащил из-под полы пухлый сверток.

– Я должен был передать это вам лично!

Темная бумага.

Бечевка и печать. Надеюсь, внутри не полкило отравы, которая напрочь отшибет мне мозги. А что... с бабушки случилось бы, добрая была старушка, пусть ей на том свете икается.

– Положите, будьте добры, на стол... – брать это добро в руки я не собиралась. Вот придет рыжий, глянет наметанным глазом, а там уже и решим.

Как ни странно, дядечка спорить не стал.

Губы поджал.

Сверточек пристроил на самом краю стола.

И, повернувшись спиной, гордо удалился. Дверью, что характерно, хлопнул от души: вся общага слышала. Ничего, дверь выдержала, а я и подавно.

Сверток манил.

Я понимала, что трогать его самой неразумно, но... коричневая плотная бумага, один в один с нашей почты. Бечевочка. Печать-блямба с расплывшимися краями и выдавленным в центре зверем. Достав карандашик, я потыкала в печать.

Ничего не произошло.

Совсем ничего.

Или я не заметила? Нет, последняя воля последней волей, а разумное поведение разумным. И этот самый разум подсказывал мне, что стоит

прогуляться, скажем, Малкольма поискать.

Брюнет, кстати, тоже сойдет.

Я вздохнула и, оглядевшись, прикрыла сверток своим свитером. Защита от дураков, но какая есть. Осталось понять, где искать рыжего.

В общежитии для избранных было светло, тепло и канарейки пели. Вот канарейки, честно говоря, явный перебор. Я не удержалась и, дотянувшись до узорчатой клетки, постучала по пруту. Канарейки не обратили на меня внимания...

Даже обидно.

А две девицы, устроившиеся на мягких диванчиках, захихикали. Ну да... мы дикие люди такие, всем дарим позитив и радость.

Я заложила руки за спину.

А то еще листья пальмы пощупать тянет и сорвать пару блеклых цветочков, которые я опознала, как голубой раkitник, растение довольно-таки редкое. Ну, теперь, если вдруг отправят искать на какой-нибудь практике, буду знать, куда идти.

– Здесь таких, как ты, не ждут, – девица в лиловом платье удостоила меня вниманием.

Сидели они с подружкой хорошо.

Журнальчики. Кофейничек. Пироженки какие-то и булочки, и вообще прелесть что за картинка в пастельных тонах и кружавчиках.

– Хорошо, сюрприз будет...

Я повернулась к парочке спиной. Знать их не знаю...

– Малкольм у себя, но... он не один, – вторая указала на диванчик. – Присядь. Скоро освободится. И ты бы не ходила за ним.

В другой раз я бы огрызнулась, наверное, но эта девушка говорила спокойно, да и...

– Малика...

– Что? Будто ты не знаешь, как они развлекаются. По-моему, это отвратительно...

– Можно подумать... – ее приятельница моему обществу не сильно обрадовалась. – Сами виноваты...

Кто именно и в чем виноват, она уточнять не стала, да оно и не требовалось.

– У Малкольма невеста есть, – Малика протянула мне тарелочку с крохотными пирожными. Такие только нюхать.

А у меня все внутри... заledenело?

Невеста?

Конечно, здесь у всех, титулами отмеченных, есть невесты или

женихи... Я ведь сама думала о таком. Думала, но надеялась... или продолжаю надеяться? Эти помолвки – формальность, не более, дань приличиям местным, и вообще... Он ведь ни разу о невесте своей не упомянул, значит...

Ничего не значит.

О ней не упомянул, о тебе, надо полагать, тоже не заговаривал. И вообще... голова болит от местных порядков. Если я санору заикнусь, что Малкольм мне симпатичен, как скоро его нынешняя невеста исчезнет? Наверное, быстро...

И мерзко.

– Не расстраивайся, – Малика коснулась моей руки. – Ты тоже кого-нибудь найдешь...

Слабое утешение.

Не хочу я искать.

Я кошек заведу. Дюжину. Или даже две, чтобы все вокруг считали меня ненормальной. Две дюжины кошек – хороший на то повод...

– Да отстань ты от меня! – этот голос разрушил мои печальные мысли и с ними вполне конкретные планы на будущее. Я уже старательно подбирала имена для кошек, выбирая между Пушком и Мушкой. – Я не стану... я не буду... я не хочу, в конце-то концов!

– Молодец, – проворчала я, поднимаясь. – Будешь как великий нехочуха...

Здание ощутимо тряхнуло, и треклятые канарейки заткнулись. Наверное, и в крохотных их птичьих мозгах иногда появлялись здоровые мысли.

– Убирайся! – рев прокатился по коридору.

А следом – и огненный шар.

Девицы переглянулись и пожали плечиками. А в следующее мгновение их диванчик оказался внутри радужного пузыря. И не только диванчик. Столик с кофе и сладостями, журнальчики, и да, пара клеток...

– По-моему, и это успокоительное перестало действовать, – сказала Малика, протягивая мне фарфоровую чашечку с ручкой-завитушкой.

– А она настойчива...

– Что еще остается...

Грохот повторился.

И я встала.

– Не стоит, – задерживать меня Малика не собиралась. Оно и верно, если у кого-то хватает дури на подвиг, то не следует у этой дури на пути вставать. – Побузят и успокоятся...

Верно.

И... не совсем. Не знаю. Опять дар, мать его, решил проявить себя, и как водится, в самый подходящий момент. Главное, что просто сидеть и попивать чаек я не могла.

Хотела, но...

Волна жара прокатилась по холлу, и листья пальм пожелтели, а под потолком что-то задребезжало, мелко и противно. В следующее мгновение холл наполнился водяным паром.

Твою ж...

Не видно ни черта. Но дар тянет. Зовет. Требует.

Идти.

К лестнице... к треклятой лестнице, по которой змеится трещина. Этак он и дом разнесет к чертям собачьим. И где, спрашивается, кураторы, охрана, хоть кто-то, кому бы полагалось присматривать за этим буйным.

– Айзек, успокойся! – голос ледяной королевы заставил взбодриться.

Не одна я такая ненормальная, что не спешит укрыться в месте безопасном.

– Я тебя не хочу!

– Не хочешь, – не выдержала я, – не ешь...

– Что?

В тумане можно различить фигуры. Вот эта громадина, стену подпирающая, Айзек... от стены отлип. Идет, шатается... ага, вздыхая на ходу. Только упадет вряд ли.

А вот там, стало быть, невестушка его...

– Не хочешь, говорю, не надо. Кто тебя заставляет?

На ладонях Айзека лежало лиловое светящееся желе... то есть явно не желе, но очень похоже. Оно шевелилось, вздрагивало и норовило выползти. И почему-то появилось ощущение, что если оно все-таки выползет, то дом не устоит.

– Она, – он кивнул на тень Арины. – Она меня заставляет.

– Что заставляет?

Я решительно шагнула к нему.

Теплый.

Горячий даже. Жарит его... да уж, с такой температурой не по коридорам шариться надо, а в постельке лежать, подушками обложившись.

– Что ты делаешь? – от подобной наглости Айзек опешил.

Ну да, понимаю, он тут весь такой разрушительный, а я лобик щупаю.

– Ничего, – солгала я, прилепившись к руке. – Так чего заставляет-то?

– Род продолжать, – обиженно произнес теоретический наследник

престола.

– Да... тяжелая работа.

– Я не хочу...

– И правильно. Успеется, да?

– У него есть долг... – Ледяная королева ничего лучше не нашла, кроме как появиться из тумана. – Перед страной...

Точно, и родина требует лечь грудью на амбразуру.

– Потом отбудет... в другой раз. Правда?

Айзек кивнул.

Кажется, швырять лиловую гадость он не собирался, но и убирать не спешил. Вот интересно... Арина ведь хороша собой, до того хороша, что даже у меня появляются мыслишки о смене сексуальной ориентации, а этот, стало быть, нос воротит.

– Сейчас он немного устал. Устал ведь?

Айзек вновь кивнул.

– Девушка, отойдите!

Это еще что за хрен с горы своевременно объявился? Айзек шарахнулся и руки вскинул.

– Стоять! – рявкнула я.

Туман несколько рассеялся, и... кажется, физия эта мне знакома. Смутно. Рубленые черты лица. Рыжие волосы, правда, несколько приправленные сединой. Благородная горбинка на носу, а главное – вот этот характерный прищур.

Папенька Малкольма.

Пришел по душам поговорить? Да уж, на такой прием он вряд ли рассчитывал, но держится ничего, спокойно.

– Сейчас мы пойдем... и приляжем.

– Куда? – Айзек не спускал с дядечки настороженного взгляда, и чувствовалось, что стоит тому дернуться, и лиловая гадость полетит. И хорошо, если в дядечку, чуется, тому будет чем ее встретить, но ведь и нам достанется.

– В кроватку. На диванчик. На пол. Куда захочешь.

– Зачем? – он нахмурился больше прежнего. Подозревает, что и я буду склонять к торжественному исполнению долга перед короной и родиной?

– Потому что у тебя температура, – спокойно сказала я. – И тебе следует отдохнуть. Полежать. Просто полежать... чайку попить...

– Я не хочу целителей!

Ишь ты, какой привередливый, невесты не хочет, целителей тоже...

– Не надо. Я с тобой посижу. Меня не боишься?

– Нет. Ты смешная. Они говорят, что ты мне поможешь, но я не верю.

Я вздохнула и призналась:

– Я тоже.

Лиловая гадость потихоньку уменьшалась, а руки Айзека окутывало бледное дрожащее марево.

– Хорошо, что ты не лжешь, – вполне серьезно сказал он. И видят местные боги, в этот момент Айзек был вполне адекватен. – Все говорят, что есть надежда... надо подождать, и жизнь наладится. Только все это – полная хрень... вот у него спроси. Он решил не ждать, а обзавестись еще парой-тройкой наследников.

Рыжий дядечка нахмурился. Что, не ожидал, что и мальчики сплетничать умеют? Смешно было надеяться, что они друг с другом сокровенным не делятся.

– И моему отцу следовало бы, но... знаешь, в чем проблема? У него не выйдет...

Мне удалось развернуть его.

К счастью, ни Арина, ни папаша Малкольма не стали вмешиваться. То ли решили, что так оно безопасней, то ли понадеялись на чудо. Я бы тоже от чуда не отказалась.

Айзек шел сам.

И меня за собой тянул. Руку сжал, никак опасаясь, что если исчезну я, то вернется невеста, и тянул за собой. Благо идти было недалеко.

Вот аккурат до двери, которая повисла на одной петле.

Да уж... понимаю, бурная семейная жизнь...

Внутри небольшой разгром. Сломанный стол, развалившийся стул... осколки какие-то под ногами.

– Тебе и вправду стоит прилечь, – как ни странно, но жар его не воспринимался даром, как нечто патологическое. Напротив, он готов был поддержать этот жар и... – Закрой глаза и расслабься. Не знаю, что сейчас будет, но убить тебя я не должна.

– А жаль...

– Жить надоело?

– Существовать... – он улегся прямо на полу, пинком отправив в угол осколки вазы. И руки на груди скрестил. Поерзал и пожаловался: – Жестко.

Я скинула подушку с диванчика.

– Спасибо... они думают, что я ничего не понимаю... самое поганое как раз в том, что я все прекрасно понимаю... и сейчас... и... я осознаю, что если потеряю контроль над даром, то местная защита не выдержит. Я едва не спустил дымку... она разрушает первичные связи...

Себе я тоже подушку взяла.

Сидеть будет мягче.

И руку положила ему на лоб. Жарко... и надо, чтобы еще жарче... что-то не так с его кровью... черная... нет, не черная, но темная, будто грязная.

– Кровь... – я хотела спросить, но язык прилип к нёбу.

Препоганое ощущение, будто с головой в болото нырнула. Я ощутила привкус плесени. И грязи. И еще чего-то... тухлого?

– Кровь... твоя правда... все из-за нее... королевский род не имеет права угаснуть... кровь есть замок. Он служит, пока жива династия... не станет замка, и дверь распахнется...

И наступит апокалипсис, ага, слышала...

Конь бел, конь блед, чума, война, и далее согласно регламенту.

Кровь его горела, и Айзек дышал тяжело, натужно. Кажется, в пролом дверной кто-то заглянул, но, на свое счастье, скоренько убрался.

Я пыталась вытянуть.

Как с красным.

Или с зеленым... чувствую задницей, которая у меня, по ходу, голову заменяет – люди с головой на рожон не лезут, – что сегодняшний день закончится привычно, в клинике.

А сорочку приличную туда я так и не отнесла.

– ...Он выйдет и соберет дань. Возьмет по душе за каждый год... по две за просьбу... по три за помощь... – этот бедолага что-то продолжал бормотать.

Грязь не сгорала.

И дар мой не спешил подсказки давать. Что-то я не то делаю, но что... если не горит и не тянется?

– ...Мир обезлюдееет, и боги не придут на помощь, ибо нарушен был договор...

– Заткнись, – попросила я.

Думай, Марго.

Головой.

А если... допустим, предположим, что эта самая грязь – некое вещество, на которое Айзеков больной организм отреагировал температуркой. Повышать-то ее можно, пока белки не спекутся, но тогда и пациент умрет.

Если же... не огонь, так вода... воды понадобится много... сперва понизить концентрацию, а там подключить почки и печень... или только почки? Если не подлежит оное вещество метаболизму, то надо просто его выделить и вывести.

Получится?

– Марго...

Рыжий нарисовался донельзя вовремя. И не один, а с папулей, который шею тянул, но соваться под руку не спешил.

– Воды нужно, – я смахнула пот со лба: а нелегкая это работа – из болота тащить бегемота. А из бегемота болото – и того хуже. – Много... надо его поить... и поить...

И вопросов не стали задавать.

Малкольм сел рядом, положил голову Айзека на колени и, прижав к губам болезненного кружку, велел:

– Пей...

– Замок трещит, шатается...

– ...вдыхает на ходу, – я вздохнула и погнала силу, представляя, что она, сила, есть вода... точнее, лучше физраствор... натрия хлорид в стандартной концентрации.

И водичка...

Ускорить адсорбцию. Увеличить объем крови... мамочки, все-таки надеюсь, что Айзек – парень крепкий, выдержит... и еще воды... и еще... вот так, пока грязи не станет меньше, а теперь на почки внимание обратим.

Вот они, две фасолины на веревках кровеносных сосудов. Темненькие, гладенькие, с пенкой надпочечников сверху.

Красота.

Лоханка.

Нефроны... кровеносные сосуды хитрыми клубочками, и нервы... нервы нам без надобности, а вот сосуды очень даже нужны. Воду мембрана отфильтровывала быстро, с моей-то помощью. Благо дар не нуждался в точной наводке, в какой-то момент меня, управляющего, вновь отодвинули, что позволило вздохнуть с немалым облегчением. Нет, я, конечно, почти гений, но...

Страшно.

Почечное тельце такое хрупкое... а процессы... я ведь силой воли могу изменить не только осмотическое давление в капсуле или степень проницаемости мембраны, я...

Не думать.

Наблюдать.

И вливать силу... посыл... ты выздоровеешь, сукин ты сын, и закроешь свой замок на ключ, раз уж припекло так, и постарайся, чтоб никто никаких долгов не взыскал...

Будет о чем, кстати, с Малкольмом побеседовать.

Эта бестолочь рядом села и стиснула мое запястье. Зачем? Силой делится? Щедрый... и глупый, я ведь ее беру и могу взять всю, до капли, с жизнью вместе.

– Прекрати...

А кровь светлеет.

Та темная штука перешла в первичную мочу. И надо лишь не позволить ей вернуться в организм. Снова изменить свойства мембраны и проконтролировать, если можно так сказать, процесс обратного всасывания... воду... лишнюю пускаем... плазму... не сгустить бы больше нужного.

Белки отфильтровываем.

Глюкоза тоже организму нужна, а вот эту пакость кофейного цвета – вон...

Я попыталась стряхнуть руку Малкольма, но он... нет, уже не он, тот, который был на него похож, вернее, наоборот, рыжик похож... хрен, запуталась... он сказал:

– Будьте добры, сидите спокойно и делайте, что делаете. Не переживайте, я неплохо контролирую процесс передачи.

Переживать за малознакомого человека я не собиралась.

Взрослый.

Сам разберется. А вот сила у него ледяная, отрезвляющая, что, собственно говоря, очень даже неплохо. Она мешалась с моей, и... и судя по всему, можно было заканчивать. Работа почти завершена.

Кровь чиста.

Температура нормализуется, а что под пациентом расплывается лужа розовой мочи, так это бывает. Целительство – дело такое, грязное... но почки проверим... скорость фильтрации слишком высокая, вот часть кровяных телец и не успевает вернуться.

Нехорошо, но...

Поправимо.

Я со вздохом разорвала контакт и руку с плеча стряхнула, правда, потянув напоследок силы сколько сумела. А что, не хочу в клинику, там воспитывать станут.

– Ему... отлежаться... и пара пакетов крови не повредит, но можно и без них... справится... – говорить было неудобно, будто в горло стеклянной ваты натолкали. И в этой вате приходилось ворочать языком.

– Выпейте, – дядечка протянул мне флягу.

И я выпила, запоздало подумав, что оно не стоило бы, мало ли чего намешает... с другой стороны, паранойю тоже надо воспитывать.

Как ни странно, полегчало.

– Вам надо учиться контролировать отток силы.

– Обязательно займусь...

Еще бы эту силу ощущать, а то... что слепой с фонариком. Пафоса много, а толку-то...

– Папа, помоги его перенести...

– И переоденьте заодно...

Айзек пропотел. И пот был тоже с розовинкой. И кажется, бедолагу вырвало. Что ж, выводить токсины можно и через желудок. Кстати, надо бы понять, чем его накачали, и предупредить, чтобы больше с этой гадостью не связывался.

Глава 45

Мне помогли подняться, хотя, видят местные боги, я бы с немалым удовольствием посидела еще часик-другой. Колени дрожали, руки, кажется, тоже... и когда Малкольм потянул за собой, я просто пошла.

Шаг.

И второй. И третий. Если их считать, меньше шансов, что я отъеду просто в коридоре... в обморок бы... благородно и красиво, так нет же, натура моя паскудная цеплялась за сознание и остатки гордости. Поэтому шагаем... шагаем...

В постель я рухнула навзничь, руки раскинула и глаза закрыла. Малкольм стащил ботинки и плед набросил. Сел рядом.

– Есть хочешь?

– Хочу, – созналась я.

– А пить?

– И пить хочу.

Открывать глаза не хочу. И вообще шевелиться, но это временно, пройдет... помнится, после моего первого марафона трехсуточного схожее состояние было. Правда, тогда мне хотелось просто сдохнуть, а теперь... теперь повзрослела, опыта набралась, уверовала, что со временем и слабость пройдет.

Малкольм отошел.

И вернулся.

И не один вернулся. С папенькой, стало быть... представит? А мне оно надо? Мне оно не надо... вот бульончика – другое дело. Он сытный, и жевать не придется, а то челюсти болят. Вообще болит все, особенно почему-то копчик. Наверное, там у меня сосредоточие магических сил, поэтому и дар такой, через задницу.

– Я умерла, – сказала я на всякий случай. И руки на груди сложила, надеясь все же избежать беседы.

– Не хотелось бы вас разочаровывать, – папенька Малкольма явно издевался, – но вы все еще живы и, надеюсь, пребываете в полном здравии. Легкое магическое истощение...

– Чем она его опоила?

– Простите?

– Ваша Ледяная принцесса... что за гадость она ему подсунула? С высочайшего, надо полагать, одобрения? И что он за бред нес про конец

мира?

Я приоткрыла левый глаз.

– Знаете, – папенька устроился в кресле. Пиджачок скинул, пристроив на спинке, рукава рубашки закатал, пальцы сжал, перстенок поглаживает. – Может, вы и дальше просто тихо полежите? Пока силы не восстановятся.

– Они уже, – я села. Все-таки разговаривать лежа было неприятно. – Нет, я понимаю, что его, грубо говоря, списали в расход, но... все же травить – это несколько чересчур...

А ведь у любого организма есть резерв самовосстановления.

И клеточная память.

И если разбудить ее, эту самую память, ДНК как первичный план... и подтолкнуть немного, мне не придется восстанавливать нервные связи. Организм сам... проводились эксперименты, я ведь читала... где-то там, в моем мире, когда еще наивно надеялась стать врачом.

Я потеряла глаза.

Надо будет... попробовать. Жаль, с Малкольмом этот вариант не прокатит, поскольку его память изначально настроена на самоликвидацию, а я пока не настолько крута, чтобы полагать, будто сумею разобраться с дефектным геномом.

А вот Айзек...

– Вы осознаете, что ваше... обвинение весьма серьезно?

– А я обвиняю?

Я почесала шею.

Копчик по-прежнему ныл, намекая, что не стоит искать приключений.

– Фактически... не имею представления, что именно произошло, однако, полагаю, расследование будет проведено.

Где-то я это уже слышала.

– Кто сторожит сторожей? Что? Рыжий, не пихайся и не маячь. И так в глазах рябит...

Улыбка папеньки стала шире... и как-то предвкушение в ней появилось, что ли? Как-тостораживает.

– Просто... – я ущипнула себя за ухо. Здравый смысл подсказывал молчать и вообще сослаться на внезапную амнезию. Пусть сами разбираются, но язык уже выводил: – Может, его и не собирались травить, но... эта пакость в кровь не из воздуха попала...

– Мне кажется, юная леди, вы делаете несколько поспешные выводы.

И вообще не вашего ума дело.

Помогли?

Получите пирожок. Или медальку. Пирожок лучше, он хотя бы

съедобный.

– Однако... – папенька погладил перстенок и потянулся. – Что-то в этом есть... но поскольку я вижу, что в данный конкретный момент времени мое присутствие скорее излишне...

Вот как у них получается так говорить? И язык же узлом не завязывается.

– ...я предпочту откланяться, дабы не смущать...

Я икнула и прикрыла рот рукой.

И вновь икнула.

Громко так.

– Вам следует отдохнуть... а мне...

Убраться подальше, сделав вид, что ничего-то особенного не произошло. Икота не прекращалась. А папенька собирался нарочито медленно. И я не выдержала.

– А с концом мира что?

– Ничего, – он поправил галстук. – Любому миру рано или поздно приходит конец...

Охренеть как оптимистичненько. Когда дверь за ним закрылась, я похлопала по кровати и велела:

– Садись и рассказывай... и не финти, а то и вправду конец придет, а мы и не заметим.

Малкольм вздохнул.

И снова вздохнул.

И опять.

У меня икота, у него вздыхота, похоже. Новое слово в медицинской науке...

– Понимаешь... дело в том, что...

...Давным-давно кто-то взял и завел демона. Нет бы котика там, собачку, свинью в конце-то концов. От свиньи толку-то поболее будет. А то демона...

Нет, он не в том смысле демон, что несет с собой кровь, смерть и разрушения, ими лишь живет и вообще мечтает все сущее уничтожить.

Не мечтает.

Просто сущность иного плана.

Нематериального.

Божественная или близкая к ней, почти всемогущая, определенно бессмертная или способная существовать вне временного потока, как полагают некоторые богословы, и воздействующая на пласты реальности.

Причем механизмы одного воздействия до сих пор оставались неясны.

Да и вообще, с тварью было... сложно.

Оно и понятно, пусть девственниц на завтрак она не потребляла, как и младенцев и прочий не самый диетический продукт, но все одно соседом было не из лучших.

Было время, когда земли, до которых твари удавалось дотянуться, становились пусты и печальны. По соседним гуляли чума с холерой, время от времени вспыхивали войны, а те, кто выживал каким-то чудом, тихо и незатейливо помирали с голоду.

Тварь же...

Слабела.

Ей нужны были люди. А те не спешили почему-то заселять проклятые пустоши, пока не отыскался то ли герой, то ли идиот, решивший, что он круче прочих. Каким таким макарон он преодолел сто тридцать три препятствия, добравшись в конце концов до Лысой горы, где поблескивал черный камень с частицей иного существа, я не знаю.

И Малкольм тоже.

И почему тварь его просто не сожрала... и как вообще вышло, что был заключен договор? О сути его Малкольм, понятное дело, имел весьма смутные представления, подозреваю, как и большинство смертных иной крови. Главное, было понятно, что тварь покровительствует людям, за что получает возможность кормиться с человеческого стада, но потихоньку, дабы не уменьшать поголовье...

Дальше наступил век воссоединения окрестных земель под рукой Ореста Благого – теперь я понимаю, откуда взялся тот самый обряд и почему у ненормальной девицы его не вышло повторить, – а там и эпоха всеобщего благоденствия, которая, как понимаю, и продолжалась по сей день.

Не то чтобы о твари не знали.

Знали. Все ж такое шило в камне не утаишь, но... знание, оно разным бывает. Сказки там, легенды. Время от времени попытки докопаться до истины и спровадить загостившееся существо в мир иной, благо открылось их неисчислимое множество, но...

Договор на крови.

И кровью подписан. И быть тому, пока есть хоть кто-то, в чьих жилах... и так далее, и тому подобное. В общем-то местная династия до недавнего времени вымирать не собиралась, ибо король был молод и здоров, аки и брат его, Айзек опять же наличествовал, но...

Что-то случилось.

Что-то такое, неладное, отчего вдруг оказалось, что трое физически крепких мужчин – это недостаточно для спокойствия мира. И королевский маг, основной задачей которого и является общение с этим, прости господи, созданием, сообщил, что скоро грядет конец света.

Буквальный.

Мол, камень разверзнется, а существо, в нем заключенное, выйдет, дабы пожрать все живое. Неживое тоже. После чего оно погасит солнце и двинется по мирам, творя всяческие бесчинства...

Перспективка, однако.

Малкольм вновь вздохнул, выводя меня из состояния презадумчивого. Нет, в панику ударяться я не спешила. Все же рациональное воспитание техногенного мира не позволяло до конца поверить, что вся эта сказка про демона – не сказка вовсе.

Умом я осознавала перспективу.

И не верила.

А еще не могла понять, кому понадобилось свергать династию. Оно ведь... одно дело, трон освободить, и совсем другое – мир зачистить. Это совсем уж... ненормально.

Арина заглянула к нам вечером. И не одна явилась, а в компании брюнета, который выглядел мрачнее обычного.

– Мне жаль, – сказала Ледяная королева светским тоном, – что вам пришлось присутствовать при... нашей размолвке.

Ни хрена себе у них размолвки. А ссора, надо полагать, это когда от здания остаются несущие стены...

– И я вынуждена просить вас... не распространяться.

– Не буду.

– Ни о чем.

– Не обещаю.

Мало ли что входит в ее скромное «ни о чем», слишком уж общо. Арина нахмурилась – надо полагать, до того отказов она не получала. А брюнетик вперил в меня недобрый взгляд – вот и спасай таких – и произнес:

– Это тайна короны...

– Да плевать.

Желваки так и ходят. Нет, а что, он всерьез ждал, что эти три слова наполнят мою душу благоговением и желанием служить новообретенной родине? Я реалистка. Трепаться по углам не стану, но и клятву о неразглашении произносить тоже, они здесь магические, с

непрогнозируемыми последствиями.

– Зачем опоила-то? – поинтересовалась я, внимательно разглядывая Арину. Нет, внешне она осталась спокойна, и это выражение удивления... долго тренировалась девочка. Но организм свой не обманешь.

Вот этот желтый туман вокруг сердца.

И надпочечники выплеснули дозу адреналинчика. И мозг заработал. Проклятье, мои знания по нейрофизиологии никогда не отличались глубиной, да и повыветрились за столько-то лет, поэтому точно не скажу, какая зона за что отвечает, но вот эта активность, она неспроста...

– Понятия не имею, о чем вы...

И маска светскости способна ввести в заблуждение кого угодно, но не меня. Дар жив. И это злит. По-хорошему так злит...

– Он ведь мог умереть... на самом деле умереть. Без шуток. Хотя, полагаю, цель была иной... какой? – я продолжала смотреть на нее, точнее в нее, что оказалось куда более информативно. – Беременность?

– Я не позволю ей...

– Расчет на дядю? Прикроет, если что... должность подходящая...

– Замолчи!

А вот это гнев, я его узнаю, красный, удушливый. Надо же, сначала отравила жениха, а теперь еще и возмущается.

– Интересно, что было бы, если бы я не подросла... один труп, два? Или все это здание?..

Арина выскочила, громко хлопнув дверью. А хорошее воспитание, оказывается, свои пределы имеет.

– Что уставился? – я сунула в рот сушку, хотя стараниями рыжего была сыта и почти благостна. – Еще скажи, что я не права.

Говорить он не стал, то есть со мной, а к Малкольму обратился:

– Не понимаю, как ты ее выносишь...

А самое интересное, ни у красавицы, ни у этого рокового брюнетика и тени раскаяния не ощущается, будто бы все именно так, как должно быть. У меня аж засвербело от желания проникнуть в коварные их замыслы...

Вдруг да получится.

Малкольм шепнул, что образцы он взял и надо лишь до лаборатории добраться. Мы переглянулись и по молчаливому соглашению решили ничего Раю не говорить.

Ну его.

Бука.

Глава 46

Кернинг фон Аушвиц всегда отличался любовью к золоту и ярким цветам. Годы его не изменили. Алый пиджак с нескромной золотой отделкой. Литые пуговицы. Галстук-бабочка свекольного цвета и запонки с крупными камнями. На ком другом наряд подобный смотрелся бы в высшей степени нелепо, но Кернинг фон Аушвиц умел держать лицо.

Вытянутое, с несколько тяжеловатым подбородком, с чертами, пожалуй, слегка грубоватыми, оно было не слишком красиво, но в то же время запоминалось.

Да и кто не знает королевского распорядителя.

– Рад встрече, – Кернинг церемонно поклонился, и массивная трость его, украшенная резьбой, бухнулась о плиты пола.

Тотчас появился лакей.

Взмах рукой.

Шевеление бровями. Мизинчик, взлетевший к хрящеватому носу... этот дворцовый язык Фредерик так и не выучил. Но лакей исчез. И двери закрылись.

– Теперь нас не побеспокоят, – Кернинг отложил посох, сцепил пальцы в замок и потянулся так, что захрустели не только кости, но и ткань пиджака. – Скажи, мой друг, как выходит так, что жизнь наша становится лишена смысла?

Второй страстью Кернинга была философия.

Не та, которая обреталась в пыльных томах, переполненных мудростью ушедших веков, а в собственной его голове. Слегка сумбурная, самую толику – депрессивная, но отчаянно нуждавшаяся в слушателях.

– Увы, увы... мы не становимся моложе...

Он снял пиджак и кинул на спинку стула. Щелкнул подтяжкой, возвращая ее на место. Как эти шлейки вообще удерживались на узких плечах, оставалось загадкой.

– Что слышно нового?

– За сплетнями явился? – Кернинг покачал головой. – А я-то думаю, с чего это ты вспомнил старого приятеля... или аудиенция понадобилась? Представляешь, меня одна, особо одаренная, третий месяц осаждает, пытается аудиенции добиться. У нее дочь незамужняя, молодая... в фаворитки поступить хочет. Так и спрашивает, мол, как девочку одеть, чтобы та в фаворитки поступила. Тьфу...

– А ты?

– А что я? Я ей сказал, мол, любезнейшая, неужели до вашей провинции слухи не дошли? Ныне институт фавориток перестал существовать, его величество премного любит супругу и всячески ей предан...

– Любит?

– Любит, любит... – вздохнул Кернинг, легким движением руки взбивая кудри. – Нехорошо это...

Он помолчал.

Пожевал губу.

И повернул два кольца из полудюжины, надетых на пальцы левой руки.

– Стало быть, беда? – уточнил и отмахнулся. – Давно ждали... А раз ты явился, знать, тому и быть... Я еще с нашим затворником в том месяце беседу имел. Мол, беспокойно стало... в верхних галереях фантомы объявились, народец пугают. У наших-то большею частью мозгов немного... дамочки визжат, а герои магией балуются, а сам понимаешь, чем оно тут чревато... один позавчера в зеркальной галерее огневика пустил, так пришлось закрыть. А он, мол, чудище из зеркал глянуло... защищал супругу... Так что балуется наш приятель, балуется... ожил... знать, чувствует, что скоро грань истончится.

Фредерик прошелся вдоль картинной галереи.

Венценосное семейство.

Ныне покойный Арчибальд Седьмой с супругой и сыновьями... с супругой он не ладил, и после рождения первенца пара разъехалась к обоюдному удовольствию. Королеве досталась южная часть дворца, его величеству – северная, в народе именуемая Охотничьей... он там и охотился, не на ланей, а на юных дев, которые не сильно возражали.

Ее величество предпочитало актеров.

Очень театрам покровительствовала... никто их не осуждал. Обычная жизнь, привычная многим... правда, и второго сына она родила, исполняя долг перед короной...

Мальчики.

На портрете им тринадцать и десять... старший хмур. Лицом на мать похож, хотя и она далеко не образец красоты. Нужная кровь проявилась иначе, а вот узкий лоб и вытянутый подбородок, который кажется острым, – это так, это внешнее, пустое...

Только вот у Альвейды Флорени, более известной как леди Гиацинт, поговаривают, личико было кругленьким и гладеньким, без морщин и

бородавок.

Огромные глаза.

Хрупкость, которой ее величество была лишена... говорят, леди Гиацинт она ненавидела. С прочими фаворитками уживалась как-то, даже благоволила ко многим, некоторым и помогала, других вовсе представляла супругу, если видела, что дева подходит... а вот леди Гиацинт, завоевавшая место у трона и в королевской постели на многие годы, была ненавистна.

Почему вдруг вспомнилось?

– Я вот думал сперва семью отправить куда подальше... скажем, на Острова... там, конечно, обстановка еще та, вновь шарабники шалют, а коронные их давят. Пираты опять же... разбойники... беззаконие полнейшее, но среди беззакония жить можно. А если эта тварь свободу получит, то мы все...

Не будет всех.

Молодой король. Уже король... несчастный случай вычеркнул Арчибальда и его несчастную супругу из жизни... кто мог предположить? Торжества... по случаю чего, к слову? Фредерик пропустил. Помнится, тогда где-то на окраине королевства работал, и работа казалась важной, а поди-ка вспомни... главное, что то ли трибуна рухнула, то ли стихийное бедствие случилось... наводнение? Точно, выезд на курорт... приветствие его величества... королевская баржа и внезапная буря, с которой маги не сумели справиться... после еще долго шептались, что буря эта не случайно разразилась, соседи виноваты. А те загадочно помалкивали.

Главное не это...

– А потом понял, что твари наш мир на один глоток... я стараюсь не думать. Супруге своей вру, будто все в порядке... ее величество вновь... оказалась бессильна исполнить долг.

Почему об этом говорили завуалированно? Используя этикие окольные обороты? Сказали бы прямо, не забеременеть ей, а если и случится чудо, то попробуй выноси ребенка.

В прошлый раз случился выкидыш.

И в позапрошлый. И целители, которых в окружении ее величества было больше, нежели простых смертных, лишь разводили руками. Мол, чудо понадобится.

И главное, чудо это появилось, но... будто не спешат им воспользоваться.

– Его уговаривают завести любовницу... ненадолго, лишь пока... гм, не исполнится предназначение, – Кернинг снял парик и, водрузив на фарфоровую вазу изрядной стоимости, пригладил собственные реденькие

волосенки. – Или хотя бы разрешить инсеминацию...

Коронационный портрет.

Все то же узкое лицо, которое казалось слишком маленьким и каким-то... невнятным? Глубоко посаженные глаза. Низкие надбровные дуги. И много позолоты на традиционном мундире. В ее обилии король терялся.

Свадебный.

Невеста из ниоткуда.

Скандал.

Сплетни, которые пресекались неожиданно жестко... Она хороша. Не сказать, чтобы прекрасна, но... бледновата, хрупка, как и положено дитю воздуха. А эти глаза... художник старался, и у него почти получилось изобразить королеву именно такой, какой она была.

Еще один портрет. И вновь женщина из мира иного. Но брату короля позволительно, и даже клятва, принесенная им на алтаре – о ней трубят все газеты, – вызывает у подданных лишь восторг.

Как же, история истинной любви.

Они будут преданы друг другу до смерти и даже после нее, ибо клятва эта, полузабытая ныне, лишает возможности связать свою жизнь с кем-то, кроме...

Глупость.

Почему не посоветовались? Никто из них...

Айзек.

Тоже умудрился попасть в эту галерею...

– Он не дал согласия. Сказал, что это будет предательство по отношению к королеве. Будто кроме королевы он никому и ничего не должен. Зато Ильгар согласился, только... – королевский распорядитель зло сплюнул. – Три попытки – и все три неудачно! Клятва, мать ее... наши решили, будто умнее богов. Хрен им, а не...

Он добавил пару слов покрепче. И, смахнув с лысины пот, добавил:

– Сомневаюсь, что и у его величества хоть что-то выйдет... а мальчишка, как слышал, тоже... – он прищелкнул пальцами, – не в себе... и все равно, единственная надежда, хоть какой-то гарант... нет, его величество здоров и вообще... лет сто протянет. Двести... а потом? Вот то-то и оно... немногие задумываются, но... мальчишку надо уже сейчас использовать. И используют, друг мой, используют... Пусть и незаконнорожденные, но...

Не то чтобы услышанное многое меняло, однако... было над чем подумать.

– Леди Гиацинт... помнишь ее?

Айзек на портрете был молод и непозволительно хорош собой, будто подкидыш, а не наследник. Нет, подмена была исключена, на то имелись веские доказательства, но вот... семейные черты, в прочих проявлявшиеся ярко, пожалуй, даже чересчур ярко, у него были сглажены.

– Помню, отчего ж не помнить... ты о той сплетне, что она якобы родила ребенка, которого его величество соизволил признать, и на то имеются соответствующие бумаги?

– Ложь?

Если кто и знает правду, то величайший сплетник двора.

Королевский распорядитель молчал.

И молчал.

И портретов леди, которую называли прекраснейшей дамой эпохи, не сохранилось. Их писали множество, ибо даже те, кто находился под крылом стареющей королевы, все же не отказывали себе в возможности снискать высочайшую милость.

А король к своей неофициальной супруге благоволил.

Женщина из ниоткуда.

Что вообще о ней известно? Была... жила... появилась при дворе. То ли среди дебютанток, то ли вообще в актрисах, а иные и вовсе безумную версию выдвигали, что леди была пастушкой. Его величество как-то спустился на скотный двор...

Бред.

Главное, что однажды она появилась и завладела не только сердцем, – сердце бы ей простили, оно давно уж переходило из рук в руки, – но и разумом короля.

Леди Гиацинт не стеснялась давать советы...

Присутствовать на совещаниях.

Перебивать.

Высмеивать... и вскоре ее слово стало весить больше, нежели слово ее величества, а вот это уже было совсем нехорошо.

Его величество окружили самые прелестные дамы, и не то чтобы он хранил верность, это было бы чересчур. Но после каждого романчика он возвращался к своей прекрасной леди. И наделял ее еще большей властью.

– Знаешь... – Кернинг тронул еще одно кольцо, и воздух сгустился. – Я бы не был столь... уверен, скажем так... я не стану утверждать, что ребенок был, но и не возьмусь утверждать, что его не было...

Он присел.

Прикрыл глаза.

– Незадолго до... несчастья... скажем так, леди занемогла и удалилась

в поместье, подаренное его величеством... правда, не добралась, я-то знаю... слуги не умеют молчать, даже самые проверенные. Понятия не имею, где она была... несколько месяцев. Она появилась при дворе аккурат накануне... несчастья. Тогда многие отметили, что леди и вправду выглядит больной, однако... правды никто не знает. Она взошла на ту баржу. И стояла по левую руку короля. А на голову ее возложили драгоценную диадему, которая донельзя походила на малую корону.

Вызывающе.

И оскорбительно. Пожалуй, не погибни королева вместе со всеми, можно было смело обвинить ее в причастности. А так... нашли пару фелисских активистов, казнили показательно. Ужесточили таможенный досмотр, а новоявленный король добавил вето на вывоз редкоземельных элементов, снятия которого фелиссийцы добивались без малого пятнадцать лет...

А ведь явных доказательств их вины не нашли.

Вообще доказательств чьей-нибудь вины. И тварь загадочно молчала, мол, стихийные явления вне ее ведения, тем более ее-то на воды привезти не удосужились.

– Этого мифического ребенка искали... как понимаешь, его величество был достаточно... взрослым человеком, чтобы понимать, чем чревато появление неучтенного, так сказать, наследника. Более того, очевидно, что, будучи привязан к матери, он близко к сердцу принимал ее обиды. И леди Гиацинт...

Романтическая история, о которой какой-то безумец сочинил пьеску и даже умудрился поставить, хотя постановку закрыли на второй день. Но... о ней говорили, шептались и, думать нечего, ставили в домашних театрах, наслаждаясь чужой выдумкой.

– Однако, насколько мне известно, ребенка не нашли...

И на этот счет у Фредерика имелись собственные мысли.

– А вот теперь я думаю, почему он просто не спросил у твари... – Кернинг вытащил гребешок и кое-как пригладил остатки волос. Протер лоб специальным составом, убирая ненужный блеск. Тронул пуховочкой. Вытянул губы, любясь в ручном зеркальце, которое он, сообразно статусу и Уложению, носил на поясе. Причмокнул.

– Потому что она не ответила бы. Она не вмешивается во внутрисемейные дела. А ребенок такой же носитель крови, как и его величество... я так полагаю.

– Понятно. Но... если бы его не было, она бы сказала?

Как знать.

У твари странное чувство юмора.

– А с другой стороны, в нынешней ситуации лучше пусть он будет, нежели нет... Ты на бал придешь? Конечно, придешь, куда ты денешься. Только, умоляю, не в черном. Он сто лет уже как вышел из моды. И если тебе в твоём университете это неизвестно, то послушай знающего человека...

Маска сплетника и человека недалекого, которую Кернинг носил всегда и с немалым удовольствием, села идеально. Он еще надул щеки, тронул левую языком, отчего та выпятилась, обвел губы прозрачной палочкой блеска...

– Зеленый... всех оттенков... Его величество заказал костюм цвета палешского нефрита. Ее величество, как понимаешь сам... тебе я бы рекомендовал цвет темный...

– Спасибо.

– Кстати, – Кернинг отложил зеркальце и, взявшись за парик, привычно натянул его на лысину. – Я вот в последнее время не могу отделаться от мысли, что если б затеял перемену мира, то лучше времени не найти. Ежегодный бал-маскарад... традиции, и все такое... но символично... охренительно символично.

Глава 47

В моей комнате кто-то был.

Я остановилась и втянула воздух. Так и есть, духами пахнет... женскими... дорогими, судя по тому, что до сих пор держался именно аромат, а не кетоновая отдушка.

– Что? – Малкольм потянулся к поясу, с которого ныне свисало полдюжины полированных камней. А еще бляшки, висюльки, мешочки какие-то, и все это вкупе с джинсами смотрелось, мягко говоря, странновато.

– Тут кто-то был, – я чихнула.

А запах знакомый... нет, Арина использует другие духи, с прохладным ароматом, а эти...

– Погоди... – Малкольм отступил и меня потянул. А потом сдвинул браслет свой и велел: – Ждем.

Мы и ждали.

Подпирали стенку, говорили о чем-то... не знаю даже о чем, главное, что разговор этот изрядно отвлекал от мыслей, что в моей комнате могло кому-то что-то понадобиться.

Надеюсь, не бабушкин конверт.

Надо было с собой взять. Теперь, если стащили, локти кусать буду.

Мастер Витгольц счастливым от этой встречи не выглядел. Судя по белой рубашке, фраку и галстуку-бабочке, мы его откуда-то выдернули.

– Ну? – он уставился на Малкольма, и рыжий моргнул, но взгляд выдержал.

– Там, – он указал на дверь, – кто-то был... ее не было, а...

– Понятно.

– Женщина, – уточнила я. – Или девушка... духами пахнет. Пахло, когда вернулись. А дверь я заперла. Я всегда запираю дверь.

Привычка с той еще жизни, когда, оставленная открытой, дверь гарантировала шмон. Мамаша, сколь бы в дурном состоянии ни находилась, нычки мои вскрывала на раз. Тоже дар латентный, не иначе... и главное, как бы я ни извращалась, а она...

Мастер приоткрыл дверь и, вытянув шею, заглянул в комнату. Застыл. Спина его, слегка горбатая, была черна и... честно говоря, фрак на нем смотрелся как на корове скаковое седло. Болтались фалды, и хотелось подергать за них, проверяя, крепко ли держатся.

– И когда мы пришли, – добавила я, – дверь была заперта.

Надо будет замок поменять, а заодно поинтересоваться, у кого это вдруг ключ от моей комнаты завелся. Хотя... в моем мире отмычки существовали, а в этом наверняка додумались до чего-нибудь поинтересней.

Длинный нос мастера двигался.

Уши шевелились.

И в какой-то момент возникло ощущение, что человеческая хрупкая шкура треснет, выпуская истинную сущность. Но нет, мастер медленно просочился в комнату и замер.

Пальцы его зашевелились.

На мгновение над ладонью его появился разноцветный шарик, который лопнул, выпуская с полсотни мыльных пузырей. Те поплыли по комнате, делясь и заполняя ее. Сталкиваясь друг с другом или стенами, пузыри не лопались, но прогибались, сдавливались, меняли форму.

Пахло это дело мылом, причем хозяйственным.

Мастер чихнул.

И потер нос.

А потом велел:

– Отойдите-ка...

И Малкольм потянул меня за плечо, заставляя отступить. Пузыри же налились тревожным красным светом. Лопнули они одновременно с преме́рзким скрежещущим звуком.

– Твою ж... – мастер стряхнул с волос что-то липкое и темное.

Фрак... что ж, надеюсь, его утешит, что без фрака он смотрится куда как приличней? Буро-зеленая слизь, смердящая уже отнюдь не мылом, медленно стекала с плеч.

– Как всегда... – Витгольц добавил что-то на незнакомом мне наречии, вряд ли великосветское. – Что ж... полагаю, ты найдешь где переночевать, пока здесь почистят.

Чистить придется изрядно.

Слизь расползалась по стенам, грязными сталактитами свисала с потолка. Что-то набухло, лопнуло со всхлипом, выпуская некогда лаковую штиблету мастера. С тихим шипением растворялись остатки ковра и, кажется, покрывало...

Книги...

Твою мать, это во что же мне ремонт обойдется?

– И что это было? – поинтересовался Малкольм, протянув палец к ближайшему комку. Тот вздрогнул и попытался отползти.

– Шутка, – мастер был мрачен. Похоже, шутка ему не понравилась. – В мое время такие ловушки ставили, когда хотели... скажем так, намекнуть на некоторую... неправильность поведения.

А прошлое у мастера, по ходу, веселым было.

– Но тогда использовали стандартную слизь. Или краску... такие бомбочки можно приобрести в любой лавке...

Ошизеть.

Раздолье подросткам. Я представила подобный набор шутника в собственном мире и содрогнулась.

– На самом деле довольно-таки безобидно. Слизь сводится простейшим бытовым артефактом, да и окраска редко держится дольше пары часов. Но это... – он вытер подошву об остатки ковра и вновь выругался. Штиблеты, похоже, отжили свое. – Несколько чересчур... модификация с кислотой... боюсь, вас ждал бы крайне неприятный вечер и несколько дней в клинике. Химические ожоги крайне плохо поддаются лечению.

Твою ж...

То есть, говоря нормальным языком, если бы не запах духов и моя паранойя, нас бы окатило кислотой? И это называется шуткой?

Я открыла рот.

И закрыла.

Вздохнула. И попросила:

– Там на столе сверток лежит. Мне его в наследство передали. А я вот... как бы это сказать... бабуля была еще той затейницей, так что мало ли... может, глянете?

Сверток оказался обыкновенным свертком.

То есть защитная оболочка, благодаря которой содержимое уцелело после встречи с кислотой. Печать, взломать которую могла лишь я, аки признанная наследница... и все.

Ни отравы скрытой.

Ни заклятий.

Ничего.

Бумаги мастер перебирал лично, каждый листик едва ли не обнюхал и, лишь признав безопасными для моего здоровья и разума, протянул мне.

– Приятного чтения...

Что-то сомневаюсь.

К Малкольму я возвращалась в не самом радужном расположении духа. Конечно, без крыши над головой я не осталась, но все равно

ощущения были... премерзостными.

И главное, убить меня точно не собирались, а вот искалечить...

Я достаточно успела узнать о возможностях местной медицины. Шрамы остались бы... при всех стараниях остались бы... незаметные, но все-таки... плюс процесс заживления длительный, болезненный. И чего ради? Нет, я понимаю, что мешаю кому-то настолько, чтобы появилось желание от меня избавиться, но таким извращенным способом?..

Защита не сработала.

Должна была предупредить, а она... и родовой перстень смолчал. Или он не должен был проявлять себя, раз непосредственной опасности не было? И вообще, глупо все это... как-то... по-бабьи, что ли?

– Слушай, – озаренная внезапной догадкой, я дернула рыжего за рукав. – А невеста твоя кто?

Он споткнулся.

– Что?

– Невеста, – терпеливо повторила я. – Мне сказали, что она у тебя имеется. Вот и спрашиваю, не здесь ли, часом, учится?

Малкольм отвел взгляд. Понятно, значит, здесь. И наверняка я с ней знакома...

– Послушай... у нас принято заключать помолвку в... весьма раннем возрасте. Это дает возможность сблизиться, и вообще... родители всячески способствуют тому, чтобы дети узнавали друг друга... привыкали... учились понимать...

А похолодало.

И небо ясное, стало быть, завтра приморозит. Верная примета. Небо другое. Звезды. Луна и та с гламурным розовым отливом, но примета все равно верная.

Пальцы замерзли.

Сумка моя... из гардероба уцелела едва ли треть. Будет мне наука шкаф закрывать, а то ишь, вещами обросла и про порядок забыла...

– И, как правило, подобный подход оправдан. Всегда проще заключать брак с человеком, достоинства и недостатки которого тебе хорошо известны, нежели с... не важно. Мне было пять, когда отец подписал договор. Невесте – два года...

Лавки в седом налете инея. И сквозь брюки холод чувствуется, надо бы в дом идти, а мы вот стоим, говорим о делах своих скорбных. И желания двигаться куда-то ни малейшего.

– Однако вышло так, что отца моей невесты отправили в Фелиссию... на годы... и, честно говоря, я довольно долго и не подозревал о помолвке.

Когда приключилась та история с Офелией... отцу стало известно... он вообще обладает удивительным свойством узнавать обо всем... в общем, он показал мне договор. Признаюсь, я был в шоке. И повел себя не самым достойным образом.

Представляю.

Нет, серьезно, представляю... я вот себе жила-жила, а потом оказалась в чужом мире, но хотя бы свободной настолько, насколько это вообще возможно в нынешних обстоятельствах. А вот ежели б папуля, Амелия или еще кто сунули б под нос бумагу, согласно которой у меня жених где-то здесь наличествовал... или не здесь...

Главное, сюрприз, девочка, ты тут не сама по себе, а с обязательствами, просто колечко обручальное по малости лет потеряла, ну или родитель добрый приберег, скажем, до времен лучших. Для кого лучших, это, конечно, большой вопрос...

– Тогда мы впервые поссорились. Я наговорил много лишнего.

Уж чего бы я сказала, и близко не представляю.

– Я чувствовал себя оскорбленным, но... постепенно эмоции улеглись, и я признал его правоту... и мама тоже на это согласилась. Я не стал разрывать договор, как собирался... решил дать нам шанс.

Охренеть как благородно.

Правда, благородство это слегка кривобокое, небось свежееобретенные обязательства не дали ему ширинку на замок застегнуть. Впрочем, это вообще у местных, как я поняла, в порядке вещей.

– Да, моя невеста учится здесь, на одном с тобой курсе... мы... встречались несколько раз. И признаюсь, именно я настоял на ее поступлении. Фелиссия – чудесная страна... море, солнце... много курортных городов, куда стекаются люди со всего мира... целебные источники. Грязи. И в то же время весьма специфические законы. У них не принято, чтобы женщины работали. То есть можно, конечно, если семья слишком бедна. А если родители состоятельны, то их долг правильно воспитать сыновей, дочерям же достаточно быть красивыми. Красота в Фелиссии – своего рода валюта... за красивую невесту получают изрядный выкуп. А если уж невеста с даром... приобрести такую могут позволить лишь перрайхо – перворожденные, высшая знать.

Сказочное место.

То есть бабуля намеревалась осчастливить моей особой кого-то из местных набобов? И получить за это, полагаю, выкуп? Интересно, сколько бы дали?

Воображение нарисовало гигантские весы, на одной чаше которых

стояла я, на другой высилась груда драгоценных камней. Да уж... самомненьицем меня высшие силы не обделили.

– Красивых женщин балуют. Они живут в роскоши и неге, занятые исключительно сохранением собственной красоты... иногда интригуют против вторых и третьих жен...

О... даже вторые и третьи.

Наверное, когда красота первых все-таки подвядать начинает.

– Делят детей и... в общем, ты поняла... моя невеста слишком долго там жила. И поэтому не совсем правильно поняла, чего я от нее жду. Безусловно, она красива. Воспитана надлежащим образом. Умеет вести дом... и в высшем свете мне не было бы за нее стыдно.

Спокойно, Маргарита, это вовсе не намек.

Тем более нужен ли он тебе, этот высший свет?

– Однако, к удивлению своему, я понял, что девушка, как бы это выразиться... несколько... однобока... несерьезна... не... не знаю я! – он раздраженно пнул кустарник, чего делать не стоило, поскольку оскорбленное дерево сыпануло за шкуру жменю ледяных игл.

Я отступила и, глядя, как Малкольм чертыхается, пыталась не рассмеяться.

Смех был бы истерическим.

Нет, я влюбилась?

Иначе какое мне дело до его невесты? Есть она, не есть. Меня это должно волновать сугубо с практической точки зрения, поскольку появилось такое вот дурное предположение...

Уж больно кривая затея.

И главное, в голову не только мне пришла, если Малкольм нахмурился и сказал:

– Это невозможно.

– Что именно? – местная луна спустилась и зарозовела паче прежнего, этакое стыдливое обличье.

– Она, конечно, не самый приятный человек, когда полагает, будто кто-то... или что-то... нарушает ее планы, – слова он подбирал осторожно.

Значит, невестушка еще та истеричка.

– Однако подобные шутки... несколько чересчур...

– Я ее знаю?

Вздых.

Нет, в смысле, если на одном курсе учусь, то, конечно, знакома, хотя бы сугубо визуально, но... чуеться, что знакомство наше немного более тесное, нежели с прочими однокурсниками.

– Леди... Синтия... у вас с ней был конфликт в начале года...

– Это не та, которая...

– Нет, – Малкольм поспешно замотал головой. – Это ее лучшая подруга и, как мне кажется, она дурно на Синтию влияет. Сама она довольно тихая девочка...

Про тихий омут, похоже, здесь не слыхали. А вот мне интересно, папенька этой милой девочки, случайно, не имеет доступа к тварям редким, к примеру, гадюкам? Или вот... хотя нет, тогда в парке и Малкольму досталось бы, а, насколько я успела разобраться в местной психологии, женихами здесь не разбрасываются.

Надо будет побеседовать с мастером.

И опять же... почему местные спецслужбы это дело прозевали? То ли ввиду отношения предвзятого – какие личные разборки, когда заговор против короны зреет? То ли... не прозевали, а не сочли нужным вмешиваться.

Ладно.

Это все позже.

Я взяла рыжего за руку и сказала:

– Пошли, что ли... а то замерзла как собака.

Глава 48

Дорогая Маргарита!

Я пишу это письмо, прекрасно осознавая, сколь ты удивлена, но вряд ли обрадована произошедшим. В душе моей теплится надежда, что я все-таки ошибаюсь в прогнозах и потому прочесть его тебе не доведется, однако в кои-то веки мои сердце и разум пребывают в гармонии.

Так случается перед скорой смертью.

Я слышала, но, признаюсь, никогда-то не верила в подобные истории, полагая их досужим вымыслом. Ныне же я испытываю огромное, просто непреодолимой силы желание рассказать, наконец, обо всем...

Я отложила первый лист. Да уж, слов много, туману еще больше, а смысла... покосившись на Малкольма, убедилась, что никуда-то он не исчез. Сидит в кресле, хмурый, насупленный, что сын, того и гляди заушает. Небось полез в себе копать и страдать по поводу наличия подозрительной невесты.

Или не подозрительной?

В общем, не мое это дело.

Совершенно.

Я завтра просто-напросто найду эту красавицу, и... там уже поговорим, по-своему, по-девичьи.

Почесав кулак, я взяла второй лист из пухлой стопки.

...Чужие тайны сделали меня заложницей собственной жизни, которая в ином случае могла пойти иначе. И не только моя, как понимаю теперь. Я не умею испытывать сожалений, да и история не знает сослагательного наклонения, однако печать молчания и клятва, державшие меня столько лет, ныне исчезли. И это вновь же является предвестником скорой моей смерти. Я пытаюсь угадать, чье обличье она изберет, но... слишком больно думать о том.

Я вздохнула.

А моя бабушка, настоящая, а не эта вдруг обретенная, никогда не любила жаловаться. Говорила, что смысла в жалобах особого нет, а привыкнуть легко. И вот уж жизнь твоя превращается в поток слез и горестей. Наверное, был в этом смысл.

Был.

И посочувствовать старой леди не выходило.

Сама виновата...

...Однако тебя, полагаю, нетерпеливое дитя техногенного мира, выросшее в обществе иного склада, утомили мои разглагольствования...

Еще как утомили.

...но я воспользуюсь правом мертвеца на последнее слово. Засим силой своей и клятвой, данной пред лицами богов, с которыми моя душа встретится в самом скором времени, подтверждаю, что каждое слово здесь – правда, что история, мною изложенная, верна и может быть использована в королевском суде, если ты сочтешь, что так тому и быть.

Что-то мне это вступление про суд совсем не понравилось. Судов я не любила, хотя и бывать в них не доводилось. Нелюбовь эта была, так скажем, заочного плана. Да и... тайн чужих мне довольно.

Малкольм глаза прикрыл.

Устал?

Он сейчас быстро устает. И боли появились, пока еще слабые, фантомные. Кольнет и отпустит... занает, потянет и снова отпустит. Я хочу стереть их. И, дотянувшись до его руки, прикасаюсь пальцами. Теплая ладонь, шершавая кожа, которая совсем скоро покроется красной сыпью.

Ее будут лечить.

У них здесь есть и мази, и настои... от кожных хорошо помогает вытяжка из чистотела и корня белого копытника... только эти язвы так просто не закрыть.

Проклятье!

Я должна... сила не лилась потоком. Сочилась едва-едва, и каждую каплю приходилось практически выдавливать. Ничего. Выдавим.

Сумею.

– Не стоит, – он сам убрал руку. – Ты еще не до конца сама восстановилась. А я... я как-то начинаю привыкать к мысли о том, что скоро... И прав отец, если мои дети это унаследуют, то лучше им вообще не появляться. Я умру, а он будет жить... Каждый год меня проверяют целители... проверяли. Иногда дважды или трижды за год. Брали кровь. Волосы. И не только их. Лезли внутрь, пытаясь обнаружить признаки... или выдать заключение, что я совсем здоров. И если сперва я не понимал,

что происходит, то... потом начал бояться. Каждый раз после осмотра, когда говорили, что я здоров... пока здоров... отпускало. Этого хватало на пару месяцев... потом появлялось беспокойство... легкое такое... начинаешь поневоле прислушиваться к себе. Искать... вот тут закололо. Или одышка появилась. Или... главное, чем больше ищешь, тем больше находишь. Ты же знаешь, как это бывает.

Знаю.

В теории. На практике я отличалась завидным здоровьем, простуды и те обходили меня стороной, а если вдруг и привязывалась какая-то зараза, то ненадолго.

– Чтобы заглушить этот голос, я начинал вести себя... неправильно. Ввязывался в какие-то истории... однажды сбежал из дому, чтобы бродить по городам пешком, зарабатывать на жизнь музыкой... вдохновение, романтика дороги... на третий день меня отловили местные, которым не понравилось, что я лишил хлеба их парня. Тот в кабаке до меня играл. В общем, в себя я пришел уже в клинике, с сотрясением, парой трещин в ребрах и отбитыми почками... это на некоторое время вправило... с Раем... спор – это весело. Отвлекает, да... позволяет чувствовать себя таким кукловодом, хотя на самом деле все мы куклы богов.

Да уж, оптимизм из рыжего так и прет. С другой стороны, не факт, что в его ситуации я сама не ударилась бы в перманентную депрессию.

– Поэтому... мне жаль, что я тебя обидел.

– Ты уже говорил.

– А ты слышала?

– Услышала, – я протянула листок. – На вот, отвлекись... заодно советом поможешь. Чую, сама я в этом не разберусь.

...Мне было не так много лет, когда судьба свела меня с некой юной особой, с которой у нас имелось много общего. Мы обе происходили из родов древних, славных, однако прихотью Судьбы оказавшихся в затруднительных обстоятельствах. Мы обе были благословлены даром и немалым талантом, который порой важнее дара, и видели свою жизнь в весьма определенном свете.

Каюсь, я несколько лукавила в прошлой нашей беседе, рассказывая о жизни своей, но на то имелись свои причины. Ты услышала ту историю, которую знает свет, и никого-то, вздумай ты поделиться ею, она не удивит. Иная же была заперта клятвой, даденной неосторожно, за что я не единожды кляла себя и свою доверчивость. Остерегайся обещаний, Маргарита, иные могут дорого обойтись не только тебе, но и твоим

близким.

Нет, вот почему они здесь не могут написать просто и конкретно? Зачем эти словесные нагромождения, в которых так и тянет поискать скрытые смыслы?

...Правда же состоит в том, что родителям моим не было до меня дела. Они, увлеченные собственной жизнью, никогда-то не снисходили до дочери, которая уродилась слишком скучной и обыкновенной, чтобы блистать. Впрочем, меня это лишь радовало, ибо праздному времяпрепровождению я предпочитала тишину нашей библиотеки. И хранитель рода, которого я полагала другом, всячески способствовал развитию моих талантов.

Будь осторожнее с ним, Маргарита. Он, и вправду хранящий род, служит вовсе не ему, но тому, о чьем существовании все предпочитают молчать, будто бы молчание способно защитить хоть в чем-то.

Охренеть. Чем дальше, тем оно мне меньше нравится.

...Именно хранитель способствовал моему знакомству с Киреной. И мы с первого взгляда пришли друг другу по душе. До того момента у меня не было подруг, хотя печали по этому поводу я не испытывала. И лишь когда в жизни моей появился человек, способный равно разделить и радости, и тревоги, я осознала, сколь одинока была прежде.

Мы учились.

Мы мечтали. Мы делились секретами... Кирена была ментальным магом, редкость по нынешним временам. И по понятным причинам дар свой истинный она скрывала, не желая привлечь внимание Конторы. К сожалению, ментальные маги не могут существовать сами по себе, слишком опасными их полагают. Даже мне она открылась далеко не сразу. И, признаюсь, в первые мгновения я испытала неподдельный ужас. А что, если моя симпатия, моя привязанность есть лишь результат ее воздействия? Я видела боль в ее глазах, и все же ничего не могла с собой поделать.

Мы расстались.

И эти три дня были самыми отвратительными в моей жизни.

Именно тогда, желая помириться и показать, что я вижу в ней друга и только друга, что доверяю ей, как самой себе, я и предложила провести обряд смешения крови. Его еще именуют обрядом братания, но мне это

слово всегда казалось слишком претенциозным. На своем веку я встречала немало братьев, люто ненавидевших друг друга.

Суть же обряда состоит в том, что два человека становятся близки друг другу. И чем больше изначальное сходство душ, тем сильнее единение. Помимо символизма у нас получилось обмениваться дарами. У Кирены ее слабый дар огня стал чуть сильнее, прикрывая истинную ее суть, а я же получила способность чувствовать людей. Не скажу, что это меня обрадовало. Очень скоро я поняла, что этот дар – червивое яблоко, от которого мне ныне не избавиться.

Правда, со временем я научилась использовать его во благо рода.

Постепенно наши с Киреной пути разошлись. Я поступила в университет, видя в том возможность совершенствовать свой дар и улучшить состояние рода. Некоторые мои идеи оказались весьма удачными, однако по молодости лет я позволила им уйти в чужие руки. После я не повторяла этих ошибок. В головном отделении Королевского банка тебя ждет ряд документов. Полагаю, обладая на редкость практичным складом ума, ты правильно оценишь ситуацию.

Так.

...бабуля, по ходу, еще тот Штирлиц. И вот получается, мне завтра в банк надо? Вот почему мне все это добро не передали одним пакетом, а квест затеяли?..

...Амелия полагает, будто именно она распоряжается финансами рода, а по понятным причинам я не могла открыть ей правду. Боюсь, обида помешала бы ей мыслить рационально. Да и мой сын, полагаю, узнав об истинном состоянии дел, не стал бы сдерживаться в пагубных своих пристрастиях.

Однако возвратимся к подруге. Она отучилась лишь год, после чего вышла замуж за человека много старше ее. Он был весьма состоятелен и отличался довольно буйным нравом, который, впрочем, Кирена укротила не без помощи дара.

Пожалуй, жизнь ее – состоятельной и любимой супругом женщины – была безоблачна. Она сама признавалась мне, что счастлива, но... мечтает о любви.

Мы были юны и обладали всеми недостатками, присущими этому возрасту, – чрезмерной самоуверенностью, убежденностью, будто ничего-то дурного с нами не произойдет, и немалой жаждой любви. Она проснулась в нас одновременно, уж не знаю, кто первый спровоцировал эту

волну, но... я вдруг осознала, что никогда-то в жизни никто не любил меня по-настоящему.

До головокружения.

С безуминкой.

Чтобы мир улетал из-под ног. Ныне я думаю, что дар Кирены и наша связь сыграли злую шутку. И ее горячая любовь откликнулась во мне. Порожденное ею же эхо и привело к на редкость неудачному браку. Мой супруг умел пускать пыль в глаза, правда, надолго его не хватало. Ему достало времени очаровать меня, да и я рада была очароваться. Когда же брак наш подошел к логическому завершению, я с ужасом обнаружила рядом с собой человека в высшей степени неприятного. Более того, этот человек почему-то полагал возможным для себя навязывать мне свою волю. Признаюсь, я сама отчасти виновна в ситуации, в которой оказалась. Выданная в любовном угаре доверенность была использована, чтобы сделать огромные займы, погашать которые мой супруг не собирался. Он каким-то образом сумел заложить поместье не один, не два, но тринадцать раз.

Я присвистнула самым неинтеллигентным образом. А дядечка-то был талант! Надеюсь, бабуля воздала этому таланту по заслугам. Хотя... я по-прежнему ей не сочувствовала, просто... просто нельзя брать чужое.

Нехорошо.

И свое отдавать не стоит, особенно всяким проходимцам. Брачный контракт составить, что ли... нет, я замуж в целом не собираюсь, но... мало ли как жизнь повернется. Это тот случай, когда лучше, чтобы бумага была...

...Я не говорю о таких мелочах, как родовые драгоценности, коллекция картин, которую и без того пришлось проредить, рассчитываясь с долгами родителей. Я вдруг поняла, что рискую остаться не просто нищей, но угодить под статью о мошенничестве. И признаюсь, я испугалась. За себя. За ребенка, который только-только появился на свет.

Еще немного, и всплакну.

Я передала очередной листок Малкольму.

– Ты уверена? Кажется, это несколько... личное.

– Не для меня.

Я не собираюсь никого осуждать. Это напрочь лишено смысла, да и... наверное, постаравшись, можно что-то исправить.

Изменить.

Исцелить и вообще, только... почему мне не хочется? Я повернулась к зеркалу, пытаюсь понять, что это, усталость или приобретенная стервозность? Я ведь, сугубо теоретически, должна бы стремиться к воссоединению семьи.

Отец очнется от колдовского сна. Мама станет прежней. Они найдут друг друга и... и простят, конечно. Не смогут не простить, помирятся, переселятся из города куда-нибудь в тихий домик, чтобы вишни вокруг и яблони.

Пасеку поставят.

Будут жить в любви и согласии, среди вышитых скатерок и фарфоровой посуды, старательно делая вид, что прошлое забыто. А я... я ведь не уверена, что смогу поддержать их игру. В ней мне уготована роль спасительницы, а заодно уж дочери, которая должна бы быть счастлива общим счастьем, только у меня от одной мысли об этом ком в горле застревает.

Я буквально вижу эту свежоотретушированную жизнь.

Нет.

Не хочу. Не буду... и не заставите. Слышишь, мертвая бабуля, я не обязана разгребать твои ошибки! Ваши ошибки... вы взрослые сильные люди, а я – ребенок... была ребенком, который оказался виноват во всем. И я не хочу притворяться, будто все эти годы можно просто взять и задвинуть куда-то...

– Все в порядке? – Малкольм присел рядом. – Тебе не обязательно читать. Если хочешь...

Он провел ладонью над круглой свечой, полагаю, носившей исключительно декоративный характер, но на поверхности ее появился огонек.

– Можешь сжечь... по одному или все разом.

– Тебе нельзя колдовать.

– Какая разница? – он пожал плечами. – Раньше, позже... раньше, наверное, даже лучше... я не хочу, чтобы меня запомнили слюнявым идиотом, не способным узнать собственное отражение в зеркале...

– Хочешь, я тебя убью?

А что, предложение в духе вечера. Я ведь могу. Я знаю, что могу... на это мой дар готов, вон, виляет хвостом, что собака бродячая, прямо-таки подзуживает. Что, Марго, давай сердечко остановим. Это просто... слегка нарушим проводимость в пучках Гисса... никто не узнает.

Никто не поймет.

А если и поймут, то не докажут. Или еще вот аневризму организовать можно. Она потом раз – и лопнет. Аневризмы, они ж такие, со всеми случаются... или тромб... Тромб – тоже красиво, просто сгустим кровь, слепим тромбоциты в крохотный комок и пустим его по кровотоку.

Проклятье!

Чтоб он мне так охотно идеи на исцеление выдавал. Так нет же, паскудина, тут он отступает, мол, сложновато ремонтировать, сама думай.

И подумаю.

– Хочу, – Малкольм свечку взял в ладони, сдавил, сминая воск. – Я вообще-то Рая попросил. Он обещал... проследи, чтобы выполнил, ладно? Если вдруг спросит, есть ли шанс...

– Солгу.

– Хорошо.

Вот и договорились.

Глава 49

...Единственная, к кому я могла обратиться за помощью, – моя подруга. К этому времени жизнь ее претерпела кардинальные изменения. И я не знаю, имел ли ее проклятый дар к тому отношение. Кирена клялась, что нет, а я старалась верить ей, однако...

Однажды его величество встретил в саду прекрасную незнакомку, не пожелавшую открыть своего имени и своего лица. Я слишком цинична, чтобы поверить, будто встреча эта и вправду была случайной. Кирена не имела обыкновения прятаться за маской, а сколь знаю, мода на карнавалы появилась много позже. Впрочем, связь свою с королем она не афишировала, несколько лет предпочитая оставаться тайной его пассией. Понимала ли, что эта любовь скоротечна и в конце концов придется вернуться к супругу? Или же надеялась на нечто большее, и это большее требовало незапятнанной репутации? Я знала, что она не любила короля, – наша связь окрепла и порой причиняла изрядные неудобства обоим. Полагаю, Кирена с превеликим удовольствием забыла бы обо мне, но...

Ага, бабуля хрен позволит. И вот еще одно доказательство того, что от любви одни проблемы.

– Не уверен, что нам стоит это читать дальше, – задумчиво произнес Малкольм, устраиваясь рядом. Я оперлась на теплое плечо его.

Хрена с два я тебе дам умереть.

Вот не знаю, как я это сделаю, но... не позволю... где моя Сивка-Бурка с молодильными яблоками вкуче? Я за них... и дар, слышишь? Откажусь, если не поможешь.

Молчит?

Пускай. Завтра побеседуем. Как там, в медитационном зале, – расслабиться и найти в себе источник силы... меня-то вечно в сон клонило, но это потому как стимула настоящего не было.

– Стоит, – я погладила жесткие края. – Еще как стоит. Зуб даю, что к нашим делам оно имеет самое непосредственное отношение.

Ибо чем дальше, тем более эти самые дела казались... глупыми?

...К этому моменту Кирену знали при дворе под именем леди Гуацинт. Она всегда была склонна к театральщине, иначе не объяснить ни это

нелепейшее прозвище, данное ею самой себе, ни амулет, рассеивающий внимание. Он заменил ей маску. Никто не знал истинного лица леди, кроме, естественно, ее любовника. Я сказала, что эта связь обречена, но Кирена была уверена в себе и собственных силах. В разговоре, который, к сожалению, пошел вовсе не так, как предполагалось, она заявила, что очень скоро его величество дозреет до ответственного шага.

Она действительно хотела стать королевой.

И она была уверена, что у нее получится. Я не знаю, как вышло, что его величество вообще поддался внушению, ведь королевская семья, насколько знаю, надежно защищена от ментального воздействия. Это врожденное свойство. Да и о сторожевых амулетах забывать не стоит, равно как о живых сторожах. Среди служащих Конторы хватает ментальных магов, от которых не укрылись бы следы воздействия.

Я умоляла Кирену не вмешиваться.

Но она... она преисполнилась уверенности, что ее место – рядом с королем. И отнюдь не в роли фаворитки.

Малкольм покачал головой и сказал:

– Это многое объясняет, хотя... отец не любил говорить о том времени. Но бабушка часто ударялась в воспоминания. Она некогда блистала при дворе. И утверждала, что леди Гиацинт явно не была простолюдинкой. Мол, можно нарядить девицу в шелка и бархат, украсить драгоценностями, но воспитание... поведение... его не изменить.

Ага, у нас тоже говорят, что можно вывезти девушку из деревни, но куда сложнее – деревню из девушки.

А здесь я именно такая вот... деревенская девочка, пусть с состоянием, титулом и хреновым кривым даром, который и выводит меня в разряд особо ценного имущества. Только... я могу пыжиться, пока не лопну, но для местного общества всегда останусь этакой... ошибкой природы.

Полукровкой.

Мысли не слишком радовали. И следующие несколько страниц, посвященных пространным бабулиным размышлениям о природе власти, ошибках, совершенных дорогой ее подружкой, и мрачных перспективах последней – а нехрен королеву злить, – я пролистала.

Бабуле определено было не с кем поговорить, иначе откуда столько лишних слов.

...Кирена сочла, что, будучи посвящена в ее тайну, я вполне могу поспособствовать достижению цели. Его величество, хоть и испытывал к

своей леди немалую привязанность, отказывался совершить последний шаг. Его, сколь понимаю, вполне устраивала сложившаяся ситуация. С супругой он давно пребывал в отношениях скорее дружеских, нежели любовных. Полагая ее женщиной разумной, он не спешил в чем-то ее ограничивать и, как умел, старался блюсти приличия. Вместе с тем развод означал бы скандал, да и без того напряженные отношения с соседями обострились бы еще сильнее. А если добавить к тому негодование собственной аристократии, становилось очевидно, что мечты Кирены так и останутся мечтами.

Даже беременность не способна была что-либо изменить.

Следует добавить, что я стала отличным алхимиком. Многие мои работы имели немалый успех, кроме того, мне удалось выгодно реализовать несколько патентов, что в перспективе позволило бы выплатить мой долг Кирене. Однако ей не нужны были деньги. Она желала, чтобы я использовала свой талант для создания эликсира, способствующего ослаблению сознания жертвы.

Многие из предков ее пытались создать нечто подобное.

Алхимия – сложная наука, требующая не столько знаний, которые во многом доступны каждому, но и таланта, особого чутья, позволяющего сочетать сложные ингредиенты между собой. К сожалению, зачастую бывает, что многие сокрытые свойства трав и элементов проявляются лишь в сложных сочетаниях или же в узком диапазоне условий.

Как бы там ни было, но эксперименты рода Киннаах были обречены на неудачу. Но у меня в руках оказался дневник, где подробно описывались десятки составов и их влияние на подопытных. Пожалуй, именно тогда я поняла, в сколь неудобной ситуации оказалась. Моим долгом было сообщить и о Кирене, и о затее ее, и об этих опытах, совершенно противозаконных, порой бесчеловечных...

Ага, но, чуется, полезных, и весьма, ибо использовать их на родном сыне бабуля не постеснялась. А что, чего уж добру пропадать.

Поэтому и смешно мне подобное читать.

Образец морали и нравственности, мать ее...

Малкольм хмурый. Злой. И на мое прикосновение лишь пальцы ловит, стискивает, то ли успокаивая, то ли...

...Клятва же требовала молчать. И не скрою, что задача показалась мне интересной. Признаюсь, до того дня я никогда не работала с зельями целительского профиля. Сфера моих интересов лежала в технической

области.

Это было вызовом.

И я его приняла.

Первые мои составы просто-напросто не работали. Следующая партия вызывала помутнение сознания и приступы неконтролируемой ярости. Ее можно было направить на определенного человека, но и только.

Кирена требовала поторопиться. Ее положение становилось заметным, и это создавало определенную неловкость. Пошли слухи. И королева ясно выразила свое недовольство. А его величество, вместо того чтобы защитить возлюбленную, отослал ее к мужу.

Вот это поворот.

– Плохо, – сказал Малкольм, поднимаясь. – Очень, очень плохо...

– Почему? – я забралась в кресло с ногами. – Какая разница?

– Большая...

Он повернулся ко мне спиной. Избушка-избушка... плечи у избушки широкие, а рыжие волосы растрепались. Странно, что у меня больше не возникало желания его постричь. А вот окончательно расплести косу хотелось.

И причесать.

– Это означает, что где-то есть еще один претендент на престол.

– Которому очень выгодно, если с предыдущими что-то да произойдет?

– Именно, – Малкольм раскачивался, плавно перетекая с ноги на ногу.

– Что ж... это облегчает задачу. Сейчас дочитаем, узнаем страшную тайну и раскроем заговор, – я широко зевнула. – А потом пойдем и выспимся, наконец...

А то на их интриги никакого здоровья не хватит. Но бабуля таки могла писать покороче, да.

...Ребенок родился в срок.

Девочка.

И супруг, которому в отличие от его величества деваться было некуда, радостно признал малышку наследницей. То есть бабуля все изложила пространней, но факты – они факты и есть, против них не попрешь.

Бабуля создала еще с полдюжины составов, добиваясь желаемого эффекта...

...Последний рецепт если и не был совершенен, ибо в долгосрочной перспективе оказывал весьма негативное воздействие на мозг, вызывая распад нервной ткани, однако его краткосрочное воздействие было невероятно мощным. Состав полностью подавлял волю, но не грубо, как иные, известные эликсиры подобного рода. Отнюдь. Разум человека, подверженный влиянию его, сам создавал правдоподобную картину, в которую внешнее воздействие вписывалось самым естественным образом. Любой, самый безумный приказ получал объяснение. Правда, при этом человек полностью утрачивал внешние ориентиры. Он создавал себе собственный мир, в котором одни объекты наделялись свойствами других...

Я перечитала этот лист дважды.

Я опасна?

Да я ангел белокрылый по сравнению с бабулей, которая, чувствуется, гордится тем, что создала. Вот... и кажется мне, рецептик волшебный она не подумала припрятать куда подальше. Нет, небось лежит где-то волшебная тетрадошка с записями и...

И вот чем дальше, тем яснее становится история.

Прозрачней.

Противней.

...Позже я создала несколько форм с куда более мягким воздействием. Я уговаривала Кирену подождать, однако ее терпение иссякало, а положение при дворе оказалось неустойчивым. Его величество не испытывал прежней привязанности, а ее величество, как понимаешь, не собиралась упускать возможность раз и навсегда избавиться от излишне назойливой фаворитки. Это безумно злило Кирену.

Я отдала ей флакон.

Я умоляла... я осознавала, что если ее раскроют, то и мне не избежать обвинения в государственной измене. А моя жизнь только-только наладилась, но... еще одна клятва связала меня по рукам и ногам.

Не знаю, что пошло не так.

И было ли бедствие действительно стихийным, как утверждала Контора, либо же имело место вмешательство извне. Или мой состав оказал вовсе не то действие, как предполагалось, – королевская кровь отличается от крови простых смертных. И результат...

Королевская баржа перестала существовать.

Несмотря на присутствие семи магов, охрану, страховку с берега.

Очевидцы писали, что разомкнувшиеся воды поглотили ее. Я же старалась не думать, что родственной стихией королевы была вода...

Как бы там ни было, с одной стороны, я получила желанную свободу, ибо Кирена исчезла вместе с королевской четой. С другой – стала хранительницей ее дочери.

Ты знакома с нею.

И надеюсь, теперь понимаешь, почему я поступила с сыном именно так, как поступила. Я действительно верила, что вместе они будут счастливы, что дети их унаследуют редкий дар королевской крови и мой талант, что это позволит нашему роду обрести прежнее величие...

И так далее, и тому подобное...

Я вздохнула и, выбравшись из кресла, подошла к Малкольму, обняла его, прижалась лбом к спине и сказала:

– А пойдём-ка спать... утро вечера мудренее...

Потому как чувствуется, что спокойных ночей осталось немного. А главное, теперь все, ну или почти все, встало на свои места. Осталось лишь уточнить одну маленькую деталь...

Глава 50

Проснулась я раньше рыжего. Благородно уступив мне кровать, он устроился на диванчике, слишком коротком и узком, чтобы там и вправду можно было выспаться. Но отговаривать я не стала, – пусть сам решит, чего ему надо, а я... никогда не умела навязываться.

Светало.

Серый свет. Окно, затянутое пленкой инея. Холодное стекло и проталина в форме ладони. Ее хватает лишь на то, чтобы увидеть кусок сизого неба с блеклою звездой. Интересно, это хорошая примета или не очень?

Я сползла с кровати.

Пол прохладный, ковер кажется влажным, а Малкольм спит крепко. На спину перевернулся, одну руку за голову заложил – будет мучиться с задеревеневшими мышцами. Вторая расслабленно свисает. Пальцы чуть подрагивают, точно во сне рыжий играет на гитаре... гитара ему бы пошла.

Или здесь клавесины предпочитают?

Надо будет поинтересоваться.

Ноги свесились.

Плед сбился.

Он красивый. Наверное. На самом деле я ни хренища не понимаю в красоте, ни в мужской, ни в женской... вот сердце – оно да, красивое, потому что совершенно в своем устройстве. И мозг еще красив невероятно, ибо многомерен и гиперсложен.

Печень.

Почки... а человек в целом... наверное, можно любоваться хорошо сформированным костяком и гармоничным развитием мышечного аппарата, но... красота – это нечто большее, нежели правильные черты лица.

Нет, не так надо.

А как?

По-честному. Перед собой. Другим врать можно, совесть мучить не станет, а вот себе – глупо. И... он мне нравится? Нравится.

Сильно?

Да, мать его... пожалуй, никто и никогда мне не нравился так сильно. Первая школьная любовь... не любовь, увлечение, которое, к счастью, быстро минуло и крепко отрезвило, послужив хорошей прививкой от

заразы эмоций. А тут вот...

Я убрала рыжую прядку, прилипшую к носу.

И какого, спрашивается... Малкольм не очнулся. И ладно, пусть спит, пусть выспится и отдохнет, а я... я только посмотрю.

Я стащила с кровати подушку и кинула на пол. Все-таки он достаточно холодный, да и на голом полу сидеть жестко, а на подушке – самое оно.

Рука Малкольма была горячей.

И неудобной.

Большая ладонь, широкое запястье со шрамом... смешной... вольной жизни... на волю рвутся те, кто слабо представляет, насколько там голодно, холодно и люди злые. Нет, добрые тоже встречаются, и их на самом деле больше, просто... они незаметнее, что ли?

Не о том.

Ну что, дар мой случайный, поговорим? Давай, не прячься, выходи. Я знаю, что ты есть, и ты мне нужен, потому что чувствую... нехорошее вот чувствую... прямо зудит все, и отнюдь не от чесотки.

Закрыть глаза.

Сосредоточиться.

Отбросить тревогу... найти в себе свет...

Сердце.

Легкие... и нехорошее темное пятно в корне правого. Истончившиеся стенки альвеол... и потемневшие сосуды. Откуда, мать его? Или непонятное проклятье распространяется не только на нервную систему? Оно ведет себя подобно раку, пуская метастазы...

Рано.

Болезнь только началась, но, похоже, времени у Малкольма еще меньше, чем я предполагала. Так и есть, еще очаги некроза в почках...

И поджелудочная поражена. Проклятье! Но это я могу вычистить... Как? А просто пометим все красным и пустим огонь... ему будет неприятно, но... сон глубокий, надеюсь, вывести потом получится. Нет, рыжий, от меня ты так просто не избавишься...

Дар был притворно послушен, что изрядно настораживало.

Но вспыхнул невидимым светом и исчез островок перерожденных клеток в перикарде, и поджелудочная восстановилась. И сила моя текла по кровеносной системе Малкольма, работая уже без моего участия.

Сколько их было?

Десятки.

Где пара клеток, которую я бы просто-напросто не заметила, а где целый островок ткани, уже изменившей свои свойства... ничего, надо

потерпеть... станет легче, если потерпеть... маготерапия... и надо узнать, лечат ли здесь рак.

Сердечный ритм сорвался.

И восстановился.

Легкие развернулись. Кажется, Малкольм закашлялся, выплевывая темную слизь. Я едва не выпустила руку, кляня себя, что не могу облегчить эту боль...

Сон вязкий.

Во сне сознание отключено... и надо было бы на помощь позвать, но это означало разорванный контакт. А я не уверена, что второй раз получится.

Дар смеется.

Глупая, думаешь, что ты мной управляешь? Это мне дали попользоваться тобой...

Пользуйся, только уж делай для чего создан.

Хотя...

Малкольм застонал. И закричал, когда пламя силы добралось-таки до нервов... темные нити деструкции в позвоночном столбе. Пока несколько цепочек, и действие незаметно, но... еще немного, и что он испытает? Слабость? Дрожь в руках? Или руки просто-напросто откажут? Или не руки, а ноги? Или все гораздо медленней и сложнее?

Убрать пораженное и восстановить цепочки.

Я думала, у меня есть время? Нет... по крови несутся осколки проклятия, и значит, стоит мне отступить, и все вернется. День-два, может, три, и тело его вновь начнет пожирать себя же.

– Что здесь... – меня оттолкнули.

Разорвали контакт, когда я уже почти решила... если со спинным мозгом вышло, то и... был шанс. Был! Мать его, шанс! А меня прервали, и теперь...

Перед глазами плясали разноцветные мошки.

Раз-два-три-четыре-пять...

Пощечина.

И голова на шее-веревочке. Солоноватый вкус крови на губах. А девочек бить нехорошо... девочки и сдачи дать могут. Вода... вода по лицу течет, я слизываю капли с губ.

Голова гудит.

И кажется, меня трясут, пытаюсь добиться... чего? Не знаю.

– Отвали, – я вяло вскидываю руку. – Отпусти...

Отпускают.

Кто?

Рай? Надеюсь, что нет... хорошо надеюсь. Айзек. Светлые лохмы, синие глаза. Выражение лица такое, что впору о завещании думать. Прямо здесь и прикопает.

– Привет, – я взялась за голову. Болит... опять с силушкой перестаралась? А с другой стороны... разве был иной вариант?

Не было.

И надо бы спасибо сказать, что вовремя прервали, но...

Интересно, а если поставить фильтр, скажем, в воротной вене, чтобы вся пакость там и сгорала... Конечно, полностью не спасет, но какое-никакое время выиграем.

– Что ты творишь? – поинтересовался Айзек, подняв меня за шкуру. Встряхнул легонько и сунул в кресло. А следом швырнул полотенце. – Вытрись.

Вытрусь.

Выгляжу я, и думать нечего, самым жалким образом. А с другой стороны, плевать... красоваться особо не перед кем. Оба помолвлены, оба... обречены?

Нет уж.

Дудки.

Я наизнанку вывернусь, но заставлю их жить. Я ведь маг жизни, мать его так, мне чудеса по должности совершать положено. Вот как щелкну пальцами...

– Ему пытаюсь... помочь.

Малкольм по-прежнему спал. Только сон этот... скрюченные руки, побелевшие губы. Рот приоткрыт. Дыхание неровное, прерывистое...

– По-моему, ты его убиваешь, – Айзек возвышался надо мной и вид имел прегрозный.

– Убить его я могу тихо и незаметно. Никто и не поймет, – я потрогала губу. – В следующий раз бей аккуратней, а то теперь с распухшей ходить, людей пугать.

Он лишь хмыкнул.

И молчит.

Пялится.

– Слушай, – я поерзала. – А ты можешь выяснить, не заключила ли моя сестренка помолвку? И если да, то с кем?

– Чего?

– Мелисса... ты ее знаешь... черт, в общем, она моя сестра. Старшая... только я незаконнорожденная, а она как бы наследница.

Брови Айзека поползли вверх. Не знал? Ну... бывает. В конце концов, мы обе не горели желанием распространяться о родстве моем.

– Не так давно твой приятель разорвал помолвку... так вот, скорее всего она заключила новую...

Если я правильно все поняла. Одной крови для переворота мало, возможности нужны.

– Малкольм.

– Он спит... просто спит... извини, у меня не было под рукой обезболивающего. Да и... не факт, что оно помогло бы. Но... так было нужно. Поверь, меньше всего я хочу причинить ему вред.

Боль отпускала.

Я слышала ее, такую всеобъемлющую, такую мучительную. И далекую. И странно, что контакт не нужен, достаточно быть рядом... я бы забрала себе, не потому, что так уж добра и самоотверженна, просто... я сумею эту боль сжечь, а рыжему ее переживать приходится.

– Его... – я облизала губы, – болезнь прогрессирует куда быстрее, чем я предполагала. И легкие задеты... не только легкие. Она везде. Я попыталась убрать... точнее, убрала... не знаю, как надолго. Источник надо уничтожить, а он в мозгу...

Я постучала по голове и попыталась встать.

Мамочки родные... пол влево.

Пол вправо.

И потолок кругом, благо Айзек вовремя подхватил.

– Сиди уже, – проворчал он. – Спасательница... и извини... в следующий раз меня кликни. Ладно? Или Рая...

– Рая нельзя.

– Почему?

Потому что если все именно так, как я предполагаю, он ненадежен.

– Просто скажи, ты можешь узнать, с кем помолвлена моя сестра? А еще... кажется, я поняла, что делать с тобой... только сила нужна. Силы у меня не хватает... вот скажи, как бывает, что дар есть, а силы нет? И вообще, это странно, да?

– Сила? – Айзек со смешком протянул руки. – Вот чего у меня с избытком, так это силы... забирай.

На что это похоже?

На нырок в ледяную воду. В бездонный колодец. Дыхание перехватывает. Холод и жар. Жар и холод. Погружение... глубже и глубже. И страшно, и... хочется дотянуться до звезды, которая лежит на чертовом

дне, если оно вообще существует.

Воздух заканчивается.

Легкие жжет огнем, и когда не остается сил терпеть, делаешь вдох. Вода заливается внутрь, и ты умираешь. Ненадолго. А потом оказывается, что и водой можно дышать. Что в этой воде воздуха полно, и тело твое удивительным образом перестраивается.

Сила шумела.

Рвалась.

И рвала меня на части. Требовала отпустить ее... и это было похоже на опьянение.

Кажется, я рассмеялась.

И, заглянув в синющие глаза Айзека, сказала:

– Чур, ты следующий...

Пока могу.

Скоро все изменится, скоро все закончится... раз-два-три-четыре-пять... ищи, кому выгодно... а кому выгодно? Я знаю... это все так очевидно...

Сосредоточиться.

Пробиться сквозь этот хмель, он не мой, это просто сила застоялась, не находя применения. А мы вот применим, пусть и не по профилю, но все-таки... преобразуем... девочка-трансформатор. А что, чудесный род занятий, сейчас и гудеть стану...

Спокойно.

Ровнее.

Айзек... стабилен. И это хорошо. Память тела разбудить надо бы. Память, ты где? Ау-у-ушеньки... Ни гугушеньки в ответ. Но я хорошо позову. Я сумею...

Мозг...

– Наверное, будет больно, – я все-таки сумела предупредить. – Закрой дверь, пожалуйста, а то прибегут всякие спасать, вконец лицо разобьют.

– Не прибегут, – Айзек усмехнулся.

Неужели понял?

И давно ли?.. И почему никому не сказал?.. А с другой стороны, кому говорить? Кто поверит почти безумцу... а ведь он не должен был слететь с катушек так быстро, если только...

Правильно, если знаешь, как воздействовать, то хватит и малости...

– Все равно закрой.

Щелчок пальцами, и перед дверью возникает полупрозрачная стена. Что ж, как вариант пойдет... А теперь...

– Сядем? – я опустилась на пол. – А то грохнешься еще, остатки мозгов отобьешь. У тебя с ними проблема, знаешь?

– Знаю.

Он спокоен. И серьезен.

– Доверяешь?

– А есть варианты? Ты... не болтай, или отвлечь думаешь?

Просто думаю. Память тела не желала пробуждаться... а вот если так... просто силой, как кувалдой? Клин клином – кажется, так говорят?

Ну-ка, Сивка-Бурка, вещая каурка, встать передо мной, как лист перед травой... Что еще положено говорить в этих случаях? Даром, данным мне – кем данным? А кем бы ни было – повелеваю...

Айзек не кричал.

Ему было больно.

Полагаю, адски больно, потому что иначе быть не может, когда твои нервы вспыхивают. Правильно, гори оно синим пламенем.

Или вот зеленым. Зеленый – самый целительский цвет, он пациентов успокаивает, только, полагаю, этому конкретному спокойно не будет. Я не виновата, это... так получается... выплеснуть и выжечь заразу... заразы нет? А кто сказал, что нет? Есть она, на сей раз не болотную водицей, но прозрачной гадостью, которую просто так и не разглядишь. А главное, успела и в костях отложиться, и в тканях, значит, притравливают давно.

Хрен им, а не скоропостижная кончина.

Нервы... выдержат, дар их только почистит... и организму в целом пинка волшебного, в прямом смысле слова – волшебного, отвесит, чтобы организм этот усовестился и занялся самовосстановлением.

Интересно, если бы не отравы, может...

Не узнаю.

И спрашивать не стану... а если кто засечет? Скажем, что с Малкольмом работала... и почти правда, да... Варнелия говорила, что работу мага жизни способен увидеть лишь другой маг жизни. Надеюсь, у них там нет в запасе? А если и есть...

Я ведь вчера с Айзеком работала? И тому свидетели имеются, вот пусть и просвидетелят, что именно вчера все и произошло...

Он отключился.

Растянулся на полу... если опять обгадится, то мне не простит. Мужчины – существа нежные, трепетные... ладно, будем надеяться на лучшее.

Проклятье, я здесь только и делаю, что надеюсь...

Вперед, Сивка-Бурка, раз пришла ко мне, то паши на радость миру,

иначе смысла в тебе? Вот именно, что никакого... а смысл быть должен.

Мне не нужна корона.

И власть.

И вообще, если по правде, глубоко плевать, кто на местном троне восседает, но... ей не позволю... можно считать это ревностью, можно – завистью, а я буду называть справедливостью. Одно дело, когда ты себе путь к вершине расчищаешь, это еще понятно, и совсем другое, если на этом пути давишь людей, к твоей беде непричастных.

Так, опять отвлеклись.

Что у нас?

Аксоны-дендриты, ажурная сеть нейронов, этакий мрамор миелиновых оболочек, которые то тут, то там прерываются... перехваты Ранье и заряд, что по ним скачет, будто зайчик... раз-два-три-четыре-пять... ненавижу, когда сознание так раздваивается. Одна часть этой красотой любуется, другая – считалочку напевает, а третья старательно контролирует возвращение силы в тело... это получается, что я сейчас в роли живой почки выступаю? А что, похоже, беру отравленную, фильтрую и возвращаю... и еще добавляю посыл мысленный, мол, стройся дом сам собой да по кирпичику.

А ведь строится.

Та структура, напоминавшая драное одеяло, зарастала, и довольно-таки стремительно. Нет, ей пока далеко было до совершенства, но ведь движение началось... началось, мать его! Могла бы, завизжала от восторга. Пусть медленно, но нервная ткань вообще слабо способна к восстановлению, а такое... на моих глазах совершалось чудо.

Нейробласты.

Стремительное развитие. Молодые клетки похожи на лохматых пауков. Они касаются друг друга осторожно, нащупывая правильный узор, и прикосновения сопровождаются вспышками света... жаль, что это нельзя записать на камеру.

Дома я бы точно на Нобелевку могла претендовать...

Или на тихую военную лабораторию, в которой стала бы главным подопытным.

Плотнее.

Больше.

И уровень сахара в крови поднимается. Правильно, растущему мозгу энергия нужна, а жировые запасы Айзек потом восстановит. Поэтому трудимся, разбираем гликогенчик на составные части, и вперед, вперед...

И кажется, приток силы иссяк.

Правильно, внешние потоки стабилизируются.

Бледнеют.

А что, восстать из пепла не так просто. Но и своей силы я не дам, потому как, во-первых, почти не осталось ее, во-вторых, Малкольму она нужнее.

Я еще некоторое время наблюдала за работой организма, который наконец избавился от отравы и занимался тем, чем и должно... восстановление шло быстро, если не сказать стремительно. Если оно и дальше продолжится в том же темпе, то через месяцок-другой Айзек будет как новенький.

Есть ли у него этот месяцок?

Я вздохнула и отключилась. Перед глазами заплясали знакомые мошки, намекая, что я как бы сама не двузильная и хороший отдых еще никому не мешал. Но я отмахнулась от них. Проморгалась. Протерла глаза, которые знакомо саднило.

Зрение сфокусировалось не сразу.

Итак, что мы имеем? Малкольм по-прежнему спит, но, кажется, ему уже полегче... и надо бы в сознание привести, но чуть попозже, сначала самой в этом сознании закрепиться не мешало бы. А вот Айзек розовенький такой, что младенец. Ага, кровоток пашет, и сердечко работает почти на пределе... это ненадолго, скоро тело себя окончательно осознает и восстановит нормальный ритм.

Хорошо.

Не обмочился. Не вырвало. И вообще вид у него до отвращения здоровый... Я молодец?

Наверное.

Могла бы, похлопала бы себе в ладоши. А так... вот до стола доползу и яблочко съем... или два. Водички попью, опять же... на четвереньках, конечно, оно дольше... у человека две ноги, а у лошади – четыре. Раз-два... Масленица придет, и фьють... раз-два-три-четыре...

В дверь стучат.

Кто там?

Кто бы ни был, нам он не нужен... а водичка холодная, пусть и графин кажется неподъемным. Кажется, всего-навсего кажется... подниму я его... и удержу. И вообще в себя я возвращаюсь много легче, чем раньше.

– Никого нет дома! – рывкнула я, поскольку стучавший не спешил уgomониться.

– Открой!

А... Рай, слабое звено... хрен тебе... девушки не ругаются, и надо бы

себя перевоспитать, но некогда и незачем. Я и так прекрасна, куда ни глянь. Особенно в мокрой футболке. Ладно, не одна я такая буду.

С этой жизнеутверждающей мыслью я опрокинула кувшин на голову Айзека. А что, ему уже можно в сознание вернуться. Да и Малкольма вытащить пора бы. Он лежит ровненько, пряменько... аж дрожь пробирает. Айзек же очнулся...

Да... определенно.

И высказался...

Притворюсь, что не слышала, но пару оборотов запомню. На будущее. А то ведь будущее у меня еще то... специфическое.

Айзек за голову схватился.

– Открой! – дверь сотрясали удары. Тараном он лупит, что ли? И ведь не боится попортить казенное имущество.

– Не умею! – крикнула я, забираясь в кресло. На всякий случай пощупала лоб рыжего. Лоб был теплым, сердце билось ровно, и вообще... не знаю, как надолго поможет моя очистка, но ему определенно стало лучше.

– Рай, успокойся, – подал голос Айзек и, вытянув руку, ткнул в радужную пелену пальцем. Она и лопнула, аккурат что пузырь мыльный огромных размеров.

Я же приложила палец к губам.

Надеюсь, поймет.

И взглядом на Малкольма указала: вот он, наш пациент. Ага... недоумевает? И хмурится... конечно, как можно близкого друга в вещах нехороших подозревать?

Наверное, стоит порадоваться, что у меня нет подобных друзей.

И вообще...

Дверь распахнулась.

Кто-то зол.

Волосы дыбом торчат. Глаза горят. И выражение лица такое... характерное.

– А ломиться в чужую комнату, между прочим, неприлично, – не удержалась я, стискивая руку Малкольма. Вставай, красавец спящий, а не то поцелую...

– Ты...

– Я, – я зевнула. – Я – это я. А если тебе кажется, что я – это не совсем я, то проблемы с тобой, а не со мной. А еще так нервничать – вредно для здоровья. Это я тебе как целитель говорю. Будущий. Вот хватит удар, и что тогда?

– Что? – поинтересовался Айзек, отжимая футболку.

Да... с мышечным каркасом и у него полный порядок. А вот эта россыпь родинок на спине здорово печать напоминает... или меланому? Нет, меланому я вблизи не видала, я вообще целитель-теоретик, но вот... круг... и в круге то ли лапа, то ли харя, то ли харя с лапой зверя невиданного.

– Ничего. Инсульт, он ведь молодеет с годами, – наставительно произнесла я и, дотянувшись до головы рыжего, дернула за прядку. – Просыпайся...

Малкольм сел и глаза открыл. Мать моя... а здесь я, похоже, слегка недоработала... сосуды полопались, глаза кровью налились, да и вообще вид у него от здорового далекий.

– Чем вы здесь занимались? – Рай поостыл.

Огляделся.

И чую, глядел не только глазами, природой данными. Ага... если прислушаться, то ощутишь кожей этакий прохладный ветерок. Интересно, а если к нему подобраться...

Не позволит.

Сам или не сам, но кто бы его в игру ни втянул, должен был бы позаботиться. И что остается? Притворяться лохушкой, благо усилий много прикладывать нет нужды.

– Оргию устраивали, не видно, что ли, – я переползла на диванчик и прижала пальцы к запястью Малкольма. Пульс присутствовал.

Сердечный ритм был ровным.

И вообще...

– Мне кажется, ее присутствие дурно на вас влияет, – рявкнул Рай и, выскочив из комнаты, дверью хлопнул. Э нет, мы так не договаривались.

– Айзек, – я пнула блондина, благо сидел он рядом. – Сходи-ка... уведи его на прогулку... придумай что-нибудь... лучше притворись сумасшедшим, которого срочно надо проводить. Рыжий, у тебя ведь есть ключи от комнаты?

– Маргарита...

– Есть?

– Нет.

– Это ты зря, – я почесала макушку. – Обычный замок я вскрою... не смотри так, все умения важны, все умения нужны... с магическим опыта нет... Но будем надеяться, он не такой параноик, как мне представлялось. И моя сестрица... она ведь тоже где-то здесь обретается?

– В женском крыле.

А, ну да, конечно... приличия... куда ж без приличий... я зевнула. Спать хотелось невероятно, и есть, и пить тоже, и, кажется, пару килограммов я скинула, что уже совсем не здорово. Ничего, вот закончится дело, тогда и...

Если выживу.

Глава 51

Особый отдел по расследованию преступлений, связанных с использованием магических сил, а в просторечье Контора, располагался в старом уютном особняке. Поговаривали, что во времена незапамятные онный особняк принадлежал то ли герцогу, то ли графу, но особе весьма состоятельной и влиятельной, однако вздумавшей состояние вкупе с влиянием пустить на дела противоправные. Как бы там ни было, после разоблачения очередного заговора особняк отошел к короне, а после был предоставлен во владение Конторы.

Среди простого люда об этом месте, в целом тихом и по-своему невзрачном, ходили самые разные слухи, большей частью весьма мрачного толка. Шептались о невинных душах, что сгинули в подземельях по ложному доносу, о пытках и палачах, о магических изысканиях, для которых требовались живые люди, и отнюдь не добровольцы.

Следовало признать, что аура у местечка была недобрая.

Бурая.

Гниловатая.

Да и подземелья имелись. Фредерику самому случалось спускаться, когда выступал экспертом по делу безумного деструктора, вздумавшего сменить полюс дара посредством кровавых обрядов.

Воспоминания были нехорошими.

Узкие ступени, вырубленные в скале. Стены, что тянулись друг к другу, будто вот-вот сомкнутся, а жалкий человечешка, ими раздавленный, – что ж, случается... Стоны. Затхлый тяжкий воздух, с которым не справлялись вытяжки.

Камеры.

Допросные.

Лаборатории... лаборатории, впрочем, за исключением некоторых, специфического склада, требовавших особой изоляции, располагались на третьем этаже.

Фредерик толкнул дверь, и медный колокольчик задребезжал.

– Мне бы санора Альгера, – сказал ректор пареньку, сидевшему за стойкой. Вид у паренька был вполне себе светский и даже расслабленный – вон, пиджачишко свой на вешалку пристроил, газетку развернул, кофеек на столик выставил.

Только обманываться не следовало. Потенциал паренька был хорош,

пусть и несколько приглушен маскирующими браслетами.

– Его нет.

– А когда будет?

– Неизвестно.

Ложь.

И в первом, и во втором случае... однако...

– Будьте столь любезны передать, что я настаиваю на скорейшей встрече. – Фредерик протянул визитную карточку. – Это касается текущего дела...

И пожалуй, не стоило приходить сюда в свете последних новостей, однако...

Не могут участвовать все... скорее ситуация такова, что в случае кризиса Контора поддержит того, кого знает хорошо.

Безупречная репутация как инструмент зла...

Впору диссертацию писать.

Оказавшись на улице, Фредерик выдохнул с немалым облегчением. Да, с аурой места следовало что-то да сделать... или им так нравилось? Пожалуй, в деле дознания...

Ректор передернул плечами и, взглянув на часы, двинулся к автомобилю. Шелковой тряпкой протер лобовое стекло. Не то чтобы оно успело запылиться, скорее он тянул время.

Пнул колесо.

Открыл дверцу.

Сел.

Закрыв глаза и сделал глубокий вдох.

Ключ в замке зажигания повернулся легко. И легчайший щелчок утонул в рокоте мотора.

Один.

Два и три...

И да, ему позволили бы отъехать от Конторы... скажем, в тихую Беленскую улочку, которая вела к собственному дому Фредерика.

Автомобиль плавно тронулся с места.

Поворот.

И снова... булочная мастера Ульгриха, который давным-давно отошел от дел, сказав, что всегда мечтал стать пекарем, но дар и родительские надежды... и вправду, что ли, открыть? Не булочную, конечно, такого мастер Ульгрих не потерпит, а вот собственную пасеку...

Он почти выдохнул.

Почти поверил, когда раздался второй щелчок, он был громким,

оглушающим даже, перебив рокот мотора. А в следующее мгновение огненный элементаль, оказавшись вне защитной оболочки, развернул оранжевые крылья.

Со стороны это было красиво.

Тонкая ножка и шар, переливающийся всеми оттенками алого. Запах озона. Капли расплавленного металла, падающие на крыши домов... вой сирены... и пленка защиты, которая развернулась моментально, укрывая и булочную, и близлежащие дома...

Несчастный случай.

Или неосторожное обращение с запретным артефактом? Что-то да в отчете напишут.

Фредерик вздохнул и открыл второе окно портала: мертвецам не стоит мозолить глаза.

...Мастер Варнелия потеряла глаза.

Спать хотелось.

Как-то... невероятно хотелось спать... а ведь вчера только свадьба... и вечер... для двоих... Матушка будет недовольна, она изначально выступала против Витгольца. Поэтому Варнелия и не стала звать ни ее, ни тетушек... долго вспоминать станут.

Впрочем, они давно уже считали Варнелию пропащей.

Плевать.

Но почему же спать так хочется?

Тихий обряд. И ужин в ресторане. Букет полупрозрачных лернийских хризантем, перевязанный атласной лентой. Цветы слишком красивы и хрупки, и встречаются лишь в одном мире, слишком опасном, чтобы держать дверь открытой.

Ей было приятно.

И правильно... именно так, как должно быть... но почему же так хочется спать?

– Мастер, с вами все в порядке? – Мелисса вынула из пальцев чью-то карту. – Вы плохо выглядите.

Все.

Хорошо.

Хорошо все. Она выспалась... в первую брачную ночь – смешно думать, что эта ночь и вправду была для них первой, – она просто-напросто спала... и это было чудесно.

Что же случилось?

– Мастер, вы меня слышите? – Мелисса не позволила упасть. –

Подождите... это пройдет... совсем скоро пройдет... сперва всегда в сон клонит.

Кого?

Было утро. И завтрак в постели. Шутки какие-то... на редкость глупые, но все равно смешные... и его слова, что нет нужды сегодня возвращаться в университет. День обойдутся без нее... обойдутся... нет срочных пациентов, а с остальными справятся...

Голова болит.

Раскалывается на куски. Во сне боли нет. Но это не сон. А что? Чужая воля, тяжелая, как гранитная глыба. Если не поддаться – раздавит...

Ромашковый чай.

Мелисса всегда приносила ромашковый чай... маленькая традиция, созданная этой же маленькой девочкой, такой несчастной, такой...

– Не надо сопротивляться. Вы не сможете, – сказала девочка, вытирая разлитую лужицу чая. – Никто не смог, и вы не исключение. Вы просто послушайте... я ведь не прошу многого... одна маленькая услуга... и никто не пострадает. Почти никто.

Ее взяли за руку.

– А вы ничего не вспомните... то есть вспомните, конечно, но только то, что я вам скажу... вот увидите. У нас с вами все получится.

Нет.

Нельзя.

Не поддаваться, не... Музыка звенела, такая назойливая, будто колокольчики привязали к платью. И стоит Варнелии пошевелиться, они все играют вразнобой... Платье свадебное, то самое, заказанное матушкой еще лет двадцать назад.

По старой моде.

Нижняя юбка прямая и узкая, в ней и шагу не сделаешь, зато верхняя ложится поверху красивыми складками. Серебряная тафта. Жемчуг. И крохотные бабочки.

Колокольчики опять же.

– Не дергайся, – матушкин голос строг. – А то опять все испортишь.

Иллюзия...

То платье осталось где-то в глубинах шкафа, его матушка пыталась отправить назад, но ателье не приняло, мол, заказ изготовлен в срок, и не их вина, что свадьба не состоялась.

Варнелия прекрасно помнит.

И платье.

И чехол.

И жесткие корсажные нити, которые вставлялись, чтобы придать складкам необходимые объем и пышность.

– Милосердная... что за глупости приходят тебе в голову? – матушка орудовала пуховкой, и от сладковатого запаха пудры кружилась голова. – Это все твоя бабка виновата со своими фантазиями... целительница... какая из тебя целительница?

Лучшая.

Матушкино лицо округло и совершенно, но... эта форма губ давным-давно вышла из моды, да и брови нынче носят другие. Оранжевая помада – абсолютный моветон, особенно в сочетании с лиловыми тенями, которые тогда, двадцать лет назад, мазали густо, создавая ощущение расплывшихся под глазами синяков.

Собратся.

Успокоиться.

С целителями всегда сложнее, чем с другими... и она, Варнелия, не глупая девочка, которая готова поверить в мечту... у нее уже была свадьба, накануне...

Зеркало отражает бледное личико.

Губки сердечком.

Бровки округлые. В волосах мерцает диадема...

А ее Варнелия вернула жениху за неделю до свадьбы и не извинилась даже. Да, вот такой умной она стала, и вовремя...

Вдохнуть.

Успокоиться.

Реальность расслаивалась. Реальностей становилось много, как треклятых зеркал. В одних отражалась Варнелия-невеста, невероятно хрупкая и, пожалуй, в достаточной мере прекрасная, чтобы претендовать на титул невесты года.

Во втором была она же, постаревшая, пусть годы видны лишь в глазах, да еще, пожалуй, овал лица утратил прежнюю четкость.

И никакого платья.

Костюм с просторной юбкой, в таком нарочито-народном стиле, который всегда матушку раздражал. Из украшений – цепочка с амулетом и еще букет хрустальных лилий...

Надо было корону сделать.

– Жених ждет, дорогая, – фальшивым голосом произнесла матушка, протягивая махонький флакон. – Угости его... угости, и он навеки будет твоим...

Он и без того принадлежит Варнелии, и только ей. Смешной, нелепый

мальчишка, который так разительно отличался от прочих.

Наглый.

И порой чрезмерно наглый...

Стук в окошко... пошли гулять, луна высоко поднялась, а у Источника распустились незабудки. Если свить венок именно из этих, то ты меня никогда не забудешь...

Отстань.

Дорогая, нельзя заставлять себя ждать. Гости собрались. И постарайся держаться естественно...

Мозг сам достраивает себе реальность, и вот уже серый больничный коридор меняется. Проявляются бледно-лиловые обои, которые матушка уже года три как сменила на более модные, полосатые...

Картины.

Гобелены.

И всенепременные вазы. В то время такие вазы стояли в каждом приличном доме. И садовник раз в три дня срезал свежие цветы...

Цветов было жаль.

Незабудки на подоконнике, перехваченные ниткой. Ей дарили роскошные букеты, но почему-то именно эти незабудки и тронули... Опять куда-то влез? Кровь из носа льется, а ты... неужели нельзя осторожней? Можно, но зачем? Ведь тогда не будет повода к тебе заглянуть... Пошли на ярмарку?

Чаепитие с подругами.

Злословие.

Духота... вон они, стоят рядком, обездвиженные, куколоподобные, ибо и у разума имеется предел. Иллюзия не будет более подробной, нежели это необходимо. И кажется, с каждой минутой, с каждым настоящим воспоминанием она трещит сильнее...

Ее жених в белом костюме... улыбается...

Красив.

И уродлив... Когда она разочаровалась? Ведь думала же, что влюблена, и свадьбы этой ждала с нетерпением... а он всегда снисходительный и спокойный...

Мне не нравится, что ты уделяешь слишком много внимания этому оборванцу. В следующий раз отправь его к кому-нибудь еще. Удивление. Это не просьба, а приказ, но даже матушка никогда не приказывала. И попытка поговорить, объяснить...

Откровение... ты учишься, потому что так принято... какая карьера? Баронесса не может быть целителем. Ты еще слишком молода и не

понимаешь...

Не понимает.

Почему?

Больничные стены выглядывают из-под позолоты, и рука, которая придерживает Варнелию, слишком бела и тонка для матушкиной. Хорошо. Главное, не выдать себя...

Карета.

Конечно, украшенная розами и альгийским плющом, хрупкие листья которого так превосходно смотрятся в позолоте... четверка лошадей...

Автомобиль.

Черный и стандартный.

– Ты уверена? – этот голос пробивается сквозь храмовое песнопение.

– Конечно, дорогой, – а этот еще притворяется матушкиным. – Она сделает все, как нужно...

Надо оставить знак...

Не зерно, его растащат птицы... и хватит ли воспоминаний, чтобы бороться с иллюзией? Хватит... в машине пахнет кожей и табаком... от него тоже постоянно пахло табаком, хотя и клялся, что не курит. Курил. Прятался от нее, несносный мальчишка... всегда мальчишка. Мог бы предложить ей сбежать, она бы согласилась, еще тогда, двадцать лет назад. Но нет, решил, что нечего ей дать... как будто бы ей нужно было что-то, кроме него самого и вечно разбитого, не единожды ломанного носа.

Едут.

Куда?

Далеко. И быстро. Тот, который сидит рядом, держит за руку. Молчит. Плохо. Слова вносят диссонанс, а так разум спешно наращивает утраченную иллюзию.

Карета.

И ощущение счастья, детского такого... так, пожалуй, она радовалась, когда впервые попала на ярмарку... и плевалась через трубку жеваной бумагой, силясь попасть в мишень. Или еще потом, позже, когда танцевала на площади с ним... просто по-дружески.

Тогда еще казалось, что это всего лишь дружба...

А потом он уехал. Сбежал. И Варнелия обиделась. Всерьез. Настолько, что и сама уехала. А он догнал ее своим письмом. И писал их много, часто, приезжал, когда мог, а она долечивала шрамы. С каждым разом их становилось все больше, а ее не отпускало противное чувство, что однажды он не вернется.

Те письма сохранились.

В коробке из-под шляпки. Коробка розовая, и к ней еще пышный бант прилагался, но бант без надобности, а вот письма отлично поместились. И тот камешек на веревке, принесенный из другого мира. Круглый кристалл, который светился при нагреве... и платок... и еще что-то, не слишком нужное, но безумно важное.

Вот так.

Эмоции – ее спасение...

А хрустальные лилии, умирая, и вправду превращались в хрусталь. Для этого букета понадобится особая ваза... И не коситься на сопровождающего. Его нет... не существует в иллюзии. Он осторожен, куда осторожней девочки, поэтому надо поддаться.

Ненадолго.

Интересно лишь, почему ее разум выбрал заведомо нежизнеспособную мечту? Неактуальную, так сказать...

Может, в этом и смысл защиты?

Остановка.

Храм?

Дворец королевский. И ее суженый подает руку.

– Идем, – говорит он. – Нас ждут... на тебя надеются, милая... ты же не хочешь нас подвести? Всех нас...

Флакон в руке на долю мгновения становится горячим.

Значит, все-таки заговор. А Варнелия от души ненавидит заговоры, но позволяет передать себя из рук в руки... да, у него за годы набралось много таких вот безмолвных, но надежных рук.

– Поспеш, – прощальный поцелуй в щеку. – Сделай, о чем я тебя просил, и мы снова будем вместе...

И все-таки умные идиоты существуют.

Глава 52

Мастер Витгольц многого ожидал, но, пожалуй, не того, что его просто и незамысловато убьют. И даже не попытаются обставить это дело как несчастный случай.

– Простите, – его окликнул молодой человек в сером твидовом пиджаке, пуговицы которого блестели слишком ярко, чтобы блеск этот можно было объяснить естественными причинами.

– Подсказать, как пройти в библиотеку? – усмехнулся мастер Витгольц.

– Да нет, не стоит, пожалуй...

Парень коснулся пуговицы, и в Теодора полетел огненный шквал. Вспыхнул фрак, который, между прочим, был взят напрокат, и теперь придется выплачивать полную его стоимость, а она, как подозревал мастер Витгольц, будет безобразно завышена.

Огонь вцепился в волосы.

В кожу...

Запахло паленым мясом. А в грудь вонзилась ледяная стрела, останавливая сердце. Паренек нахмурился, видимо, не ожидав победы столь быстрой. И, наклонившись, проверил пульс.

Пульса не было.

Часов пять уже как не было...

И Варнелия разозлится, даже думать нечего, извести хороший материал на создание голема. А ведь славный получился, и сходство просто поразительное... было.

Сейчас перед пареньком лежал кусок дымящегося мяса... ботинки, к слову, тоже на выброс. Сплошные расходы с этими заговорами.

Мастер потер зудящую ладонь о штаны и, сложив пальцы малым знаком, кинул своему убийце булавку. Паренек дернулся. Тронул шею. Нахмурился, прислушиваясь к себе.

Ничего-то не почувствует.

Мастера так просто не дают, кому бы что ни казалось. И этот мальчонка, привыкший полагать себя самым умным, на самом деле почти ничего в жизни не видел.

Исправится.

Вот как отправят на четвертое кольцо, работать на благо его величества, так и сообразит, каким местом думать надо.

Паренек поводит над мертвецом руками, и плоть рассыпалась черным прахом. Стало быть, деструктор уровня второго, а то и первого... ловко у него выходит.

Горстка праха на асфальте...

Печально.

А паренек сунул руки в карманы и, весело насвистывая, направился прочь. Что ж... хоть у кого-то день начался неплохо. С другой стороны... Дуновение ветра развеяло прах. Начался – это еще не значит, что закончится так же...

Мастер Витгольц сотворил плетение, вызывая к жизни малого стража. Созданный из теней и капли крови, он был неприметен, но в то же время отвратительно живуч, упрям и, помимо прочего, обладал идеальной памятью, что пригодится позже, на суде.

Я не знаю, что мы на самом деле рассчитывали отыскать.

Черный фолиант со списком жертв?

Или подробный план заговора против короны?

Кости, черепа и труп младенца, хранящийся в холодильнике? Алтарь с окровавленным ножом? Честно говоря, я слабо себе представляла, какие материальные улики вообще существуют и где их прячут или не прячут.

Рай был чистюлей.

Аккуратистом, из тех, кто полотенца в ванной по линейке выравнивает. Три зубные щетки. Паста и ополаскиватель, к слову, знакомой фирмы...

А домой надо будет заглянуть. Папенька же ездил, и деньги теперь у меня имеются. Маменьку забрать... отыскать тихий пансионат... не обязательно с ней встречаться и устраивать теплые семейные вечера, просто...

Пусть сделают так, чтобы она себя не травила.

Наверняка есть способ.

Туалетная вода. И все. Никаких кремов, гелей и прочей суровой мужской, но все же косметики. Надо же... а он сдержанный. В шкафу – три белые рубашки. Костюм в чехле. Форма. Майки. Белье... Малкольм стыдливо отводит взгляд, ага, неудобно.

А мне, значит, удобно, но...

Должно же быть хоть что-то! Или я уже путаю собственное любопытство с интуицией? Кто скажет? Никто... так, шкаф и прочее – это не то... и если он не сам... допустим, что не сам... Рай не похож на подонка, но...

Закрыть глаза...

Если представить, что его подвели... кто? Ответ я знаю, но... куда она положила бы вещь, которая... почему я вообще уверена, что это находится здесь? Логичнее было бы навязать, скажем... перстенок какой или подвеску, да хоть носовой платок, с которым нельзя расставаться...

– Скажи, твой дружок ведь ночует здесь?

– А где еще? – Малкольм выглядел крайне недовольным. Во-первых, я чувствую, что у него голова болеть начинает, а мигрень никому хорошего настроения не добавляла, во-вторых, ситуация представлялась ему в высшей степени неправильной.

– Нет, не так, – я присела.

Чисто.

И убирают здесь регулярно, но... значит, это должно быть там, куда уборщица точно не полезет. Вопрос – куда?

– В последнее время ты не замечал, что он... как бы это сказать... слишком уж... не желает оставаться на ночь в другом месте?

Под кроватью пусто.

И за тумбочками.

И... если она просто заходила на чай?

Каждый вечер? Слухи уже пошли бы... нет, если я что-то понимаю, эта штука должна действовать дистанционно и не требовать частой подзарядки... под кроватью, к слову, пыль протирали, а вот...

Я села и попрыгала.

Матрац новый.

Упругий.

И...

С другой стороны, ей достаточно было один раз положить, а дальше он сам...

– Подними, – я скинула на пол подушки и покрывало стянула. Конечно, сделать вид, что в комнате никого не было, не получится, но...

Малкольм, к счастью, без возражений подчинился.

А вот и оно.

Мерзковато выглядит, к слову. Этакая серебряная кривобокая звезда, заключенная в веночек из веток. Ветки ошкуренные и вида мерзкого, из них торчат перья, причем какие-то обслюнявленные. В звезду вплавлены то ли осколки кости, то ли вообще чьи-то зубы.

И что дальше?

Сжечь ее в пламени праведного гнева? Я бы не отказалась, но, как знать, не поедет ли наш приятель крышей окончательно? А... забрать?

Вдруг стоит прикоснуться, и я попаду под влияние? И вообще, такие штуки, как в книгах писано, трогать себе дороже...

– Это же...

– Мирршах, молодые люди, – ректор просто шагнул в комнату, хотя дверь мы, честное слово, закрыли. Впрочем, пользовался он как раз не дверью, а окном сияющим, надо полагать, именно так портал и выглядит. – Поздравляю, вы спасли вашему другу жизнь. И разум, думаю, в какой-то мере...

– А... вы что тут делаете? – поинтересовалась я, пряча руки за спину, всем видом своим показывая, что трогать эту пакость я не собиралась.

Вот честное слово, не собиралась.

– Вас спасаю, юная леди... и вашего друга тоже.

– Тогда спасибо.

Нелепый разговор. А звезда на кровати вздрогнула и зашевелилась. Серебряные отростки ее дергались, извивались перья, и пахло...

– Погодите, – ректор оттеснил нас и, взяв мирршах за перышко, с легкостью отлепил от кровати. – Какие таланты пропадают... признаться, я о подобном лишь читал, полагал, несколько преувеличивают, но...

Она пыталась ухватить ректора за пальцы.

А меня мутило.

Вот если подумать, то в мире есть куда более отвратительные вещи, и мне доводилось с ними сталкиваться. Чего стоит тот же клубок паразитов, который вытащили из старой кошки... тогда меня вырвало, и теперь...

Я зажала рот руками и, отвернувшись, уткнулась в грудь Малкольма. Глаза зажмурила, но... продолжала чувствовать эту тварь.

– Это нормальная защитная реакция, – мягко произнес ректор, и следом полегчало. – Сейчас он парализован, и можете открыть глаза... а еще я бы попросил вас, милая леди, отдать мне все амулеты, выданные Конторой...

Значит, все-таки угадала.

– Скажите, – я сглотнула вязкую слюну и обернулась. – А вы знаете, с кем теперь помолвлена моя сестра?

– Конечно, – ректор как раз убирал черный мешочек во внутренний карман пиджака. – Мне казалось, это очевидно... санор Альгер – весьма завидный жених.

А то... такие возможности, которые просто грешно не использовать.

– А его... вы думаете, она тоже...

– Я думаю, милая леди, что сейчас вам стоит подумать о собственной безопасности...

В королевском дворце ее сопровождали, как Варнелия и предполагала. В ушах звенела музыка, ненавязчиво, скорее убаюкивая, уговаривая поддаться иллюзии.

В конце концов, от нее ведь многого не требуют.

Сделай, как должно, и будешь жить.

Счастливо.

Только вряд ли долго, ибо тот, кто расчистил себе путь к трону, должен будет как-то объясниться с народом. А лучшее, что можно придумать, – казнь заговорщиков.

Интересно, что он придумал?

Подкуп фелиссийцев? Или зависть к королеве? Или безумие скоротечное? Все знают, как опасны безумные маги... и маги вообще.

Каждый год кто-то выступает с инициативой усиления контроля над одаренными. Даже нелепо, если подумать, вносить подобное предложение на Совет, сплошь из одаренных состоящий. Но этот... этот спустит зверя с привязи. Почему бы и нет?

Меньше свободных магов – меньше конкурентов.

А в подобных случаях весьма закономерно развитие паранойи...

Поворот.

И стража... нелепая туша королевского мага, который останавливает ее провожатого каким-то вопросом, наверняка пустяковым, но...

Музыка не позволяет расслышать. И фантазия меняется. Правильно. Мозг – гибкая структура, но при этом он стремится к равновесию, которое нынче напрочь отсутствует в ее душе.

Коридор.

Позолота... и платье на ней роскошное, как и положено церемониальному. Юбка расшита золотом столь густо, что почти не гнется. Корсет давит на ребра. И этому наверняка есть свое объяснение – чего бы ни намешала девочка в своем чае, для здоровья оно вряд ли полезно.

Не отвлекайся.

Фигура королевского мага будто пеленой укрыта. Он отступает, и Варнелию ведут дальше.

Сопровождают.

Особе высокого ранга нельзя бродить самой по себе. Это просто-напросто неприлично.

А маг держится рядом, но его как бы и нет. Он подстраивается под шаг Варнелии.

– ...Да я понятия не имею, что ему было нужно, но он никогда не

вылезает из своей норы, – а ее конвоир нервничает.

Отступит?

Не позволят. Ставки слишком высоки.

– ...Вас ожидают... – очередная дверь распахивается, но заминка перед ней дает шанс. Влажноватая ладонь касается ее руки, вытаскивая заветный флакон, и, прежде чем внушение срабатывает – она не должна никому отдавать свое сокровище, – его возвращают.

Или не его?

Внушение прямолинейно, а она вполне способна договориться с собственным разумом. Ни к чему сейчас сомнения, ни к чему дурные мысли...

– Иди...

Тычок в спину.

И... крохотное усиливающее заклятье, которое сметает остатки здравого смысла. Как наивно было полагаться лишь на разум.

Она совершит чудо.

Скоро.

Она знает, что делает. Конечно... ей удалось... столько лет упорной работы... и удалось... все поймут... жених ее бестолковый, и матушка особенно... и прочая родня, которая пусть не открестилась от Варнелии, но втайне считала ее ненормальной. Разве нормальный человек променяет блеск высшего света на какую-то там работу?..

Вдох.

И выдох.

Трубы. Герольд... разряженная толпа, кланяющаяся ей, Варнелии, ныне удостоенной собственного титула... высшая награда... орден на ленте...

Боги, она, оказывается, честолюбива и обидчива, а казалось, эти нелепые качества давным-давно изжиты.

Его величество...

Ее величество... разум проясняется в достаточной мере, чтобы понимать... им не нужен неадекватный маг, это все-таки чересчур бросается в глаза.

– Вы уверены? – Его величество, не старый еще, но уже уставший от власти, от силы, от собственной беспомощности, еще более ранящей именно из-за силы и власти. Он одет просто, и значит, аудиенция частная, если не сказать – тайная.

Ему многие обещали чудо.

Нет.

– Да, – она говорит именно то, что должна. – Я совершенно уверена... вы должны рискнуть, вы не имеете права...

Король хмурится. Королям, пусть и тем, власть которых сдерживается законом, не стоит напоминать, что они на что-то там не имеют права.

– Дорогой...

Ее величество бледна. И пожалуй, слишком уж бледна, чтобы эту бледность можно было объяснить естественной особенностью. И кажется, паутина заговора куда шире, чем предполагалось. Но невидимая рука стискивает горло.

А все-таки интересный состав.

И у девочки был доступ к лаборатории. Исследования для курсовой работы: потенцирующее действие вытяжки благовонника благородного на усвоение препаратов трехвалентного железа при лечении слабых форм анемии.

В голове крутится. И возникает неловкая пауза.

Анемия.

И явно воздействие отравляющего вещества... предыдущий лекарь умер, но смерть сочли естественной, а место занял... голова болит, но это потому, что мысли неправильные. Ей бы думать о спасении мира... нелепица какая...

Две чаши.

Вода из графина, которую его величество наливает собственноручно. Вообще странно, что нет охраны и... никого нет.

Неужели не чувствуют опасности?..

Или знают?

Как давно?

Его величество тоже в свое время учился... в Высшей академии... и профиль... профиль его... не думать. Отсчитывать дозу настойки. Черные тягучие капли плохо растворяются, так и остаются дегтярными шариками...

Сердце ровнее.

Чашу ее величеству он протягивает лично.

– Идите, – он указывает на дверь. – И скажите, что все прошло должным образом. Правда, дорогая?..

Королева слабо улыбается.

Надо сказать...

Надо увезти ее из дворца... аура повреждена...

Не успевает. Душу заполняет восторг, первозданный, чистый... Проклятье, недаром подобные препараты запрещены.

– Ах, Варнелия, дорогая... – ее сопровождающему не позволяют приблизиться. Королевский маг достаточно обширен, чтобы оттеснить его, сделав вид, будто вовсе не заметил. – Я с трудом дождался... ты сто лет не навещала старика... пойдём, поболтаем...

И слова его, странное дело, воспринимаются приказом. А сопровождающему, который наверняка должен был или ликвидировать, или проводить ее в камеру, а после стереть память или разум, остается лишь буравить спину королевского мага взглядом.

Хорошо.

И спина эта достаточно широка, чтобы защитить, пусть и обтянута не заговоренной кожей виверны, а шелком... интересно, королевским магам и вправду дозволено ходить в халатах или это импровизация?

– Если бы ты знала, до чего тут тоскливо...

Глава 53

Я честно надеялась отсидеться. Героизм во мне погиб еще в те незапамятные времена, когда я, в очередной раз сбежав из дома, решила перекантоваться ночь в парке.

Пьяная компания.

Разборки.

И наука дяди Лени... забег по кустам, адреналин в ушах и осознание, насколько мне повезло, потому как все могло закончиться иначе.

В общем, на подвиги меня не тянуло в отличие от Малкольма, которому в его комнате да с амулетом на шее могучей никак не сиделось. Сначала он расхаживал кругами по часовой стрелке, потом, притомившись, а может, голова закружилась, пошел против часовой.

Добрался до двери.

Отступил.

Повернулся спиной и застыл скорбным изваянием. Губы поджаты. Выражение лица решительнейшее и на челе печать глубоких раздумий. Стало быть, не способен решить, что ему делать: то ли мир спасти, то ли меня охранять.

– Не надо путаться под ногами у взрослых людей.

– Что?

– Не лезь, говорю. Сами разберутся. Лучше скажи, что такое мих... михл... та штука, которую мы нашли? – Меня передернуло. Нет, вот разумом понимаю, что ничего особо мерзкого в той звезде не было, но разум разумом, а ощущения ощущениями.

Малкольм поскреб макушку, бросил тоскливый взгляд на дверь – как же, там судьбы мира решались, и без него, – и произнес:

– Это инструмент опосредованного ментального воздействия... я тоже не много знаю. Сама понимаешь, не тот курс, который будут читать при универе, и вообще, все менталисты обязаны пройти регистрацию в Конторе.

Интересно, там санор Альгер отыскал мою любезную сестрицу? И понял, кто она есть? Бабуля-то молчала... усилила линию крови, селекционерка хренова...

– Там их и обучают...

Прививают верность родине и заодно уж санору.

– Обычное внушение, как правило, долго не держится. Боги наделили

людей свободной волей, – Малкольм поскреб ногтем ручку. Все-таки душа его требовала действия, хотя, зуб даю, прекрасно он понимал, что в игре взрослых магов его раздавят и не заметят. Лишние мы там.

Лишние.

Только все равно беспокойно.

Я поерзала, пытаюсь отрешиться от этого неприятного ощущения, что быть мне надлежит совсем в ином месте.

– Поэтому любое воздействие, во-первых, довольно заметно, особенно если навязываемая воля как бы заставляет человека делать то, что этот человек в нормальном состоянии делать не стал бы. Во-вторых, держится оно недолго. И чем сильнее дар у внушаемого, тем быстрее развеивается наведенная воля.

Не надо геройствовать.

Вот не надо.

И дар мой, который вновь ожил в самое неподходящее время – будто бабочки в животе. Вылупляются. Прямо слышу, как лопаются сотни тугих коконов, выпуская чешуекрылый рой. И снова мутит.

Воображение, чтоб его...

– Амулеты же вроде мирршаха позволяют воздействовать мягко, опосредованно... просто постепенно внушается какая-то мысль...

– И не одна, – дверь распахнулась, и в комнату вошла моя сестрица собственной персоной. – А мы вас в другом месте ждали... ждали-ждали и не дождались... Айзек, дорогой, иди...

А раньше у него взгляд осмысленным был.

Нет, я знала, что в деле спасения мира без жертв не обойтись, но вот... продолжала надеяться на лучшее.

Мастер Витгольц никогда не любил убивать.

Умел, это да... какой боевой маг не умеет, но вот чтобы любить... он вздохнул и, материализовавшись за спиной санора Альгера, вогнал клинок в шею.

Хрустнули позвонки.

Завалилась голова.

И то, что еще недавно было человеком – а оно было, Витгольц проверил, – медленно покачнулось и уткнулось лбом в стол. От клинка же поползли черные линии, разрушая энергетическую структуру заклятия.

Заклятия?

Конечно, не стоило и надеяться, что все будет так легко. А санор Альгер оказался куда беспринципней... личина сползала, позволяя

убедиться, что казнил мастер Витгольц не того, кого следовало бы.

– Проклятье, – сказал он, вытаскивая клинок.

Мальчишка...

И лицо смутно знакомое, значит, из своих, хотя если не запомнился, то талантами не блистал или, напротив, не доучился, перешел под патронаж, мать его...

Тело покачнулось, и мастер придержал его, позволив упасть на пол мягко.

Что ж... совесть его попозже помучает, это она умеет, а сейчас стоит заняться делом. Тем более на черном ковре постепенно проступал черный же узор отсроченного заклатья. Ловушка создавалась медленно, но была до отвращения точной.

Впрочем, и не такие случалось ломать.

Или...

Мастер Витгольц позволил дымному щупальцу коснуться руки. Ожог был неприятен, а холодок, расползшийся по крови, заставил на мгновение усомниться: так ли хорош был план?..

Холод пробирался глубже.

Он парализовывал мысли. Он мешал сосредоточиться... он...

– Надо же, – санор Альгер вышел из шкафа.

Пошло.

Но... мастер пригляделся: а шкаф-то непростой и вряд ли вовсе шкаф.

– А мне сказали, что вы умерли... не стоит, эта структура вам не по силам.

Быть может, быть может...

– Во внешних мирах изрядно любопытного встречается, – санор переступил через истончившиеся нити, которые ему вреда не причиняли. – Местные называют эту структуру сетью Ллайс. Используют для охоты на животных. И еще отступников казнят. Вешают на ней и оставляют умирать... тело неподвижно, однако все ощущения сохраняются... скажем, если мне вздумается вас ранить...

Блеснул клинок, вспарывая кожу на лице.

Варнелия будет ругаться.

Ничего, когда все это закончится, Теодор увезет ее в отпуск. Скажем, в Ххнаш, маленький мирок из числа тех, которые во множестве существуют в пределах четвертого кольца, но при всем том особого интереса не представляют.

Там красиво.

Море оттенка аквамарина. Белые скалы. Белые пески. Ветер и солнце.

Деревушки... местные ловят рыбу и верят в то, что являются потомками Великого Спрута. Они выходят в море в утлых лодчонках, строят дома из листьев и по вечерам поют и пляшут, ибо море и без того горько от слез...

Тот островок...

И дом, должно быть, сохранился. А если нет, Витгольц отстроит новый, ему не впервой.

– Не желаешь ничего сказать? – Альгер вытащил клинок из шеи мертвеца, вытер о пиджак последнего и, подкинув на ладони, сказал: – Интересная штука... последнего упокоения? Разрушает не только физическую, но и тонкую энергетическую структуру? И не стыдно тебе лишать меня посмертия?

Он вспомнит, каково это – охотиться с острой на сонных рыб, что незадолго до рассвета поднимаются из глубин за облаками пурпурного крыла.

Или собирать ракушки.

Жарить их на костре...

Как и плоды местных деревьев. Колючие шары аннахри с розовой нежной мякотью и длинные твердые палки юкики, которые закапывали в песок, предварительно смазав глиной. Жареные, они имели вкус мяса...

– Не смотри ты так тоскливо... кто-то побеждает, а кому-то приходится...

Прибирать.

Острая игла вошла в бедро санора Альгера, и тот дернулся, отшатнулся и, запнувшись за ковер, упал на спину. Надо же... пригодилась.

Мастер Витгольц запустил сердце быстрее, отрешаясь от тянущей боли в мышцах. А кость в руке треснула-таки... точно заругает...

Отпуск.

За все годы, когда он служил короне... и премиальные тоже... и вообще... первый шаг дался с трудом. Одереженевшие мышцы слушались плохо, суставы, кажется, скрипели, а в затылке появилась характерная боль. Еще четверть часа, и накроет откат...

А миры – это да... много в них интересного, только не стоит думать, что одной конторе позволено заглядывать за порог.

Он с трудом наклонился, вытащил кинжал из онемевших пальцев санора Альгера и, проверив пульс – паралич был глубок, – приставил к груди.

Плетения давались с трудом, но...

На сей раз ошибки не будет.

Клинок легко пробил кожу и вошел аккуратно между пятым и шестым

ребрами. Санор даже не дернулся... и вот спрашивается, чего человеку для счастья не хватало?

Головная боль нарастала волнами.

Надо было уходить, только...

Мастер Витгольц огляделся: не успеет. Яд Великой Паучихи уже распространился по крови, и... шкаф... до шкафа он точно доберется.

Отлежится.

Будет плохо... но не привыкать... и ведь прав, поганец, прав... чувствительности яд не лишает... и те сутки, которые мастер Витгольц, тогда еще наивный выпускник, полагающий себя могучим магом, провел в сетях под палящим солнцем, многое изменили...

К примеру, снизили чувствительность к яду...

В третий раз, глядишь, и вовсе не заметит... не будет третьего раза... ну его... что корпус... титул он уже получил, и давно... что королевскую тайную службу... высокая честь, мать ее, которая выходит боком.

Мышечный спазм заставил тело выгнуться...

И закрыть дверь шкафа, активируя венец заклятий. Маскировка... защита... хорошо... кто бы сюда ни вошел, сейчас мастер был беспомощней младенца...

Песок белый.

Море синее... и никаких заговоров, никаких заговорщиков... короля тоже к демонам нижнего мира...

Показалось, что вдалеке раздался чей-то раскатистый смех.

– Если бы ты знала, как я тебя ненавижу, – сказала Мелисса, отступая.

А брюнетик наш тоже остекленел. Стало быть, в разум возвращаться стал, что не прошло незамеченным. И вот эти двое, с глазами-пуговицами, мне совершенно не нравились, а уж оружие в их руках... зуб даю, что эти узорчатые трубочки, стразиками усыпанные гуще, чем бархатное платье на цыганском рынке, несут в себе немалую разрушительную мощь, не говоря уже о том, что и сами парни отнюдь не отличаются миролюбием.

– Догадываюсь, – я сжала руку Малкольма, надеясь, что сообразит не переть на рожон. Кто ж ее знает, может, Мелиссе что двое, что трое – все едино...

Дар притих.

А то, жареным запахло, он и исчез... и в голове никаких мыслей.

– Зачем она? – поинтересовался Малкольм.

У меня.

Нет бы у сестрицы моей спросил.

– Жадность, – я спрятала руки за спину. Интересно, а, не прикасаясь к Мелиссе, получится ее на тот свет отправить? Ну... дар ведь не так давно предлагал варианты на выбор. Там инсульт, инфаркт и эмболию в придачу. Что ж теперь примолк-то? – Есть люди, которым всегда и всего мало. Один мой хороший знакомый говорил, что жадность – первый из грехов человеческих...

И нет, наверное, я не хочу убивать сестру. Не из большой любви, ее во мне никогда не было, и, подозреваю, с годами она тоже не прорежется, однако вот... грех на душу?

Моя выдержит.

Она еще не то выдержит.

Просто... я стану похожа на нее? Или...

– Сиди смирно, дорогая, если, конечно, не хочешь, чтобы эти двое остались без мозгов... кстати, убьешь меня, и весь мир сгинет.

Ей бы еще захохотать зловеще, для полноты образа. А то ишь, явилась, злодейка в полосатом платице.

– А с чего ты взяла, что мне есть до них дело?

Вот интересно, где ректора черти носят и прочих спасателей, ибо крепко я сомневаюсь, что он станет в одиночку заговоры разоблачать, и вообще. Давно пора явиться в свете добра и с пламенеющим мечом. Что-то подсказывает, что мечу Мелисса внемлет куда охотней, нежели какому-то там свету.

Я же пока поговорю.

Подожду.

И она сюда не просто так явилась. То есть, что убить меня желает, оно понятно, естественно даже... я бы, наверное, на ее месте тоже ненавидела какую-то там бедную родственницу, которая вдруг выплыла и поломала к лешему все планы.

Но убить легко.

И иначе можно было бы... подойти, угостить каким-нибудь чудозельем и потом подвести к окошку... а она тут двоих подчинила, того и гляди, на третьего аркан набросит.

– Есть, – Мелисса смахнула капли пота. – Иначе не стала бы их вытаскивать... но нас ждут.

– Где?

– В одном чудесном месте... знаешь, он сказал, что из меня получится отличная королева.

– Солгал, – я пожала плечами. Вот отправляться в чудесное место не хотелось совершенно. Во-первых, не факт, что там меня не принесут в

жертву какому-нибудь особо паскудному демону, во-вторых, отыскать нашу компанейку вне комнаты будет намного сложнее.

Не хлебными же крошками след вырисовывать.

– Ты завидуешь.

– Чему? Поехавшей крыше? – я не стала сопротивляться, когда она взяла меня под руку. Со стороны смотрелось, пожалуй, довольно мило. Две сестрички... и похожи-то до умиления, только у нее щечки пухлее.

– Всему...

Окно портала расползлось под ногами.

Эй, нас вообще спасать будут?

– Не дергайся, Маргошенька, – Мелисса рассмеялась. Да уж, зловещий хохот ей еще тренировать и тренировать, и вообще над имиджем поработать бы. Злое зло не имеет права носить заколки-бабочки и перстенечки с горным хрусталем. – Если рассчитываешь на ректора, то ему есть сейчас чем заняться... представляешь, массовое самоубийство... какой кошмар... если не остановить волну...

Я представила.

И пожелала бабке сгореть в аду. Она ведь если не знала, то всяко догадывалась, откуда и письмо в жалкой попытке прикрыть собственную задницу.

Заварила...

И эта не лучше. А пятно расползается по полу такой черною пленкой. Края мерцают, и куда выведет...

Айзек и Рай шагнули одновременно.

– Не надо сопротивляться, – промурлыкала Мелисса. – Я ведь могу и с тобой так...

Не может. Могла бы, не стала бы возиться...

– А то ты знаешь? – она прижалась щекой к моей щеке, приобняв за плечи. – Может, мне доставляет удовольствие видеть тебя такой... растерянной, запутавшейся, ни на что не годной.

Это мы еще посмотрим.

Я позволила втолкнуть себя в пятно и не удивилась, когда Малкольм встал рядом. Вот теперь он был доволен: идем спасать мир. Даром что команда спасателей калечная.

Как-нибудь.

Это походило на провал. Пол исчез, и мы... ухнули.

Куда?

Во тьму.

В вязкую такую, пыльную тьму. В бабкиной кладовке, где я однажды

по глупости и малолетству закрылась и просидела вечность – на самом деле минут десять, пока бабка не хватилась, – и то чище было. Я почесала нос, с трудом сдерживая чих.

Рядом кто-то протяжно застонал. А в следующее мгновение и свет вспыхнул, не сказать чтобы яркий, но нам хватило.

Итак...

Комната.

Такая вот мрачная комната, которая невольно навеивает мысли о камере. Ага... решетки вижу, дверь перекрыли. В остальном же... окон нет и ощущение, что находимся мы во глубине сибирских руд. Пыль в углах. Паутина клочьями с потолка свисает. Потолок, к слову, неопределенно-серого цвета. Стены украшены цепями.

Кровать дощатая с остатками истлевшего белья.

Грязная тряпка одеяла стыдливо прикрывает ночной горшок. А в полу дыра имеется, полагаю, для канализации... как-то вот... неуютненько. И груда костей у дыры не добавляет душевного спокойствия. Череп темный, вони не слышно, значит, или лежат эти кости давненько, или вообще куплены антуражу ради в местном магазине полезных товаров.

Ладно.

Потом посмотрим.

Я огляделась.

Айзек без сознания. Шею вывернул, рот приоткрыл, слюну на грязный пол пускает. Рай... сидит, сдавив голову руками, да покачивается. Малкольм, белый, к стене прислонился, глаза закрыл, но живой, что уже достижение, как понимаю.

Мелисса же...

А где сестрица моя разлюбезная? Сгинула по пути? Или... сгинули?

– Эй, – я развернулась. – Ты где, блаженная?!

Эхо прокатилось по коридору.

Я подошла и попыталась выглянуть, но коридор был темен, да и решетка, хоть и покрылась толстым слоем ржавчины, держалась крепко. Прутья стояли часто, голову сквозь них не просунешь.

Зато эхо разгулялось, разговорилось на разные лады, будто друг с другом перекикиваясь.

Блаженная?

Блаженная... еще какая... блаженный от слова «благо»? Или это я опять не угадала? С языком сложно, а вот...

Шорох.

Крыса? Крыс я не то чтобы побаиваюсь, скорее разумно опасаясь.

Крысы, они порой поопасней льва будут, особенно если много...

Так, успокоиться.

Никто не нападет сразу. Крысы для этого слишком осторожны, за что честь им и хвала. Сперва разведчиков пошлют, потом...

Потом мы выберемся.

Даром, что ли, под боком у меня целых три могучих мага.

Смех.

Далекий такой. И болезненный. Болит голова. Раскалывается просто-напросто, будто спицу сунули, и вообще... дышать надо.

Глубже.

И выдох на счет. И что там про йогу говорили... йога – это модно, как пилатес и еще какая-то оздоровительная хрень, на которую у меня не было ни денег, ни времени... денег сейчас довольно, времени, похоже, тоже хватит, если из камеры не выберемся. Самое время учиться дышать правильно.

Смех пробирал до костей.

И кости бы перебрал, если б смог. А он может? Он? Может, он нечеловеческой природы?

Шаги.

Звонко цокают каблучки по камню. Плывет в темноте круг-светляк, за которым вырисовывается темный силуэт. Надо же, не провалилась в бездну, видать, я плохо пожелала... надо будет конкретизировать, так сказать.

– Живы? – не скрывая разочарования, поинтересовалась Мелисса.

– А ты на что надеялась? – я оперлась на решетку, которая скрипнула, но вес тела моего выдержала.

– Мало ли... придется самой, а я не слишком люблю марать руки.

И потому перчаточки надела. Понимаю. Разумная предосторожность...

– Шла бы ты...

– Пойду, а вы тут останетесь. Не страшно?

Я пожала плечами. Страшно? Страшно было ныкаться по кустам от пьяной гопоты, которая громко рассказывала, что со мною сделают, если найдут. Или вот мамашку после первого передоза откачивать. Тогда я еще не знала про передоз и думала... ай, не важно.

Или смотреть, как бабушка умирает.

Или...

Я знаю, что такое страх, когда руки леденеют, а ноги отнимаются, когда из всех мыслей в голове остается одно – это не может произойти со мной. Только не со мной...

– Думаешь, откроют? – сестрица ткнула пальцем в решетку. – Брось...

это место строили, чтобы держать магов. Поэтому...

Оставь надежду всяк сюда входящий.

Понимаю.

– И давно?

– Что?

– Строили давно? – я потрясла увесистый замок, который выглядел весьма древним.

– Лет триста тому...

Что ж, тогда есть шанс обойтись без магии, только сестрице об этом знать не следует.

– И что, ты решила держать нас здесь и дальше? – я вытерла руки о брюки, все равно им хуже не станет, а ржавчина была... жирной.

Неприятной.

– Почему ты думаешь, что я отвечу?

Потому что тебе страсть до чего хочется поговорить. Выплеснуть на меня всю свою ненависть, а заодно обиды, а потом, когда я проникнусь – что вряд ли, но не стоит разочаровывать человека, – рассказать и о великом плане. Возвыситься, так сказать, интеллектом над нами убогими.

– Почему бы и нет... ты же зачем-то пришла.

– Мне надо подождать.

– Чего?

Мелисса прижала палец к губам и отступила. Шаг. И еще шаг. Тьма становится плотнее, она проглатывает сестрицу, и даже фонарь в ее руке растворяется, хотя и не сразу.

Да уж... антуражи способствуют.

Я обернулась.

Айзек, кажется, пришел в себя. И Рай ожил... вот как бы понять, в своем уме или еще не слишком?

– Мы все умрем, – Айзек встал на четвереньки.

– Еще скажи, что в страшных мучениях...

– Возможно, – не стал спорить он, поднимаясь на колени. И встал. Прислушался к себе. – Магия не действует... так и должно быть.

– Только твоя не действует или в принципе? – на всякий случай уточнила я. И к Малкольму подошла, уж больно бледным он гляделся. Ничего. Пульс ровный. Дыхание тоже... а дар мой ничего, жив, во всяком случае, я вполне вижу его.

И вязкую черную пакость, которая разносится по крови.

К вечеру станет хуже.

Если мы до вечера вообще дотянем.

– В принципе.

Рай со стоном поднялся и спросил:

– Где мы?

– Во дворце, – ответил Айзек. Решетку он потряс, чем вызвал новый приступ потустороннего смеха, от которого меня едва наизнанку не вывернуло.

Во дворце, стало быть. Как-то вот... иначе я себе дворцы представляла. Золото там, статуи... зеркала, белый мрамор, блеск и сияние. А тут...

– Это самые нижние уровни... я здесь был... однажды...

От решетки он отстал, хотя и пнул напоследок.

– Я только не понимаю, как...

Как, как... каком кверху. Бабуля, чтоб ее... и от кого сестрица узнала о своем божественном происхождении? Вариантов немного, и оба не нравятся... вот бабуля бы молчала. Она, при всех своих тараканах была человеком практичного склада, понимала, что королевский род не слишком обрадуется новой родственнице...

И про клятву вспомнить стоит, хотя тут надо признать, что я сути ее не знаю, а потому...

Темнота ждала.

И тот, кто в ней скрывался, смотрел в меня. Он видел мои мысли, видел меня всю, какая есть, с жалкими мечтами и пустыми надеждами. Он способен был сожрать их, да и душу мою вытянуть из тела, выпить в один глоток.

Страшно ли тебе, девица?

Еще как, тварь неведомая... только хрен тебе, а не страх... все мы смертны, иные просто больше прочих.

– Нас в жертву принесут? – я прищурилась, пытаюсь разглядеть в темноте хоть что-то.

– Уже.

– Но мы живы.

– Пока.

Айзек подал руку приятелю.

– Это... его территория... нижние уровни... сюда приводят преступников. Приговоренных к смерти... или желающих королевской милости...

Ни хрена себе милость!

– За некоторые преступления расплачивается не только человек, но и род, – Айзек присел на кровать. И грязь его не смутила. – И тогда у

приговоренного есть выбор. Он умирает здесь, и эта смерть окончательна, как физического тела, так и души, но род остается непричастен к его деяниям.

Она была рядом.

Везде.

Она... он... оно? Скорее оно, ибо человеческие рамки были слишком узки для этого существа. Оно являлось и камнем, и решеткой... тьмой и...

Я решительно отмахнулась от острого чувства своей никчемности. И без тебя знаю, что я мала, слаба и вообще пушинка пред лицом вечности. А с замком мы попробуем справиться... да... старый и заржавевший, несложный, но тугой именно из-за ржавчины.

– Ты говори, говори, – попросила я Айзека. В тишине чужое присутствие ощущалось слишком уж явно, чтобы у меня вышло от него отрешиться.

Замок так щелкнул, только, почудилось, вовсе не от моих усилий.

Оно тоже любило поиграть.

Например, дать жертвам шанс...

– Да... особо сказать нечего... это древний договор. Королевская кровь – это оковы, которые держат... существо здесь.

Ага, значит, имени ему дать не додумались.

Имя – это просто набор звуков, зачастую случайный. Оно не значит ничего... совсем ничего... и глупо тебе, девочка, думать иначе.

Глупо.

Но я не боюсь выглядеть глупой.

– Идем, – я повернулась к магам, которые больше не казались грозными.

– Это лишено смысла, – со вздохом объяснил Айзек. – Он принял нас... и не отпустит.

Ага, поэтому надо успокоиться, лечь, сложить ручки на груди и тихонько ждать страшной кончины.

Хренушки.

Я и кукиш скрутила, чем неведомую тварь развеселила окончательно. Это да... вот такие мы юмористы... может, отпустишь?

Малкольм молча двинулся за мной.

И Айзек.

И брюнетик... ясно, в одиночку помирать скучно. Да и...

– Эй, сестрица... ау... – голос мой прокатился по коридору.

Может, свет хоть включишь, а то ненароком оступлюсь, шею сверну и все веселье закончится? Тварь хохотнула – будто стеклянными когтями по

мозгам провели – и согласилась.

Медленно налились сиянием стены и пол.

Да... обстановочка.

Камеры.

И снова камеры... решетки ржавые, замки тяжелые... кости... в некоторых – возле решеток, в других – горками. Кто-то вытянул руку сквозь прутья... вот тебе и зверский оскал монархии.

– Это же...

А Малкольм не знал. И смятение его сладко, твари по вкусу... выплюнь немедленно, не видишь, ему и без тебя тяжело, а ты...

Существует.

Существовало... оказалось заперто в этом клочке пространства... связано кровью, и теперь...

– Прости, – Айзек остановился перед камерой, в которой кости виднелись в груди разноцветного тряпья. Платье? Значит, попадали сюда не только мужчины... вот тебе и гендерное равенство. – Но так было надо...

– Кому надо?! – крик Малкольма утонул в вязкой темноте.

Идеалист.

Как маленький... будто и не знает, что за все приходится платить. Просто цена разная. А мир в королевстве не может стоить дешево.

И тварь согласилась.

Ей было...

Скучно?

Тоскливо? Пожалуй, так. Я не находила слов, чтобы описать это состояние. А ведь она... она невероятно стара, если сравнивать со мной, но в то же время... божественное дитя, запертое в клетке вместе с игрушками-человечками.

И оно устало.

– Извини, – тихо сказала я.

– Что? – Айзек потер глаза. – Я не понимаю только, как она... почему она вообще смогла...

– Потому что помогли.

На самом деле все просто. Вопросы лишь два: кому выгодно и у кого есть возможность? И если на первый я не могла ответить до бабулиного письма, то второй...

Тварь тоже слушает. В последнее время ей понравилось играть с живыми, правда, жили они не слишком долго, а поднятые после смерти становились неинтересны. Нет, она не ломала игрушки специально, просто...

Так получалось.
Я понимаю.

Глава 54

Коридор закончился, и мы очутились в зале. Идеальное полушарие. Цепь, свисающая с потолка. Колесо-люстра с огарками свечей... впрочем, она вспыхивает синим сиянием, послушная воле того, кто привел нас сюда.

Камень.

Огромный такой камень, бледно-серого цвета, будто пылью покрытый...

Плесенью.

Пушистой такой плесенью, которая росла-росла и разрослась, выпустила шары спорангиев, пытаясь захватить больше пространства, но за пределы камня ее не пускали.

– Вот и все, – сестрица сидела здесь же. На грязном полу. Юбки расправила, фонарик отставила. Ножик поглаживает задумчиво так, а ножик приметный, мало того что черен и письменами украшен – подозреваю не теми, что здоровья, счастья и благоденствия желают, – так и формы прелюбопытной. Рукоять рогом закручивается, а клинок волнистый. – Знаешь, а время у нас действительно есть... а если бы тебя не было, все сложилось бы иначе.

Ага, реки потекли бы вспять, берега заросли бы диким лесом, а небеса с землей местами поменялись бы.

– А теперь я должна буду принести жертву.

И говорит так жалобно, впору пожалеть ее, несчастную.

– Ты их и без того принесла изрядно.

Айзек качнулся было, но схватился за голову и застонал.

– Скажи им, пусть успокоятся... все равно ничего не смогут сделать... знаешь, она ведь ее не прятала, ту тетрадку... украла и не прятала... мама моя глупа... она думала, что дело в деньгах, но правда в том, что бабка была богата... ты не представляешь даже насколько...

Я удержала Малкольма.

Не знаю, что тут планируется, но, сдаётся мне, сестрица дорогая о собственной безопасности побеспокоилась.

– Умная... а у меня вот что есть, – она вытащила из-под вороха юбок куколку. Ну как куколку... такую вот... странную. Ручки-ножки – палочки, тельце, обмотанное тряпичей, голова сшита наспех, глазки-пуговицы... страшилище, одним словом. Но, чую, самый страх не в этом. – Знаешь, что это такое?

– Мирршах, – тихо произнес Малкольм.

– Его я не планировала трогать... он добрый и милый где-то, хотя, конечно, тоже сволочь... но умная. Смотри, как могу... – в руке Мелиссы появилась булавка, длинная и камнем синим украшена. Мелькнуло острие и вошло в голову тряпичной куколки. Айзек и повалился. – Могу и так...

Булавка вышла.

И Айзек застонал...

– И на него тоже есть, – вторая куколка легла на колени рядом с первой. – И на дружка твоего... всего-то нужно, что слюна, кровь и волосы... они каждые полгода в клинике анализы сдают... надо каплю всего...

Кто-то заскрипел зубами.

Я же подошла к Мелиссе.

– Не смей, – предупредила та, сжимая крохотное кукольное тельце. – Я ведь могу и убить...

– Можешь, конечно. И убила... тех девушек... вот все понимаю, но их зачем?

Легкое пожатие плечами.

– Там столько рецептов... бабуля экспериментировала, только... как понять, что эксперимент удачен, если опробовать зелье не на ком? Она рано поняла, что у меня способности... выраженные... от бабушки достались... той, другой... я вот думаю, а если бы у нее все получилось, я бы родилась принцессой. Каково это?

– У Айзека спроси.

Что-то мнится мне, что жизнь у принцесс не такая уж ванильно-розовая, как все считают. Но разве Мелиссу переубедишь? Ишь, сидит, куколки перекладывает. И главное, что оборачиваться не хочу, смотреть, как эти игры на парнях сказываются.

– Не ответит... он сноб.

– А ты нет?

– Он меня с первого взгляда невлюбил... мы заключили помолвку... знаешь, я даже немного влюбилась. В Рая сложно не влюбиться... он был любезен. Вежливость. А я приняла ее... и позволила больше, чем следует... две недели счастья, а потом я выясняю, что он встречается не только со мной. Что я просто часть игры. Невеста? Плевать... на все плевать... так что сами виноваты...

Ну да, а сестрица моя со своей химией совершенно не при делах. Нет, та троица, безусловно, хороша в своем стремлении испоганить жизнь

другим, но... нельзя просто взять и переложить свою вину на кого-то...

– А чего мы ждем? – поинтересовалась я у задумчивой сестрицы.

Так, чтоб в курсе дела быть.

А то мало ли... может, у нас на болтовню времени особо не осталось.

– Одного человека...

– Жениха твоего?

– Уже в курсе?

– Было сложно пропустить такое... думаешь, больше никто не догадается?

– Какая разница? – она зачерпнула серую плесень, пропуская ее сквозь пальцы тонкой струйкой. Вздохнула. Вытерла руку о юбки. – У них не будет выбора... им нужна кровь.

Вот только, помнится, Мелисса не единственная, кого можно назвать запасным вариантом.

Когда девушка шагнула из окна, Фредерик понял, что все пойдет не по плану. Более того, он сам вдруг испытал острое, почти непреодолимое желание расстаться с жизнью. В конце концов, чего цепляться за брренное это существование?

Тело – лишь оковы для души.

Скинь их и поднимешься... он щелкнул пальцами, активируя защиту. Выдохнул. И потянулся к другому амулету.

Кто-то кричал.

Кто-то смеялся. Запахло кровью...

– Третий протокол, – он раздавил в пальцах бусину. – Накрывай куполом... полное обездвиживание...

Сознание осталось.

Оно уловило момент, когда тело перестало подчиняться. Препоганейшее ощущение, и глушилка, главное, бессильна против стационарной установки.

Секретная, мать ее, разработка...

На случай террористических актов... будто здесь кто-то что-то слышал о терроризме... или бунты вот подавлять хорошо... накрыл территорию колпаком – и вперед, приступай к зачистке.

Наверное, стоило порадоваться, что эта установка в принципе существовала.

Еще бы дворец накрыть, так ведь не позволят, да и не пробьет она встроенные контуры защиты.

Он не знал, как долго находился в этом сумрачном состоянии сознания

– время, да и происходящее воспринимались иначе. В какой-то момент натяжение поля ослабло, а перед глазами – надоело смотреть в одну точку, право слово, – появились чьи-то сапоги.

– Здесь он...

Некоторое время спустя, уже в фургончике – изрядно побитом и замызганном – Фредерик пил холодную воду и думал, что жизнь, если подумать, хороша... глобально так хороша... и хорошо бы ее продлить, отложив грядущую катастрофу на пару столетий.

– Удалось зафиксировать всплеск энергии, но не направленность, – молодой парень, уже побитый сединой и жизнью, поскреб ломаное ухо. – Извините.

– Да ничего...

Разберутся.

Да и... не тот случай, когда вмешательство пошло бы на пользу. У мира тоже есть инстинкт самосохранения. Или что-то вроде того...

– Студенты...

– Эвакуация идет полным ходом... принимает Королевская клиника, согнали всех, кого сумели... сразу переводят в сон, а там будут решать.

Ректор вздохнул, потянулся, разминая затекшие мышцы – сейчас глушилка не казалась столь уж необходимым изобретением, – и сказал:

– Тогда вы дальше без меня...

Судьба судьбой, мир миром, но поучаствовать стоило... хотя бы затем, чтобы вспомнить, что он все-таки боевой маг.

На золотом крыльце сидели...

Крыльцо возникло из пыли, такое до боли настоящее, с золотыми накладками. Петушки, солнышки, камешки сияют.

Царь, царевич, король, королевич – никогда не понимала разницы.

Молчали.

Ждали.

И Малкольм положил руку на плечо, а я не стала уворачиваться.

– Думаешь, ты ему интересна? Сама по себе? – сестрица подбросила куколку и поймала, стиснула так, что Малкольм скривился.

Больно?

Боль я могу забрать... надо же, и вправду могу... и, кажется, не только ее...

– Ему нужен твой дар. Думает, что излечится...

– И что в этом плохого?

– И вправду не понимаешь? – она склонила голову набок. – Как только

он станет здоров, так и исчезнет...

– Переживу.

А ее переполняют обиды. Громоздятся одна на другую, и тяжело, должно быть... с другой стороны, у меня своих обид хватает, но я же никого не убивала.

Эксперимента ради.

И пытаюсь выставить наследника престола сумасшедшим. А ведь у них получилось... почти... Король бездетен, и, полагаю, в живых его не оставят. С отцом Айзека что-то там тоже неладно. Сам Айзек почти безумен или без почти, но на грани... Что остается?

Аплодисментами встретить спасительницу, ту, которая не позволит королевской династии сгинуть, тем самым выпуская из недр дворца чудовище чудовищное. А уж кто там стоит за спиной новоявленной принцессы, обеспечивая поддержку народа силовыми методами, это дело третье.

Я вздохнула.

Ожидание начало утомлять.

Нет, сидим вот... сидим... и что дальше? Пить уже охота и в туалет, причем не знаю, что именно хочется сильнее, а эта играет своими куколками-людьми... и взгляд такой туманный, мечтательный. Воображает себя на троне?

Прекрасная королева, любимая всеми подданными.

Детская фантазия.

Я закрыла глаза и представила себе Мелиссу... нет, может, и не получится, но попробовать стоило... я способна ее услышать.

Способна ли?

Да.

Вот сердце бьется в трехтактном ритме. Предсердия. Желудочки. И общая диастола... тук-тук-так... тук-тук-так... успокаивающий звук.

Сосуды.

Дуга аорты и легочные вены, по которым течет насыщенная кислородом кровь. Межа легких растягиваются и сжимаются... растягиваются и...

Наше тело работает всегда.

Даже когда человек отдыхает, оно все равно работает. И во сне почки продолжают фильтровать мочу, печень – чистить кровь от лишнего, желудок выделяет сок, а в тонком кишечнике идут процессы всасывания – работы много.

Везде.

И о ней тело посылает отчеты, что химические, что электрические. Искорки летят по проводам нервов, взбираются по позвоночному столбу...

Вверх и вниз.

Тело продолжает управлять собой, ему не так уж нужно вмешательство того, что мы называем разумом. Хватает рефлексов. И особые центры обрабатывают информацию, чтобы отослать обратный сигнал. Повышается содержание углекислого газа – дышим чаще... Увеличивается нагрузка – подстегнем сердечко... Ускорить. Замедлить. Прервать... продолжить... Сигналов не десятки – сотни и тысячи, и каждый актуален в свое мгновение.

А мне бы разобраться.

Я не хочу убивать.

Я не...

Существо следило. Оно не собиралось вмешиваться, оно запоминало историю новой игры, а я... я пыталась разобраться в сияющем этом потоке...

Я могу.

Я просто дотянусь и... перекрою его.

Не хочу.

И...

Или она, или мы... и ладно бы я, мне не привыкать, что жизнь еще та поганка, но их-то за что... и других, которые...

– Бабушка обещала, что ты исчезнешь, – Мелисса не выносила тишины, должно быть, ей было страшно оставаться наедине с собой. – Она поклялась, что ты...

А я не исчезла.

Бессовестная.

– Я просто хотела, чтобы меня любили... Папа... Ты не представляешь, он иногда появлялся, дарил подарки... и ссорился с мамой. Она плакала. Она говорила, что он любит нас, но его украли... А потом папа вернулся насовсем. Сначала я так радовалась... думала, теперь все станет иначе... мы будем жить вместе, и каждый день как праздник... я старалась... я была самой воспитанной девочкой в этом проклятом королевстве!

Желудок отключать смысла нет... легкие... нет, ей достаточно сжать руку, и куколка рассыплется на куски. Что тогда произойдет с рыжим, я не знаю, но факт, что ничего хорошего.

Паралич.

И...

– А он меня не замечал.

Трагедия, да...

Моя мать тоже меня не замечала, но ничего, жива ведь... И вообще, ей не приходилось сталкиваться с настоящими проблемами, вот и ноет... Переночевала бы пару ночей на вокзале. Перекантовалась бы пару дней без еды, разрываясь между голодом и брезгливостью, которая мешала полезть в мусорку...

Выслушала бы, что говорит соседка...

Спокойно.

Не отвлекаться. Надо вычленишь из этого потока нужное... это ведь просто, дать сигнал, который выключит тело, нарисовать крохотную искорку.

– Иногда он называл меня твоим именем... кажется, он не помнил, что у него есть другие дочери... и мама плакала... даже когда родилась сестра... а бабушка...

Искорка-искорка... давай же... попытка одна, если сорвется, Мелисса кого-нибудь убьет.

Маленькая страшная девочка.

– Она научила меня прятаться... моя первая гувернантка выпрыгнула из окна... она была злой. Заставляла учиться и била по рукам линейкой. А когда считала, что я поступаю плохо, могла запереть в кладовке без еды. Я жаловалась, но они были слишком заняты собой, чтобы услышать.

– Взрослые никогда не слышат детей.

Искорка... как невероятно сложно создать ее, похожую на те, что летят... Я вложила все свое желание – нет, не смерти, не мне судить, кому жить в этом мире, но...

Пусть она просто остановится.

– Я помню тот день. Было интересно... она отчитывала меня... грозилась розгой... называла глупой неопрятной девицей. А я хотела, чтобы она замолчала. И она замолчала. Стояла большой куклой. Я сначала не поняла, что произошло, а потом... потом я приказала ей разрисовать себе лицо красками... Я так веселилась...

Отпустить.

Пока она говорит, просто позволить искре уйти... и ждать... быть может, ничего не получится и действительно проще ее убить.

Дар поможет.

И смерть эта будет безболезненна... куда более безболезненна, чем та, которую она уготовила девочкам...

Тварь ждала.

Смотрела.

Видела.

Молчала. Значит, королевская кровь – еще не панацея.

– Она бы мне не простила... никто не заступался, а она бы мне не простила. И я сказала, что внизу ее ждут... принц... старая злая дева мечтала о принце... Смешно...

Обхохочешься просто.

Блин, надеюсь, Айзек, став королем, найдет способ что-то сделать с такими вот... талантами. Может, оно и несправедливо по отношению к прочим, нормальным, но вот... жутко. Живешь, живешь, а потом раз, и кто-то расковырял тебе мозги.

– Потом были другие... Горничная мамина, которая всегда говорила, что мама занята. Ей было так легко внушить, что мамин жемчуг принадлежит ей... Еще наша повариха... правда, бабушка заметила неладное. И мне пришлось переселиться. Нельзя воздействовать на людей, так она сказала, заметят, заставят служить Конторе, накинута петлю на шею... Я ведь не хочу ходить с петлей? Кровная клятва – это... нехорошо.

Действительно нехорошо.

Куда уж лучше уродовать людей безнаказанно.

Удобнее.

Искра дрожала, готовая рассеяться, а я слушала и...

– У нее были книги и дневники другой моей бабушки, и записки... Я научилась действовать так, что никто не замечал. Это легко – толика очарования, и тебя все любят, только эта любовь ненастоящая, понимаешь?

– А то... у нас еще говорят, что нечего на зеркало пенять, коли рожа кривая.

– Ты... груба.

Еще как.

Я разжала руку, позволив искре соскользнуть... она потерялась в потоке таких же. И ничего не произошло. Мелисса встала, смахнула слезу – крокодилы тоже плачут, оказывается, – и велела:

– Подойди ко мне.

Айзек и сделал шаг.

Второй.

Он явно не хотел, я видела, что он мучительно борется с чужой волей, а еще видела, что ему позволяют это... конечно, так ведь интересней, позволить жертве думать, что у нее есть шанс.

Рай молча скрежетал зубами.

Малкольму хотя бы дышать позволили. Айзек же...

Дура.
Нечего было слюни пускать.
– Возьми, – она протянула клинок.
И Айзек взял его.
– Убей себя, – спокойно приказала Мелисса. И, подумав мгновение, добавила: – Горло... перережь себе горло... вот так...
Она провела пальцем по его горлу.
Отступила. Покачнулась. Попыталась устоять...
– Ты... – она сумела произнести это слово, выдохнула, вложив всю свою ненависть. А я не стала отрицать.
– Я...
Айзек поднял руку.
– Стой...
Рай попытался сделать шаг, но грохнулся и выгнулся, тело его коржило судорогой. Малкольм молча осел на пол...
А клинок коснулся шеи.
Айзек улыбался.
Счастливо так.
Безумно.
И тварь с немалым наслаждением наблюдала за нами.
Нет уж.
Не позволю! Я не знаю как, но не позволю...
Кажется, я сделала шаг. Воздух был тугим, стеклянным. И что-то хрустело под ногами. А с потолка посыпался мелкий мусор.
На шее выступила капля крови.
Кто так нож держит?
Неправильно... хорошо, что неправильно... Я повисла на его руке, но что мой вес для Айзека... и не заметил.
– Сопrotивляйся... – я смотрела в безумные голубые глаза и молилась, чтобы у него хватило сил. Если не своих, пусть займет... – Пожалуйста, сопротивляйся...
Капли катились по белой шее, такие яркие и нарядные...
– Хочешь жить – сопротивляйся... – я слышала запах крови. Такой резкий, такой сладкий...
Этот запах остается надолго. Да, операционные моют и дезинфицируют, отправляют на утилизацию кипы одноразовых пеленок. Выскабливают все до блеска, но запах... он въедается в стены, в пол и потолок. Пропитывает инструменты и столы. Его не перебить химикалиями, и, что самое странное, по запаху кровь животных от крови

человеческой совершенно не отличается.

– Давай же...

Я висела на его руке, как бульдожка на хвосте кицунэ, слишком огромной, чтобы надеяться ее остановить, да и как, если хвостов девять, но и просто бросить...

Рука дрожала.

И кожа раскрывалась.

На самом деле человеческая кожа – удивительный материал. Я имею в виду живую. Она достаточно прочна, и в то же время пронизана мириадами пор. Она защищает от жары и выдерживает холод. Она крепка, и новички часто этому удивляются, ведь, казалось бы, гвоздем продрать можно...

Гвоздем можно, а нож не берет.

Если нажима нет.

Под кожей мышцы. Чтобы их рассечь, требуется немалое усилие. И знания, как правильно резать... поэтому у хирургов железные пальцы, и это не шутка.

Сосуды.

Артерии, идущие к голове.

Человеческая шея весьма уязвима. Чуть глубже, чуть сильнее, подцепив кончиком клинка мышечную стенку сосуда... и еще усилие, потому что сосуды самой природой защищены от разрывов.

Тварь хохочет.

Айзек белый-белый. На белом кровь хорошо видна... И надо было просто убить эту суку... ишь, шевельнуться не может, а туда же...

Все зло от менталистов.

Я дотянулась-таки до пальцев и, вцепившись обеими руками в клинок – моментально опалило ладони болью, – дернула на себя. Не жадничай, мальчик, я тоже хочу поиграть.

Он попытался отпустить.

Честно.

И даже немного получилось... не вырвать, то хотя бы отклонить клинок, отвести от горла. Вот так... еще рывок, налегая всем телом... если отрежет пальцы, назад не приставят, и тогда...

Хрена, не надо меня пугать, я ведь местный чудотворец, забыла? И смогу без пальцев работать... буду лечить наложением рук... руки-то останутся?

Боль расползалась.

И кровь лилась... И кто-нибудь поможет, герои хреновы?

Помогли. Все закончилось сразу и вдруг. Айзек пошатнулся и отпустил

рукоять клинка, а я от неожиданности не устояла и полетела с клинком на пол... покатилась... пол гладкий и скользкий... и кажется, я понимаю, что произошло: рыжий сидел у тела Мелиссы с камнем в руках.

Кто ему камень доверил, болезному?

И вообще, целитель не может убить, как он теперь... это я еще успела подумать, а потом стало больно. Очень-очень больно...

В животе.

Вот что значит – хватать чужие ножи...

И жалеть врагов.

Дыши.

Глубже.

Нож в животе – это еще не приговор. Если из подземелий выбраться и к Варнелии, она и не таких поднимала, а я... дышать неудобно, будто что-то давит на грудь... плевральная полость заполняется кровью. Гемоторокс – это хреново... очень и очень хреново... ну же, чудо-дар, давай поработаем... кровушку надо откачать, пока легкое вообще работает.

– Ма...

Я хотела позвать, но подавилась кровью.

Сейчас умру, стало быть... я просто-напросто не дотяну до помощи и... Жаль.

Да, тварь, выглянувшая из тумана, мне действительно жаль. И это понятно: кто хочет умирать? Рыжик вот рядом, пытается что-то сделать... трогать клинок – хреновая идея. Пока лезвие худо-бедно перекрывает просветы сосудов, а если вытащить...

Вошло в живот, пробило диафрагму, и не только ее, если кровотечение внутреннее открылось. Да, без тебя знаю, зверь неведомый, что я здесь не задержусь.

Но спасибо.

За что?

За шанс. Я бы воспользовалась... я и пользовалась на всю катушку. Ни о чем не жалею...

Или жалею.

Отцу помогут, а вот домой так и не съездила. Глядишь, мать забрала бы... теперь деньги есть и наверняка здесь имеются лечебницы.

Зверь топтался на груди, и я вновь чувствовала, как когтистые его лапы проникают сквозь кожу. Правда, теперь легче не становилось.

– Марго...

И видно всех, его глазами.

Айзек стоит рядом, положил руки на плечи Малкольма, силу, стало

быть, передает. А кровь так и не остановилась, что неправильно, не такой там глубокий порез, чтобы лилась ручьем.

Рай тут же.

Сменятся?

Не поможет. Эта штука... если ее вытащить, я умру от открывшегося кровотечения. А если оставить, она просто-напросто вытянет жизнь... И как быть?

Малкольм решил.

Эй, я не согласна!

Кровотечение...

Клинок выходит из тела, и мое возмущение тонет в крови, ее так много. А главное, я вижу, что он делает. И восхищаюсь. Мне до такого учиться и учиться... Малкольм стремительно заращивает сосуды, наполняя их моей же кровью, которую берет прямо из брюшной полости и отфильтровывает...

Магия – это вещь...

И дышать стало легче... и... я не умру?

Не сейчас.

Зверь смеется. А потом прыжком перескакивает на мою сестрицу. Поворачивается. И смотрит. У него желтые глаза, круглые, как плошки. И спина горбата, а куцые крылья выглядят недоразвитыми. Конечно, где летать в подземельях...

Ему бы на волю.

Он подобрался к самому телу Мелиссы и, став дымкой, втянулся в ноздрю.

А я...

Я ожила. И это было чертовски больно.

Глава 55

В Королевской клинике было светло.

Окна в пол.

Стекла сияют, полупрозрачный тюль растворяется в ярком свете – солнце соизволило выглянуть. Потолок белый. Стены белые. Кровать, что характерно, тоже белая... и та, соседняя, на которой изображает умирающую моя сестрица.

И то, что сидит в ней.

Мелиссу к кровати привязали. Хорошо так. Крепко. Веревочки тоненькие, но, как пояснил Малкольм, зачарованы, и порвать их не выйдет.

Она и не пытается.

Жертву изображает. Хрупкое тельце на белоснежных простынях. Трубки. Мониторы. И кислородная маска. Ремни машины, заставляющей Мелиссу дышать. Иглы другой, входящие в тело. Или не иглы, а тончайшие трубки, в которых циркулирует желтоватая жидкость.

Ее печень разрушается.

Почки отказывают.

Разум, вероятно, разрушен, но корона маниакально пытается сохранить Мелиссе жизнь. И меня здесь разместили вовсе не потому, что иных мест нет.

Точнее, их нет, клиника переполнена студентами, которые медленно отходят от наваждения и, подозреваю, не только от него, но... нашли бы, возникни такое желание. Я бы и к Малкольму в палату переселилась, и вообще в кладовку, а лучше всего – в общагу, пусть там и проходило что-то, что называли зачисткой. Мол, снятие остаточного фона, выявление источника отравы, и так далее, и тому подобное...

Особняк мой временно реквизирован короной.

Надеюсь, все-таки вернут.

Городской дом конфискован. Амелия и отец под следствием, младшая сестрица в приюте для одаренных... Короче, жизнь бьет ключом, и все по голове.

– Лежит? – Малкольм появлялся здесь каждый день. Знаю, что ему настоятельно рекомендовали держаться от меня подальше, но он плевать хотел на рекомендации.

Он спускался с шестого этажа.

Пробирался в закрытое отделение, минуя несколько пунктов охраны,

открывал металлическую дверь, которая вдруг заменила обыкновенную, деревянную, отрезав нашу палату от мира. И входил.

Приносил фрукты и цветы, правда, судя по распотрошенным букетам, и первое, и второе проходило ряд проверок. Шоколад охрана вообще отняла, поскольку для изготовления его применяли магию...

Бездельники.

– Лежит, – я уже садилась.

В принципе чувствовала я себя средне. Все-таки проникающее в живот, да еще и зачарованным клинком, которому, как сказал Малкольм, следовало находиться в королевской сокровищнице, это вам не просто так... обычный нож режет тело, а этот – перерубает энергетические каналы, так что...

Я слишком долго ждала.

Боялась чего-то.

Тянула... и вот...

Дотянулась. Я больше не маг жизни... они этого не знают, вот и держат с Мелиссой, надеются, что дар мой очнется и заставит ее исцелить. Или хотя бы поддержит жизнь в младенце, который зреет где-то там, внутри сестрицы.

Племянник, стало быть.

И лучше не думать, что увидела я его только сейчас. Наверняка этому есть логичное объяснение.

– Как ты? – я подала руку, и Малкольм помог подняться. Он больше не пытался удержать меня в постели, должно быть, понял, насколько это... лишено смысла.

Время уходит.

Мое.

Его.

Наше, хотя ничего-то такого между нами не было.

– Вполне неплохо.

Ложь.

Я вижу кусок пластыря на сгибе его руки, под которым прячется катетер. Второй поставили – стало быть, вены совсем плохи. И... без дара чувствую, насколько быстро распространяется зараза.

Сколько ему осталось?

Пара недель? Пара месяцев? А я даже обещание исполнить не смогу... или смогу? Попыталась прислушаться, вдруг да шевельнется дар-поганец, предлагая безболезненный способ убийства... но нет. Молчит, зараза... а Мелисса улыбается.

Пара шагов.

Каждый дается с трудом, и не из-за слабости, отнюдь. Просто не покидает ощущение, что шов на животе разойдется и внутренности вывалятся. Ощущение иррационально, ибо заживление шло отлично, да и бандаж никто не отменял.

– Помоги, – я указала подбородком на Мелиссу. – Хочу сказать сестрице пару ласковых...

Сколько мы здесь?

Довольно долго.

Первые пару дней я провела в состоянии искусственной комы, что вполне оправданно, поскольку несчастный мой организм подошел к своему пределу.

Потом было пробуждение. И молчаливые тени целителей, наотрез отказавшихся говорить со мной. Расплывающееся время, которое отсчитывалось заменой мешков на капельницах.

Незнакомый тип в зеленом халате поверх серого костюма.

Вопросы.

Ответы.

И на следующий день. И через день... и потом снова... Он выворачивал меня наизнанку, и, пожалуй, будь его воля, снял бы шкуру, проверяя, не скрываю ли я чего-нибудь этакого под ней. Но шкуру мою, полагаю, трогать запретили, вот и удовлетворялся сознанием.

Нет, на него я не злилась.

Почти.

Потом тип привел Малкольма... особое разрешение... и исчез.

От рыжего я и узнала, что нашли нас благодаря ректору и королевскому магу, что своевременно препроводили в госпиталь, где нас и оставили, как особо нуждающихся в помощи. Что мы здесь вдвоем, ибо Айзек и Рай не пострадали. Второму, правда, предстоит курс коррекции сознания, довольно-таки расшатанного стараниями моей сестры, а она сама является собственностью короны... нет, не в ней ценность, а в ребенке...

Идиоты.

Нет, я буду молчать. Если мы с тварью договоримся. А мы договоримся... у нас выбора нет... и я чувствую, что, хотя тело человеческое ослабило ее, но достаточно щелчка пальцев, чтобы я скоропостижно скончалась...

– Малкольм, – я оперлась на кровать и выдохнула. Жива... и как-нибудь... – Ты можешь подождать за дверью... у нас тут приватный разговор...

Спорить он не стал.

Вышел.

И дверь прикрыл... и кажется, что-то сказал охране... отвлекает... понятно, за нами наблюдают, было бы наивно полагать, что нас возьмут и оставят без присмотра. Плевать.

Я склонилась к уху Мелиссы, а то мало ли, вдруг тварь да глуховата.

– Привет... я знаю, что ты там и что тебе тесновато, отсюда все это... – я щелкнула по трубке, и прибор отозвался раздраженным звоном. – А еще знаю, что они пока не поняли... думают, девочка не справилась с силой и все такое, а наследника с нее поймать можно... запасного, так сказать Ты ведь тоже на него рассчитываешь? Честно говоря, мне на это глубоко наплевать, вмешиваться я не стану, если, конечно, у тебя в планах не стоит разрушение мира...

Не стоит.

Этот мир слишком долго был его частью, чтобы желать ему смерти.

– Хорошо, – я облизала губы. – Тогда мы договоримся... я молчу, а ты... ты помогаешь Малкольму... ты знаешь, что сделать, чтобы он поправился... это ведь ты мне силу подарил. А потом забрал... еще там, верно? Самому нужна стала?

Я облизала губы.

От тела пахло плесенью. Такой вот... мерзостный запах нормального болота, тины... И почему никто не слышит? Или слышат, но... ребенок важнее?

Ему позволят родиться.

Изучат со всех сторон, прежде чем вынести решение. Но тварь не найдут. Она пусть несколько неуклюжа – в чужом теле не развернуться, – но не глупа...

– Слышишь?

Молчание.

Слышит, но...

– Можешь представить так, будто это я... я ведь чудодейка... была... а вот ты слишком много сил пытаешься сохранить... если будешь и дальше жадничать, тело это просто-напросто сгорит.

Что ей мешает меня убить?

Сердце вот кольнуло. Да и похолодало вдруг... и по ногам поземка, а голова кружится, кружится... перевести дыхание. Успокоиться.

И собрать остатки силенок.

– Ты поможешь мне, а я – тебе... я скажу, в чем дело... – я ткнула в Мелиссу пальцем. – Вот здесь, к примеру, слишком много энергии... и вот

тут... ты боишься остаться без сил, но взял слишком много... тело и без того повреждено...

Роскошные волосы сбрили, а место удара – Малкольм постарался – закрыли пластиной. Я это чувствую, как и тягучую боль внутри существа. Оно терпит, хотя и злится. Его прошлое вместилище было куда более крепким.

И не испытывало боли.

Не знало, что такое вкус. И запах. И свет сквозь закрытые веки... и еще осязание. Простыни жесткие, а кожа раскалена... подали слишком много электричества.

И если я возьму излишки...

Нет, мне не верят.

Сделка.

Я согласна.

Нет, я знаю, что это не лучшая идея – заключать сделки с существами неведомыми, но лучше так, нежели скоропостижная кончина. Что она нам даст? Ничего...

Я положила руки на грудь, которая мерно вздымалась, прикрученная к гибким лентам дыхательного аппарата, закрыла глаза и позвала силу.

Цыпа, цыпа...

И не надо смеяться... вообще со смехом тебе поработать бы, поскольку очень уж приметный... бери пример с Мелиссы... от нее осталось хоть что-то? Памяти толика... если очнешься, говори, что не помнишь вообще ничего... смутные образы и все такое... удар по голове – это не шутки.

Сила тянулась, вязкая, что застывающая карамель, и такая же приторно-сладкая. Мое тело не готово было принять ее. Сразу замутило... и сердце заколотилось быстрым ритмом... и вообще...

Ничего.

Надо потерпеть.

Сделка ведь... Смотри, человек изнутри устроен не сказать чтобы сложно... Вот сердце... не гоняй его, если не хочешь, чтобы оно остановилось. Легкие... следи... а лучше дай телу самому работать, оно сумеет, вот увидишь... Кровь... про кровь ты и сам... само? Главное, знаешь...

Ноги из ваты.

Кости плавятся. Дура, дура ты, Маргоша, кого обмануть захотела? Это не обман. Сделка... сделка ведь? И я проходила такое... каналы не восстановились? Велика вероятность, что эта сырая сила просто-напросто

пробьет их наново. Зачем прокладывать новое русло, когда старое имеется.

Надо потерпеть.

Рассказать...

Вот желудок... тебе придется есть, потому как зонд – это хорошо, но нормальные люди едят еду. Зубами пережевывают и глотают. И удивление не понятно... ладно, представлю, что ты совсем младенец... кстати, идеальный вариант, скроет все странности... гортань? Люди разговаривают, ты же знаешь.

Знает.

Не умеет.

Научится. Не все сразу... долго еще? Мое тело раскалялось изнутри. Еще немного, и я вспыхну... уже горю... и...

И в себя я пришла на полу.

– Что ты творишь? – Малкольм не пытался поднять меня, и значит, все поганей, чем мне представлялось. Хорошо, сообразил охрану не звать.

– Все... нормально.

– Я вижу.

– Не видишь, – я сжала его руку. – И не увидишь, ясно?

Он нахмурился. И все-таки встал, потянув меня за собой.

– погоди... – я перехватила ладонь Малкольма и положила ее на живот Мелиссы. – Сделка.

Зря меня, что ли, мутит от избытка чужой силы.

– Что?..

– Будет больно, – предупредила я, и было действительно больно, причем обоим... или троим? Но тварь, похоже, от боли получала своеобразное удовольствие, если я правильно поняла.

Если я вообще поняла.

Нас выкручивало... Меня как посредника и источник силы – на сей раз тварь избавилась почти ото всей, ей не хотелось возвращаться в подвалы. Малкольма – тело его разбирали и собирали, и опять разбирали, даже не на клетки, на молекулы, складывая безумной мозаикой.

Сделка.

Никогда не заключайте сделок с демонами.

И кровь носом пошла.

И кажется, сработала тревога.

И не только она... Дверь распахнулась, кто-то что-то кричал, а меня окутывало престраннейшее чувство сродни умиротворению. А потом я и вовсе провалилась в никуда.

Хорошее место.

Туманчик разноцветный, пустота и тварь, что разглядывала меня круглыми желтыми глазами. Фасеточные, судя по отсутствию зрачков.

Клыки.

Крылья примятые... больно, наверное, когда их вот так уродуют.

Больно.

Мне жаль.

Люди такие. Не понимают. Пугаются. Прячут. Стерегут.

Наверное, были причины.

Были.

Диалог то ли с ней, то ли с собою, но... пускай. В пустоте можно поиграть. Это она меня магом сделала? Она. Но зачем?

Потому что иначе все сложилось бы по-другому. Мелисса стала бы королевой, правда, вряд ли такой всевластной, как ей представлялось. Не то чтобы существу было дело до людей, но... какая разница, кто сидит на троне? Для подземелий ничего не изменилось бы, а вот теперь...

Малкольм поправился?

Я не привязалась, но... я ведь не зря здесь?

Конечно.

В желтых глазах я не отражалась, и, наверное, это тоже что-то значило, помимо черепно-мозговой травмы, при которой галлюцинации – дело обычное.

Я умерла?

Возможно. И да. И нет. И в разном времени все происходит по-разному. Он бы мне показал, но люди слепы...

Ничего, переживу как-нибудь.

Вздых.

И существо тянется ко мне, расправляя искореженные крылья, а я, коснувшись жесткой чешуи, шепчу:

– У тебя тоже все получится.

Странно, но здесь я не чувствую ни страха, ни отвращения. Я знаю, что оно иной, нежели я, природы и в принципе стоит за пределами добра и зла. Оно убивало.

Раньше.

И позже.

Но... это имело значение там, вовне...

Вздых. И горячее дыхание оседает на моей руке серебристыми искрами. Они облепляют кожу и причиняют боль, но здесь она существует отдельно от моего сознания. Говорю же, замечательное место эта пустота...

– Быть человеком не так уж и хорошо, – я присаживаюсь, и существо

ложится рядом. Скорпионий хвост его обвивает мои плечи, а когтистые лапы ложатся на колени. Я же трогаю жесткую чешую, сквозь которую пробивается рыжеватый пух.

И существо мурчит.

Оно знает.

Догадывается. Оно уже поняло, что человеческое тело очень хрупко, но... здесь все равно интересней, чем под землей.

– А они не поймут, что ты сбежал?

Оно оскалилось... а зубы-то длинные и острые, в самый раз кого-нибудь жевать.

Не поймут.

Оно долго было там, внизу. Оно росло, росло и выросло достаточно, чтобы отделить часть себя от основной массы, так что... там тоже кое-что осталось. Другое дело, что та часть не слишком разумна...

Но кого это волнует?

Она будет существовать... Долго? Сто лет. Двести. Тысячу... Восстанавливаться уже не сможет, как и расти, но... это тоже не имеет значения.

– Понятно?..

Нет.

Но и это не важно.

Искры заползали под кожу, превращаясь в серебристых червей. Наверное, это было отвратительно, но... я просто разглядывала их, тонкие, гибкие... злые.

И кажется, уснула.

Разве в пустоте возможен сон?

Глава 56

Мастер Варнелия, оглянувшись – следовало убедиться, что никто не видит, – поскребла орден ногтем. Орден был огромным, с тарелку, блестящим и подозрительно легким, наверняка полым внутри. А камни? Настоящие или тоже искусственные рубины?

Ювелиру не покажешь...

И нехорошо сомневаться в королевской милости.

– Дорогая, постарайся выглядеть немножечко счастливой. Твоя мама смотрит, – Витгольц еще подволакивал левую ногу, что заставляло Варнелию нервничать, а заодно пробуждало в душе нехорошее желание согреть супруга чем-нибудь тяжелым. Для вразумления. Это ведь не шутки... когда его нашли в том шкафу, никто вообще не рисковал прогноз делать.

Какие прогнозы...

Дыхание отказало на вторые сутки.

Сердце останавливалось трижды... измененная сеть и яд, который сожрал и без того не слишком-то здоровую печень.

– Я счастлива, – она подхватила его под руку.

Стоило сюда тянуться?

Награждение... не могли отложить на недельку-другую... вон, бледненький какой, и улыбается кривовато, значит, что-то болит... или если не болит, то ноет...

Сам виноват.

Мог бы и предупредить...

Орден на груди супруга тоже был крупным и густо усыпан синими камнями. Топазы? Или что-то попроще? С одной стороны, невместно королю фиониты вешать, а с другой – где столько топазов взять?

Этак и разориться недолго.

Вон, на груди ректора сияет золотое солнце, щедро усыпанное изумрудами...

У кого-то ордена поменьше...

У кого-то вовсе медали...

Награждение идет своим чередом... щелкают камеры, и в завтрашнем выпуске «Столичного вестника» появится подробная и восторженная статья.

Витгольц наклонился и потерял ногу.

– Болит?

– Немеет, – пожаловался он. И добавил: – Я прошение подал. В отставку... в университете останусь, Фред не против... со следующего года. А так... по состоянию здоровья...

Она знала.

Она не хотела заглядывать в те бумаги, неосмотрительно брошенные им на столе, но... сквозняк, и бумаги соскользнули на пол, а она подняла.

Просто подняла.

И заглянула.

Мельком.

Обрадовалась, потому что...

– Хорошо, – держать мужа под руку не то чтобы моветон, скорее уж не принято. И матушка, к счастью, отделенная от награждаемых узорчатой лентой и двойным кольцом стражи – недавний заговор давал о себе знать, – одарила дочь укоризненным взглядом.

Могла бы и кого получше найти.

И пусть теперь Витгольц не просто так, а санор королевской милостью и кавалер ордена Дальней звезды, но это еще не значит, что он достоин руки первого целителя...

Кто бы мог подумать...

Никто.

– Как ты думаешь, – уголок губы Витгольца дернулся. – Если мы тихонько сбежим?..

– Еще немного...

Благодарности.

Именные часы... браслеты с гравировкой и крохотной короной... признательность их величеств за верную службу... заключительная речь.

Фанфары.

А королева больше не выглядит такой уж бледной. Яд, стало быть, удалось вывести... хорошо...

Наверное.

Варнелия осознала, что она больше не хочет беспокоиться о пациентах... о других пациентах, пусть бы и коронованных... ей предлагали место, настойчиво даже предлагали, но она, глупая, отказалась.

По состоянию здоровья мужа.

И собственного.

Пусть подчинение удалось снять, но кто знает... а потому, прошу простить нижайше, но новый глава Конторы прав, и следует проявить осторожность...

Она будет навещать ее величество... если позволят.

И быть может, однажды выскажет неодобрение... когда-нибудь всенепременно выскажет, поскольку не привыкла молчать... и будет отлучена от дворца.

Так стоит ли...

– Теперь можно, – она потянула Витгольца за собой, спеша скрыться в сияющей толпе, прежде чем матушка пересечет алую дорожку, благо та слишком блюла приличия, чтобы позволить себе спешить.

А Витголец поддался.

Боковой ход.

Портьера.

И ниша за ней, в которой матово поблескивает дверь.

В зимнем саду пока еще тихо и безлюдно. Влажно. Прохладно. И пахнет травами. Диковинными плодами висят толстобокие фонари, которые загораются один за другим.

Лавки, к счастью, здесь тоже имелись.

И Витголец опустился на ближайшую со стоном.

– А я тебе говорила, что надо дома остаться...

– И оскорбить его величество? – он потянулся к ноге и поморщился, когда в спине что-то отчетливо хрустнуло. – Я все еще надеюсь сделать карьеру... хотя бы преподавательскую...

– Карьерист, – она положила ладонь на шею мужа, прислушиваясь.

Ничего страшного.

Кровообращение в ноге почти восстановилось. Очаги некроза погашены, а что регенерация замедлилась до неприличия, так... у всего своя цена имеется. Выжил? Уже хорошо...

– А то... – он потерся колючей щекой о ее руку. – Так поедem в отпуск? Ты и я... и...

И клинику на кого оставить? Ее вовсе собирались закрыть, будто бы клиника и прочие виноваты, что у одной девочки не хватило сил противостоять искушению...

Говорят, что менталистов сводит с ума собственный дар. И чем ярче выражен, тем ближе безумие...

– Поедем...

Не закроют.

Варнелия не позволит... и пара недель неожиданных каникул на восстановление порядка, а потом все вернется на круги своя. Всегда возвращается.

И быть может, вторая девочка все-таки придет в себя и вернется к

учебе.

Варнелия надеялась и даже немного верила в чудо.

У целителей они иногда случаются.

Мальчишка был именно таков, как нужно: молод, горделив и полон уверенности, что поймал чудо-птицу за хвост. В выпуклых глазах его читалось желание немедленно выдрать из этого хвоста пару-тройку перьев поярче и украсить собственную шляпу.

Чтобы видели.

Конечно, как же... стать королевским магом... не самому знатному, не самому богатому и, положа руку на сердце, не самому талантливому. Впрочем, он-то полагал иначе.

Пускай.

– Это твои покои, – королевский маг ступал медленно, подволакивая ноги. И тяжелая резная трость, на которую приходилось опираться, не спасала. – Менять что-либо не советую...

Не слушает.

Он уже просчитал, что на содержание, которое полагается королевскому магу, можно обставить эти треклятые покои иначе... так стоит ли говорить, что, сколько бы денег и сил он ни потратил, все останется именно таким, как сейчас.

Оно, пусть и неуловимо переменившееся – впрочем, королевский маг, сколь ни пытался, не способен был внятно объяснить суть этой перемены, – имело собственные привычки.

– Посетителей принимаешь здесь. Да и вообще не стоит уходить без острой на то необходимости... о прислуге договоришься с распорядителем...

– Я понял!

Мальчишка не скрывал своего раздражения.

Конечно, он молод и полон сил, а тут какая-то древняя развалина пристает со своими нотациями...

– Что ж, – королевский маг не без труда открыл массивный талмуд. Страницы его кожаные – ходили слухи, будто кожа была человеческой, что явно было неправдой, – пестрели древними символами.

Иногда они менялись.

Иногда даже складывались во что-то, отдаленно напоминающее текст. Порой появлялись и картинки, всякий раз странные, вызывающие внутренний протест, пусть даже в изображенных существах не было ничего действительно уродливого. Было время, когда Скотт старательно перерисовывал все, надеясь разгадать язык, на котором был написан

манускрипт. Виделось, что именно в нем ключ к пониманию существа.

Виделось...

Книга кольнула пальцы, напоминая, что пришло время расставаться.

А записи он заберет.

И те немногие вещи, к которым успел привыкнуть за годы добровольного заточения.

– Положи свою ладонь, – велел он мальчишке, и тот вдавил руку в мягкие кожаные страницы. И тоненько взвизгнул, когда шипы пробили кожу.

А чего он ждал?

Кровь и только кровь...

– Прими его заменой... и стражем, – слова, странное дело, дались нелегко. – И да будет его служба долгой...

Будет.

Существо ныне настроено весьма благодушно. Что ж... может, мальчишке и повезет дожить до осознания, насколько серьезно он вляпался.

Или нет.

Впрочем, у бывшего королевского мага имелись собственные планы на остаток жизни. И забота о тех, кто в ней не слишком нуждался, в эти планы не входила.

Первым, кого я увидела, открыв глаза, был Айзек.

Он наклонился надо мной, то ли разглядывая, то ли...

– Целоваться полезешь, укушу... – предупредила я осипшим голосом. И поняла, что жива.

Вот просто жива, и все.

Лежу.

Дышу.

Нюхаю. От Айзека пахло мятными карамельками и еще туалетной водой, несколько резковатой и весьма брутальной.

– А я тебе говорил, оживет, – сказал он и щелкнул меня по носу.

Вот же...

Я закрыла глаза.

И открыла.

Айзек не убрался, правда, более поганных намерений не выказывал, но подвинул стул, как и положено приличному посетителю, в стороночку. Ноженьку на ноженьку закинул, рученьки на колене сцепил. Цветет, зараза этакая...

– Что ты сделал?

И рыжий был тут.

Мра-а-ачный, как ноябрьский вечер. Такой физией только детей пугать.

– Да ничего я не сделал... не целовал я ее, если ты об этом...

– Не хватало.

Странно, но ощущала я себя не сказать чтобы великолепно, но куда лучше прежнего.

– Я ж не псих...

Это опять Айзек. Обидеться бы на него, да... на душевнобольных обиду держать Боженька не велит. Об этом я и сообщила, Айзек же вновь расхохотался. Что это за день веселья в палате для особых пациентов... особой пациентки?

Кровать с Мелиссой исчезла.

Да и... палата была другая. Определенно. Например, вот ни решеток за окном, ни силового полога. Зато появился стол.

И пузатая ваза.

Орхидеи в вазе.

Плюшевый мишка на кровати... особенно почему-то умилила голубая ленточка на лапке.

– Что за... хрень? – не слишком вежливо осведомилась я. И пальцами пошевелила. Пальцы шевелились, ноги и руки тоже, что было весьма неплохо.

Я поерзала.

И села.

Поморщилась – все-таки не мое это призвание, в постели валяться. Голова сразу закружилась, но хотя бы ненадолго... да уж... цветы стояли не только на столе. Пара ваз на подоконнике и одна, огромная, у двери. В такую зонтики хорошо помещаются, а они туда розы.

– Как долго я...

– Две недели, – Айзек посерьезнел и руки на груди сцепил. – Две треклятые недели... и первую целители твердили, что ты находишься на пороге в мир иной. Я даже гроб присмотрел.

– Не в ромашках хоть?

– В бабочках.

– Уж лучше в ромашках.

– Марго! – надо же, а рыжий и кричать умеет, ишь, над розами рой мошкары поднялся. – Я за тебя испугался, и вообще...

Рученькой махнул.

А рученька-то в костюме... черном. Рубашка белая. Галстук опять

же... с булавкой. Запонки поблескивают.

– И откуда ты такой красивый?

– У отца свадьба... скоро... я решил, что, возможно, мне стоит присутствовать...

Ага, с мачехой познакомиться, а то мало ли...

Но выглядел Малкольм...

Да вполне прилично выглядел, не сказать, чтобы здоровьем прямо лучился, но, главное, на умирающего походить перестал. Стоит вот, нависает надо мной... укоризненно так.

– Ты как? – тихо спросила я, благо Айзек в беседу явно вмешиваться не собирался.

– Жив и... говорят, что здоров... что... ты совершила чудо, и все такое... – он дернул плечом и мрачно заявил: – Я тебя придушить хотел, когда очнулся... это ж надо было додуматься... ты не понимаешь, что сама только-только поправляться начала, а туда же... лечить... и одновременно двоих...

Малкольм выразительно посмотрел на стену.

Поняла, не дура.

Значит, будем держаться официальной версии и вообще делать вид, будто я тут ни при чем. Если что, мастера подтвердят: я с даром не слишком хорошо ладила, вот и...

– Я... не нарочно, – будем играть в бедную сиротку. – Меня просто потянуло, и вот...

– И вот... – Айзек развел руками. – Имеем счастливый финал. А вообще я здесь не просто так. Я тут с официальным визитом, так сказать... корона благодарна тебе за службу, бдительность и вообще...

– Да на здоровье, – у меня зачесалась попа.

Вот... крепко так зачесалась. И я поерзала на кровати, а заодно отметила, что ночнушечка на мне явно не из больничного арсенала, тоненькая и с кружавчиками.

Кто ж это у нас такой фантазер?

Малкольм покраснел и отвернулся, уставившись на стену. Айзек жестом фокусника извлек из внутреннего кармана шелковую ленту шириной в две мои ладони.

– А потому несказанно рад, что именно я был удостоен высочайшей чести... – ленту он накинул мне на шею такой атласной петлей повышенной прочности, и оказалось, что к этой петле полагается золотая звезда, усыпанная камешками, что еж иглами.

Офигеть.

– ...вручить тебе орден Вечерней зари и с ним звание...

Это ж насколько он потянет?

Или... королевские награды, подозреваю, продавать не принято, и вообще...

– ...почетного гражданина...

Последние слова Айзек произнес очень уж громко, подозреваю, не для меня, а для господ, весьма жаждущих выяснить, что же произошло.

А я что?

Я теперь орденоносица и почетная гражданка, и вообще, если что, сыграю в умирающую.

– Ты, главное, поправляйся, – Айзек не удержался и щелкнул меня по носу. – Увидимся еще... переводиться я отказался. В конце концов, что я в том Ирхате забыл? Здесь гораздо веселее...

Глава 57

А то, веселье прям бурлило.

Стоило этим двоим убраться, и ко мне с визитом пожаловал уже знакомый господин, правда, на сей раз без халата, а потому я имела прекрасную возможность полюбоваться мышастеньким костюмом, который удивительнейшим образом придавал облику господина должную невзрачность.

Узкое лицо.

Волосы на пробор.

Короткая щетка усиков.

Очки. Смешно, в мире, где любой мало-мальски годный целитель способен исправить, что дефекты роговицы, что проблемы с хрусталиком... зуб даю, зрение у него отменное, а очки... мало ли какую магию можно засунуть в дужки и стеклышки.

Разговор наш...

Да, пожалуй, разговор, хотя всем видом этот мышасто-очкастый показывал, что с куда большим удовольствием побеседовал бы со мною в обстановке, так сказать, более приватной.

Уединенной.

И что уединение мое после оной беседы продлилось бы... от пятнадцати до двадцати пяти, согласно местному уголовному кодексу.

Он вздыхал.

И задавал вопросы.

Я отвечала, стараясь не отступать от легенды... да, очнулась... да, потянуло... тянуло, тянуло и вытянуло. Я вообще за себя не отвечаю, можете у мастера спросить. А что вы хотите от бедной сиротки, которая при живых родителях росла трын-травой? В мире, магии лишенном... где уж мне, несчастной, с даром совладать, тем более таким...

Он кивал.

Вздыхал горше прежнего... и задавал очередной вопрос, да все с подковырочкой... мол, а вдруг я в бессознательном состоянии чего-то увидела, услышала... запомнила...

Заметила необычное?

Оно, конечно, понятно...

Ничего не понятно.

И вообще...

У меня голова кружится, того и гляди совсем откружится и вернусь я в коматозообразный сон свой Конторе на радость...

Господин тер лоб платочком...

И настаивал.

Я подчинялась.

Нет, право слово, если б на языке можно было мозоли намозолить, без них не обошлось бы. И когда господин, издав очередной тяжкий вздох, поднялся, я откинулась на подушки и закрыла глаза.

В туалет бы.

И зубы почистить, и поесть бы чего, а потом поспать, просто поспать, чтоб без снов и разговоров во сне, и, проснувшись, вернуться... куда?

Куда-нибудь.

– Знаете, – гость не спешил уходить. Он снял очки. Потер переносицу. Поморщился. – Я вам не верю... не знаю, что именно вы скрываете, но... теперь это исключительно ваша забота.

Вот уж спасибо.

А голова у него болит прилично.

Нет, я не собираюсь никого лечить. Я сама пациентка.

– Если корона полагает, будто вам можно доверять...

Головная боль алым облаком окутывает череп. В затылочной части облако плотное, с пурпурным отливом...

– Подойдите, – я со вздохом села. А вот дар этот тварь могла бы и забрать, но нет же... оставила... – Пожалуйста. Если не боитесь... обещаю, постараюсь не убить.

Пахло от него архивом. Такая вот характерная смесь – старые бумаги, чернила и пыль.

От прикосновения моего он вздрогнул.

– Вы ведь менталист? – я потянула алую ниточку к себе. – И как оно?

– Вас сложно прочесть.

Это было сродни жалобе.

– Ну извините...

Боль тянулась и тянулась, я заставила ее вспыхнуть, представив синее пламя. И нити сгорали.

– Как вы поняли?

– Что?

– Санор Альгер не один десяток лет служил короне. И признаюсь, многие до сих пор сомневаются, что он действительно... принял участие в заговоре.

Принял участие? Как мило... он заговор и создал... Полог слабел, а

мой несчастный пациент – теперь я видела, что он вовсе не рад оказаться вдруг во главе останков Конторы, – дышал спокойней.

– Да не то чтобы поняла... просто все это было странно, – изъязв последнюю нить, я вытерла руки о простыню. С виду они были довольно чистыми, но, по ощущениям, грязи из гостя я вытянула прилично. – Вы привыкли верить... думать, что если двадцать лет служил верой и правдой...

– Восемьдесят. Маги живут куда дольше обычных людей...

Охренеть... а выглядел дедушка молодым и бодрым... и получается...

– Скажите, а он при дворе, когда случилось прежнее несчастье... когда король утонул, он ведь уже служил?

– Служил. Только-только возглавил Контору...

Дважды охренеть... нет, теперь уже не спросишь, но, сдается, дяденька уже тогда раскинул партию. Единственно, непонятно, почему он ждал так долго...

– А еще он познакомил его величество с будущей королевой, а его высочество, второго принца, – с будущей супругой...

Вот это, я понимаю, терпение.

И целеустремленность.

– Сейчас очень многое выглядит... иначе... мне пришлось поднять архивы. К примеру, дело о расследовании того... инцидента, – он потянулся к очкам, но, повертев их в руках, вернул на место. – Усилитель. Хорошая вещь, но не без последствий...

– Вот спекутся мозги как-нибудь, и тогда...

Значит, дядечка не просто ждал.

Готовился.

Собирал соратников...

– Почему-то некоторые моменты выглядят на редкость недостоверно. А некоторые агенты, занимавшиеся расследованием, исчезли... еще тогда. Очень неприятно.

Мягко говоря.

– Его величество очень зол... возможно, Контору упразднят...

Сомневаюсь. Скорее, создадут вторую, альтернативную, заставив приглядывать друг за другом. Но мысли эти я оставила при себе.

– И благодарю вас, – он тронул виски. – А то лекарства, знаете ли, давно перестали действовать...

– Приходите, если что...

– Обязательно... вы извините, но нам придется присматривать за вами... обстоятельства...

– Да что вы, я прекрасно понимаю, – надеюсь, сарказм его не обидит. Впрочем, вряд ли в Конторе уживались сильно обидчивые. – А что до вашего... санора... он вел себя неправильно. Нелогично... понимаете, если бы у меня дома появился кто-то, способный, скажем, излечить родственника короля и не только его, то этого человека взяли бы в оборот незамедлительно.

И нашли бы способ воздействовать.

Не обязательно силой. Есть ведь множество вариантов... и я живая, а значит, слабые точки имею... я и боли боюсь, и смерти, и нищеты...

И не чужда амбиций.

– А мне скармливают какую-то байку... мол, дар надо развивать... куда его развивать, когда он сам знает, что ему делать, просто под контролем не держится? Потом эта история с якобы бракованным амулетиком... и нападение в парке...

Малкольм ведь кому-то доложил, куда мы отправляемся.

– Расследование, которое ничего не дало... меня и не допросили-то толком, будто показания мои вообще не представляют интереса...

– А в деле значит, что вы пребывали в состоянии шока, потому ничего не помните...

– Девочка на крыше... столкновение с Мареком... зелья... проверка, которая опять же ничего не дала... нормальная проверка хоть что-то да выявила бы, а тут... Айзека не убирают, хотя логично было бы нестабильного мага изолировать, пока он никого не покалечил. А его, словно нарочно, оставляют среди людей под пустым предлогом.

Серый слушал внимательно, и, пожалуй, он был по-своему симпатичен. От усиков бы избавиться, реденькие и рыжеватенькие, они придавали ему совершенно дурацкий вид.

И костюмчик этот, явно тесноватенький, подчеркивал нелепость...

– Таких, как я, не опасаются...

– Все-таки мысли читаете?

– Только поверхностные, – он вскинул руки. – Знаете, то, что вы говорите, сейчас очевидно... и даже странно, что никто ничего не замечал...

А кто должен был?

Король? У него своих забот хватает. Да и подозреваю, доклады он получал правильные. Мол, в Багдаде все спокойно, враг не спит, но и Контора не дремлет, а потому страна растет и процветает. Или подчиненные? Действия начальства, даже если кажутся безумными, обсуждению не подлежат. Вот ректор, он человек посторонний, а потому

сам додумался... и не он один, если мы тут вообще можем беседы беседовать на отвлеченные темы.

– Просто я понять не могла, зачем ему вообще... особенно когда Айзек рассказал про то... ту... ну, про демона... какая нормальному человеку выгода в том, чтобы мир уничтожить? А вот когда бабушка написала про свою подругу, многое понятно стало. Сложилось все. И потом Рай еще... я знала, что кто-то из двоих будет завязан с вашей Конторой... Малкольм... он простой... прямой... А вот брюнетик – дело другое. И меня невзлюбил сразу. Это вообще было странно. Я с ним незнакома была, а он с первого взгляда... – прозвучало жалобой, хотя... я тоже живая и имею право понять, особенно если собеседник расположен нытье выслушивать.

Мне воды налили.

И даже представиться соизволили.

– Урхард...

– Спасибо, – воду я взяла, ибо пить хотелось дико, да и головокружение вернулось, намекая, что с целительскими подвигами погодить бы стоило. – В моем мире не оставили бы особу подобного положения без присмотра. И проще было бы следить через окружение, вот и... но даже с поправкой на Контору некромантик вел себя...

Я попыталась подобрать правильное слово.

– ...Странно? Пожалуй... взять вот нашу клинику... кто будет пробовать на вкус подозрительное зелье? Ладно если первый курс, там мозгов немного и техника безопасности в одно ухо влетает, а в другое вылетает... А он же почти выпускник. Отличник... и все такое... и тут лижет какую-то пакость... как он вообще?

– Не слишком хорошо, – признался Урхард. – Физически он восстановился, но... недели, если не месяцы под влиянием мирршаха не могут пройти без последствий. Он подал прошение на перевод в экспедиционный корпус, там нужны сильные маги, однако его величество не уверен, что...

Он задумался над своим.

А я...

Я бы помогла, честное слово... я даже подозреваю, что яду он хлебнул нарочно, пытаюсь выйти из-под ярма чужой воли. Подчиненное сознание не всегда может противостоять независимому подсознанию... увы, излечили его слишком быстро.

– Мне жаль.

А что я еще могла сказать?

И Урхард ответил:

– Мне тоже... к слову, вы будете подавать заявление против саноры Темаро?

– А это вообще кто?

Имя знакомое, но где я его слышала, ума не приложу.

– Бывшая невеста санора Игхарта. Он, к слову, сказал, что именно вы предположили ее виновность...

Вот люблю канцелярщину.

– Значит, была права?

Урхард развел руками.

– Ревность... несколько усиленная, правда... нельзя сказать, чтобы санора Темаро всецело действовала под принуждением, скорее уж ваша сестра... помогла решиться...

Ага, а змею красавица сама достала...

– И что будет?

– Если вы выдвинете обвинение, то суд, заключение с блокировкой сил... – как-то он это безрадостно произнес.

– А если нет?

– Род предложит компенсацию и готов выслушать ваши условия... пока санора Темаро находится в родовом поместье без права покидать оное...

Суд.

И тюрьма... и блокировка сил... и, конечно, оно справедливо, но почему-то на душе пустота, да и... какая в этом польза?

– Обвинение я выдвигать не буду, – я откинулась на подушки, осознавая, что вот-вот отключусь. – А что до условий, то... пусть доучится и отработает пяток лет в госпитале для бедных... у вас ведь есть такие?

– Есть. – Урхард усмехнулся. – Что ж... пожалуй, это не лишено смысла. Если позволите, я передам ваши пожелания, чтобы их оформили надлежащим образом. Договор будет заверен короной.

Отлично.

А я...

Я почти заснула, только...

– Что с моими сестрами?

– Простите, но... санора Мелисса скончалась.

Трындеж, но ладно, я поверю. Неразумно лезть в королевские тайны.

– Что же касается саноры Агнесс, то ее величество была так любезна, что согласилась позаботиться о девочке... они будут рады, если вы навестите их...

– Амелия?

– Ее здоровье не позволяет ей оставаться в этом мире. В Хазале отличный климат...

– Отец?

– Насколько я знаю, проходит лечение в Королевской клинике, в отделении душевных болезней... он изъявил желание вернуться на Землю, но сейчас решается вопрос, скажем так, со степенью его самостоятельности...

Чудесно.

Всем сестрам, как говорится. Надеюсь, меня не назначат опекуном несамостоятельного, но, подозреваю, весьма активного папеньки. Я к подобному морально не готова... я вздохнула и уточнила:

– А со мной что будет?

– Ничего, – Урхард все-таки поднялся. – Отдыхайте... выпишывайтесь... возвращайтесь к учебе... жизнь налаживайте... с наследством разбирайтесь, и все такое... думаю, найдете чем себя занять.

И пальцем погрозил.

– Только в заговоры больше не влезайте.

Не буду.

Честное слово.

Выписали меня спустя неделю. Не то чтобы состояние мое внушало опасения, но целители, осененные королевской милостью, желали творить добро, а заодно уж, как понимаю, изучить живую редкость со всех сторон.

Я не сопротивлялась.

Кровь? Пожалуйста... Волосы? Кожный эпителий? Просвечивание белыми лучами? И зелеными... Спелеодиагностика и даже десяток полудохлых пиявок, правда, не привычно черного, а нежно-лазоревого цвета. Пиявок прикрепляли тонкими крючками, вытаскивая из банки бережно...

Боли не ощущала.

Прилива сил, как обещали – слюна у несчастных оказалась весьма целительной, – тоже...

И клинику покидала охотно.

Зима.

Снег. И ветер ледяной, забравшись под капюшон, куснул за ухо. Разжиженный свет фонарей. И тени сине-лиловые. Малкольм ждет, опершись на капот машины, которая слишком тяжела и солидна, чтобы быть его. И да, шофера я тоже вижу.

– Привет, – он подал мне руку. – Подвезти?

– Подвези.

А что, одежда у меня не та, чтобы гулять по снегу... надо будет озаботиться гардеробом, наконец.

– Прошу, – он открыл дверь. – И куда?

Куда-куда... чтоб я знала.

– В банк давай...

Сколько дела ни откладывай, а избавиться не выйдет.

В банке я потеряла остаток дня. Почему-то запомнилось ощущение пустоты и камня, которого вокруг было так много, что складывалось впечатление, что нахожусь я где-то в утробе горы.

Бумаги.

Управляющий.

И управляющие, которые готовы были дать мне консультацию и даже принять на себя тяжкое бремя управления моим состоянием, как оказалось, весьма солидным. Даром что бабуля нищей притворялась, а патенты...

Она и вправду была талантливым алхимиком.

Вот чего, скажите, для счастья не хватало? Крови королевской, чтоб ее? Рода величия? Возвеличились, дальше некуда...

Управляющего я оставила старого, оно, конечно, может, и не слишком надежно, но замены у меня нет, а я в этих экономических делах ничего не понимаю. Пускай же...

– Потом разберешься, – Малкольм подал перчатки. – Я отпустил шофера. Решил, что стоит прогуляться... или такси вызвать?

Прогуляться?

Это хорошо.

Снегопад. Ночь. Фонари и витрины. Здание банка подсвечивается кристаллами и выглядит чересчур помпезно, чтобы воспринимать его всерьез.

Надо же... а я – миллионерша... и маг редкой породы... и вообще...

– Я домой попасть хочу, – я приняла перчатки, которые были несколько велики, но зато теплые. – На Землю в смысле... маму забрать... пролечить ее надо бы... посоветуешь толковое заведение? Можно и то, в котором отец...

Глядишь, встретятся, вместе в разум вернутся, а там уж пусть решают, где и как им жить. На домик в деревне у меня хватит, где бы эта деревня ни находилась.

– Все будет хорошо, – Малкольм взял меня за руку. – Ты не одна, помнишь?

Не знаю.

Я... не привыкла быть не одна.

– Отвези меня, пожалуйста... в универ... или в гостиницу. Я устала.

Ложь.

Маленькая такая ложь, чтобы спастись от неудобного вопроса, и вообще... мне надо побыть одной. Я уже была, в клинике, но там одиночество было наполнено ожиданием скорой выписки, будто после нее что-то возьмет да изменится кардинальным образом.

Не изменилось.

Город прежний.

И дома.

И Малкольм, который не спешит меня отпускать, а из головы не выходит вопрос: он здесь потому, что сам желает или отец велел? Маг жизни – полезное приобретение, пусть даже такой бестолковый, как я. И мысли эти противные, знаю, никуда не исчезнут.

– Плохо? – спросил рыжий.

– Не знаю...

– Хочешь, вместе к менталисту сходим? И зелья есть такие, которые не дают лгать... а еще в мире Иннар, я читал, есть храм, где находится след богини...

Он рассказывал про этот мир, созданный из розовой воды и белого песка, на котором возводят белые же громадины храмов. Про жителей, чья синеватая кровь ядовита для большинства живых существ, зато обладает удивительной емкостью. Одного глубокого вдоха достаточно, чтобы находиться под водой более получаса... Про живой жемчуг и кораллы...

Про странных морских созданий, чьи свойства лишь познаются...

Про...

Он говорил, а я смотрела и понимала, что не смогу взять и отпустить его. И да, быть может, мы отправимся к следу этой самой неизвестной богини. Или к менталисту. Или еще куда-нибудь, где, если повезет, я найду ответ и тогда, наверное, успокоюсь.

Иначе какой во всем этом смысл?

Эпилог

Пески здесь не были белыми, скорее уж имели оттенок слоновой кости, который при соприкосновении с водой менялся, насыщаясь всеми оттенками розового. И сама вода, какая-то очень уж плотная, слюдяная, казалась мне ненастоящей.

Весь этот мирок...

Черные черточки лодок. Черные тела ныряльщиков, которые уходили вниз без всплеска и так же беззвучно появлялись. Черные уродливые ветки кораллов или шары колючника, которые складывались в специальные корзины.

Запах корицы.

Тимьяна.

Ветер, летящий над водой, но не оставляющий на поверхности ее ни складки.

— Зачем мы здесь? — проворчала я, трогая странную воду пальцем. И пусть Малкольм утверждает, что она совершенно безопасна, я все равно не верю.

Не ему — воде.

Темной.

Тяжелой.

Она тянется за моими пальцами, провисает тончайшими нитями, будто не желая отпускать.

— Затем, что я тебе обещал...

— Так это когда было...

Пять лет.

Что такое пять лет? Пролетели и...

Дом.

Помню Землю. Душное лето. Пыль, асфальт и бензин. Софка на лавочке расселась, лавочку всю заняв... она дышала ртом и обмахивалась бумажным веером, а на соломенной белой шляпке трепетали бумажные цветы.

— Явилась, — сказала она мне, и все три подбородка мелко затряслись. — Ни стыда ни совести... хотя чего от тебя ждать...

Подъезд. Резкий запах краски и кошек. И еще, кажется, дыма. Малкольм изо всех сил старается не морщиться, но выходит не очень.

— Может, на улице подождешь?

Софка ему про меня все расскажет, начиная с лет молодых... заодно просветит, какая я стерва, тварь и потаскуха, а то ишь, вбил в голову, что жениться на мне должен...

Бестолочь рыжая.

Бестолочь качает головой.

А дверь в квартиру открыта. И стоит толкнуть, как в нос ударяет такая вонь, что и я отступаю.

– Может...

– Ты сходи. – Малкольм разворачивает меня к лестнице. – А я сейчас бригаду вызову... тебе что-то из дому взять надо?

Нет.

И главное, я подчиняюсь, хотя, видят боги, я в жизни никому не подчинялась. Но тут... колени дрожат, и руки тоже, и кажется, я сама развалюсь на части.

Я не помню, как спустилась.

И оказалась на лавочке рядом с Софкой.

– Квартирку бабкину она того... уж месяц как продала, – Софка заговорила первой. – Ты-то как пропала, так и понеслось... ходила, побиравалась... наши подкармливали... участковый в больничку определил, только кто ж ее там долго держать станет? Она-то на третий день и сорвалась...

Не хочу думать.

Я не виновата.

Или виновата?

Я держала ее... как умела, так и держала... ладно, толку-то думать о том, что было...

Белый фургон без опознавательных знаков припарковался у подъезда. Из фургона выбрались трое ребят в белых халатах, наброшенных поверх гражданской одежды.

– Забираешь, значит?

– Забираю.

– Думаешь, получится подлечить?

Я вздохнула.

Попробую. Здесь я вряд ли что-то смогу сделать, а вот там... там у них свои методы, и от зависимости избавляют... есть ведь не только чистка организма, но и ментальное, мать его, внушение. Только почему-то все равно было страшно.

Что внушишь человеку, от которого осталась лишь оболочка?

– Жених твой?

– Вроде того, – странно, но Софкино любопытство не внушало отвращения. Я поднялась. – Бывайте... не знаю, появлюсь ли я еще...

– Переезжаешь?

– Да.

– За границу?

– Вроде того...

– Ох и вредная ж ты, Маргарита, девка... никакого уважения к старшим, – укоризненно произнесла Софка и, взмахнув веером, велела: – Иди уж... и постарайся не просрать свою жизнь, как твоя бестолковая мамаша...

Постараюсь.

Что уж тут...

Год.

И тихое заведение, более похожее на санаторий. Любезные целители, курсы детоксикации, курсы восстановления, счета, которые, слава всем богам, я могла оплачивать.

Встречи.

Она молчит.

И я молчу. Мы пьем чай и глядим в окно, на треклятую зеленую лужайку, по которой бегают декоративные кролики... Кроликов много, и я считаю их, чтобы хоть как-то убить время.

Отец мрачен.

Он вообще отказывается встречаться со мной, чему я несказанно рада...

Дворец.

Сестрица, которая щебечет безумной пташкой. А я не ощущаю в себе и привязанности, не то что любви к этой девочке. Впрочем, ей неплохо.

У нее редкий дар предвидения.

И ценная кровь.

Ее судьба отчасти предопределена, но, кажется, понимая это, Агнесс не печалится.

– Вот увидишь, – она берет меня за руки и смотрит в душу черными глазами. – Все еще будет хорошо.

А я соглашаюсь.

С безумцами не спорят.

И год.

Выпускной Малкольма, на который мы идем вдвоем, хотя я все еще

отказываюсь принять обручальное кольцо. Это упрямство его раздражает, а я... я даже не могу толком его объяснить.

Просто...

Так надо, как сказала бы Агнесс. И я повторяю ее слова... мне нужно время.

А он уезжает на границу. Практика.

И да, так надо...

Письма.

Ожидание.

И острое желание кого-нибудь убить. Спасают клиника, и работа, и треклятый дар, все еще живущий собственной жизнью...

Свадьба Айзека. И он выглядит вполне счастливым, что уж говорить об Арине. Она не признается в своей любви: в высшем свете не принято любить мужа, но по ней и без слов заметно. Во всяком случае, мне...

Рай...

Он тоже женат, и я даже знаю на ком, но молчу. Мы обходим друг друга стороной, соблюдая странный ритуал. А в конце вечера он подходит ко мне и говорит:

– Спасибо.

– Пожалуйста, – отвечаю я, и на этом разговор завершается...

Год.

И я почти привыкаю обходиться без Малкольма, хотя он и приезжает при любой возможности.

Мама с отцом вновь сошлись. Не знаю, случайна ли была их встреча, или персонал постарался, но... там не сделают ничего, что повредило бы пациентам. Они изменились. И теперь мы разговариваем. Втроем.

На безопасные темы.

Погода вот.

Магия.

Мама в нее до сих пор не верит, а отец помогает, все-таки артефакторика мне дается туго, но я стараюсь, да...

И домик я присмотрела. На побережье. Тихий курортный городок – самое оно. А я буду в гости заезжать, хотя и не слишком часто: чувствую, эти встречи им так же неудобны, как и мне...

И еще год.

И мой выпускной, который должен был быть вчера... я даже к нему готовилась. Платье вот купила, да... только у рыжего свои планы имелись.

И теперь я стояла на берегу цвета слоновой кости, глядя на престранное строение, будто созданное из песка и ветра.

Оно было... полуматериально?

Многомерно?

Невозможно, исходя из моих знаний классической геометрии и стандартного опыта? Но оно существовало, одновременно здесь и где-то вовне.

– Идем, – Малкольм потянул меня за руку.

Он стал выше.

Шире в плечах. Строже, что ли... и я, если честно, до конца еще не привыкла к нему, новому...

– Зачем?

Шлейф моего платья тянулся по песку, впрочем, не потревожив ни песчинки...

– Надо, – как-то мне эта его отговорочка не слишком понравилась. Но... я пошла. По песку.

По полупрозрачным ступеням, которым бы давным-давно рассыпаться прахом... Изнутри храм походил на огромную раковину.

Перламутр всех оттенков и солнечный свет, проникающий сквозь полупрозрачные тени. Сияние и тишина... Музыка моря, что накатывало волна за волной, успокаивая и утешая.

Все хорошо.

Чудесно.

Оставь... забудь тревоги, ты в месте, где все так, как должно быть... И я сама не поняла, когда и как взяла Малкольма под руку. А потом мы оказались в круге света. И он, заглянув мне в глаза, протянул свое треклятое кольцо.

А я приняла.

Надела на палец... и поморщилась, когда руку обожгло болью. Впрочем, она отступила, оставив после себя... чувство покоя?

Пожалуй.

Уверенности, что теперь все на самом деле будет хорошо...

– Конечно, – Малкольм улыбнулся и тронул лиловый узор, который расползлся по моим ладоням. И не только моим. – Богиня сказала свое слово.

А мир услышал.

И при выходе из храма нас встретил дождь. Розовый, мать его, теплый дождь, под которым хотелось кружиться и смеяться, и вообще я, кажется, никогда не была настолько счастлива.

Все-таки общение с богами дурно сказывается на человеческой психике.

А домой мы вернулись только через две недели.
Почему бы и нет?